СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Приокские зори

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2

2024

К 225-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО РУССКОГО ПОЭТА
АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА ПУШКИНА
(1799 — 1837)

И. Е. Репин «А. С. Пушкин на акте в Лицее 8 января 1815 года»

Н. Н. Ге. «Пушкин и Пущин в Михайловском»

Тульские зори

ПЕЧАТНЫЙ ОРГАН ТУЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД
ИЗДАЕТСЯ В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЖУРНАЛ КЛАССИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
2024 — 2(73)

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ЛИТЕРАТУРНОГО ШЕФ-РЕДАКТОРА
От рассвета до заката... человека (Размышления литератора эпохи глобализации..... 3
КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ОЧЕРК, ПОВЕСТЬ
Олеся Янгол. Архитектура рая (главы из романа)..... 21
Александр Ралот. Бойтесь данайцев (главы из повести)..... 40
Игорь Карлов. Русский Стамбул. Столетие (очерк-реферат)..... 61
Яков Шафран. Страна сплетенных рук: Путь спасения России и мира (очерк)..... 87
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ
Виталий Ковалев. Люболь.....100
Геннадий Гусаченко. Горькая полынь..... 121
Валентина Еремеева. Август..... 130
Евгений Асташкин. Единственный зритель..... 133
Илья Чесноков. Непридуманная история..... 138
Михаил Смирнов. Духово болото..... 146
Анатолий Арестов. Володькины приключения..... 157
Петр Любестовский. Березовый сок..... 162
Сергей Калинин. Андрейкины были..... 170
Сергей Криворотов. Не то место..... 175
Сергей Литяжинский. Созвездие близнецов..... 181
Алексей Яшин. Новеллы из цикла «Жизнь как сон»..... 195
ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ
Шеуджен Инвер. Выйду в поле, время закатное... 220
Марина Бэйлс. Одиночество и суета..... 226
Владимир Шугля. Горит земная красота..... 228
Николай Еремин. На семи ветрах..... 232
Максим Торбин. Вижу образ вдалеке..... 235
Сергей Филиппов. Мы не впишемся в эти стандарты..... 237

Руслан Любарский..... 239
Николай Тимохин. Не стучи в мою дверь..... 243
Наталья Сидорова. В дороге..... 246
Леонид Щербина. Стало в доме к вечеру постыло... 250
Евгений Трещев. Северное сияние..... 255
Владимир Сапожников. Первая ночь..... 257
Анна Стоцкая. Как волшебство придет весна..... 260
ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА
Виктор Кустов. Среда обитания..... 262
Алексей Макаров. Любовь — это на всю жизнь..... 276
Александр Саликов. «Велик могучим русский языка» (памфлет)..... 281
Валерий Румянцев. Над пропастью постмодернизма..... 287
Алексей Третьяков. Полку энциклопедий прибыло..... 290
Олег Роменко. Гоу хоум, Илья!..... 295
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ.....299

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Ответственность за опубликованные материалы несут авторы. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы принимаются: проза — astashkin_55@mail.ru; поэзия — timohin63@yandex.kz; заказ журнала — elisafine@yandex.ru

Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 922; e-mail и телефон: priok.zori@mail.ru; (4872)25-47-42

Литературный шеф-редактор Алексей ЯШИН, член Правления АРЛ
Ответственный редактор-секретарь Яков ШАФРАН
Ответственный оргредактор Николай ЖУКОВ, председатель ТО СПР
Руководитель творческого совета журнала Геннадий МАРКИН

Редколлегия:
Анатолий АВРУТИН (Минск, Белоруссия)
Евгений АСТАШКИН (Омск) — зав. отделом прозы
Виктор БУЛАНИЧЕВ (Бийск, Алтай)
Людмила ВОРОБЬЕВА (Минск, Белоруссия)
Олег ЗАЙЦЕВ (Минск, Белоруссия) — зав. отделом Беллитсоюза «Полоцкая ветвь»
Игорь КАРЛОВ (Стамбул, Турция) — зав. отделом международных связей
Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
Вячеслав ЛЮТЫЙ (Воронеж)
Николай МАКАРОВ (Тула)
Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
Сергей ПРОХОРОВ (Красноярский край) — зав. отделом литературы Сибири
Валерий САВОСТЬЯНОВ (Тула)
Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
Сергей СЕНИН (Тула)
Евгений СКОБЛОВ (Москва) — председатель Правления АРЛ
Валентин СОРОКИН (Москва)
Николай ТИМОХИН (Семипалатинск, Казахстан) — зав. отделом поэзии
Вадимир ТРУСОВ (Санкт-Петербург) — зав. отделом критики и литературоведения
Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
Леонид ХАНБЕКОВ (Москва) — Почетный президент АРЛ

Зав. редакцией Марина БАЛАНЮК (Тула)
Художник Олеся ЯНГОЛ (Тула)
Редактор Валерий ДЕМИДОВ (Тула)
WEB-мастер Оксана Митюшкина (Тула)
Секретарь Елизавета БАРАНОВА (Тула)

Информационная поддержка:
— журнал «Северо-Муйские огни» (Бурятия)
— журнал «Истоки» (Красноярский край)
— журнал «Бийский вестник» (Бийск, Алтай)
— журнал «Новая Немига литературная» (Минск, Белоруссия)
— журнал «Западная Двина» (Минск, Белоруссия)
— альманах «Московский Парнас»
— газета «День литературы» (Москва)
— поэтическое издательство «Образ» (Москва)

Журнал издается Тульским отделением Союза писателей России при содействии Союза писателей России и при организационной поддержке Академии российской литературы (АРЛ) и Тульского госуниверситета.

Полные тексты журнала и его альманаха «Ковчег» публикуются на сайтах Интернета (в PDF-формате):
http://www.pz.tula.ru
http://www.tro-spr.ru
Портал «Журнальный зал»:
https://magazines.gorky.media/page/portal-zhz

Согласно постановлению Правления СПР, публикации в «Приокских зорях» засчитываются при приеме в СПР.

© «Приокские зори», 2024

КОЛОНКА ЛИТЕРАТУРНОГО ШЕФ-РЕДАКТОРА

ОТ РАССВЕТА ДО ЗАКАТА... ЧЕЛОВЕКА

Размышления литератора эпохи глобализации

Мало того: тотчас же обратится он из человека в органный штифтик или вроде того; потому, что же такое человек без желаний, без воли и без хотений, как не штифтик в органном вале? Как вы думаете? Сосчитали вероятность,— может это случиться или нет?

Ф. М. Достоевский «Записки из подполья»

Нет, кажется, и вправду уже грядет час, и ныне есть, когда здравый разум будет не в состоянии усматривать во всем совершающемся хотя малейшую странность.

Н. С. Лесков «Соборяне»

♦ ***Эпоха безвременья, когда звание человека уже не звучит гордо.*** Настоящий очерк, равно как и предыдущие, опубликованные в последние годы в «Приокских зорях» и в ряде других российских и белорусских литературных журналов, посвященные теме глобализации, по сути являются литературно-публицистической популяризацией нашей продолжающейся научной работы* системного характера. Понятно, что круг читателей, если таковые сейчас еще остались (это не горький юмор, но, увы, самая что ни на есть действительность...), совершенно различен в части научных трактатов и журнальной публицистики. Опять же автору самому небезынтересно представить свои доводы в столь различных по понятийности формах изложения. Но — это к слову. А тема расчеловечивания и обесчеловечивания, то есть сокращения численности земного населения, столь актуальна и злободневна (оглянитесь вокруг или, поморщившись, на полчасика включите телевизор!), что посвящаем ей уже второй очерк — первый был опубликован ранее. Нелишним будет заметить, что само слово «расчеловечивание» до недавнего времени не входило в словарь масс-медиа, использовалось исключительно в социологических и политологических публикациях. Но сейчас, в связи с обострением в противостоянии с Западом, дана «отмашка» на его использование в СМИ. Это весьма многозначительный факт — наряду с прекращением там же ранее случавшихся реплик: «И мы также являемся участниками процесса глобализации». То есть по такому факту признается, хотя бы и не декларативно, что в настоящее время наблюдается определенное вычленение России из процес-

* Многотомная монография (на сегодняшний день издано 20 томов) «Живая материя и феноменология ноосферы». Различные тома вышли в издательствах УРСС (Москва), «Московский Парнас», «Астерион» (СПб), «Триада» (Тверь), Изд-во Тульского госуниверситета в 2003—2023 гг. Все тома размещены на ведущих научных сайтах (см. по поисковикам).

са глобализации. Последняя же суть курс западного финансово-олигархического империализма на полное мировое господство; словом, их «последний и решительный бой». Тот же пятый (четвертый был троцкистский) интернационал капиталократии. Во всяком случае, теперь можно прямо черное называть черным, а белое белым, не прибегая к иносказаниям и полунамекам. Хотя, чего греха таить, в золотые (без всякого закавычивания!) советские 60—70-е годы искусство такого эфвемизма-иносказания в произведениях писателей-шестидесятников и «деревенщиков», а также мастеров течения «городской прозы», достигло такого совершенства, что во многом обогатило советскую художественную литературу. Нет худа без добра... Да и «худо»-то было почти символичным: не сомневаться (печатно) в верности курса партии, не «трогать за вымя» руководителей партии и правительства и лично дорогого Леонида Ильича.

По устоявшемуся уже определению — речь идет о времени последних двух лет — расчеловечивание, как процесс-субъект глобализации, есть дегуманизация <доселе> человека биологического разумного. Дегуманизация включает в себя: замену творческого аналогового мышления цифровым, «компьютерным» утилитарным; десоциализацию и деколлективизацию — в традиционном понимании этих отрицаемых категорий; нивелирование людей по всему ареалу их творческих, мыслительных, психосоциальных, социо-биологических, образовательных, воспитательных и поведенческих, в перспективе — генофенотипических характеристик; указанное нивелирование сводится до минимально достаточного — для целей глобализации — уровня; выработку полной безэмоциональности и ликвидацию потребности во всех видах искусства и в особенности художественной литературы.

Можно продолжить в дифференциации перечисления, но четко вырисовывается облик «органного штифтика» в определении Достоевского. Да и перечислять не стоит, чтобы не заставлять читателя морщить лоб, напрягаться мыслью. Достаточно посмотреть на типичного представителя нынешних молодых поколений: тинейджера-бронеподростка. Последний термин 1930-х годов мы к месту употребили, ибо современный подросток истинно имеет *бро́ню*, освобождение как от базовых моральных категорий, так и — в особенности! — от «тягот» даже начального самодостаточного, без *интернета-уманета*, мышления. И в разговорной речи у них непорядок: примерно понимая смысл отдельных, малых числом, слов, они уже не способны составить из них функционально содержательную фразу.

...Своего рода эпоха безвременья — глобалистского начало перехода биосферы в ее новое биогеохимическое качество Земли — ноосферу, сферу разума. Так определил это грандиозное событие в эволюции жизни выдающийся русский и советский ученый, академик В. И. Вернадский, 160-летие со дня рождения которого пришлось на прошлый год. Но безвременье не проходящего, а изменяющего саму сущность человека — расчеловечивающего его.

Если мысленно представить себя живущим в 1970—80-е годы (это тем, кто действительно в эти года жил в сознательном возрасте) и смотрящим в «бинокль времени», аналог машины времени, на происходящее в нынешние времена, испытываешь примерно то же ощущение, как при просмотре старого советского фильма, но только раскрашенного, как сейчас принято. Ныне все делается во вред человеку. И ловкие ребята от кинематографии не отстают от сонма вредителей-расчеловечивателей. Действительно, черно-белое кино и кино цветное снимаются по своим — у каждого свое! — режиссерским, операторским, отчасти даже сценарным канонам и правилам. То есть каждый фильм хорош — если он хорош — как снятый в своем изначальном цвете. Это как парад Победы 26 июня 1945 года, который снимался в черно-белом и в цветном вариантах; для последнего использовали трофейную немецкую пленку. Но снимали с различных планов, с различными режиссерско-операторскими установками. Поэтому оба варианта, правильнее — различные фильмы, смотрятся инаково: добротные документальные съемки.

Но вот нынешней раскраски бывшие черно-белые фильмы смотрятся... как бы образно сформулировать? — отстраненно. Вроде бы давно знакомый сюжет и актеры, еще в прошлом веке и тысячелетии ставшие кинематографической легендой, но все воспринимается как происходящее на Луне, в совершенно ином мире. Такой вот эффект безвременья и внепространственности. Гибридная жизнь, гибридные революции и войны, гибридная мораль — даже аморализм в тех же гибридных категориях.

Достоевский устами одного из своих персонажей определил человека как существо на двух ногах и неблагодарное. Насчет ног — это биологическая аксиома, но вот кого и за что человек должен ежечасно благодарить? Именно этот сакраментальный вопрос, по всей видимости, и имел в виду Федор Михайлович. Но худо-бедно в своей эволюции, особенно в последние тысячелетия эпохи цивилизации и культуры, человек все же находил времена и обстоятельства, чтобы испытывать что-то вроде благодарности к миру, породившему его, двуногого. Именно это вековечное устремление к благодарности и сделало звание человека звучащим гордо. Максим Горький был истинно великим русским, советским писателем, поэтому и сформулировал этот тезис. А раз есть устремление, так и смысл жизни благоприобретается.

Но вот пришло гибридное время глобализации, в которой нет места благодарности ни к кому и ни к чему. Сбылось предсказание Достоевского: на двух ногах и неблагодарное существо. И устремления значит нет: ни к добру, ни к злу, тем более, что современная неопозитивистская «мораль по вызову» уравняла категории добра и зла в правах. Так родоначальники неопозитивизма, философии империализма и современного глобализма в их преемственности, Людвиг Витгенштейн, Бертран Рассел и Джордж Мур в морально-этическом плане приговорили человечество к безысходности.

Тема расчеловечивания и обесчеловечивания — это не унылое нытье, столь излюбленное исторически русской либеральной интеллигенцией — см. высказывания о ней, не в бровь, но в глаз, от Достоевского до Ленина, но четкое, осмысленное понимание происходящего. И, конечно, не как социально-политическую, геополитическую коллизию всемирного характера, но именно как крутой, эволюционно обусловленный ход человеческой истории. Биоэволюция выполнила свое назначение, создала свою вершину — человека мыслящего. И сам человек вплотную подошел к исчерпанию своего назначения: создал практически полный, разрешенный ему вселенской эволюцией, корпус знаний о мире, а в начавшийся биосферно-ноосферный переход передает свои функции глобальной информационно-технологической машине.

А зачем развивать, муссировать эту тягостную тему? Не проще ли уподобиться птичке страусу и спрятать свою голову под... нет, не под крыло, а обложить ее, тыковку, этими мерзейшими гэджиками, по экранам которых сейчас все от мала до велика пальчиками водят, как сейчас *традюксьон инс амэриканош*, то есть обезьянически с американского, говорят «двадцать четыре на семь», в цифрах: *24/7*. А еще надежнее и мерзостнее эти *24/7* лупить глазенками на экраны телеящика и компьютера... или как там сейчас эти штуки именуют? Так ведь это и есть вожделенная и, увы, сбывающаяся в стахановских темпах, цель глобализации: сделать из человека тот самый органный штифтик!

И как это планомерно, точно выверено по инженерным чертежам делается? Чтобы не быть голословным и раз уж помянули (не к ночи!) эти мерзопакостные интернето-уманетские гэджики, проследим их недолгую по времени, всего-то в три десятка лет, генеалогию.

Самое окончание 1980-х годов. Трудился тогда ваш покорный слуга начальником патентной службы в самом знаменитом, трижды орденоносном Конструкторском бюро Тулы, «изделия» которого все мы ежегодно видим проходящими по брусчатке Красной площади на парадах Дня Победы. Как говорится, по должности, служебным

обязанностям приходилось присутствовать на разного ранга совещаниях, конференциях, семинарах и пр. по новой технике. Тогда как раз заговорили о сотовой связи, разработка которой активно ведется на Западе. Правда, ораторы по этой тематике напрочь забывали, что таковая уже два десятка лет эксплуатируется... и именно в СССР — радиотелефоны марки «Алтай», что в масштабах страны уже привычно используют на железных дорогах, в сельском хозяйстве и в различных «органах» — для связи на подвижных объектах: от «волги» председателя колхоза до персонажа песен Галича: «...а капитаны — те в такси, помчатся, боже упаси!»

То есть это была профессиональная сотовая радиотелефонная связь. Никому в голову не приходило оснащать такой связью индивидуальных граждан. Да она и вовсе ни к чему этим гражданам.

...И вот на этих совещаниях-конференциях вдруг все поборники прогресса, в основном из столичных «штучек», заговорили — в переводе из западных журналов — о несомненной пользе и перспективности массовой сотовой связи, правда, оговариваясь: она полезна в странах, где географические и иные условия делают нерентабельными прокладки кабелей, строительство радиорелейных трасс: малое рассредоточенное население, большие расстояния, гористая или лесная местность и пр. Потенциальными пользователями массовой сотовой связи полагали скандинавские страны и Финляндию. И только. Благородная цель: скрасить скучную жизнь среди скал и фиордов потомков викингов и жителей разбросанных хуторов озерно-лесной Суоми. Тем более, что Сталин изъял у них наиболее благоустроенный для жизни Выборгский район...

Примерно в это же время на совещаниях-конференциях столичные ораторы заговорили, начитавшись статей в зарубежных журналах, о великой будущности интернета, который свяжет и облегчит... и так далее. Но одно дело — для доверчивых масс земшара — обоснование сотовой связи для гористых мест Скандинавии, лесов и болот Финляндии, но даже самые тугодумные засомневаются в части интернета: ведь в планетарном масштабе создание такой глобальной телекоммуникационной махины потребует гигантских средств, финансовых и иных. И кто будет платить — Пушкин или Байрон? — за скромное удовольствие послать телеграфное сообщение другу Ване или Джону из своего дома, а не с почты, что напротив? Поэтому те, кому это понадобилось огород городить, и пустили санкционированный, якобы тайный, конспирологический слушок, что интернет создается на случай катаклизма на Земле: ядерной войны или падения на нее метеорита весом с половину Луны.

Когда, мол, все на Земле превратится в руины, а немногие сохранившиеся люди, погоревав, начнут заново цивилизоваться (до следующей войны или метеорита), то им не придется повторять 10000-летний этап цивилизации и культуры, заново формулировать теорему Пифагора и так далее до управляемой ядерной реакции (чтобы создать ньюатомную бомбу?). Ведь останутся на Земле, где-нибудь на Соломоновых островах, на антарктических станциях, в горах Тибета и южно-американских Кордильер, в глухих местах Папуа — Новой Гвинеи и в иных богом забытых местах, не превращенные в пыль компьютеры с их жесткими дисками, там и сям разбросанные дискеты, возможно уже и *CD*-диски с флешками *маде ин* Китай, Тайвань, Филиппины, а то и вовсе повезет новым археологам: отроют чудом сохранившийся серверный узел — или как там они называются? — с базами данных. Все эти диковинные артефакты предыдущей цивилизации дальновидные ньюангличане перекупят — отберут и разместят на стендах нового Британского музея, а предприимчивые ньюамериканцы скоренько соорудят новую же Силиконовую долину... словом, вместо десяти тысяч лет понадобится пара-тройка сотен годов, чтобы сохраненные на интернетовских обломках знания воплотились в восстановленную на Земле человеческую жизнь. Экономия же на реэволюцию гигантская! И снова глобализация, взрывы атомных бомб... пошло-поехало, словом, сказка про белого бычка.

Таким гуманным, человеколюбивым было начало сотовой связи и интернета-уманета. Остальное даже тезисно объяснять не надо: все на глазах, все в живой памяти за прошедшие три десятка лет. Напрочь забыты продекларированные и конспирологически «подкинутые» гуманные и человеколюбивые намерения (намере́ния у Иудушки Ставропольского). Всего-то несколько лет назад произошло «великое объединение», но не наук, как в названии знаменитого трактата Фрэнсиса Бэкона (Веруламского), а интернета с сотовым телефоном. Появился смартфон, по экрану которого и детские пальчики скользят, что-то невидимое размазывая как сопли, и старушка сухонькой ручкой осторожно тычет. И название-то для русского уха символическое, созвучное со смертью — смертью самодостаточного мышления.

Всего-то тридцать лет понадобилось приказчикам Великого глобализатора, чтобы провернуть архисложную аферу: лишить человека способности мыслить! На очереди пресловутый «искусственный интелект», а с ним — прощай человек биологический разумный! Сатана там правит бал, а о пресловутом «научно-техническом прогрессе» столько же лет стыдливо не поминают...

♦ ***«Несть еллина, несть иудея», а есть обезличенный обитатель глобализуемого социума; пандемия вируса «удобство».*** В указанной выше нашей многотомной монографии классифицированы социальные вирусы эпохи глобализации, «запуском» которых выполняется расчеловечивание. Наиболее эффективным из них является вирус «удобство», который использует биологическое качество человека, впрочем, как и любого высокоорганизованного живого вида из разряда млекопитающих, а именно *лень*: выработанный эволюцией (по Дарвину и Ламарку) универсальный механизм рациональной экономии в части расходования физиологической, а для человека и умственной, энергии. Для наглядности: посмотрите на своего домашнего кота. Ровно половину суток он спит, а вторую «отдыхает», то есть опять же спит, но чутко. При этом исправно и с аппетитом ест, то есть потенциально накапливает энергию, которую импульсами расходует в мощных «охотничьих» прыжках: до двух с гаком метров в высоту; а олимпийскому легкоатлету в тройных прыжках порой завистливо снится их дворовый кот, убегающий от собаки...

Вот такой естественный биологический способ разумной экономии энергии и реализуется Молохом глобализации для расчеловечивания запуском социального вируса «удобство» в части оцифровывания мышления человека и одновременного отъединения его от активной коллективной жизни. Действует этот вирус и подспудно, и явным зомбированием. Последнее через назойливую телерекламу. Сразу таковая высвечивается в память: «Сделать <то-то>, не выходя из дома, не вставая с дивана» и так далее до не озвучиваемого, но предполагаемого «не сходя с унитаза».

Действие «удобного вируса» всеохватывающе в многоцелевой программе расчеловечивания; оцифровывание лишь наиболее наглядный пример. Все что вроде бы «для пользы человека, все для блага человека», уже в ближней временно́й перспективе оборачивается прямым угнетением, нивелированием его человеческих качеств. Нейролингвистика и психосоматика — ключевые слова в объяснении конструкции этого универсального социального вируса, искусственно распространяемого через телесеть и интернет. Примитивно, но сверхдейственно. Как и в части биологических вирусов. Чем он проще в устроении своей ДНК, тем больше ареал его распространения. Конечно, биологический вирус со сложной структурой обладает бо́льшей избирательностью и болезнетворностью, но в то же время легко мутирует, в итоге, в переборе мутаций, вырождается, создавая препятствующий его распространению коллективный иммунитет. Недавно завершившаяся пандемия *COVID-19* тому наглядный пример. Точно так же и с социальными вирусами. От примитивного массового «удобства» для расчеловечивания используется широкий спектр более сложных социальных вирусов с задаваемым (программируемым) качеством эмерджентности (новых свойств в мутациях) и временем эпидемической действенности. Что называ-

ется для справки, назовем важнейшие социальные вирусы расчеловечивания*: вирусы «кажимости», «политкорректности», «общечеловеческих ценностей», «толерантности», «деморализации», «цифраизации» (правильнее — «цифрофрении»), «умозамещения», «либерализации», «свободы», «запугивания», «лицемерия», «кампании» и так далее. Всего по нашей классификации до тридцати реально действующих сейчас вирусов расчеловечивания.

...Но все же именно вирус «удобства», использующий специфику общебиологической организации человека, является ударным инструментом расчеловечивания.

Все в истории повторяется, идет циклами. Так и с евангельским «несть еллина, несть иудея». Если в учении Христа эти слова понимаются как верховенство заповедей Нового Завета, величайшей гуманитарной этики и морали, над всем остальным, так или иначе разделяющим людей, той же национальности, то, спустя два тысячелетия, в наступившую эпоху глобализации эта евангельская формула означает именно обезличивание обитателей глобализованного всемирного социума. Следует четко разграничивать понятия равенства и обезличивания. Например, равенство перед законом вообще безотносительно к категории обезличивания. Но вот возьмем известную американскую призказку о том, что бог создал людей различными, но мистер Кольт сделал их равными. Что здесь кроме «здорового» американского цинизма содержится? А вот именно достаточная толика обезличивания. Равно как и в словах Ф. М. Достоевского из романа «Подросток»: «*Деньги, конечно, есть деспотическое могущество, но в то же время и высочайшее равенство. И в этом все главная их сила. Деньги сравнивают все неравенства*».

Итак, равенство суть социумное равноправие, именно как *равное право* каждого индивида на самовыражение, творческое или любое другое, в силу его генофенотипики и обстоятельств жизненного пути. Обезличивание же есть утрата индивидуальности и нивелирование его мышления до уровня, минимально достаточного для исполнения социумных его функций... органного штифтика по Достоевскому.

Трансформация равенства в обезличивание во многом осуществляется действием социального вируса «свобода». Понятно, что это название, как и для других вирусов расчеловечивания, подтекстно двусмысленное. Эта пресловутая «свобода» по частоте употребления — имеется в виду филологический частотный словарь (специалистам, например, хорошо знаком четырехтомный частотный словарь языка А. С. Пушкина...),— стабильно занимает одно из первых мест в западной внутри- и внешней пропаганде со времен даже не «холодной войны», но с 1920-х годов — начала противостояния с Советской Россией. В девяностые годы им же защебетали отечественные либералы. Сейчас они приутихли, кто при деньгах, тот умчался на Запад, безлошадные испугались; но эстафету подхватила коммерческая телереклама: «Только с кредитной картой <такого-то> банка ты свободен!». И так далее до бесконечности, включая полную свободу, сожрав, держа обеими руками, пятислойный американский бутерброд, запить его газированной жидкостью — продуктом пищевой химии.

Это вирусное средство «свобода», разумеется, никакого отношения не имеет к гегелевскому определению: *свобода есть осознанная необходимость*. Заметим, что это определение контекстно понятно и единственно справедливо. Другое дело, что оно «вырвано» из текста Гегеля, где определение свободы является *ограничительным*. То есть свобода есть не необходимость, хотя бы и осознанная, но свобода предполагает осознание и исполнение конкретных *ограничений*.

Вирусная же «свобода», как инструмент расчеловечивания, нечто принципиально иное. Вспомнив выдающуюся антиутопию Джорджа Оруэлла «*1984*», а это по существу литературная иллюстрация к современной глобализации, предвиденной англий-

* Разработанная в томе 18 указанной выше монографии обобщенная теория вирусов была удостоена в 2022 году старейшей в России, престижной Макариевской премии в номинации естественных и точных наук.

ским писателем за 70 лет! (роман издан в 1948 году), сходу скажете в оруэлловской антитезе: *свобода — это рабство*! Именно так и следует понимать действие глобалистского вируса «свобода»: свобода — без запретов осознанной необходимости ее ограничения — преступать любые социумные нормы. Например, норм цивилизационно выработанной этики и морали. Ходить без штанов — свобода! Мужеложество и прочие фортели половых извращений, «рекомбинации» половой принадлежности — еще бо́льшая свобода! Свобода плевать на всех округ, в том числе на себя самого... и так далее по списку. Все в ареале расчеловечивания, а в части «половых шалостей» и по линии обесчеловечивания. Предоставим слово поэту:

Я синим пламенем пройду в душе народа,
Я красным пламенем пройду по городам;
Устами каждого воскликну я «Свобода»,
Но разный смысл для каждого придам.

(Максимилиан Волошин «Ангел мщения» из книги «Стихотворения 1990—1910».— М.: Кн-во «Гриф», 1910).

Несть еллина, нет иудея... для глобализатора, оруэлловского Старшего Брата, нет различия в государственном, социальном, экономическом, морально-этическом и пр. устройствах человеческого бытия. В части расчеловечивания для него все едино в обесчеловечиваемом им мире: США и Китай, Россия и Украина, мусульманский мир и Западная Европа — все по единому плану нивелируется и уничтожается. Джордж Оруэлл не поэт, но метко прорифмовал:

Под развесистым каштаном
Продали средь бела дня —
Я тебя, а ты меня...

Итак, расширим девиз Оруэлла для глобализуемого человека нынешнего: *свобода — это рабство проданных*, зараженных вирусом кривозеркалья. Подростковый дурачок, искренне полагающий, что истинная его свобода — это одетым в фабрично продырявленные джинсы, обвешанный гэджиками с сетью проводов, мчаться по тротуару на электросамокате производства Рёнсуаньского велосипедного завода, бессмысленно-тупо не замечая опасливо косящихся на лихого самокатчика пожилых прохожих. Здоровяк в годах оптимального возраста, среднестатистическое воплощение категории «активно-мобильных граждан», то есть АФТ: автомобиль — футбол — телевизор. Кардинальное отличие АФТ — современника от ровесника советских времен: не может позволить себе иногда расслабиться «злодейкой с зеленой наклейкой»; каждый день за своим частнособственническим рулем, а гаишные правила насчет того самого люты. Кстати, напрасно мы в свое время посмеивались — экий фантазер? — над персонажем детского фильма, кажется, «Каникулы Кроша» (?), что провидчески заметил, мол, пьянство совсем прекратится, если каждому дать по автомобилю. Ведь, если отойти от принятого социального лицемерия, расслабившийся человек может и задуматься о нелепости <нынешней> гибридной жизни? Так ведь и до антиглобализма, хотя бы пассивного, кухонного («на троих») можно дойти?

Вирус превратно понимаемой «свободы» уникально сконструирован — настолько сложно и многофункционально, что пресловутый *COVID-19*, вполне возможно тоже изделие Великого глобализатора, по сравнению с ним выглядит поделкой пионеров из кружка «Умелые руки». Его нескончаемая пандемия инфицировала всех и всея: людей и среду их обитания. Как в Древнем Риме «свобода» рабов замыкалась на выборе как голову положить между молотом и наковальней, так и для нынешнего глобального раба выбор весьма специфичен: быть полным идиотом или стремиться

такового превзойти. Особенно это показательно в сфере, что под флагом цветов спектра солнечного света...

Чем-то такая свобода напоминает состояние пациента психиатрической лечебницы: он действительно свободен в словоизъяснении, ибо все равно никто его не слушает; свободен в передвижении, но в пределах своей палаты-камеры; и так далее, если не выходит за пределы, обозначаемые смирительной рубахой, кулаком санитара или инъекцией дозы «серы».

Но как сам расчеловечиваемый ощущает себя? А прекрасно ощущает: никаких мук творчества (третий день не поддается решению математическая задача, или верхние ноты в сочиняемой мелодии фальшивят...), никакого тяжелого физического труда... и так далее по списку жизненных и житейских дел, вплоть до предельного, зоологического упрощения «науки нежной, которую воспел Назон». Главное, что адепт глобализации напрочь лишен основного возмутителя спокойной жизни человека — способности и потребности мыслить.

Опять же уловка в великом искусстве глобального расчеловечивания: сочетание несочетаемого по определению, то есть... индивидуализма и особой формы социального коллективизма. Вся хитрость здесь в «дозировке» того и другого. Опять же все во взаимосвязи с пресловутой свободой. Люди старших поколений помнят молодежные, в основном студенческие, волнения 60-х годов, охватившие всю Западную Европу — с эпицентром во Франции, а коль там исторически сложилось, что Париж — это все Франция, то значит с парижским эпицентром. Итак, весь Париж, столицы и крупные города Европы запестрили уличными толпами молодежи в майках с портретом Че Гевары, тысячеустно выкрикивающими проклятия в адрес мирового империализма и своих правительств. Эти ультралевые массовые выступления — беспорядки поддерживали многие видные деятели культуры, например, крупнейший писатель, философ и общественный деятель Жан-Поль Сартр. И другие, не менее известные имена из среды европейской интеллигенции вдохновляли печатно и изустно этот взрыв молодых европейских бунтарей.

Но глядя со стороны, то есть из СССР, создавалось впечатление определенной управляемости этими выступлениями второй половины 60-х годов. С одной стороны, несомненная массовость бунтующих митингов, выступлений, неподчинений властям, а в Париже, опять же по сложившейся традиции, умеренные погромы и «легкие», почти что театральные баррикады. С другой же — определенная заорганизованность, непревышение накала страстей, хорошая полицейская застава, отсутствие каких-либо провокаций и пр. со стороны властей. Словом, громкий, эпатажный, но все же хорошо срежиссированный и распределенный по Европе процесс. Показательно, что советская пресса достаточно сдержанно комментировала эти события. Казалось бы, радуйся непорядкам у империалистов, нагнетай соответствующие настроения по образцу «Свободу Анджеле Дэвис!» у себя в стране... ан нет, только суховатая риторика об очередном политическом кризисе в мировом капитализме, росте самосознания студенческой молодежи в странах загнивающего империализма и пр. Что-то навроде привычного по утренним радиоизвестиям «очередного, тысяча триста двадцать первого серьезного предупреждения китайского правительства американским властям в связи с нарушением...» и так далее. Вывод: такой индифферентности в части судьбоносного для мира события советского агитпропа может быть лишь одно объяснение: еще не состарившиеся кремлевские вожди хорошо понимали сущность «европейской весны».

Понятно, что попутной целью этих студенческих волнений было «выпускание паров», что нисколько не угрожало «капиталистическому содружеству»; наоборот, как в исправно работающем паровом двигателе, такой периодический сброс социально-политической напряженности, как и экономические кризисы, лишь на пользу.

...Только с началом активной фазы глобализации, то есть с 90-х годов, истинное

содержание тех давних годов выявилось. Это была первая репетиция тогда еще конспирологического Тайного мирового правительства, он же Великий глобализатор, по организации цветных, то есть гибридных, революций — действие вируса «свободы» в социально-коллективной форме его инфекции. А заодно локальные пробы: события 1968 года в Чехословакии и инициация советского диссиденства: «кухонного» и скандально-политического. Последние в 70-х годах по стандартной схеме: публикация в ксерокопированном подпольном журнальчике → освидетельствование в Кащенке → лишение советского гражданства и выезд на историческую родину → в Вене, не заходя в местное отделение репатриантского общества «Сохнут», пересадка на самолет до Нью-Йорка → Брайтон-Бич и работа на радиостанции «Голос Америки» в отделе вещания на СССР.

Такова особая форма социального коллективизма в действенности вируса «свободы».

Об индивидуальном действии этого вируса отчасти уже говорились выше, поэтому немного скажем о «разумной дозировке» коллективного и индивидуального. Это как и в пандемии биологических вирусов: индивидуальный и коллективный иммунитеты. Только в расчеловечивании все наоборот: снижение этих иммунитетов в строго выверенном соотношении, а именно: они должны, следуя принципу положительной обратной связи, стимулировать друг друга. Если лететь в пропасть, то в связке — вдвоем-то веселее и сноровистее!

Два других оруэлловских лозунга от Старшего Брата: «Война — это мир» и «Незнание — сила»,— также солидаризируются с вирусом «свободы». Добавив — это как в математических доказательствах — к первому девизу справа и слева определение «гибридное», получим сегодняшние реалии: «Гибридная война — это гибридный мир». Ту же самую операцию проделаем и со вторым: «Гибридное незнание — это гибридное знание». Но если первое утверждение переписать в виде: «глобальная гибридная война есть глобальный гибридный мир»,— то это и будет реалия последних трех десятков лет. Кстати, один дотошный историк, несомненно немец, на досуге посчитал, что за все тысячелетия эпохи цивилизации и культуры (диковато звучат эти слова в данном контексте) человечество в сумме прожило без войн... тоже тридцать лет (?).

А вирус «свободы» здесь причем? — а извечная свобода сильного, тем более, что единственный сейчас сильный — Великий глобализатор. Если доселе война определялась как продолжение политики иными средствами, то для глобального вируса «свободы» понятие политики с ее дипломатией исключены напрочь. И у слабого есть свобода, правда, единственная — подчиниться и глобализоваться.

Что же касается знания-незнания, то вирус этот уравнивает их в правах действенности. Раз навсегда исчезло понятие *авторитета* открывателя и носителя знания, то есть и естественного человеческого стимула первенствовать. Поэтому трансформированная присказка «за одного ученого трех неученых дают» явочным порядком отменена. И аминь с ними, с учеными, раз на смену науке и знанию пришла утилитарная технология; опять же символично: даже в школе (внуки-двойняшки в начальных классах воспитываются) ностальгическое название уроков труда заменено на уроки «технологии»... «И свобода нас примет радостно у входа...» А братья по бывшему разуму нам новейший гаденыш-гэджик системы *5G* отдадут. И —

Дурачок, простачок
Коленька танцует:
Он надел колпачок —
На коне гарцует.

(Андрей Белый «Петербург»).

♦ ***Когда умрет предмет «литература» и предмет литературы.*** Поясним для любителей скорочтенья: *предмет «литература»* — род художественного творчества со всем его ареалом от собственно сочинителя и читателя до инфраструктуры вещественного воплощения литературного творчества и потребления: издательства, книготорговля и пр. Сюда же непременно отнесем институт общественного мнения, включая историческое и актуальное литературоведение, освещение в прессе, включение в образовательный процесс. *Предмет же литературы* суть ее назначение и роль в жизни человека, человечества, его социумной организации.

Видно, что это совершенно различные предметы, в смысле понятия. Также различны их социально-эволюционные причинно-следственные связи, но диалектический корень общий: потребность оразумляющегося человека в интуитивном, художественном отображении внешнего мира, а далее и собственного внутреннего мира; высшая форма такого отображения суть социумная. Естественна и их воспоследовательность: от предмета литературы к предмету «литература».

А почему мы избрали для иллюстрации расчеловечивания именно литературу? — Причина проста, «человеческая, слишком человеческая» (вроде бы Ницше эти слова принадлежат...): философствовать и размышлять, тем более запечатлевая это письменно, следует только о том, что тебе хорошо знакомо. Это есть аксиома творчества. Будучи «параллельно» служителем двух муз — естественных и точных наук и художественной литературы, включая литературную публицистику (как в этом очерке),— волен выбрать одну из них. Но поскольку пишем, льстя себе, для «широкого круга» (которого давно уже нет...), то и остановились на литературе. Известно, что любой среднестатистический человек, независимо от его рода знаний, образования и так далее, полагает себя специалистом в политике, медицине и, само собой, в литературе. Так и мы навстречу им пойдем.

Излишним будет говорить сколь-либо подробно о современном состоянии литературы. Тем более, что этому рассмотрению мы уже посвятили ранее несколько очерков. Именно в контексте с расчеловечиванием мы и рассмотрим угасание в период глобализации предмета «литература» и предмета литературы.

Для начала возьмем такой характерный факт, наиболее ярко проявившийся с окончания прошлого века, как массовый переход от чтения к получению информации, в том числе литературной художественной, с экранов телевизора и монитора компьютера. В данном контексте также заметим, что собственно расчеловечивание есть условно понимаемое упрощение всех функций умственной деятельности человека. Теперь свяжем два эти тезиса в форме утверждения: упрощение восприятия информации с характером литературно-художественного содержания, как составной элемент расчеловечивания в части умственной деятельности человека, проявляется в предпочтении чтению получению информации в образно-зрительной и звуковой формах.

Развиваем данное утверждение далее. Попробуйте мысленно описать процесс своего чтения. Вы пробегаете глазами строки текста и при этом неосознанно — не акцентируя на этом своего внимания — мысленно переводите зрительное восприятие в звуковое, хотя звуков этих не произносите. Это артефакт не столь уж эволюционно далеких времен: читать молча люди в массе своей начали где-то в XV—XVI веках. До тех пор чтение сопровождалось речевым сопровождением. Более того, на молча читающего человека смотрели с подозрением (?). Возможно, что переход от «звукового» чтения к «молчаливому» был стимулирован относительно быстрым развитием книгопечатания после изобретения Гуттенбергом, что привело как к значительному увеличению числа читающих, так и к увеличению объема чтения индивидуального человека. Артефакты такого «докнигопечатного» звукового чтения сейчас можно наблюдать у слабограмотных, редко читающих людей: они хотя и не произносят звуки, но синхронно чтению слегка шевелят губами. Но наиболее яркий пример такого

артефакта — это обучение чтению детей. Вспомните свой первый класс: «А-а-а, ар-бу-у-у, зы! Ар-буз. Арбуз!».

Точно также, когда вы пишите — не тычите пальчиками по клавишам, а именно пишите, то сначала по буквам мысленно произносите слово и синхронно водите пером по бумаге...

Но мы о чтении. Снова по пунктам проследим. При чтении сигнал от глаз идет в оба полушария головного мозга: в правое, отвечающее за образное, художественное мышление, древнейшее в эволюционной цепи, и в левое с прерогативой логического мышления. В правом поступает в зрительную кору, в левом — в затылочную долю, тоже отвечающую за зрение (извинимся, опускаем для понятийности строгую научную терминологию...). Но затылочная доля функционально связана с другими отделами левого полушария: центром Вернике — сенсорным центром речи, височной долей — речевой памятью и слуховой корой, понятно за что отвечающей. То есть зрение, речь и слух, в части зрения охватывающие оба полушария головного мозга, а также правополушарный таламус — центр переработки *всей* сенсорной информации, все это в той или иной степени задействовано во вроде бы незатейливом процессе чтении книги: той же азбуки первоклассника, романов Достоевского и Джеймса Джойса, семитомного «В поисках утраченного времени» Марселя Пруста... а ныне преимущественно комиксов и детективов, сочиненных компьютером по простенькой программе.— Как и дамских романов. ...Да-а, еще забыли фэнтази и нон фикшн. Последние два вида чтива есть вариант кодограммы дебилизации посредством информационного шума. Но это к слову, хотя и по теме.

С учетом задействованности названных отделов полушарий головного мозга, традиционное чтение есть процесс в последовательности: зрительное восприятие печатных символов-букв → выделение в зрительной коре и затылочной доле информационных сигналов → их обработка в центре Вернике и отчасти в таламусе в речевой (мысленной) форме с записью в речевой памяти височной доли... другие специфические процессы не будем затрагивать. Вывод же следующий: если восприятие <художественной> информации есть процесс многоступенчатый, задействующий полдесятка отделов правого и левого полушарий головного мозга, то восприятие образной и речевой (в совокупности) информации с того же экрана телевизора сокращает число задействованных отделов мозга, главное, исключает речевой посредник.

Итак, переход от чтения к визуальному (+ слуховому) восприятию <художественной> информации снижает напряженность работы мозга, а в силу презумпции принципа экономии расходования энергии — то что привычно называют физиологически обусловленной ленью человека — последний отказывается от чтения в пользу «живых картин» с речевым сопровождением.

Рыба ищет где глубже, а человек при такой апологии умственной лени получает информацию в форме, не подлежащей обдумыванию. То есть за такой гедонизм человек расплачивается угнетением внешних слоев психической деятельности. И все это в корзину расчеловечивания.

Могут возразить: а что плохого в снижении напряженности работы мозга при переходе от чтения к смотренью? И аналогию тотчас приищут: ведь в течении всего периода цивилизации и культуры человек только и делал, что изобретал способы снижения затрат мускульной силы; как говорится, от охоты на мамонтов до заказа пиццы по интернету... не вставая с дивана, а лучше с унитаза, раз речь идет о жрачке. Но это как в пословице о бузине в огороде и дядьке... ну-у, скажем, в столице сопредельного государства. Ведь целеуказанием человеческой эволюции является вовсе не забота о физиологии человека, но исключительно высшее развитие его разума, открывающего все новое и новое знание. Значит, экономия на работе мозга суть прямое расчеловечивание! Это про «зажигание звезд» (у нас — тушение), которое кому-то «значит нужно»...

Приведенный пример объясняет угнетение предмета «литература». Разумеется он далеко не единичный — хитер и разносторонен Великий глобализатор! Но еще существеннее — это предмета литературы, определенного выше как социумное явление. Прежде всего, предмет литературного внимания — так яснее определение этого предмета — предполагает заинтересованность читателя в художественном познании явлений социумного мира и творческой одаренности и самодостаточности художника, в нашем случае писателя. И не «мысль изреченная есть ложь», но слово художественного творца должно запечатлеваться:

Теперь я мертв. Я стал строками книги
В твоих руках...
И сняты с плеч твоих любви вериги,
Но жгуч мой прах.
Меня отныне можно в час тревоги
Перелистать,
Но сохранят всегда твои дороги
Мою печать.

(Максимилиан Волошин «Блуждания». Из книги «*Selva oscura*»). То есть предмет литературы есть запечатлевание картин мира, которое намного переживает своего создателя. А это, в свою очередь, подразумевает особую значимость того предмета литературного внимания, который остановил на себе взгляд писателя и который, будучи запечатлен в памятниках письменности, в книгах, будет привлекать внимание поколений читателей, заставлять их читать и перечитывать эти книги, сопереживать и откладывать в художественную копилку своей нетленной памяти.

Именно поэтому предмет литературного внимания и является одним из главенствующих противников глобализации, что он именно нетленен в памяти индивидуального человека, читателя, а через книги, которые тоже нетленны, передается чрезпоколенно в последовательности их смены. Великому же глобализатору требуется человек-винтик, органный штифтик у Достоевского, а у винтика-штифтика не должно быть исторической художественной, моральной и иной памяти. Иначе памятливый человек может и задуматься, по- иному посмотреть на окружающий его мир, не так, как в зомбирующей кодификации ему назойливо показывают на экранах телемонстров и в интернете-уманете. Да еще в оформлении полностью дебилизирующего информационного шума.

И, главное, глобализаторам есть у кого учиться бороться с книгой: костры по воскресеньям на Гревской площади Парижа, когда сожжение ведьм чередовали с книгами, попавшими под вердикт инквизиции; те же костры спустя четыре столетия на площадях Берлина, где под пение «*Die Fane hoch, die Reie for geschlossen...*» («Хорст Вессель») веселые штурмовики «папы Рема» сжигали книги неарийских и коммунистических авторов... Вообще двадцатый век, как граничный между человеком оразумляемым и расчеловечиваемым — наступлением исподволь глобализма, вроде как на вершине интеллектуального могущества человека, дал массу примеров борьбы с литературой. Это не феномен, но в предтече своей глобализм методом ложных, тупиковых и опережающих ходов отрабатывал свой магистральный путь расчеловечивания — это как в биоэволюции: те же пробные ходы и магистральный, торный путь — от вирусов и одноклеточных до человека разумного *homo sapiens sapiens*. Потому литература, ее предмет и попали «под раздачу» в нащупывании пути расчеловечивания, что она «человеческая, слишком человеческая» — еще раз повторимся.

...Сказанное выше вовсе не нытье по типу анализа *свершающегося сейчас на глазах*. А органам чувств человека пока еще можно верить... пока их не заменили вжив-

ленные датчики; смотри вроде как «образовательные» ТВ-программы, где не ленятся порой показать и престарелого Жака Аттали, «придворного» философа глобализма, что предрекает постепенное превращение человека в систему протезов. Включая содержание головы. А ведь в корень смотрит, комаринский мужик! Это опять-таки к слову.

Современная русская литература оказалась в уникальном положении. Во-первых, в отличии от литературы западной, в чем-то и вообще мировой, уже с середины двадцатого века постепенно отходящей от своей существенной ранее роли в жизни человека и социума в целом, русская литература хотя бы по традиции, пусть и умирающей скорыми темпами, все еще полагается *явлением* — цивилизационным, социумным, даже эволюционным. Во-вторых же, за ней стоит относительно молодая, по историческим меркам, великая русская литература XIX века и основательная советская XX века, давшие значительный интеллектуально-художественный задел, не исчерпанный потенциал. Наконец, всего лишь двадцать с небольшим лет (в девяностые годы литература по инерции все еще не сдавалась!) она находится в директивном — от западного глобализма — угнетении и унижении. Но —

Но явствен признак увяданья,
Как осенью узорный лист,
Омыт дождями, желт и чист,
И запах формалинный вспоминанья.

Те горькие шафранно чувства,
Что будит запах осени мертвящий,
Одновременно смердный и бодрящий,—
Расплата за весны и лета буйство.

(Это уже наши неловкие строки...)

Вот такой эффект неожиданности и стремительности изъятия из нашего обихода одновременно предмета «литература» и собственно предмета литературы обрушился холодным девятибалльным валом как на русского, недавно еще советского, писателя, так и на традиционного еще читателя.

Увы, традиция эта прямо на глазах тает — это как приполюсные льда из-за глобального потепления, что, вообще-то говоря, есть обычное явление в палеоклиматологии — чередование потеплений и похолоданий, малых (последний был в XIII—XIV веках) и больших ледниковых периодов,— а вовсе не коммерческо-геополитическое следствие выбросов и так далее. Сразу вспоминается такая же афера с озоновыми дырами от холодильников с хладоагентом — фреоном...

И так же искусственно, целенаправленно, с предельным цинизмом глобализаторы уничтожают оба предмета нашего рассмотрения. Одно утешение в сегодняшней жизни: коль скоро Великий глобализатор по своим сложным соображениям решил сменить пряник на кнут в отношении России, то хотя бы вспомнили, что есть у нас еще литература, хотя бы и являющаяся слабой тенью великой русской и советской словесности. ... И Литературный институт уже не призывают ликвидировать «из-за нерентабельности», как то имело место быть в либеральные девяностые...

♦ ***Грустно, скучно... и «некому руку подать».*** Опять же вспомним строки Максимилиана Волошина («Р. М. Хин» из книги «*Selva oscura*»):

Я мысленно вхожу в ваш кабинет...
Здесь те, кто был, и те, кого уж нет,
Но чья для нас не умерла химера,
И бьется сердце, взятое в их плен...
Бодлера лик, нормандский ус Флобера,

Скептичный Франс, святой сатир — Верлен,
Кузнец — Бальзак, чеканщики Гонкуры...
Их лица терпкие и четкие фигуры
Глядят со стен, и спят в сафьянах книг
Их дух, их мысль, их ритм, их бунт, их крик...
Я верен им...

Читая эти волшебные строки, я не только «верен им», но непроизвольно память моя тотчас выдает «координаты»: в полуметре от моего письменного стола, на верхней полке стеллажного шкафчика стоит в ряду других книг пузатенький томик «Цветов зла» Бодлера — из серии «Литературных памятников»; пара разрозненных книг Флобера — это во втором ряду третьей полки стеллажа, закрывающего почти всю правую — от входа — стену прихожей, оставляя место лишь для электрощитка, вешалки и обувной полки; зеленые толстые тома собрания сочинений Анатоля Франса на стеллажах (опять же) справа от меня и через пространство комнаты. Увы, Верлен у меня представлен в числе сотни поэтов в томе европейской поэзии XIX века «Библиотеки всемирной литературы». Две книжки Бальзака разных лет издания — «Евгения Гранде» и «Утраченные иллюзии» — в книжном шкафу в смежной комнате. Там же двухтомник Гонкуров. Все в мнемонической памяти — это когда почти что на «автопилоте» подходишь к нужному месту, а рука автоматом касается корешка нужной книги: одной из тысячи с лишком. Точно также и в своем профессорском кабинете в университете, где все стены, кроме оконной заставлены шкафами и стеллажами с полутысячью томов научного соджержания...

«Я верен им», я помню всех, и знаю их содержание. Так мыслит и живет человек литературный, неважно, писатель или читатель. Но главное — это не расчеловеченный современной глобальной эпидемией с мощными, сверхзаразными социальными вирусами. Вся эта зараза сосредоточена в дьявольском феномене интернета, правильнее его назвать *уманетом*. В том-то и коварство глобализации, что в кратчайший, по историческим опять же меркам, срок, меньший чем условный поколенный, то есть двадцать пять лет, человечество было переведено в виртуальный телекоммуникационный мир информационного шума. Самое страшное, что подавляющее большинство людей, сформировавшихся для сознательной жизни еще в доглобалистскую эпоху, не почувствовали своего перехода в виртуальный мир информационного шума. Это расплата за заражение их вирусами «удобство», «свобода не напрягать свою голову» (один из существенных штаммов мутировавшего базового вируса «свобода»), а также вирусами «толерантность», «политкорректность», «общечеловеческие ценности» (то есть доллар и евро) и рядом других.

Посмотрите на нынешнего человека, что называется, со стороны, в его массе, то есть на улице, лучше ближе к вечеру, когда народ расходится по домам после дневных занятий. Достаточно редко встретишь по-двое, по-трое (этот фольклорный вариант общения и вовсе из обихода исчезает!) идущих, разговаривающих. Даже школьники и студенческая молодежь отвыкают в стайки сбиваться. Еще женщины среднемолодого возраста как-то поддерживают общение сам-двое. Но обычная картина — это идущие одиночкою, всех возрастов, обычно разговаривающие вполголоса, а в эмоциях даже орущие, по мобильнику. Поскольку же все перешли на гарнитуру, закрепленную почти невидимо со стороны, то создается невольное впечатление: в Кащенке (это для столичного обихода), в тульских Маслово и Петелино, в калужской Бушмановке и так далее по всем городам и весям, объявлен «день открытых дверей». Вот и их постояльцы небуйного поведения расхаживают свободно по улицам, сами с собой — ведь в голове-то раздвоение! — активно беседуют, для убедительности жестикулируя руками и мимикой лица подтверждая правильность высказываемых сентенций...

Создается впечатление одиночества в стаде, бредущем, с одной стороны, порознь, но с другой — бессмысленно направленно. Что-то схожее в подсознании — кладовке памяти вертится? Сосредоточился и вспомнил, то есть перевел давнюю картину своего заполярного, на берегу Баренцева моря, детства в активную память. А именно, когда в кольской тундре раз в несколько лет случается значительный, сверх экологической нормы, всплеск численности полярных мышей-леммингов, пеструшек по-местному, почти безхвостых зверьков буро-желтого цвета с темными пятнами. Биологическая эволюция сантиментов не признает: в начале осени такого года сверхприплода пеструшки идут из тундры к берегу Баренцева моря, его заливов и губ. Идут сплошняком, от тесноты на задних лапках, положив передние на спины впереди идущих. Если встретился человек — огибают его сапоги, снова смыкаются и таким колышащими буро-желтым ковром спускаются к воде, в которой и исчезают. Для продовольствования донным и плавающим обитателям моря.

Эволюция человека тоже несентиментальна. Человек это сознает, творя законы социумной жизни. Так и в Древнем Риме, создавая римское право — великолепный, навеки начертанный свод законов, авторы его за основу взяли девиз: закон суров, но это закон! Эволюция человека — это не примитивное фатальное «чему быть, того не миновать», но предопределенное целеуказание более общей эволюции... как угодно ее можно называть: мирозданческая, вселенская и так далее. Из этого и следует исходить при анализе социумной жизни, а не вздыхать о прошлом, пройденном человечеством, таком знакомом, а потому и располагающем к добронравным воспоминаниям... Загадывать же о будущем суть вообще нелепость высшего порядка. Но оценивать настоящее — значит улавливать тенденцию. Здесь сложно ошибиться. Так и с расчеловечиванием в стремительно развивающейся вширь и вглубь глобализацией.

Главное, что следует четко осознать: нынешняя гибридная жизнь в восприятии разных поколений вовсе не соотносится с классикой «отцов и детей». То было обычное явление в неразрывной цепи поколений: от юношеского либерализма и безудержного оптимизма «мы весь, мы старый мир разрушим» до хладнокровного консерватизма человека, перешедшего первую половину своей жизни. Это естественное, не отрицаемое в эволюции единичной жизни. Но нынешняя эпоха — это смена этапов эволюции: от социума человека гуманитарного (это не тавтология, хотя и похожа на нее) к глобальной мегамашине с информационно-технологической доминантой, в системе которой бывшему человеку биологическому разумному уготована незавидная судьба. Но — незавидная с точки зрения *нас, людей еще традиционных*, которым грустно, скучно... и «некому руку подать».

В масс-медиа, наряду с бесчисленным множеством устоявшихся уже и новоязовских словесных штампов, весьма популярен таковой относительно «наших детей как нашего будущего». И мы зададимся вопросом: если мнение на этот счет у нынешних людей традиционных весьма скептическое, то как будут себя ощущать, как уже себя ощущают представители молодых поколений, уже созревших для «несветлого глобалистского, расчеловечивающего будущего»? А прекрасно себя чувствуют. Но как же так? И здесь ответ предельно прост: они уже другие, нежели их родители, еще в чем-то (но тоже уже далеко не все) сохраняющие черты и содержание человека традиционного. Для них надвигающийся мир стал в одночасье своим. А то, что они другие, можно видеть даже по принципиальному изменению «принципа тусовки», одинаково присущему <ранее> подростку традиционному и нынешнему тинейджеру-бронеподростку, а именно: если у первых, уже давно прошлых, была приблатненная дворовая романтика, явно не одобряемая взрослыми, тем более масс-медиа, то у нынешних — это прямое руководство от СМИ: от телерекламы до интернета, которое только кажется стихийно складывающимся.

Вирус «свобода» корневой основой своей имеет упрощение: во всем, опять же умело подстроенным под случайность и совпадение. Но на всякую случайность есть

своя теория вероятностей... Действенность вируса «свобода» с акцентацией на упрощение в процессе расчеловечивания проследим... на музыке, как виде искусства органично присущего всем людям: от той же блатной «Мурки» до произведений Бетховена (особенно «Девятая симфония»), Чайковского («Концерт для фортепиано с оркестром»), Вагнера («Кольцо нибелунгов»).

К первой четверти прошлого века, включая и саму эту четверть, европейская музыка, естественно включая в первые ряды русскую, то есть де-факто мировая музыка, достигла своей вершины с полным господством мелодичности, выраженной гамма-тональности, композиционной связности и непрерывности. Словом, все что называется симфонизмом. Совершенно справедливо Артур Шопенгауэр в своем главном труде «Мир как воля и представление» сопоставил музыку с прямым, неопосредованным выражением мировой воли. Эту эволюцию музыки от античных времен до начала XX века, синхронную с очеловечиванием, оразумлением человека, условно-укрупненно охарактеризуем как переход от ритмов «детства человечества» к выраженной тональности симфонизма зрелого человечества.

Но все более и более показывающий свои хищные зубы глобализм в своей предтече нынешнего, уже явного, прямой потомок наивного масонства, розенкрейцарства и пр., «принял меры» в одной из ипостасей грядущего расчеловечивания. С конца XIX века в Америке, в смысле в САСШ (Северо-Американские Соединенные Штаты), как тогда именовались нынешние США, в стране, которая «пришла к цивилизации, минуя культуру» — по высказыванию Томаса Манна, началась и резко взяла вверх эпоха джаза, выраженной ритмической музыки на основе музыкального фольклора невольных «переселенцев» из черной Западной Африки.

Поскольку своей тонально-симфонической культуры у американцев не имелось (см. выше слова Томаса Манна), то джаз очень скоро завоевал все подмостки страны, заняв позиции массовой музыкальной культуры, а в лучших своих произведениях и вовсе локальной американской музыкальной классики. В Европе до поры до времени американский ритмический джаз всерьез не воспринимался. Но когда талантливый молодой композитор Джордж Гершвин (Яков Гершуни) — из семьи одесских эмигрантов,— объединив джазовый стиль с африканскими ритмическими корнями и традиционную народную еврейскую ритмическую мелодику, неизменную с ветхозаветных времен, начал активно сочинять и продвигать (Америка страна деловых во всем людей!) свои песни, сюиты, наконец, оперу «Порги и Бесс», совершенно оригинальные в своей новизне, композиционном сочетании ритма и тональности, более того, сам «привез» свои музыкальные произведения в европейскую столицу Париж, то Европа «дрогнула» и начала все более отступать от полного доминирования симфонической тональности. Прежде всего эти новации начали проявляться у Мориса Равеля, Стравинского, отчасти у Рахманинова, прежде выраженных мелодистов.

...Да еще Гершвин поведал своим европейским музыкальным знакомым о баснословных американских гонорарах композиторам и исполнителям, тем самым вдохновив многих знаменитостей на гастроли за океан. Впечатления от знакомства с американской ритмической музыкой тем более сказалось на стиле многих европейских композиторов. Так или примерно так американский джаз поколебал европейский симфонизм, начав его двигать вспять — к ритмике и *опрощению*. Даже ведущие европейские музыкальные критики 20—30-х годов прошлого века, словно извиняясь за такое опрощение творчества композиторов и вкусов публики, уныло твердили, что-де народ устал от слишком серьезной музыки; опять же после ужасов <тогда еще Первой> Мировой войны требуется длительное расслабление людей, отсюда и предпочтение музыки, слушание которой не вызывает сосредоточения ... словом, журналистика, в том числе музыкальная, вторая из древнейших профессий.

Так начал действовать вирус «свобода» с вирулентностью упрощения — опрощения в сфере музыки, как составляющей тщательно продуманного расчеловечивания.

С началом двадцатого века активно начал действовать такой штамм вируса «свобода», как «упрощение в видимом усложнении», обычно называемый модернизмом и авангардизмом. В Европе он ознаменовался в музыке введением Арнольдом Шёнбергом додекафонической (двенадцатитоновой) системы — читайте «Доктора Фаустуса» Томаса Манна — предтечей нынешней «цифровой музыки». Двадцатые годы прошлого века ознаменовались особенным всплеском музыкального авангардизма с ритмической доминантой в Веймарской Германии и в Советской России. В Германии это прежде всего Эйслер с типичными немецкими маршами для революционных масс, коммунистов Тельмана; а для штурмовиков Рема и далее уже по заказу правителей Третьего рейха во множестве сочинил великолепные (отвлекаясь от их политической мотивировки) марши ... внук Рихарда Вагнера. Но в них авангардизм уже отсутствовал, остался только ритм — полное упрощение для <музыкального> зомбирования масс.

Более пестрая картина музыкальной жизни наблюдалась в молодой Советской России. Самые значимые композиторы-симфонисты, те же Рахманинов и Стравинский, эмигрировали на Запад. Как и наиболее известные певцы, исполнители оперных и других партий, среди которых Федор Шаляпин, Юрий Морфесси, Александр Вертинский, Петр Лещенко... впрочем, последний не являлся де-факто эмигрантом: он жил в Кишиневе, а Бессарабия по итогам Первой мировой войны отошла Румынии (только в 1939 году Сталин вернул ее в СССР). Это как невольным жителем заграницы оказался и Игорь Северянин, которого Гражданская война застала в Эстонии, в которой довоенные петербуржцы проводили летнее дачное время...

Сказанное к тому, что освободившее «музыкальное поле» в двадцатых годах крепко заселили авангардисты. Тем более, что корни его взросли еще в предвоенной России. Так в 1913 году в Петербурге громким скандалом ознаменовалась постановка оперы «Победа над солнцем»* (то есть над Пушкиным) композитора Матюшина по либретто поэта Крученых, художественное оформление Малевича, а пролог Хлебникова. Какие имена! Весь авангард страны в триединстве музыки — литературы — живописи... По воспоминаниям современников, после первого представления из зала некоторых, особо впечатлительных, увозили в сумасшедший дом! Кстати, в опере провидчески предсказывалась скорая всеевропейская война и череда революций в России.

Итак, поле освободилось, а в 1920-х годах его заняли авангардисты-модернисты с их упрощением, ритмизированием музыки. Это Попов, по мнению некоторых музыковедов «из которого вышел весь Шостакович», Мосолов и Арсений Авраамов (это псевдоним; сам он был из семьи донского казачьего генерала...). В духе времени модернисты облекали свои музыкальные творения «в рабочую спецовку» и «били молотом по наковальне». Александр Мосолов сочинил симфоническую картину «Завод» — из предполагаемого балета «Сталин» (?). К счастью, или к сожалению, не написанного. А Арсений Авраамов для исполнения своей «Симфонии гудков» (всего было два исполнения: в Москве и в Нижнем Новгороде... или в Баку?) использовал реквизит из паровозных и заводских сирен-гудков.

Впрочем, к началу сталинских пятилеток во всех сферах жизни советских людей любой модернизм, в том числе в музыке, исчез, в определенной дозе оставшись в произведениях того же Шостаковича, Прокофьева («Петя и волк», например), конечно Шнитке.

Сейчас тональный симфонизм во всем мире исчез. Его «отвоеванное» место, зараженное вирусом «свобода» со штаммом «упрощение в видимом усложнении», заняло нечто отдаленно напоминающее музыку в ее обычном понимании. «Пляски

* Прошло 111 лет... и 15.05.2024 г. в теленовостях канала «Культура» радостно сообщили: в известном московском театре <имярек> после столетнего с лишком перерыва возобновлена постановка «Победы над солнцем», хотя бы в упрощенном, концертном варианте. Словом, «неугомонный не дремлен враг...»

негрских племен у истоков Замбези», говоря словами одесских классиков, в сочетании с воплями мартовских котов. Что-то в этом роде. На этом фоне высокой классикой представляется «Иисус Христос суперзвезда» Эндрю Вебера (музыка) и Тима Райза (текстовка). Словом, «по пивку с кюар-кодом...»

В те же достопамятные 1920-е годы в нашу страну пришло из Европы сразу два увлечения: в популярных у молодежи журналах навроде «Хочу все знать» (предшественник «Знания — силы» и «Техники молодежи») начали печатать статьи по изучению языка эсперанто и обучению игре на гитаре по цифровой системе. Самое интересное, что это же, в той же парности, повторилось в 1960—70-х годах...

Но мы о гитарах. От внешне наивных способов опростить, опошлить популярную эстрадную, преимущественно молодежную музыку, тайные еще глобализаторы перешли в наступление. Английский теоретик музыки Адорно усовершенствовал додекафонию Шёнберга, формализовав, оцифровав ее ритмику, создав основу для музыкального зомбирования. Практическое экспериментирование завершилось с помощью «Битлз» полным успехом. Что мы сейчас и видим. Здесь такая конспирология сложилась, что впору романы писать... Мы же завершим невеселый очерк словами: искать простое в сложном и усложнять простое — значит мудрствовать лукаво, что есть рабочий инструмент гибридизации и собственно *Ея паскудного величества глобализации*.

КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ОЧЕРК, ПОВЕСТЬ

Олеся Янгол
(г. Тула)

АРХИТЕКТУРА РАЯ
Главы из романа

Наш постоянный автор.

16. Каменные люди

Вечером мы устроили привал у попавшегося нам на пути купола с припасами. Набрали сушеной маны. Но это на крайний случай. А пока можно есть и свежие плоды. Мы заметно исхудали. У Ивеи глаза стали огромными. Когда она говорила, я невольно смотрел в них. Ее взгляд был живым, даже когда она грустила, думая о чем-то своем. Глаза черно-синие, словно два маленьких осколка космоса. Сейчас, сидя на склоне и глядя в ночное небо, я невольно сравнивал ее глаза с космосом.

Похолодало. Мы укрылись жаком.

— Ты хорошо поешь,— сказала Ивея.

Я рассказал, как в детстве и юности увлекался музыкой. Вспомнил историю исчезновения Ригаса.

— Это его тексты? — спросила она.

— Да. Мне, увы, стихи не даются.

— Но мелодии ты сочиняешь прекрасные. Особенно колыбельная понравилась.

— Детям тоже, я думаю,— я невольно улыбнулся, вспомнив детей.

— Удивительно! — задумчиво произнесла она,— выходит, все эти шептуны... это были дети.

— Если это так, то здесь целая долина детей. Вот только взрослые где? А ведь еще были звуки леса, шум реки... помнишь?

— Гипополам Лупус загадочное место. А уж его северная часть вообще странная. Здесь все лишено логики. Нам еще много странного предстоит увидеть.

К утру выпал снег. Тихий, безмолвный. Ночью его еще не было, а утром, раскрыв глаза, я на секунду ослеп от яркой белизны. Ивея сидела, накрывшись жаком с головой.

— Плохо дело,— сказала она,— глаза не выдерживают, слишком ярко.

Мне и самому было трудно смотреть на белый снег, даже в такую пасмурную погоду. Надо было как-то защитить глаза. Я вспомнил, что в блокноте страницы визонов состоят из нескольких микрослоев, основой которых служит прозрачная, черная пленка. Открепив один визон, сломал его, обнажив основу. Перегнул вдоль. Получились две продолговатые полоски. Теперь только придумать, как закрепить их на глазах.

— Адан, зачем? Теперь же не восстановишь!

— Ничего. Сейчас важнее добраться до твоего дяди зрячими.

Ивея вытянула пару плотных нитей из своей кофты.

— Вот видишь, ты тоже идешь на жертву,— заметил я полушутя.

Мы невольно рассмеялись. Нити помогли закрепить полоски на лице, получились отличные солнцезащитные очки. Выглянув из-под жака, Ивея опробовала их.

— Другое дело. А то уж думала идти дальше на ощупь.

— Интересно, куда бы нас принесло?

Наличие еды и воды заметно подняло наше настроение. Я накинул жак на Ивею. Она не возражала. Я же и в кофте с длинными рукавами чувствовал себя комфортно. Как известно, материалы, производимые на Четвертом ярусе, могут изменять свои свойства в зависимости от внешней температуры. Конечно, от сильного мороза она не спасала, но сейчас справлялась отлично. На плечи я накинул вязанку с маной, и мы бодро зашагали дальше.

Перед нами все еще простирались поля с короткой травой. Сейчас они белели от снега. Тропа тоже была в снегу, но возвышавшаяся по бокам плетеная косица четко определяла направление. Мы двигались вперед, оставляя позади лишь одинокие наши следы.

Во второй половине дня повалил крупный чистый снег. Мы вновь приближались к какому-то селению. На этот раз ни леса, ни реки, лишь голые холмы, покрытые снегом, и каменные строения. Не пещеры, а настоящие дома. Вот только вместо окон и дверей зияющие чернотой дыры. Небольшая площадь с привычным уже куполом по центру. Назвать его колодцем я не решался. В деревне у детей он не служил колодцем.

На площади было много людей. Они стояли неподвижно, слушая речь какого-то оратора, взобравшегося на купол. Он суетился. То забирался внутрь купола, то, выбираясь наружу, спускался с него. Бегал между людьми. Подойдя ближе, мы поняли, что это ребенок. Но как права была Ивея! Нам еще не раз предстоят необычные встречи.

Люди на площади оказались каменными фигурами. Нельзя было назвать их скульптурами. Очень уж странно они выглядели. Ростом с человека, худые, с длинными руками и ногами. На длинных шеях сидели маленькие продолговатые головы. Вместо глаз — осколки горного хрусталя. Но самой неприятной деталью оказались челюсти. Приглядевшись внимательнее, я понял, что они настоящие. Фигуры стояли в разных позах. Кто-то держал друг друга за руки, кто-то стоял на одной ноге, кто-то — руки в боки с выпяченной грудью. Рассматривая фигуры, мы даже позабыли о суетливом ребенке. Да и он, видимо, спрятался, завидев нас.

От каменных лиц, на которых читалось неприкрытое безумие, мне стало не по себе. Белесые челюсти с застывшим вечным смехом усиливали эффект. Я отошел к куполу, стараясь больше не смотреть на эту странную армию безумцев. Это было непросто. Казалось, будто кто-то то шевельнул рукой, то покачал головой. Хорошо еще, что они не шептали, как каменные куклы детей.

Ивея подошла ко мне, взяла за руку.

— Скорее бы все это закончилось. У меня такое ощущение, что в самом воздухе разлито безумие.

Словно в подтверждение мы услышали приглушенный хохот. Невольно обернулись. Но потом поняли, что он раздается из купола. И это не был хохот ребенка...

17. Большая голова

Я уже заметил особенность Шестого яруса. Даже в самую пасмурную и дождливую погоду в предзакатные минуты всегда появлялось солнце. Низкое, у самого го-

ризонта, оно словно прорывалось сквозь плотную стену из туч и окрашивало все золотистым призрачным светом, преображая пейзаж до неузнаваемости.

Вот и сейчас нежданные лучи разлились по сизо-серому небу. Свет коснулся каменных фигур, и те будто ожили. Тени задвигались, меняя выражения на лицах. Казалось, что фигуры зашевелились. Вкрапления горного хрусталя в глазницах засверкали. И вновь раздался смех. Скрипучий, неровный, подвывающий. Я посмотрел на верхушку купола. Оттуда на меня глядела огромная голова. Беззубый большой рот, искаженный хохотом. В этот момент село солнце. И тут же вновь плотной стеной повалил снег.

Ивея придвинулась ко мне вплотную. Я видел, как она побледнела. Я вспомнил о кукле, лежащей во внутреннем кармане жака. Достал и, сильно нервничая, с силой дунул в отверстие. Раздался звонкий посвист, перешедший в отрывистый смех. Голова исчезла в отверстии. Показалась луна. Огромная, с четкими краями, без дымки. Отразившись от зеркальной поверхности Конуса, осветила все кругом. Как по команде закончился снег. Лунный свет преобразил каменные фигуры, сделав их полупрозрачными.

Вновь показалась голова. Послышалось кряхтение, бормотание. В лунном свете мы разглядели ее лучше. Такого мне никогда не приходилось видеть. Сама голова была раза в полтора крупнее обычной. Удлиненная кверху. С плоским лицом и затылком. Редкие волосы клочьями покрывали неровности черепа. Маленькие водянистые глазки с неспокойными зрачками, не способными надолго задержаться на каком-либо предмете. Большой, искривленный постоянным бормотанием рот.

Из отверстия купола показались маленькие ручки ребенка. Видимо, Голова решила выбраться наружу. Показалось тщедушное тельце с деформированной грудной клеткой. К тельцу крепились худенькие ножки. Непропорциональность огромной головы и маленького, неразвитого тельца поражала. Существо довольно ловко спустилось по уступам вниз на руках. И так же, на руках, отползло на пару метров, село на снег, видимо совсем не ощущая холода, и принялось разглядывать нас. Впрочем, и мы, не пытаясь сдержать себя, во все глаза смотрели на это чудо.

Голова заметила вязанку с маной, которая висела у меня на плече. Оживилась, заулыбалась и жестами показала, что хочет есть. Ивея оторвала один плод, осторожно приблизилась к существу, положила ману у его ножек. Ручки молниеносно метнулись к плоду. Ивея невольно отскочила обратно ко мне. Мы вновь услышали бормотание, урчание. Существо, ловко очищая ману, вгрызалось в мякоть большим беззубым ртом.

— Адан,— Ивея взяла меня за руку,— уйдем отсюда. Не могу смотреть на него.

Мы вошли в один из домов. Пустая каменная комната с дверным проемом и двумя зияющими окнами-глазницами. Внутри ни намека на какую бы то ни было жизнь. Холодные каменные стены, освещенные бледным лунным светом. Мы сели у противоположной от входа стены.

— Теперь я точно убедилась,— сказала Ивея,— мы в Долине Безумия. Вспоминаю рассказы дяди. Но раньше я все это принимала за страшные сказки. А сейчас вижу воочию. Если вдуматься, то это все ужасно, Адан! Большая часть народа мана деградировала. Те немые дети, они действительно живут одни. Здесь существует обычай: всех, кто чем-то отличается от принятой нормы, вывозят за окраины жилых земель. Эти дети родились немыми, и родители избавились от них. Дети не погибают. Сам видел, как старшие заботятся о младших. Дикая мана растет круглый год. Так что пища у них есть. Им повезло. Но сколько других земель кругом, где нет такой возможности!

— По-видимому, это несчастное существо живет здесь одно,— предположил я.

— Похоже на то.

Ивея встала, подошла к оконному проему.

— Подойди,— позвала она,— сейчас ты увидишь, что значит «растущие горы».

В ярком лунном свете, освещавшем площадь с каменными фигурами, хорошо было видно, как существо таскает сосуд, наполненный какой-то вязкой темной жидкостью. Оно ловко карабкается по уступам, спрыгивает внутрь купола, через несколько минут появляется с наполненным сосудом. Спускается вниз и начинает медленно выливать жидкость из сосуда на землю. Крупные жирные капли, касаясь друг друга, почти мгновенно застывают, образуя неровные наплывы. Одного сосуда с жидкостью существу хватило, чтобы изваять половину тонкой, сучковатой ноги. Ступни с пальцами, щиколотка, голень, колено. Существо со знанием дела и сноровкой капало жидкость, выращивая нужную ему форму.

— Значит, все эти фигуры создало это существо! — с удивлением произнес я.

— Интересно, а откуда настоящие челюсти? — тихо спросила Ивея.

За полчаса возвысились две ноги, соединенные туловищем. Существо приступало к созданию рук. Мы решили лечь спать. Завтра, как только забрезжит утро, покинем это странное место. Привычно укрывшись жаком, уснули.

Среди ночи что-то разбудило меня. Какое-то чувство тревоги не покидало. И даже во сне я прислушивался к тихому дыханию Ивеи. Я почувствовал, что кто-то находится рядом. Открыл глаза. Луна уже не светила в окна, и было темно. Но я явно слышал тяжелое сопение и знакомое уже бормотание. Я осторожно, стараясь не шуметь, нащупал в кармане блокнот, вытащил, коснулся обложки, и он засветился. Этого хватило, чтобы увидеть, как над спящей Ивеей нависла огромная голова с искаженным в нездоровой улыбке лицом. Блеснуло лезвие ножа. Существо уже занесло руку над лицом Ивеи, метя прямо в губы. Я резко откинул жак, схватил тщедушную руку с ножом, отвел в сторону. Существо громко, испуганно завизжало. Выронило нож. Проснулась Ивея. Со сна не осознавая, что произошло, села. Я держал существо за руку, оно визжало, потом принялось стонать и хныкать. Потом расплакалось, словно ребенок.

— Отпусти его! — крикнула Ивея.

Я отпустил. Существо тут же поползло к выходу, продолжая истошно рыдать. Я поднял нож. Длинный, с острым гнутым лезвием.

— Вот откуда человеческие челюсти,— догадался я.

Ивею передернуло. Она невольно коснулась своего лица. Оставаться здесь не хотелось. Мы вышли из дома. Существо сидело перед новоиспеченной каменной фигурой и, поскуливая, потирало свою руку. Видимо, я очень сильно схватил его.

Я присмотрелся к фигуре. Похожая своей уродливостью на остальных, она все же имела свою особенность. В руках фигуры, поднесенных ко рту, была зажата каменная кукла. Та самая, что подарил мне малыш. Я и не заметил, как она исчезла из моего кармана. Легкий ветер извлек из нее знакомый уже шепот. Вместо глаз тускло светились осколки горного хрусталя. Не хватало лишь челюсти. Ветер подул с новой силой. Кукла разразилась отрывистым смехом. Существо, забыв о боли, подняло вверх свою уродливую голову и показало пальцем, словно говоря нам: смотрите, какую я выдумало шутку. Рот существа растянулся в беззубой улыбке.

Мы поспешили прочь. Но еще долго до нас доносились смех и шепот.

Ветер усиливался...

18. В иной мир

И снова снег. Густой и надоедливый. Ветер разошелся не на шутку. Острые снежинки, впиваясь в лицо, жалили, словно пчелы. Мы, держась друг за друга, упрямо продвигались вперед. Эта ночь была сама по себе безумной. Но мы вынуждены были идти, борясь с природным безумием, чтобы оставить то безумие, которое жило в покинутой нами деревне.

Мы шли часа три. Наконец Ивея остановилась, тяжело дыша, и бессильно упала на колени. Я сел рядом, обнял ее. Она плакала.

— Какая я дура! Что меня дернуло выйти через северную дверь? Но я ведь не знала, Адан! Не знала, что здесь ТАК! Сейчас я готова повернуть назад.

Я пытался успокоить ее. Гладил по воспаленному от мороза лицу. Ветер издевался над нами. Казалось, он дул во все стороны одновременно.

— Мы не пойдем обратно! — крикнул я ей.

Завывания ветра не давали говорить спокойно.

— Мы переждем ночь здесь. А завтра продолжим идти. Мы слишком много прошли, чтобы возвращаться.

Спрятавшись под жаком и вжавшись друг в друга, мы пытались уснуть.

Кажется, настало утро. По крайней мере, небо из черного стало темно-серым. Темнота едва рассеялась. Ветер, устав дуть, отступил. Снег продолжал падать. Но уже медленно и лениво.

Я выглянул из-под полы жака, и мне сделалось не по себе. Я не увидел тропы. Этого стоило ожидать. Каменная косица была не так уж высока. Ее еще ночью засыпало, не оставив и намека на тропу. Единственный способ — пробираться на ощупь. Мне тяжело было смотреть на Ивею. Она выглядела изможденной. Обожженное лицо распухло, веки стали тяжелыми. Нужно было двигаться дальше. Иначе смерть.

Ползая на коленях, я отыскал границы тропы. Теперь оставалось только расчищать снег перед собой. Для этого хорошо подошла вязанка с плодами маны. Хорошо, что снег еще не успел слежаться и был пушистым. Он легко разметался в стороны. Теперь мы шли медленнее, но все же шли.

Впереди показалась какая-то арка. Вновь из тех сумасшедших конструкций, что постоянно встречались нам на пути. На этот раз безумие являла собой огромная голова, венчавшая арку. Сквозь отверстия, служившие ртом и глазами, ветер выдувал звуки мелодии. Протяжной и тоскливой. Такой же тоскливой, как все, что окружало нас. Голова напомнила мне то существо из деревни. Хотя это я сам прозвал его существом. А ведь это был человек. Такой же человек, как я и Ивея. Только, глядя на него, я не видел в нем ничего человеческого. И в этом была еще бо́льшая трагедия.

Сама арка состояла из переплетений каменных нитей. Они составляли сложный узор. Арка была метра четыре в высоту. Голова усыпана снегом. Подойдя ближе, Ивея внимательно всмотрелась в переплетения.

— На самом деле это не узоры,— сказала она,— это древняя вязь мана. Их письменность. Здесь написано «Проход в иной мир».

— Ты умеешь читать эти странные переплетения?

— Немного. Отец в этом специалист, ну, и я как-то научилась. Да и дядя любил показывать старые рукописи.

— Может, это граница между Севером и Югом? — предположил я.

Я смотрел на арку, пытаясь понять, что хотели сказать ее создатели путнику. Ничего здесь не говорило о другом мире, тем более ином. Все тот же унылый заснеженный пейзаж. Стенки арки, благодаря вязи просвечивающие насквозь, были не толще руки. Ивея подошла вплотную, коснулась каменных нитей, смахнула пушистый снег с причудливых изгибов. И, едва она сделала шаг к центру, ее нога провалилась вниз. Я успел подхватить ее, вытянул.

— Адан, тут какой-то колодец!

Мы счистили снег и действительно увидели круг, выложенный ровно подогнанными камнями. На небольшой глубине рассмотрели люк, покрытый той же вязью, что и арка. По центру люка, который был не больше метра в диаметре, тускло поблескивал осколок хрусталя.

— Ворота на Юг,— медленно разбирая надпись, прочитала Ивея.— Может, ты и прав,— она взглянула на меня.

— Граница?

— Для границы как-то странно выглядит,— с сомнением произнесла она.— Но здесь явно какой-то проход.

Я опустился на колени и нагнулся над колодцем так, чтобы достать рукой до люка. Попытался сдвинуть его. Бесполезно.

Мы какое-то время постояли под аркой. Съели одну свежую ману. Еще раз осмотрели люк, явно чувствуя, что здесь скрыта какая-то дверь. Но открыть ее возможности не было. Делать здесь явно больше нечего. Надо идти дальше. Едва промелькнувший бледный луч солнца исчез за плотными снежными тучами. Снова серая пелена и тихий, давящий на нервы снег.

Мы покинули арку. Хорошо бы до ночи найти хоть какое-то убежище...

19. Музыка смерти

Мы снова двигались почти на ощупь. Я перестал разметать снег и лишь помечал границы тропы.

— Постой,— Ивея оперлась о мое плечо и устало выдохнула,— в ушах звенит.

— И у меня.

— Я думала, это от усталости.

— Я уже давно почувствовал, как звенит и давит на уши.

Мы пошли дальше. Гул становился все отчетливее. Низкий звук накатывал тяжелой волной. Казалось, в голове пульсирует какая-то жилка. Что-то большое и темное завиднелось впереди. Мы услышали голоса. Наконец сквозь пелену снега показались и люди. Они суетились вокруг сооружения, состоящего из высоких вертикальных труб разной толщины. Именно из них слышался гул. С нашим приближением он не становился громче. Но давление на уши увеличивалось. Звук начал вибрировать уже где-то в груди. Ощущать все это было крайне неприятно.

Нас заметили. Суета прекратилась, голоса стихли, и гул тоже. Мы подошли ближе. Худые, обмотанные каким-то тряпьем люди молча смотрели на нас. В их глазах был неприкрытый испуг. Они явно не ожидали нашего появления.

Сооружение возвышалось на несколько метров. Каменные трубы, большие и маленькие, толстые и тонкие, соединялись вместе и составляли некую машину, издававшую тот самый гул. К машине вели высокие, почти с рост человека, ступени. Их было всего пять. И на самой верхней сидел человек. Он что-то крикнул нам. И только по голосу мы поняли, что это женщина. Я не смог разобрать слов. Женщина замахала на нас руками, явно пытаясь прогнать. Вновь закричала и принялась спускаться. С таких высоких ступеней спускаться непросто. Она перевернулась на живот, свесила ноги вниз и спрыгнула на нижнюю ступень. Таким образом, она добралась до самой земли. Она вновь что-то произнесла.

— Ты понимаешь, что она говорит? — спросил я Ивею.

— Я бы не назвала это языком. Нечленораздельные звуки, словно она немая.

Женщина неуверенно, явно остерегаясь нас, все же подошла ближе. Ее высокая худая фигура напомнила те жуткие скульптуры, созданные существом в деревне. На худом скуластом лице сверкали непропорционально большие глаза. И если пытаться смотреть на них отдельно от лица, можно было бы назвать их красивыми. Густые черные ресницы обрамляли эти миндалевидные глаза. Яркая голубизна радужки притягивала к себе и одновременно отталкивала. Нечесаные бесцветные волосы «украшала» гибкая каменная сетка. Это была невероятно тонкая работа, если брать во внимание, что сделана она была из грубого камня. Изящество украшения было так же нелепо, как и красота глаз на исхудалом, изможденном лице женщины.

Она продолжала кричать, шипела и плевалась. Она была явно безумна. Люди, стоявшие вокруг каменного сооружения, молчали и пугливо жались друг к другу.

Очевидно, эта женщина была здесь за главную. Она прогоняла нас. Но мы не могли возвращаться. Мы должны были двигаться дальше по тропе жизни.

Женщина повернулась к своим людям и что-то произнесла. Вернее, вновь издала нечленораздельное — аэу-а-а-ы. Видимо, им эти звуки что-то сказали. Они начали быстро забираться на трубы. Ловко, не боясь сорваться, карабкались до самого верха. Видимо, делали это часто. Женщина вновь принялась карабкаться на ступени.

Усевшись наверху, спиной к нам, она напомнила мне музыканта, севшего за инструмент. И я не ошибся. Она прокричала что-то. Люди откинули люки на самом верху труб. Женщина принялась вытягивать тяжелые стержни из отверстий в трубах. И мы услышали... Вернее, почувствовали, как в нас ворвался низкий, вибрирующий звук. Ивея прикрыла грудь руками. Именно в грудную клетку била сильная волна. Казалось, что сердце сейчас лопнет, взорвется мозг. Это было невыносимо!..

Мы побежали обратно так быстро, как могли. Бежали долго. Тяжело и громко дыша. Мне казалось, я начинаю сходить с ума. Все мое тело противилось этой безумной какофонии. Расстояние нас не спасало. Ивея рухнула на колени. Я услышал, как она замычала. Неужели ее разум не выдержал?! Я обнял ее.

— Послушай меня,— с трудом проговорила она,— сделай то, что я скажу, и не спрашивай зачем. Просто сделай.

Я кивнул.

— Начинай мычать. Делай так — мммммммм... Постарайся найти *свою* вибрацию. Понимаешь, что я хочу сказать?

Кажется, я понял.

Сидя на коленях, держа друг друга за руки, мы замычали. Сначала мой голос не слушался меня. Он дрожал и срывался. И когда он срывался, чужеродный гул охватывал все мое нутро. Я сосредотачивался и вновь издавал — мммммм...

Наконец я почувствовал, что становится легче. Безумие отступало. Чужая вибрация уже не имела надо мной власти.

Сколько так мы просидели, не знаю. Прекратился снег. Я увидел ночное небо, полное звезд, и только сейчас понял, что уже не мычу. Мы сидели в абсолютной тишине. Какое это было блаженство! Звездное небо, белое пространство вокруг и тишина.

Впереди виднелась арка. Мы вновь вернулись к ней...

20. Подземный туннель

— Не дает мне покоя эта вязь,— задумчиво произнесла Ивея.

Она встала и подошла к арке. Мы уже часа два отдыхали, сидя у люка. Поужинали маной. Бутыли наполнили снегом. Кристаллы, лежащие на дне, соединяясь со снегом, превращали его в напиток дающий силы. На всем протяжении пути эти кристаллы спасали нас. Я сонно смотрел, как Ивея ходит вокруг витых колонн, всматривается в узор. Хотелось спать. Наконец-то выдалась тихая ночь. Не нужно было прятаться от ветра и снега. Усталость победила меня, я провалился в полусон.

— Адан!

Я вздрогнул. Голос Ивеи заставил открыть глаза.

Голова ее выглядывала из колодца с люком. Я подошел.

— Я знаю, как попасть внутрь! — сказала она, смахивая снег с узорчатого люка.

Это окончательно прогнало мой сон.

— Хрусталь можно поворачивать. Смотри! — Ивея коснулась камня.— Там, на арке, не просто вязь, там код, с помощью которого можно открыть люк.

Она повернула хрусталь заостренным концом вправо. Я заметил, как узор, на который было направлено острие хрусталя, слегка засветился и тут же потускнел.

— Видишь! — Ивея заулыбалась.

— А следующий? Куда теперь надо повернуть?

— Теперь мне нужна твоя помощь. Я уже не могу отпускать хрусталь. На арке очень сложный узор. Лишь каждый седьмой элемент — это знак кода. У тебя есть бумага и карандаш. Запомни сейчас этот знак, найди такой же на арке. Он внизу. Потом отсчитывай шесть элементов, а седьмой зарисовывай.

Сидя на корточках у правой колонны, я благодарил Луну и ее отражение в Конусе. Они давали хороший свет, и я четко видел каждый изгиб сложного переплетения. Не так-то просто было поначалу различить, где начинается элемент и где он заканчивается. Но мне удалось привыкнуть к ритму рисунка. От первого узора я отсчитал шесть, зарисовал и принес Ивее. Мы долго изучали выпуклые узоры на люке. Наконец увидели знакомую петлю с перекрестьем внутри.

— Кажется, это только часть элемента,— сказала Ивея.

— Ты права, я ошибся.

Пришлось вернуться и рисовать все заново. Теперь я уверенно читал ритм. В памяти четко отпечатались узлы с точками. Они-то как раз и служили границами между символами. Мы вновь сидели над люком и складывали причудливую головоломку. Найдя второй и третий элементы, Ивея повернула кристалл. Сначала на север, потом на юго-запад. Узоры среагировали слабым сиянием. Я еще несколько раз возвращался к арке перерисовывать. В глазах уже рябило, изображения двоились, мы терли глаза, но не сдавались.

Последний поворот кристалла вывел нас из узорной медитации. Люк, заскрипев, начал уходить вниз. Я едва успел вытянуть Ивею за руку из колодца, как под ней образовался глубокий слабо освещенный туннель. Я сел на край, нащупал уступ.

— Попробую спуститься.

Ивея не стала дожидаться. Как только моя голова скрылась внутри, она последовала за мной.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
Иной мир

1. Добро пожаловать на Юг

Я не буду описывать, как мы спускались по неудобным вертикальным уступам вниз. Скажу только, что это было долго. Так долго, что я уже начал спрашивать себя, есть ли дно у этого колодца. Дно наконец-то появилось. Мы увидели слабо освещенный коридор и вышли по нему в огромный зал, похожий на тот, что был внутри Конуса. Змеевидная светящаяся труба с удобными креслами не заставила нас ждать. Мы зашли в растворяющиеся, подобно дыму, светящиеся двери и, уставшие, рухнули в кресла. Пару секунд спустя труба понесла нас в темноту. Мне было уже все равно, куда она нас привезет. Думаю, Ивее тоже. Мы отдали себя на волю техники и крепко уснули.

Мы очень хорошо выспались. Когда я раскрыл глаза, почувствовал прилив сил и давно забытую бодрость. Хотелось есть. Только сейчас я вспомнил, что ману мы забыли у арки. Проснулась Ивея. Улыбнулась мне.

— Как ты думаешь, где мы? — спросил я.

— Понятия не имею. Во всяком случае, не там, где были вчера. И я очень надеюсь, что мы покинули тот безумный Север.

— Все, что я там увидел, кажется бредом.

— Да, Адан, мрачное место. Дядя Этон, хоть и рассказывал мне, но реальность оказалась намного ужаснее.

Теперь нам предстояло понять, куда нас занесло на этот раз. Мы вышли в зал, стены которого терялись вдали. Совершенно пустой, наполненный светом, с идеаль-

но ровным матово-зеркальным полом. Я увидел наши отражения в полу и на мгновение оторопел. Я не мог узнать себя. Поначалу даже подумал, что смотрю на незнакомца. Но незнакомец повторял все мои движения. Я исхудал, а главное, оброс так, что походил скорее на дикую обезьяну. Я увидел всклокоченные волосы и бороду. Это было ужасное зрелище. Я невольно ощупал лицо. За все то время, что мы брели по тропе жизни, я не осознавал, что обрастаю волосами. В прошлой жизни со мной не случалось подобного. На Четвертом ярусе в своей душевой я умывался из особого крана, предназначенного для мужчин. Вода в нем содержала специальные *этоны*. После такой воды я не нуждался в старомодном бритье, которое еще застал мой отец. Конечно, у Даны я начал бриться по старинке, специально заточенным лезвием. Его подарил мне Рами. Я только сейчас задумался — сколько же прошло времени с моего последнего бритья? Где-то глубоко кольнуло. Я вспомнил Дану. Ивея ушла далеко вперед. Я поспешил за ней.

Странные мы испытывали ощущения, зная, что находимся в закрытом пространстве, но не видя стен. Шаги наши были мягки, сабаны глушили звук. Лишь легкое шуршание дробилось эхом во все стороны. Наконец впереди показалась колонна. Огромная, с полупрозрачными стенами. Мы подошли, и перед нами тут же рассеялась светом часть стены, словно приглашая войти. И мы вошли. Сама колонна была огромна, но тут я уже видел ее границы. Это немного успокоило. Хотелось, наконец, хоть какой-то определенности. Впереди мы заметили движение. Из пола пробился тонкий луч света. Начал расширяться, раскрываясь подобно лепесткам. Образовался экран, и мы увидели лицо. Миловидная женщина приветливо улыбалась нам.

— Добро пожаловать на историческую родину,— произнес голос.

Неподалеку от экрана из пола показались кресла. Мы сели. Удобно! Внутренняя вибрация приятно массировала уставшее тело.

— Мы надеемся, вы приняли осознанное решение для возвращения. И со своей стороны гарантируем вам легкий переход, постепенную адаптацию и скорейшее воссоединение с социумом.

Мы с Ивеей молча переглянулись.

Женщина на экране явно была визоактивна и говорила в записи. И обращаться могла к кому угодно, лишь бы активировался экран. Да и слова ее предназначались не нам, а неким определенным людям, «решившим возвратиться на историческую родину». Выходит, что Юг предпринял попытку дать северянам возможность возвращения.

— После этапа очищения вас накормят и предоставят возможность отдохнуть. На завтра активирована запланированная система. А сейчас я попрошу вас следовать по светящейся полосе.

И действительно, в полу показалась светящаяся полоска. Мы встали и пошли в указанном направлении.

2. Голос

У стены полоса света раздвоилась. Мы остановились. Я почувствовал прохладную ладонь Ивеи в своей руке и ободряюще пожал ее. Снова раздался мягкий женский голос.

— Мы просим вас на время разойтись. Мы будем благодарны, если девушка выберет правую сторону.

Ивея взглянула на меня. В ее глазах читалась тревога.

— Зачем нас разъединяют? Я не хочу,— тихо произнесла она.

Я не успел ничего ответить, как вновь раздался голос:

— Мы просим вас поторопиться. Мы будем благодарны, если вы четко будете выполнять наши просьбы.

В звучащем голосе не было ни нажима, ни раздражения. Мягкий и нежный, он невольно заставлял подчиниться.

Ивея еще раз взглянула на меня, бледная и напряженная, и пошла по своей полосе. Я двинулся по своей.

— Пожалуйста, войдите в лифт.

Услышав это, я оглянулся. Лифта нигде не было. Совершенно ровная стена светилась матово-молочным светом. Послышалась едва уловимая пульсация. Прямо передо мной растеклась стена. Я увидел небольшую кабинку. Вошел. Внезапная легкость в ногах подсказала, что лифт движется вниз. Наконец двери раскрылись, вернее, растеклись, как вода. Я вышел в узкий коридор с низким потолком. При желании, подняв руку, я мог коснуться его.

В полу вновь засветилась полоса, и я уже без подсказок пошел по ней. Только сейчас осознал, как ловко нас разъединили. Смогу ли я вернуться обратно? Я вдруг почувствовал весь абсурд нашего положения. За кого нас принимают? Я резко повернул обратно и побежал к лифту. Светящаяся полоса под ногами пропала. Стены и потолок потускнели, и весь коридор погрузился в кромешную тьму. Я остановился, нащупал стену. В такой темноте лифт не отыскать при всем желании.

— Послушайте, вы не за тех нас приняли,— произнес я в темноту.— Мы не северяне. Ивею здесь хорошо знают. Мы...

— Кажется, вы пошли не в ту сторону.

Все тот же мягкий, вежливый голос.

— Мы будем вам благодарны, если вы найдете правильное направление.

Мне ничего не оставалось делать, как подчиниться. Едва я сделал пару шагов в нужную сторону, как стены вновь осветились и в полу появилась указующая полоса. И я пошел по ней. Наконец голос попросил остановиться:

— Ничего не бойтесь и сохраняйте спокойствие.

Вокруг меня образовалось силовое поле, подсвеченное зеленым. Под ногами образовался люк и двинулся вниз вместе со мной. Я коснулся силового поля, оно мягко, но упруго оттолкнуло меня. Я оказался в новом помещении, похожем на куб. Фосфоресцирующий свет слепил глаза.

— Пожалуйста, снимите с себя всю одежду,— попросил голос.

Я почувствовал внутреннюю дрожь, хотя холодно не было. Наоборот, было даже тепло. Стукнув сабанами об пол, я распеленал их. Стянул изрядно порванные брюки, скинул жак и майку. Тут вспомнил о блокноте, вытащил и быстро зажал его под мышкой. Я не хотел его потерять. Одежду затянуло зеленым облаком, и она исчезла. Я еще сильнее сжал блокнот.

— Нам бы хотелось, чтобы вы сели в кресло. Мы будем рады, если вы сможете расслабиться.

Из того же силового поля сзади появилось кресло. Оно было прозрачным, упругим и очень удобным. Я почувствовал, что мои напряженные мышцы невольно расслабляются. Лишь краем сознания старался следить за блокнотом. Кресло удлинилось в ногах и изголовье и превратилось в кушетку. Я уже лежал. Почувствовал мягкую струю воздуха с приятным, едва ощутимым ароматом. Меня накрыло с ног до головы прозрачной пеленой. Это не было водой. Это было гибким, приятно-теплым и свежим. Оно медленно проникало во все изгибы тела. Мне показалось, что на минуту я отключился. А когда раскрыл глаза и пришел в себя, почувствовал невероятную легкость. Я коснулся лица. Кожа была гладкой, ни намека на бороду. Вот только волос на голове я тоже не обнаружил. Я хотел возмутиться, но почувствовал нежелание напрягаться по этому поводу. Я был расслаблен, и мне было хорошо.

— Вы можете встать и одеться в свою одежду. Мы будем рады, если она вам понравится.

На плавающей в воздухе полочке лежал ворох какой-то легкой, воздушной на

ощупь материи. Ярко-синей, с красивой каймой из матовых разноцветных камней. Я приподнял материал, расправил. Большое прямоугольное полотно без единого выреза, без какого-либо намека на рукава и прочие детали одежды.

— Пожалуйста, нам бы хотелось, чтобы вы накинули одеяние на плечи.

Я сделал это. Материя быстро и хитроумно принялась пеленать мое тело. Через пару минут на мне было некое подобие широких, доходящих до щиколоток штанов и облегающая тело рубашка. Красивый широкий пояс из цветных камней закрылся на талии с легким щелчком. Я засунул за пояс блокнот. Вместо старых сабанов мне предложили новые.

Теперь я был чист, выбрит и одет. Я вновь стоял в узком коридоре. Под ногами засветилась знакомая уже лента. Я уверенно двинулся по ней в сторону лифта. Сейчас я думал только о том, чтобы поскорее увидеть Ивею.

Лифт поднимался достаточно долго. Я несколько раз ощущал легкое давление то в левом плече, то в правом. Похоже, лифт не только поднимался, но и двигался в стороны по неясному мне лабиринту.

3. Микромолекулы

Наконец лифт выпустил меня в очередной коридор. Более широкий, пустынный. Молочные стены, ярко-синие потолок и пол. Как раз в цвет моего нового одеяния.

Светящаяся лента прорезала пол и повела в нужном направлении. Внезапно замерла, и я, не успев остановиться, сделал несколько шагов вперед. Тут же в коридоре потемнело. Раздался знакомый голос:

— Мы будем вам благодарны, если вы найдете правильное направление.

Я шагнул назад и своим движением вновь осветил коридор. Слева стена рассеялась. Я вошел в небольшую комнату.

— Добро пожаловать в вашу новую микромолекулу. Мы будем рады, если вам здесь понравится.

Я осмотрел совершенно пустое пространство без окон. Три шага в ширину и четыре в длину. Светящиеся стены отражали меня в виде размытого синего пятна.

— Мы будем рады предложить вам все удобства. Пожалуйста, давайте короткие команды, и ваши потребности будут удовлетворены.

— Я голоден.

— Пожалуйста, перед тем как дать короткую команду, встаньте на светящийся круг. Мы не хотим причинить вам вреда силовым полем.

В полу у входа засиял небольшой круг. Я послушно встал на него. У противоположной стены тут же начало возникать прозрачное кресло.

— Вы можете задать любой цвет из спектра,— предложил голос.

— Мне все равно. Пусть будет молочный.

— Вы можете всякий раз менять цвет мебели, создаваемой силовым полем.

Из стены рядом с креслом плавно выдвинулась панель. На ней стояли прозрачные шарообразные сосуды с какой-то студенистой жидкостью.

— Мы желаем вам приятного аппетита. Мы будем рады, если питательные гели придутся вам по вкусу.

Усевшись в кресло, я с сомнением рассматривал содержимое сосудов. Голод притупился. То, что я видел, не вызывало у меня восторга. Рядом с сосудами лежали ложки с длинными ручками, походившие на маленькие половники. Взяв ложку, я зачерпнул из самого большого сосуда. Гель медового цвета слабо подрагивал, напоминая желе. Я проглотил. Он оказался абсолютно безвкусным. Попробовав гели из всех сосудов и убедившись в отсутствии какого-либо вкуса, я, тем не менее, ощутил неожиданную сытость. Меня разморило и потянуло в сон. Но прежде я должен был выяснить, где Ивея.

Панель с питательными гелями исчезла в стене.

— Я хочу увидеться с Ивеей.

Голос не заставил себя ждать.

— Мы просим подождать минуту. Мы узнаем, может ли она увидеться с вами.

Через минуту стена позади меня, тихо запульсировав, исчезла. Я увидел человека, стоявшего в точно такой же комнате, как и моя. И, только присмотревшись внимательнее, с трудом узнал Ивею. Ее маленькая хрупкая фигурка была одета в похожее на мое одеяние. Только белого цвета. Лишь края рукавов и пояс посверкивали цветными камнями. Как и у меня, волос у нее на голове не было. Глаза казались еще больше и ярче. Чудо, что они не лишили ее ресниц. Мы ринулись друг к другу. Но что-то упругое оттолкнуло нас друг от друга. Я вновь протянул руку и почувствовал невидимое препятствие. Значит, стена между нами не исчезла, а просто стала прозрачной. Ивея шевелила губами.

— Ивея, что...

И тут до меня дошло, что мы не слышим друг друга. Я видел, как она напугана. Она пыталась что-то сказать.

— Я не слышу.

Она поднесла руки к ушам, посмотрела вопросительно. Я поднес палец к губам, коснулся ушей.

— Я не слышу тебя.

Она поняла, кивнула головой. Посмотрев вверх, что-то произнесла. Очевидно, обращалась к невидимому голосу.

— Я хочу слышать Ивею,— попросил я.

— Мы будем рады, если вы сможете только видеться.

— Какая глупость! Почему я не могу говорить с ней?

Вся эта вежливость меня уже бесила.

— Нам бы хотелось, чтобы вы не беспокоились. Мы будем рады предложить вам ночной отдых. Завтра вам предстоит напряженный день.

Стена вновь стала матово-синей, скрыв Ивею. Я остался один. Кресло вытянулось в кушетку, свет потускнел, и мне ничего не оставалось, как лечь спать.

4. Иллюзия свободы

— Мы будем рады предложить вам небольшую прогулку.

Утром, после безвкусного завтрака и странного гигиенического ритуала, меня выпустили в коридор. Светящаяся полоса вывела к лестнице, ведущей наверх. Я увидел слепящий свет, и он не показался мне искусственным. Неужели я вижу небо? Быстро поднявшись, я едва не рухнул в пропасть. Успел затормозить, схватившись двумя руками за стены и упав на колени. Передо мной раскинулась горная долина во всем своем великолепии. Утреннее солнце освещало заснеженные холмы и далекие пики. Тени и свет создавали причудливые узоры на склонах гор. Только что-то тут было не так. Я стоял у края ущелья, держась за стену, все еще оставаясь в коридоре.

— Мы будем рады предложить вам небольшую прогулку,— словно издеваясь, повторил мягкий женский голос.

И тут же полоса света под ногами продолжила свой путь над пропастью, по воздуху. Надо мной явно издевались.

— Не бойтесь, мы будем рады, если вы доверитесь нашим силовым полям.

Они что, хотят сказать, что я могу идти по воздуху? Опустившись на колени, я ощупал пространство над обрывом. Упругое силовое поле. Все еще не доверяя такому способу перемещения, я сел у края пропасти, вытянув ноги вперед. Они коснулись чего-то мягкого и в то же время прочного. Я встал и сделал неуверенный шаг вперед. Это было невероятно! Я стоял в воздухе! Подо мной сотни метров пустоты. Разведя

руки в стороны, почувствовал такое же поле по бокам. Значит, я нахожусь в некоем подобии прозрачного коридора. Чуть осмелев, медленно двинулся вперед. Светящаяся полоса под ногами продолжала двигаться вперед и как бы гарантировала мою безопасность. Это была поразительная прогулка. Я оглянулся и увидел свое отражение на зеркальной поверхности Конуса. Бритый наголо, в ярко-синем одеянии с цветастым поясом, я, словно древний божок, парил над пропастью в воздухе.

Только сейчас я понял, что коридоры и микромолекулы — вся внутренняя система — находились в Конусе. Его зеркальная поверхность, в которой отражалось утреннее солнце, слепила глаза. Я вновь посмотрел на настоящие горы и только теперь ощутил, что свежий воздух, который я вдыхаю,— искусственный. Я видел горы, снег, восхищался величием природы, но не мог вздохнуть полной грудью. Я мог раскинуть руки, словно свободная птица, но свобода моя была иллюзией.

Светящаяся полоса остановилась. Мне нужно было возвращаться...

5. Тест

— Прежде чем вы вольетесь в наше свободное общество, нам бы хотелось предложить вам пройти специальные тесты. Мы будем рады, если вы выполните несложные задания.

Я вернулся в Конус и, следуя за светящейся полосой, вошел в небольшой бокс. Бледно-розовый свет, панель стола, висящая в воздухе, и два силовых кресла. Я сел, столешница подплыла ко мне. В этот момент противоположная стена рассеялась и показалась входящая Ивея. Я вскочил, мы бросились друг к другу, но снова оказались разделены силовым полем. Она мне что-то говорила.

— Я не слышу тебя,— тихо и без эмоций произнес я.

Меня утомило это странное вежливое заточение. Даже там, среди безумных уродцев севера, несмотря ни на какие трудности, я ощущал свою силу, энергию и желание искать выход. Здесь же, в тепле, на всем готовом, на меня вдруг навалились безразличие и апатия. Я не понимал, зачем мы здесь, кому это нужно и чем все это закончится.

Нас вежливо попросили сесть за стол. Я продолжал глядеть на Ивею, ее бритая голова вызывала у меня и жалость, и злость. Я хотел обнять ее и мысленно ненавидел того, кто затеял все это безумие.

Из стола выдвинулся информационный столб света. Появились непонятные светящиеся знаки, парящие в воздухе. Они напомнили вязь, с помощью которой мы смогли открыть люк.

— Пожалуйста, выбирайте похожие знаки. Мы будем рады, если вы коснетесь их кончиком пальца. Мы просим вас приступить.

Началась глупая игра. В нечто подобное у нас играют дети в школах. Конечно, на Четвертом ярусе еще не достигли таких технологий. Наши информационные экраны состояли из цифропленок. Здесь же обладали открытыми, воздушными технологиями. Я лишь читал о таких как о проектах будущего.

Передо мной плавно парили несколько десятков знаков. Все они были прозрачно-зеленого цвета, разного размера. Я присмотрелся к рисунку незнакомых линий. Мне показалось, что увидел пару похожих. Коснулся пальцем одного и другого. Они дрогнули, как отражение в воде, сошлись вместе и исчезли.

— Вы правильно поняли задание. Мы будем рады, если вы продолжите.

Кажется, Ивея уже закончила тест. Я продолжил тыкать пальцем, часто ошибаясь. При ошибке знаки и пространство вокруг них начинали неприятно мерцать. И это мерцание, словно током, пронизывало все тело. Казалось ли мне это или на самом деле я чувствовал едва ощутимые разряды в нервных окончаниях? Я не мог понять. Под конец, когда тест был пройден, я не выдержал, вскочил со стула и ринулся к сте-

не. Мои нервы были на пределе. Обернувшись, я увидел вместо стола и экрана глухую стену, скрывшую от меня Ивею.

— Мы рады, что вы прошли наше несложное задание. Мы будем вам благодарны, если вы вернетесь в свою микромолекулу.

6. Неожиданная идея

Каждый день после прогулки нас подвергали новым тестам. Все более сложным и, на мой взгляд, бессмысленным. Я не понимал их предназначения. И всякий раз я мог лишь видеть Ивею, но не говорить с ней. Ее взгляд — пронзительный, растерянный — говорил мне лучше всяких слов, что ей плохо, что она, так же как и я, не понимает, что происходит.

Я не вел счет дням. Однообразие действий слилось у меня в один сплошной поток. Лишь прогулка над пропастью немного приводила в чувство, сбрасывая отупение. Но потом все повторялось заново. Пробуждение, завтрак, прогулка, тесты, бездумное время до сна, сон. Я окончательно возненавидел вежливый женский голос, но всякий раз продолжал исполнять все его просьбы. И все же пришел час икс. Лежа ночью, мучаясь бессонницей, я вдруг понял, как смогу пообщаться с Ивеей. До меня вдруг дошло, что за нами никто не наблюдает. Голос звучит в записи и выполняет зашитую в память программу. Накануне я проделал небольшой эксперимент. Утром, как обычно, меня вежливо попросили на прогулку. Я послушно дошел до лестницы, ведущей к обрыву, и остановился у ступеней. Я ожидал, что меня вежливо попросят продолжить подъем, но голос молчал. Я просидел на нижней ступени ровно столько времени, сколько длилась прогулка. Потом раздался голос, возвещавший о своей безмерной радости от моего очередного моциона и просящий идти на испытания. Я пришел в бокс, где проходили тесты. Мне предложили сесть в кресло, но я продолжал стоять. Стоя проделал очередное бессмысленное задание, и никто не просил меня сесть. Лишь Ивея удивленно поглядывала на меня. Заканчивая, я ободряюще улыбнулся ей.

Дождавшись утра, перед завтраком я сказал, что хочу видеть Ивею. Через пару минут стена стала прозрачной. Ивея вопросительно смотрела на меня. Я взял свой блокнот, во внутреннем кармане хранились мои бумажные записи. На чистом листе написал:

«Когда выйдешь из молекулы, оставайся в коридоре. Что бы тебе ни говорили, никуда не ходи. Дождись меня!»

Я не был уверен, что помещения, в которых нас держали,— едины. Вполне могло быть, что Ивея находится на другом уровне, а видим мы друг друга лишь благодаря проекции визора. Но попробовать стоило.

Позавтракав, я дождался, когда пригласят на прогулку. Я вышел в коридор. Световая полоса двинулась в знакомом направлении, направо. Я помнил: если пойду в неправильном направлении, погаснет свет и меня попросят найти верное. Но кто сказал, что я должен слушаться?

Коридор был пуст. Ивеи нигде не было. Я присел на корточки, продолжая размышлять. Моя прогулка длится минут пятнадцать, не больше. Потом я иду в тестовый бокс и только там вижу Ивею. Она приходит минут на пятнадцать позже. Это может означать, что на прогулку ее выводят тоже позже меня и она, вполне возможно, проходит тот же самый путь. Оставалось подождать. Только бы она была на том же уровне, молил я неведомо кого. И это случилось. Мои расчеты оказались верны. Ивея вышла в коридор, и мы наконец смогли обнять друг друга.

7. Винтовая лестница

Нам стоило поторопиться. Кто знает, может, за нами все же следят и им не нравится наш неожиданный бунт. Пока было все спокойно. Вежливый голос приглашал,

теперь уже Ивею, отправиться на прогулку. Что-то внутри подсказывало двигаться по светящейся полосе. Несколько шагов назад, и мы окажемся в кромешной тьме и заставим голос «нервничать».

— Идем!

Я решительно взял Ивею за руку. Я помнил, что справа у лестницы, ведущей к пропасти, есть еще один коридор. Он был темным, и я никогда не заглядывал в него. На этот раз стоит попробовать. Как только мы ступили в этот коридор, тут же раздался вежливый голос: «Вы выбрали неверное направление. Мы будем рады, если вы вернетесь на светящуюся линию».

— Не обращай внимания,— сказал я Ивее.

Мы продвигались в темноте. Сзади время от времени повторялись вежливые фразы. Они становились с каждым шагом все тише и тише. И наконец мы перестали их слышать.

— Ты думаешь, здесь может быть выход? — спросила Ивея.

— Я все больше и больше убеждаюсь в этом.

— Здесь полно коридоров, дверей, лифтов. Почему именно этот?

— Любое самое высокотехнологичное здание когда-то начинало строиться. Вначале проводят самые примитивные коммуникации. Обыкновенная лестница. Она должна быть и здесь. Никакие лифты не заменят того, что не может выйти из строя при сбое системы. А этот коридор не освещен. Поэтому, я думаю, мы идем в верном направлении.

И как доказательство мы почувствовали легкий сквозняк. Ускорили шаг и в темноте едва не расшибли лбы о стену. Здесь коридор делал резкий поворот. Сквозняк усилился, но светлее не стало. И все же мы чувствовали дуновение настоящего, а не искусственного воздуха.

— Не торопись, Адан,— предупредила Ивея, и вовремя. Я едва не слетел вниз по ступеням.

Здесь была лестница. Увидеть что-то в кромешной тьме было нельзя. Мы двинулись вниз на ощупь. Лестница оказалась узкой, винтовой, с неудобными ступенями и такими же неудобными перилами по правую руку.

8. Спуск

Спускались мы почти двое суток. Нудно, медленно, тяжело, упорно. Выбиваясь из сил, осторожно садились на ступени. Лестница была очень крутой, ступени сужались к центру. Поэтому сидеть рядом было невозможно. Я садился на верхнюю ступеньку, Ивея на нижнюю. Она клала голову мне на колени, я обнимал ее, прижимая к себе, и мы проваливались в полусон.

Нещадно сквозило. Чем ниже мы спускались, тем сильнее был сквозняк. Ивея начала кашлять, и после нескольких часов спуска у нее начался жар. Бедная! Я ничем не мог ей помочь. Не было даже жака, которым я смог бы укрыть ее. Он бы нас спас, как спасал на северной стороне яруса. Сейчас же мы были одеты в тонкую ткань и мерзли не на шутку. Мне удавалось как-то отвлечь себя от мысли о холоде. Я старался не думать о нем. Беспокойство за Ивею отчасти спасало меня самого от угрозы заболеть.

В бесконечно долгие часы отдыха я размышлял о нашем таком легком побеге. Как могло случиться, что нам позволили сбежать? Такая совершенная система слежения, неусыпный контроль. Но ни погони, ни блокировки. Единственный возможный ответ, пришедший в голову, и насмешил меня, и раздосадовал. Вполне возможно, мы попали в «мертвую программу». Эта программа была хорошо отлажена, но, видимо, отработала свой срок. Ее свернули. А мы попались, как глупые кролики. Никто нас не заставлял исполнять все эти вежливые просьбы, проходить бессмыслен-

ные тесты. С таким же успехом мы могли бы не подчиниться, и никто бы нас за это не аннигилировал. С другой стороны, откуда нам было знать. Нас с детства приучили подчиняться правилам, приказам, исполнять законы. Из нас создали марионеток. Мы все — один большой, хорошо отлаженный механизм в системе. И тут я задал себе самый главный, крамольный вопрос — а кто сказал, что система еще жива? Сейчас я имел в виду вообще всю систему Конуса. Да, все функции работают, механизм отлажен. Но есть ли кто-то, кто следит за его безупречной работой? Вспомнилась облава на Третьем ярусе, заключение Даны в тюрьму. Увы! Эта безумная система еще жива.

Мы чувствовали себя слепыми кротами. Время от времени, когда становилось уже совсем невыносимо, я доставал блокнот, находил какую-нибудь из песен Ригаса и мы слушали и смотрели визоны. Фантастические пейзажи, люди, звездное небо. Все это сейчас было бесконечно далеко от нас.

Последние несколько часов мне хочется вычеркнуть из памяти навсегда. Ивея впала в забытье, ее тело горело. Тяжелое дыхание обдавало меня жаром. Все это время я нес ее на руках. Как я спустился вниз, уже не помню. Я увидел ослепивший меня свет. Узкий проем в стене, из которого внутрь врывался холодный воздух. Я вынес Ивею наружу. У основания Конуса все заросло густой травой. Я уложил Ивею на траву и рухнул рядом. Зеркальная стена Конуса сияла надо мной. Небо было чистым, и мне показалось, что я вижу самую верхушку. Но, конечно же, это было невозможно.

9. Старик

Кто-то теребил меня за плечо. Веки не желали слушаться, я не мог раскрыть глаза. Все тело ломило, было холодно слева и было жарко справа. Я вспомнил — справа Ивея. У нее жар. Она умирает.

Невероятным усилием заставил себя поднять веки. Надо мной нависло лицо. Худое, темное, старое. Беспокойный взгляд. Губы произносили незнакомые слова. Я приподнялся на локте. Посмотрел на Ивею. Бледное лицо, лишь два алых пятна на ввалившихся щеках. Мне сделалось страшно за нее. Я поднялся на колени, попытался приподнять Ивею и понял, что сил у меня нет. Человек, стоящий рядом, нагнулся, поднял ее хрупкое тело и понес. Я, справившись с головокружением, поспешил за ним.

Здесь были старые улицы. И дороги, и стены домов из камня. Дома сложно назвать домами. Длинная, непрерывная стена с прогалами вместо дверей. Стоя в полный рост, я доставал до крыши. На крышах некое подобие огородов. Ровные рядки растений, приземистых кустов, цветы. Не на всех крышах были огороды. Наши шаги гулко отдавались в пустых лабиринтах улиц.

Наконец человек остановился у одного из проемов, нагнулся и осторожно пронес Ивею внутрь. Прежде чем войти, я обратил внимание на огород. Здесь растения были выше и крепче, чем у остальных. Заглянув внутрь дома, я вовремя заметил три высокие ступени. Темно, лишь огонь в очаге освещал середину комнаты. Мужчина положил Ивею рядом с очагом на мягкую подстилку, укрыл и принялся подбрасывать ветки в огонь.

Я тяжело опустился на колени рядом с Ивеей. Мужчина был стар, но еще крепок. Короткий ежик волос совсем седой, контрастировал с темно-коричневым цветом лица. Он чем-то располагал к себе. Может, улыбкой? Она была спокойной, едва заметной.

Над очагом в глубоком котле кипела вода. Разносился аромат дикой маны. Старик что-то произнес, поднес мне чашку с горячей жидкостью, отер испарину с лица Ивеи и куда-то ушел. Я присмотрелся. В глубине дома были вырублены уступы, ведущие наверх к небольшому отверстию. Оттуда пробивался свет, виднелся кусочек неба. Значит, отсюда можно подняться на крышу. Я попытался напоить Ивею. Поднес к ее губам чашу, приподнял голову. Она не реагировала. Я раскрыл пальцами ее сухие потре-

скавшиеся губы. Осторожно влил несколько капель. Губы ожили, она глотнула. Я мысленно поблагодарил того, к кому все чаще обращался в своих мыслях.

Спустился старик. Он принес какие-то травы и ягоды в глубокой миске. Снял с очага котел, навесил другой, засыпал травы, залил водой. Я вновь поднес чашу к губам Ивеи. Старик жестом остановил меня, указал на закипающую воду с ароматными травами и дал понять, чтобы я сам пил. Жидкость была густой, сладкой и ее нельзя было сравнить с желеобразной бурдой, которой мы питались последнее время. Я пил и чувствовал, как силы возвращаются.

Старик что-то говорил, но я не понимал его. И вдруг он спросил:

— Общий?

— Да.

— Не подумать, что. Вы такие север,— сказал он, коверкая слова.— Адаптация из?

Я пытался понять, что он хочет сказать.

— Добро пожаловать адаптация.

— Кажется, да,— неуверенно сказал я.

Закипела вода. Старик помешал черпалом с длинной ручкой. Налил в чашку. По комнате разнесся аромат свежих трав. Он напомнил мне Тайру с ее чаем, который спас меня однажды. Старик приподнял голову Ивеи и принялся поить.

— Вы не север,— сказал он вдруг.— Вы знать общий. Север не знать общий. Север болеть.

Я не знал, что ответить ему. Он напоил Ивею, укрыл ее и показал жестом, что я тоже могу лечь.

— Отдыхать. Поспать. Она скоро не болеть.

Я лег рядом с Ивеей, накрылся и тут же уснул. Во сне я падал в темноту с узких ступеней, но крепко держал Ивею. Я не выпускал ее из рук. Сквозь сон физически ощущал, как напрягаются мышцы на руках. Я не должен был отпускать Ивею. Но мы падали. Падали вместе...

10. Болезнь

Ивея болела долго и тяжело. Жар мучил ее несколько дней. Однажды старик забеспокоился не на шутку. Принялся что-то искать на полках с посудой и всякой домашней утварью. Нашел бутыль.

— Помогать! — сказал он мне коротко и жестами показал, что надо раздеть Ивею.

Я попытался расстегнуть ее пояс с цветными камнями, но замок оказался хитрым, вполне возможно, с защитным кодом. Старик нетерпеливо потеснил меня, присмотрелся к поясу.

— Плохо быть. Они следить. Вас видеть.

Он взял нож и располосовал материю, пеленавшую Ивею. Пояс остался на голом теле. Из раскрытой бутыли вырвался едкий, кислый запах. Я невольно задержал дыхание. Старик смочил материю этой жидкостью и принялся обтирать тело Ивеи.

— Что это? — спросил я, опасаясь, как бы это не повредило ей.

— Вино быть старым мана. Скоро снять жар.

Он протянул мне смоченную тряпицу.

— Мазать, как сухо.

Мне сложно было разбирать его фразы. Но, кажется, я понял, чего он хотел. И, как только тело Ивеи высыхало, я вновь смачивал тряпицу и протирал. Бедняжка, как она исхудала! Стала похожа на девочку с едва намечающейся грудью. Хотелось обнять ее, защитить. Внутри меня сидел страх. Я вдруг понял, что не хочу терять ее. Она мне нужна. Как нужна рука, или нога, или глаз. Если она умрет, я начну разрушаться. Я потеряю себя и потеряю смысл этой странной моей, неприкаянной жизни.

Сейчас только за нее и держусь. У меня нет цели, нет планов. Я не знаю, к чему стремиться и куда идти. Только Ивея стала моим поводырем и моим светом, и только она знает какой-то смысл, и видит цель. И, хоть она и хрупкая, но я, большой и сильный, беспомощно цепляюсь за нее. И лишь благодаря ей двигаюсь дальше.

Весь день и всю ночь, по очереди со стариком, мы сидели подле Ивеи. Ей было тяжело дышать. Она бредила, звала кого-то, стонала. Я мог лишь молить неведомо кого, чтобы ее не отняли у меня. Лишь к утру дыхание успокоилось. Она уснула. Я тоже провалился в короткий сон. Раскрыв глаза, увидел, как старик одевает на нее свою чистую рубаху. Он улыбнулся мне:

— Теперь жить.

11. Универсальный код

И пришел день, когда Ивея раскрыла глаза и произнесла:

— Хочу есть.

Как я радовался, как радовался старик! Он сварил густую похлебку из овощей. Но Ивее пока давал лишь бульон. Позволил съесть несколько кусочков маны.

Пока она ела, я рассказал, как нам помог старик, как приютил нас и лечил ее. Ивея, еще слабая, полулежала у очага и даже не могла держать ложку. Старик кормил ее сам. Наевшись, она коснулась руки старика, погладила и что-то произнесла на незнакомом языке. Старик сел на колени и склонился до самого пола.

— Госпожа теперь отдыхать,— сказал он и отправился мыть тарелку на крышу.

— Почему он назвал тебя госпожой? — спросил я.

— У мана так построен язык. Прежде чем поблагодарить или высказать просьбу, надо представиться, назвав свой род. Мне невольно приходится называть не только свое имя, но и имя отца. А здесь его имя знают и чтят.

— На нашем ярусе никто не знает его имени. Однажды я пытался узнать об этом в Альфа-визоре, но там настолько размытая информация, что и зацепиться не за что.

— Я знаю. Каждому ярусу сейчас выгодно диктовать свою политику. И о Седьмом предпочитают забыть. Но они ошибаются. Само существование Эвкаифа в его руках.

— Каким образом?

— Много веков назад, при строительстве Седьмого яруса, была заложена система уничтожения Конуса. Она в руках моего отца...

Спустился старик. Он принес цветы, снял с полки небольшую вазу и поставил их рядом с изголовьем Ивеи. Сел на колени и вновь поклонился. Что-то принялся говорить. Ивея побледнела, в ее глазах появилась тревога. Она что-то спрашивала, старик отвечал. Ивея порывисто вскочила на ноги, но тут же упала. Так была слаба.

— Неладное что-то Адан. Нам срочно надо идти к дяде.

— Ты не сможешь. Наберись сил, отдохни хотя бы пару дней. Но что сказал тебе старик?

— Он работал у дяди во дворце, помощником при главном садовнике. Около года назад, ничего не объясняя, всех работников распустили. С тех пор старик без работы. Живет только своим огородом. Он ходил к дворцу время от времени. Просто так, глянуть, что там и как. Он увидел запустение. Дворец бросили, утверждает он. Но почему? Что могло случиться? Как дядя мог покинуть дворец? Адан, мы должны идти сейчас.

Она вновь поднялась, уже увереннее прошлась по комнате. Она зашла за высокую, почти до потолка, вязанку хвороста и вышла с поясом, застегнутым поверх длинной рубахи старика, которая висела на ней, как на тростинке.

— Нельзя! Так видеть они. Пояс нельзя. Одежду нельзя. Одежды севера. Волос нет. Узнают.

— За время моего отсутствия здесь явно что-то изменилось,— сказала мне Ивея и вновь на языке мана спросила что-то у старика.

— Сложно понять. Но он утверждает, что уже год существует программа адаптации. Людям с Севера предлагают перебраться сюда — на Юг. Якобы здесь они будут обеспечены работой и жильем. Здесь же, на Юге, все визоны твердят лишь одно — каждый северянин после адаптации станет рабом, которого можно недорого приобрести для дома. У мана не хватает людей. И якобы они организовали такую программу. Они считают, что северяне умственно отсталые, а вот физически прекрасно подойдут для тяжелых работ. С помощью этой программы перебрались уже тысячи северян. Вот и мы попали в эту программу. Адан, дядя не мог этого сделать! Это просто невозможно!

Ивея опустилась без сил на лежанку. Она была бледна. Я боялся, как бы она вновь не разболелась. Укрыл ее.

— Послушай! И... послушайся меня,— сказал я,— сейчас мы с тобой ничего не сможем сделать. Уже поздно, ты едва на ногах стоишь. Сейчас ты должна заснуть и набраться сил. Дай себе хотя бы еще день, а послезавтра...

— Адан, ты не понимаешь. Произошло что-то серьезное. Ты думаешь, я смогу уснуть? Я должна...

Я улыбнулся, погладил ее по едва отросшему ежику волос.

— Чего ты улыбаешься?

— Просто. Мы уже столько времени вместе, но мне кажется, что узнавать тебя я начал только сегодня. Ты такая маленькая, но... такая порывистая.

Ивея сложила руки на груди, крепко сжала губы.

— Ты еще плохо меня знаешь. Если надо, я...

— Я знаю. Ты очень отважная. Тебе столько пришлось испытать. Ты одолела три яруса в отличие от меня. Но, чтобы предпринимать что-то дальше, пожалуйста, послушайся и побудь еще в постели.

Видимо слабость одолела ее. Она прилегла. Я укутал ее плечи.

— Чуть не забыла!

Она вновь вскочила. Схватила меня за пояс, принялась что-то делать с пряжкой. Почувствовалась пульсация. Камни на пряжке потускнели, и пояс раскрылся. То же самое она сделала и со своим.

— Красивые, конечно, но придется с ними расстаться.

— Как тебе удалось расстегнуть?

— Это единственное, чего никто не может меня лишить. Я сама являюсь универсальным кодом. Иначе как бы мы с тобой прошли внутрь Конуса?

Александр Ралот
(г. Краснодар)

БОЙТЕСЬ ДАНАЙЦЕВ...*

Александр Викторович Петренко (псевдоним — Александр Ралот), краснодарский прозаик, публицист и краевед. Автор пятнадцати книг. Публикуется во многих периодических изданиях России и Зарубежья. Член Союза писателей России, Клуба писателей Кавказа. Победитель ряда российских, ближнего зарубежья и международных конкурсов. Награжден медалями: Золотой Есенинской, им. И. Бунина, им. М. Ю. Лермонтова, Андрея Белого, А. Т. Твардовского, «За труды в просвещении, культуре, искусстве и литературе», имени генерала Брусилова, «В память 100-летия ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ».

Глава 1. Весеннее везение

Не знаю, как в других местах, но жителям Кубани сызмальства известно о «Февральских окнах». Это когда прорвется на степной простор жаркий воздух пустыни Сахара. Вытеснит остатки не лютой зимней стужи. Заставит орать не улетевших на юг птиц: «Гнезда вить пора! Вить пора! Вить пора!». Островки прошлогоднего снега исчезнут. А на клумбах то тут, то там нахально вылезут первые цветы.

* * *

В один из таких погожих деньков поэтесса Элеонора Лерура выпорхнула из своего порядком обветшалого двухкомнатного гнезда и направилась в гипермаркет. Приобрести новую вешалку. Ибо старая оборвалась, и теперь, ежели гости нагрянут (а они обязательно припрутся! Это как пить дать!), то даже легкие куртки повесить будет не на что.

«Надо бы заодно еще и новые прокладки для крана прикупить. Сантехник Колянычь их реализует по цене раз в десять превышающей магазинную! — размышляла женщина, изучая в смартфоне фотографию злополучного смесителя.— Зараза, сломался в самый неподходящий момент! А вообще существует подходящее время для поломки чего-либо? Надо сочинить об этом пару стихотворений и послать в профильный журнал! Интересно! Издают ли работники ЖЭКов и ДЭЗов отраслевые издания?»

Ход мыслей Леруры прервал кошелек, вывалившийся из опрометчиво открытой сумочки шагающей впереди холеной дамочки.

Мгновенно из подворотни к упавшему предмету рванулась худющая фигура местного алкаша.

---

* У Гомера данайцы — участники Троянской войны, хитростью (с помощью деревянного троянского коня) взявшие Трою; отсюда выражение «дары данайцев» — дары, гибельные для получающего их.

— Стой, мерзавец! — поэтесса что есть силы шмякнула по затылку охочего до чужого добра хозяйственной сумкой.— Не твое! И не тронь!

— Давай поделим! По-братски! То есть, я хотел сказать, поровну.— Предложил тот, потирая ушибленное место.

Лерура не стала вступать в словесную перепалку с асоциальным элементом. Вырвала из его рук кошелек и помчалась догонять растеряху.

— Ууу, злыдня! — неслось вслед.— Себе все захапала! Я тебе еще это припомню! Знашь, какой я злопамятливый. Когда трезвый.

— Да куда вы спешите? Вот, кошелек обронили.— Запыхавшаяся поэтесса всучила обомлевшей женщине пропажу.— Сама такая. Вечно что-то теряю. Вы сумочку-то застегивайте. А то, не ровен час, сопрут чего. Это у нас запросто.

— Илга,— представилась незнакомка.— И спасибо огромное. Я карточками пользуюсь. А про него совсем забыла. У нас в Латвии это уже анахронизм.— И, расстегнув кошелек, протянула Элеоноре пятидесятиевровую купюру.

— Ko jūs. Man neko nevajag.— отказалась поэтесса по-латышски. (Что вы. Мне ничего не надо.)

Женщина остолбенела. Во-первых, здесь, в России, ей вернули кошелек, полный банкнот. А во-вторых, от денег отказались на ее родном языке.

— Говорите по-латышски? Вы же южанка, как погляжу.

— Я родилась в Юрмале. Правда, много лет тому назад.

— В таком случае, землячка! Сейчас же эти деньги прокутим.— Вы что предпочитаете? Кофе с рижским бальзамом? Вряд ли его здесь можно раздобыть.

Лерура мгновенно забыла о рынке и поломанном кране. Хотелось расспросить новую знакомую о малой родине, о Балтике. О шпротах, в конце концов.

— В гипермаркете есть приличная кафешка. И пирожные у них просто отпад! Ты (она и сама не заметила, как перешла на ты!) за фигурой не следишь? Парочку — троечку можешь себе позволить?

Кафе «Бариста» час спустя.

Женщины болтали без умолку. Обсуждали новые фасоны блузок. Отличие коллекций Пьера Кардена от Кристиана Лакруа и Пако Рабана. (В шкафу у Леруры, конечно же, не было ни одной вещи этих грандов мировой моды. Но постоять за державу и не посрамить звание русской женщины поэтесса могла!)

За чашками с кофе последовали бокалы с мартини, затем текила. Дамы посматривали в сторону барной стойки, думая об одном и том же: «А не попробовать ли еще чего-нибудь экзотического? Двухсолодового виски? А почему бы и нет!».

Перед их мечтательными взглядами вырос, нет, не официант. Элегантно одетый мужчина. В костюме, может быть, даже от самого Живанши! Кто же его разберет после пары бокалов мартини и текилы.

— Не желаете ли испытать судьбу? Купите билетик. Наша фирма в честь юбилея проводит мгновенную лотерею.— Наклонился к Элеоноре.— Скажу по секрету, почти все выигрышные! Нам для рекламы нужно. Интервью с победителем. И все такое. Тяните.

Поэтесса взглянула на стоимость. Пятьсот рубликов. Однако!

— Продаете счастье за полтыщи, а там выигрыш на сотню. Нехилый навар получается.— Собрав помутневшее сознание в кулак и следя за языком, с вызовом произнесла она.— Увольте. Мне еще прокладки покупать надо!

Продавец счастья покраснел и захлопал глазами. Такого откровенного ответа от женщины он явно не ожидал!

— На! Под-ру-га! Дер-жи. Да-рю те-бе- laime. То есть, не Лайму, конечно. А счас-тье.— Илга вырвала у продавца билет и всучила пять стольников.— Да-вай! Три! То есть, не циф-ра, а сти-рай. На мо-нет-ку! Ей на-до. Вот тут.

Хмель из поэтессы выветрился. И от этого на душе скреблись кошки.

— Эй! Продавец счастья. А если я выиграю, где приз получать?

— У нас в офисе. Здесь же. На последнем этаже. Не ошибетесь. Мы — фирма солидная. Весь его занимаем! Могу сопроводить. Билет проверять будете?

— Нет! — буркнула Элеонора.— Только дома.

Ей не хотелось расстраиваться из-за того, что лотерейка окажется пустой или призом станет какая-нибудь сувенирка с эмблемой фирмы-юбиляра.

Поднялась. И не прощаясь направилась к выходу. Хорошее настроение исчезло окончательно.

Латышка догнала у дверей. Всучила визитку.

— Обя-за-тель-но поз-во-ни! Ес-ли выиг-ра-ешь, то с те-бя при-чи-та-ется! У меня ру-ка... Как это по-рус-ски? Лег-кая!

* * *

Уйти из супермаркета просто так Элеонора не могла. Казалось, что заветный квадратик жжет карман. И вообще! Она до дома его не донесет! Обронит по дороге.

Улучив момент, заскочила за угол и стерла защитную фольгу. Женское чутье подсказывало — выигрыш обязательно будет! И хороший. Но то, что она увидела, мозг воспринимать отказывался! Мелким, едва различимым красным шрифтом через остатки нестертой фольги пробивалась надпись: «Главный приз — пять миллионов рублей!».

Лерура не помнила, как ноги без команды из головы привели ее к лифту, а затем в приемную организации, именуемой просто и элегантно «Элефант».

— Выигрыш, вот.

Элеонора дрожащей рукой протянула вышколенной секретарше билетик. Та, нисколько не удивившись, мельком взглянула на квадратик, словно только и делала, что рассматривала с утра до вечера лотерейные билеты с семизначными выигрышами.

— В бухгалтерию. Третий кабинет налево.

— Поздравляю,— молвила сотрудница «Элефанта».— Будете брать наличными или на карточку перевести?

Комок, образовавшийся в горле поэтессы, позволил произнести только две буквы — На.

— Что на? Наличными или на карточку?

— На-лич-ны-ми,— по слогам еле слышно произнесла Элеонора.

Дама, сидевшая напротив, открыла сейф, извлекла из его «черной пасти» десять пачек пятитысячных купюр, буднично достала из принтера листок. Протянула Лелуре.

— Это согласие на наши условия. Сотрудничество. Обработка персональных данных. Укажите свой телефон и домашний адрес, далее, вот здесь — сумму прописью, фамилия, имя, автограф, дата.

— И все? — удивилась поэтесса.

— А, да. Забыла. Извините. Если требуется охрана, то секьюрити отвезет вас домой. На служебном авто. Вызывать?

— Не-а. Эту поклажу я как-нибудь донесу.

Счастливая обладательница тысячи бумаг самого крупного номинала не соображала, что в данную секунду вещает ее голосовой аппарат. С невероятной скоростью бросила пачки в сумку и метнулась к выходу. Боясь. Вот сейчас ее догонят! Отнимут и побьют! Пребольно!

За то время, что лифт опускался на нижний этаж, успела передумать многое: «Куплю новый холодильник. Огромный! Кажется, называется «Сайт-би-сайт», с большущей морозилкой. Это чтобы продукты можно было на пару месяцев закупать и замораживать. И телевизор! Плоский! Во всю стену. И еще сделаю ремонт. Капитальный».

— Если вы располагаете такими средствами, то этим заниматься категорически не советую.

На нее смотрел неказистый мужичонка.

— Это вы мне?

— А кому же еще? Нас в кабине только двое. Выходит, что вы или сама с собой разговариваете или просите совета. Вот я его и даю. Лучше приобретите новые апартаменты. Со встроенной мебелью и техникой. Хлопот меньше будет, да и дешевле.

Лерура хотела было извиниться за то, что не заметила, как разговаривает вслух. Не успела. Лифт остановился. Нечаянный попутчик растворился в толпе.

Добираться до дому пешком женщина не решилась. Достала телефон и вызвала такси.

Водитель, молодой узбек, недовольно проворчал по поводу дешевого заказа. Минут за пять довез до дома и умчался.

На лавочке у подъезда сидел сантехник.

— Гони деньги на прокладку и ремонт. Полдня дожидаюсь. Знаешь, сколь мог уже заколотить?

Лерура расстегнула сумку. Увидела пачки, вздохнула и отдала наличность, с которой пару часов назад вышла из квартиры.

— Держи пятьсот. Больше нет. Надеюсь, хватит?

Коляныч ничего не ответил. Выхватил бумажку и, ускоряя шаг, удалился в сторону рынка.

* * *

Лерура жевала холодную сосиску и пялилась в старенький, ламповый телек. «Какая прелесть этот «Магазин на диване». И чего я его раньше не смотрела? Ридикюль со стразами. Всего пять тысяч. Подумаешь, одна бумажка. Недорого! Надо бы заказать. И подобрать туфли к нему. На высоченном каблуке. Чтобы все на работе... И еще кофточками обзаведусь. Разными. Обязательно фирменными. Теперь могу себе позволить! Нет. Лучше смотаться в Париж! Или на Лазурный берег. В Канны. В Монако. И там шмотками затариться. Чтобы уж точно не подделка китайская! Завтра же подам документы на загранпаспорт...»

Полет мыслей прервал дверной звонок. Коляныч продемонстрировал резиновый кружок.

— Пару лет гарантирую. А если мыться совсем не будешь, то и пяток протянет!

Гремя инструментами, сантехник скрылся в ванной.

«Может, его сейчас же послать за самым навороченным краном, который никогда ломаться не будет?»

Лерура вернулась к дивану и телевизору. «Дядька из лифта прав. Продам эту халупу к чертовой бабушке. Куплю в новостройке! И еще на сладкую жизнь останется!»

Продолжая мечтать, подошла к окну. Полила цветы на подоконнике. У подъезда, сверкая мигалками, стояла «Скорая».

Наверное, опять к Вадику? Вот судьба у парня. Четырнадцать лет на свете живет и столько же мается. Сердце. Что-то там врожденное. А мальчишка-то способный. На домашнем обучении. Круглый отличник. И в компьютерах шарит, дай бог каждому. Сколько раз мою рухлядь реанимировал. Мать одна воспитывает. На двух работах пашет. Копит на операцию в Германии. У нас в стране таких не делают. Да разве на нее накопишь? Отец, как узнал о диагнозе сына, так и исчез в неизвестном направлении.

Вдруг ноги сами понесли к двери. Бросилась к выходившим из подъезда врачам.

— Как он? В больницу не забираете?

— На этот раз успели. Купировали.— Медик махнул рукой.— А если бы пробки? Тогда что?

В голове у женщины щелкнул тумблер. Бросилась в квартиру. Включила ноут.

Нашла в интернете давнишнее объявление. «Всем неравнодушным! Ребенку нужна операция! Делают в клинике «Шарите». В Берлине. Цена жизни человека — семьдесят пять тысяч евро.

Достала калькулятор.

* * *

Утром поэтессу разбудил звонок.

— И как дела у беззаботной миллионерши?

— Кто это? — сонным голосом поинтересовалась Элеонора.— Вчера был тяжелый день. Легла за полночь.

— Не узнала. Как это у вас, русских? Богатой будешь. То есть, я хотела сказать. Уже стала. Богачку беспокоит вчерашняя знакомая по имени Илга. Владелица и генеральный директор «Элефанта». Визитку, выходит, так и не прочла? Ну, даешь! От денег оша-ле-ла! Бывает! Приводи себя в порядок! Через час заявятся корреспонденты и репортеры. Миллионы надо отрабатывать! Бумагу в офисе подписывала? Внимательно прочитала? Теперь каждый твой чих, то есть, я хотела сказать, час, будут фиксировать. Реалити-шоу называется. Слыхала о таком? Контракт на три месяца. Иначе! Штрафные санкции. Огромные!

* * *

Поэтесса жмурилась от света установленных в квартире софитов.

— Элеонора Николаевна, наши зрители хотят знать! Как вы собираетесь потратить такой большой выигрыш? Чему отдаете предпочтение — путешествиям или шопингу?

— Я того. Уже! Успела! Весь!

— Так быстро? Всю сумму? Позвольте полюбопытствовать, на что?

— Кран в ванной починила!

Лерура посмотрела на старый советский будильник. По времени выходило, что мама с Вадиком уже должны были пройти регистрацию. Боинг Люфтганзы рейсом на Берлин обязан вылететь по расписанию!

Глава 2. Последнее желание

Офис фирмы «Элефант».

Илга была похожа на мифическую Медею. Глаза дамы сверкали «праведным гневом». Казалось, еще секунда и сидящая в углу кабинета Элеонора будет превращена в бездушный камень.

— Ви подписать этот контракт! Получать большие деньги! И теперь что? Ви говорить! Как нам делать реалити-шоу?

В голове поэтессы, словно заевшая пластинка, крутилась одна и та же мысль: «Откуда у нее взялся акцент? Раньше она произносила русские слова академически правильно. Или Илга для меня спектакль разыгрывает? Ну, потратила я деньги. Все разом. И что с того? Я их выиграла, честно, в лотерею. Значит, что хочу, то и делаю. При чем тут контракт?».

Хозяйка кабинета с силой вдавила кнопку селектора.

— Ienāc (Зайди — латышск.)

Через минуту в дверях появился импозантный мужчина с кожаной папкой в руках.

— Это есть Алвис. Мой заместитель. Теперь он будет с тобой общаться! Если не договориться, тогда будем готовить документы в российский суд! А потом, как это у вас зо-вут-тся? Навестят твой жилье гос-ударс-твен-ные бан-ди-ты.

— Коллекторы,— перебил начальницу Алвис.— Будьте добры, проследуйте за мной.

— В суд? — Лерура всхлипнула.

— Не сегодня. Илга же вам сказала: «Если не договоримся».

«А этот Алвис очень даже ничего. С таким, пожалуй, можно и!..» пронеслось в голове поэтессы. Но она тут же прогнала эту мысль. Покрасневшее лицо ее выдало все-таки предательски.

* * *

Кабинет заместителя был меньше. Элеоноре он показался уютным, теплым, домашним.

— Я вас в третий раз спрашиваю! Вы читали контракт? — донеслось до ушей женщины, и она вернулась из грез на землю. Ничего не ответила, только отрицательно мотнула головой.

— Это плохо. Очень. Смотрите. Здесь, правда, мелким шрифтом, но на русском языке написано. «Обладатель главного приза обязуется расходовать полученные от фирмы «Элефант» денежные средства только в присутствии представителей организатора лотереи. Он также дает согласие на ведение аудио- и видеозаписи производимых финансовых операций. И обязан давать интервью средствам массовой информации. В случае нарушения этого соглашения...».

— Я должна вам вернуть деньги. Я согласна. Сейчас же пойду и возьму кредит. И все внесу в кассу. Так можно? — выпалила поэтесса на одном дыхании.

Мужчина поднялся. Подошел к шкафу. Достал оттуда чашки.

— Вам кофе с нашим знаменитым бальзамом или без?

— Давайте с ним! — Лерура обреченно махнула рукой.

— Вы когда-нибудь участвовали в съемках?

— Конечно! Меня же на каждом творческом вечере снимают!

Поэтесса опять покраснела. До нее дошел двойственный смысл глагола «снимают».

— А сами делали телепроекты?

— Нет! Кто же мне такое предложит?

— Наш «Элефант». И вы из гонорара, то есть, из зарплаты будете гасить образовавшийся долг. Я понятно излагаю?

— Не очень,— призналась поэтесса.

— Мы поручаем вам организовать и провести цикл передач под условным названием «Последнее желание». Скажу сразу, платить будем щедро! Один эфир — миллион.

— Скока? — невольно вырвалось у женщины.

— Единица и шесть нулей! В российских рублях за передачу в сорок пять минут эфирного времени.

Лерура намеревалась пуститься в пляс, ежесекундно повторяя, я согласна! Но женское чутье остановило.

— Выходит, что если я сделаю пять программ, то полностью рассчитаюсь с «Элефантом»?

— Да. А плата за остальные передачи незамедлительно пойдет к вам в кошелек. Или на банковскую карточку.

— А почему такое мрачное название — «Последнее желание»? Нельзя ли придумать повеселее?

— Вам предстоит общение с обитателями хосписа «Чудо». Слышали про такой?

— Да. Моя подруга Маргарита Крулевская лечилась там. И сейчас здорова. Почти.

— Нам это известно.

— Откуда?

— Неважно. Однако я надеюсь, что женщина не откажет вам в посильной помощи. Ведь так?

Лерура в очередной раз утвердительно кивнула.

— Вы поедете туда вместе со съемочной группой. Выберите нескольких несчастных, узнаете, о чем они мечтают. Если исполнение их желаний будет по силам «Элефанту», то фирма их организует. Согласитесь, это же благородно?

— Но они все хотят главного! Вылечиться. Неужели непонятно?

Вместо ответа Алвис протянул ей лист бумаги.

— Новый контракт. Я специально попросил секретаря увеличить шрифт, хотя это и против наших правил. Читайте внимательно и подписывайте. Или не подписывайте, и не мешкая отправляйтесь в банк! За кредитом.

Женщина вчитывалась в текст. Понимала глаголы, да и то далеко не все. Термины: «Бантик», «Выгородка», «ГСР», «ГЦП», «Закадр» были для поэтессы в диковинку. Вздохнула. Молвила традиционное:

— Где наша не пропадала! — и поставила размашистую закорючку.

Алвис убрал документ в сейф. И снял трубку внутренней связи.

— Она согласна!

— Отправь ее к режиссерам,— послышался из динамика голос владелицы фирмы.— Пусть немедленно приступают к работе. Рекламодатели уже все телефоны оборвали. И еще вот что! Проследи, чтобы она встретилась с этой, как ее? Звездой сыска.

— Крулевской,— уточнил мужчина.

— Да,— буркнули на другом конце связи.— Если потребуется, предложи денег за участие или за сценарий, или еще за что-нибудь. Нам важно, чтобы в титрах передачи присутствовала очень известная в крае фамилия. Вечером доложишь.

Трубка запищала сигналами отбоя. Разговаривали по-латышски, но поэтесса поняла почти все.

* * *

Съемочная группа «Элефанта» встретила Элеонору как английскую королеву. Усадили в кресло, предложили чай, кофе, коньяк. Наперебой расспрашивали о жизни, творчестве. Показывали сценарии будущих выпусков. Затем проводили в гримерку и передали в руки девушки-стилиста с красивым именем Зайга.

— Солнечная,— машинально перевела Лерура на русский.

— Я так рада, что вас отыскали,— без умолку щебетала девушка.— Вы наша последняя надежда. Спонсоры ежедневно требуют отчеты по съемкам. Грозятся разорвать контракты. А команда в простое. Все приглашенные знаменитости на роль ведущих, как только узнают о месте съемок, так немедленно заболевают или банально дают деру. Вы смелая, взяли и согласились. Сейчас костюмчик подберем, будете в кадре самая burvīgs un pievilcīgu (обаятельная и привлекательная,— латышск.). От мужчин отбоя не будет. Гарантирую. У вас же мужа нет. После выхода программы в эфир точно замуж выйдите.

— Почему ты решила, что у меня его нет? — возмутилась Элеонора.

Зайга вздохнула.

— Был бы рядом мужчина, он бы вас на такую работу ни за что не отпустил. Ak, piedodiet. Ой, простите. Заболталась совсем. Вас же сейчас повезут в бюро. Машина уже третий раз сигналит. Слышите?

— Куда повезут? Я ничего не понимаю.

— У нас в группе «Элефант-видео» ни от кого никаких секретов нет. Мы здесь как одна семья. Лаймонис — это наш водитель, повезет вас в бюро. Продюсерша уже договорилась.

— В какое бюро? Почему все без моего согласия тут происходит? — Лерура решительно поднялась с кресла.

— Потому что вы подписали контракт. А бюро вам хорошо знакомо, оно называется... — Зайга закусила губу.— Вспомнила! «Крулевская и партнеры».

* * *

Марго, подобно великим сыщикам прошлого, расхаживала по приемной.

— Значит, говоришь, вляпалась! Поэты — натуры творческие. Вечно ищут приключения на свою пятую точку и находят. А потом бегут к друзьям или подругам. Так вот, дорогая! Никакого криминала в действиях конторы под названием «Слоняра», то бишь, «Элефант» я не просматриваю. Все бумаженции подмахивала сама. Никто с обрезом у твоей буйной головушки не стоял!

— Но! — попыталась перебить Лерура.

— Молчи! И никаких «но»! Все по закону. Более того, вторая затея мне по душе. Даже очень! И ты с ней справишься. Причем превосходно.

— Но я же никогда...— поэтесса набрала полные легкие воздуха, чтобы продолжить монолог, но подруга закрыла его ладонью.

— Слушай и вникай. Я дам тебе тетрадку. Вела записи, когда там пребывала. Потом вычеркивала тех, кому никакие желания уже не потребны. Пообещай, что исполнишь просьбы тех, кто еще в состоянии чего-либо просить! Раз уж Господь предоставляет тебе такую возможность.

Элеонора отодвинула руку Маргариты.

— Ты же лучше меня понимаешь их последнее желание! Самое заветное! Разве я могу им помочь?

— Знаешь как мне хочется влепить тебе пощечину. Еле сдерживаюсь. На! Читай! — Крулевская швырнула подруге старую коленкоровую тетрадь с пожелтевшими листами.— Открой на пятнадцатой странице. Умирающую зовут Анора. Двадцать лет! Ей предстоит операция трансплантации костного мозга. Организм девушки уже не может производить здоровые клетки крови. Химическую терапию делали сколько могли. Поэтому и жива до сих пор. Теперь будут менять погибшие клетки костного мозга на здоровые. Мой суженый Силуянов создал «Комитет спасения Аноры». Деньги собрал. Донора с великим трудом, но нашел. Осталось устранить юридические формальности. А она, видите ли, жить устала и не хочет! Десять лет по больницам да госпиталям скитается. Поэтому ты прямо сейчас засунешь куда подальше «Слоновий сценарий» и сделаешь все, чтобы Анора поверила в себя. Переверни страницу. Читай. Она написала эти каракули-желания после очередного сеанса химии. Все, что сможешь,— выполни! А своим работодателям скажи: выживет девочка, дам согласие на фамилию Крулевская в титрах их передачи. Пусть уж расстараются!

Берег моря. Бухты Энгал. Хоспис «Чудо».
Кабинет главврача
Родиона Петровича Гиреева

— Да вы с ума сошли! Какие Кызыл-Кумы? Какая пустыня? Какой еще istalgan tosh (Камень, исполняющий желание,— узб.). Я сейчас же вызываю охрану и они, не мешкая, выставят вас за ограду.

Щеки Элеоноры покраснели, она пару раз сжала руки в кулаки, чтобы не вспылить. Сдержалась. Словно фокусник, извлекла письмо бывшей пациентки хосписа, вышедшей из него своими ногами — Маргариты Сергеевны Крулевской.

— На воротах вашего заведения начертано слово. Четыре буквы. Но какие! «Чудо»! Моя подруга в это верила! И выздоровела. Так почему же вы хотите лишить чуда бедную девочку-узбечку? (*см. А. Ралот «Нам теперь все льзя!»*)

— Никогда не произносите в стенах сего здания слово «Бедная»! Это табу! У нас здесь бедных нет и не будет. Есть только богатые. Очень,— при этих словах главврач

вчитывался в послание своей бывшей пациентки.— Вы слышали про икону по имени Пантанесса или по-нашему Всецарица?

Лерура отрицательно покачала головой.

— Так вот. Вашей подруге помогла именно она! Вернее, безграничная вера в нее.

— Но икона хранится...

— У нас есть ее список,— бесцеремонно перебил женщину Гиреев.— И это понятно. А вера в чудодейственность какого-то камня, который, к тому же, находится на самом краю земли!..

— Ну, допустим, не на самом. А точнее, в его середине. В Средней Азии! — Элеонора поднялась со стула.— Отпустите Анору?

— Конечно, нет. У нее лейкоциты. Вернее, почти полное их отсутствие! Какие перелеты. Она же день и ночь под капельницей!

— Тогда позвольте мне с ней повидаться. Побеседовать. Надеюсь, хотя бы это не возбраняется?

Вместо ответа Родион Петрович решительно снял трубку телефона.

Пляж поселка Ингал. Веранда ресторана.

Поэтесса всматривалась в черные глаза девушки. «Наверное, у нее раньше и волосы были такого же вороньего цвета. А сейчас под пестрой косынкой полностью выбритый череп. Ничего, это дело поправимое. Вылечится — отрастит. Или, в крайнем случае, будет носить парики. Сегодня блондинка, завтра брюнетка».

— А вы правда стихи пишете? Почитайте, пожалуйста.

Нежный голосок Аноры вернул Элеонору на грешную землю.

— Обязательно. Но позже.

— Почему? Разве вы их наизусть не помните?

Женщина кивнула в сторону двери. Оттуда, не спеша, выдвигалась процессия, облаченная в национальные узбекские одежды. Рослые мужчины в мгновение ока убрали банальный стол и поставили перед женщинами низенький дастархан с блюдом дымящегося плова. На пол споро постелили толстые цветастые одеяла, затем узбеки помогли своей соотечественнице поудобнее расположится на них. Звуки карная и дойры возвестили о начале пиршества!

Анора смотрела на все не мигая. Из глаз одна за другой потекли слезинки. Она хотела что-то сказать, но комок в горле не позволял вымолвить ни слова. Неслышно подошедшая сзади Азиза-апа, мама девушки, молча стала гладить дочь по голове. Та поймала морщинистую руку и нежно целовала ее.

— Сиз қаердансиз? (узб). Ты откуда здесь?

— У мени таклиф қилди. У сизнинг истагингиз китобида езилган (узб). Вот она пригласила. Говорит, так написано в тетради твоих желаний.

— Позвольте, я объясню.— Вмешалась в разговор поэтесса.— Она набрала в телефоне фразу и попыталась прочесть ее перевод по-узбекски.— К большому сожалению, врач Гиреев не разрешает нам уехать в Узбекистан. Даже на один день. Поэтому мы с друзьями решили пригласить вашу Родину сюда. А какая же Родина без родни? Анора, твоя главная мечта о камне, увы, откладывается. Но не навсегда, а на пока. Давай с тобой договоримся. Будем исполнять желания от маленьких к большим. И станем готовиться к операции. Веря в ее успех! Договорились?

Девушка кивнула и, наклонившись к уху Элеоноры, прошептала.

— А мама не уедет? Она будет здесь в тот страшный день?

— Даже и не сомневайся. Лучше посмотри туда.

Впереди на песке мужчины под звуки музыки истово исполняли замысловатый танец. Стройный юноша отделился от остальных и, легко перемахнув через ограду, оказался рядом с пирующими.

— Карим? А ты как тут очутился? — Девушка закрыла лицо руками, не веря своим глазам.

— Я, как и Азиза-апа, теперь с тобой. И больше никуда не уедем, пока ты ... В общем, пока тебя совсем...— он запнулся и замолчал.

— Но ведь я даже не писала.

Элеонора протянула Аноре коленкоровую тетрадку. Та открылась на странице, где неровным почерком было начертано: « Хочу, чтобы... К...м».

— Я рассказывала тебе о моей подруге Маргарите. Она одно время пребывала в «Чуде». Очень верила, что вылечится. И как видишь, это произошло. Сейчас руководит сыскным бюро «Крулевская и партнеры». И сама понимаешь, что для такого профессионала, как она, расшифровать твою запись не составило особого труда.

* * *

Вечером в поселок нагрянул олигарх Силуянов. С ним прибыли еще человек пять.

— Это лучшие врачи-онкологи нашей области. Консилиум решил, что тянуть дальше ни в коем случае нельзя. Оперировать необходимо уже завтра.

— Но это же не больница! — возразила Элеонора.— А главврач не разрешает ее никуда вывозить. Она же почти постоянно на капельнице.

— Операционная здесь имеется. И оборудована, дай Боже каждому. В свое время я был вынужден расстараться. Специалистов выдернул! Отовсюду, откуда смог! Теперь главное, чтобы Анора не подвела. Жажду к жизни совсем не утратила. Сохранила. Я с ней просто обязан объясниться.

Мужчина вертел в руках небольшую бархатную коробочку.

— Она уже, наверное, спит. Подождете до утра, - возразила Лерура.

— Нет. Утром никак нельзя. Проснется, мы сразу начнем готовить ее к операции. Поверьте мне, как специалисту, это очень ответственное дело. Мать больной уже подписала согласие на проведение трепанации без гарантий на ее успех.

Один из прибывших повернулся к коллегам, ища у них подтверждение сказанному.

* * *

Элеонора долго беседовала с медиками и не заметила исчезновения олигарха. Не было его и в кабинете Гиреева. Вместе со съемочной группой помчались в столовую. Стали расспрашивать всех подряд.

Одна из пациенток обмолвилась, что видела чужого мужчину на скамеечке в парке.— Вид у него какой-то отрешенный. Я подумала, новенький поступил. Расспрашивать не стала. У нас здесь не принято. Не хочет человек общаться, значит, так надо. По всему видать, ему сейчас требуется одиночество.

* * *

Спустя час Силуянов демонстрировал телевизионщикам пустую коробочку.

— Успел. Отдал. Еще минуту, другую и ей бы вкололи снотворное. И тогда пиши пропало.

— Что пропало? Чего пиши? Прекратите говорить загадками. Я хоть и люблю детективы, но сейчас головушка забита совершенно иным,— возмутилась поэтесса.

— Камешек передал, тот самый, из Кызыл-Кумов. Она же туда поехать хотела. Не так ли? Сказала, что с собой возьмет на операцию. Амулетом, оберегом будет. Понятно?

— Но когда успели? Ведь мы только...

Элеонора со слезами на глазах принялась обнимать и целовать мужчину.

Два дня спустя. Офис фирмы «Элефант».

Поэтесса положила перед директрисой исписанные листки бумаги.

— Это отчет. Снято все. Почти. Олигарх вручил девушке камень без оператора. Тайно. Мы и не заметили когда.

— Плохо! Важнейший эпизод упустили. Можно сказать, кульминационный. Узнаю почерк поэтессы! Недотепа была и есть! — Илга бегло просматривала листки.— Ты же понимаешь, что заново этот момент не переснять. Кстати! Как твоя подопечная? Выжила? Крулевская позволит нам использовать ее фамилию в передаче? Не подаст в суд? С нее станется!

— Врачи утверждают, что сделали все возможное и невозможное. Состояние тяжелое, но устойчивое.

— Понятно,— хозяйка кабинета убрала бумаги в сейф.— Давай теперь обсудим детали второй передачи. Надеюсь, ты уже определилась с кандидатом или кандидаткой. Мне доложили, что главный врач хосписа, как его, запамятовала? Гиреев, кажется. На тебя глаз положил. Не отвергай. Так сказать, дружеские любовные связи в нашей работе прекрасное подспорье.

Лерура молчала. Она думала о пациентах хосписа. Об их последних желаниях. И понимала, что с помощью этой латышки сможет сделать для них если не все, то многое. И отныне будет с ними. Станет день и ночь выполнять их просьбы. Даже тогда, когда полностью отработает свой долг перед «Элефантом».

Полгода спустя. Офис сыскного бюро «Крулевская и парнеры».

— Сколько тебе потребуется на сборы? — Силуянов демонстративно посмотрел на свой «Ролекс».

— А в чем, собственно, дело? Ты меня не предупреждал! — огрызнулась Марго.— На моих плечах, между прочим, целое бюро. Люди, расследования и вообще.

— Ее сегодня выписывают. И мы с Анорой, тобой и Лерурой летим в Кызыл-Кумы! Камешек обязательно надо положить на то место, откуда взяли! Иначе он перестанет оказывать помощь нуждающимся. Ты разве не знала? Собирайся, я жду внизу. Нам еще за одеждой для нашей подопечной в супермаркет заехать надо. Не может же она предстать перед своим бойфрендом абы в чем. Или я не прав?

Крулевская с минуту молча хлопала глазами. Потом молвила:

— Так ты в самом деле кого-то посылал в пустыню, к этому камню? И он успел?

Силуянов нежно обнял женщину.

— Нет, конечно. Подобрал по дороге в хоспис! Но сработало! Результат, как видишь, налицо! Написанное желание исполнить надо было! Обязательно и во что бы ни стало! Поторопись. Даже для меня задержать рейс авиакомпании «Узбекистон» проблематично!

Глава 3. Альпинистка поневоле

Май 2020 года. Юг России.

У поэтессы Элеоноры Леруры созерцание зеленого буйства за окном и невозможность выскочить из опостылевшей квартиры, домчаться до угла и надышаться ароматом ирисов (Коронавирус! Будь неладен! Полная самоизоляция, до особого распоряжения!) вызвала приступ любви к музыке. Проявился он в том, что женщина с некоторым усилием спрыгнула с подоконника и бросилась в бой с пылью, осевшей на стареньком пианино. Чихнув, подняла голову вверх и уставилась на люстру, не видевшую влажную тряпку с момента развала Советского Союза. Метнулась на кухню за табуретом, но остановилась на полпути. В коридоре верещал звонок.

— «Из ЖЭКа, не иначе. Только им дозволено без штрафных санкций шляться из дома в дом»,— пронеслось в голове.— «Не буду открывать! Нет меня! То есть, как нет? Все же сидят по квартирам. И я тоже»,— рука потянулась к замку входной двери.

Через минуту в коридоре материализовалась «ее величество» работодательница и «благодетельница», полноправная хозяйка фирмы «Элефант» Илга Рутенене.

— Бездельничаешь? Ничего не сочиняешь? — вместо приветствия буркнула гостья.

— Так ведь, каронов...

— А удаленка для кого? — оборвала поэтессу начальница.— Где сценарии, подводки, диалоги?

— Стихи сочиняю ко дню защиты детей. Из библиотеки попросили,— неожиданно выпалила Элеонора.

— Смелая! Это хорошо. Даже очень,— Илга извлекла из сумочки бумагу и ткнула пальцем в обведенный красным фломастером пункт. «В случае нарушения этого соглашения... Обязуется выплатить фирме «Элефант» выше означенную сумму, а также проценты.

— Так ведь форс-мажор. Президент по телевизору...— промямлила хозяйка квартиры.

— Он лично ни один контракт не отменял. Твоя подпись?

Лерура молча кивнула.

— Значит, с каждым пунктом согласна? tātad, jo (Так ведь?) (Латышск).

— jums ir taisnība. (Вы правы) (Латышск),— согласилась Элеонора,— но карантин уже скоро закончится, и тогда я все, до копеечки, отработаю.

— Нисколько не сомневаюсь. Потому и пришла к тебе, а не отправила контракт вместе с заявлением в суд. Для принятия кардинальных мер,— Рутенене изобразила на лице доброжелательную улыбку и, отодвинув поэтессу, по-хозяйски устремилась на кухню. На ходу извлекая из сумки бутылочки Рижского бальзама, французского коньяка и упаковку элитного кофе.

* * *

Разрумянившиеся от выпитого алкоголя женщины смеялись и щебетали о своем — девичьем.

— Эля. Ты обязана меня понять. В фирме столько сотрудников и у каждого «тараканы в голове». Одна рожать собралась, другого — на соревнования отпустить. И зарплату на тарелочке с голубой каемочкой. Мол, президент распорядился.

— Так ведь здание твое. Собственное. За аренду ничегошеньки не платишь, как другие,— прервала начальницу Лерура, разливая по бокалам остатки коньяка.

— А за электричество, за газ, за мусор, за воду, за охрану? Все на мне, на вот этих ручках,— Илга крутила пальцами, ногти которых украшал свежий маникюр. Неожиданно лицо Илги изменилось. Решительно отодвинула в сторону недопитый алкоголь.

— Скажи, только честно. Ты на какую самую высокую гору поднималась? — Лерура не поняла вопроса. Крутила бокал и не знала что ответить.

— То есть? Я же не... Однажды на Красной Поляне, на фуникулере на самую верхотуру. И фотки... Сейчас покажу,— женщина попыталась подняться, опираясь на стол.

— Не надо. Я уже поняла. Пойдешь со мной на семитысячник!

— На что? — Элеонора опустилась на место.— Сколько тысячник? В крае, да и на Кавказе выше Казбека и Эльбруса ничего еще не выросло.

— На Памире выросло. Про пик имени вождя всех пролетариев слышала?

— Пппп-проходили в школе, пппо — географии,— преодолевая ком в горле, вымолвила хозяйка квартиры.

— Но ведь нет никаких пррр..пр..пролетариев, значит и пика нема.

— Гора никуда не делась. Стоит себе целехонькая. И зовется Ибн Сина. На Памире бывала? — Хмель из головы поэтессы начал улетучиваться, и она отчетливо вспомнила давнишнюю поездку в составе творческой делегации в далекую социалистическую республику. Пеструю одежду тамошних жителей, вкуснейший плов и неловкие ухаживания местных мачо.

— Но ведь мы с тобой, как сказать помягче, дамы, которым уже далеко за... Кто же на этакую высотищу пустит?

— Деньги! — выпалила собеседница.— Я полностью спонсирую экспедицию. Оплачиваю экипировку, перелет, проезд. На! Изучай,— Рутенене протянула флешку.— Здесь все о предстоящем восхождении. А мне пора. Засиделась.

— Но, Илга. Зачем я тебе? Ты же можешь кого угодно.— Владелица «Элефанта» вновь ткнула в пункт контракта.

— Долг одной подчиненной погасить хочу. Дурында! Поднимемся, спустимся и вуаля. Порву бумаженцию на сто кусочков, как будто и не было ее. Усекла?

Офис сыскного бюро «Крулевская и парнеры».

Лерура ходила по кабинету подруги и размахивала новеньким ледорубом.— Растолкуй, на кой... я ей? Захотелось дамочке свернуть шею в горах — ради бога. Как говорится, любой каприз за ваши гроши. Меня-то в связку за какие прегрешения?

Основатель и руководитель бюро Маргарита Сергеевна Крулевская поднялась с кресла и молниеносным, полицейским приемом избавила поэтессу от опасного предмета.

— Во-первых, не корчи из себя Рамона Меркадера. Истории достаточно и одного убийцы товарища Троцкого. А во вторых, подойди к столу и отдай свои ходики.— Элеонора хотела возмутиться, но передумала и молча сняла с руки изящные часики, произведенные еще во времена канувшего в лету Советского Союза.

— Даю три секунды,— Марго впилась взглядом на стрелку.— А теперь разворот на сто восемьдесят градусов.— Подруга взяла Леруру за плечи и повернула спиной к столу.

— Маргарита, что ты вытворяешь? — возмутилась гостья.— Я о чем с тобой битый час толкую?

— Отвечай, немедленно! — властно перебила подруга.— Какие предметы лежат у тебя за спиной?

— Надо же было предупреждать! Так бы и сказала...

— Что! И сколько?

Элеонора потерла пальцем лоб, вспоминая.

— Маленькая иконка Божьей матери «Всецарица». Такая, как в хосписе «Чудо».— Дальше!

— Две батарейки. Ручка. В виде гоночного автомобильчика. Коробочка с шариками для разминания пальцев рук. Сама их дарила. Подставка для очков в виде женских губ. Блокнот. Открыт на третьей странице.

— Почему на третьей?

— Первые два задраны вертикально.

— Достаточно. Ты только что ответила на вопрос.

— То есть?

— Сколько лет мы знакомы?

— Ой. Много. Даже и не сосчитаю.

— То-то же. С этим не ахти. А вот зрительная память отличная. Феноменальная. И латышка это просекла. Я так полагаю, в горах ты должна будешь что-то увидеть и запомнить.

— Ерунда на постном масле. Сейчас у каждого в смартфоне фотик. Щелк и готово.

— Какая температура на пике Ибн?..

— Да бог знает.

— Очень даже отрицательная. Это раз. Никаких сетей, сотовых операторов в той глухомани и на такой высоте нет. Это два. Значит?

Лерура пожала плечами.

— А то и значит, фотографировать техникой, наверное, можно. В космосе же щелкают, а там не теплее, но сложно. Полагаю, что ты ей нужна как дублирующий фотоаппарат. На тот случай, ежели аппаратура откажет.

— Простить многомиллионный долг,— Лерура демонстративно загибала пальцы.— Потратиться на экипировку для членов экспедиции. Один комплект тыщ пятьсот стоит, не меньше! И все ради того, чтобы я чего-то запомнила? Не дороговато ли? Гораздо проще послать туда специально нанятого альпиниста, и вся недолга?

— Это у Илги спроси. Я же в ее голову не влезу. Есть у меня один хороший знакомый. Горы облазил основательно. Балкарец. Арслан Шарзиев. Посоветуй его кандидатуру работодательнице. Если уговоришь, то в экспедиции будет у тебя надежное плечо.

— Хорошо,— пробурчала поэтесса, размышляя, как бы ловчее сообщить Илге о горце. Словно прочтя мысли подруги, Марго молвила:

— Представишь своим... э... Бойфрендом. Скажешь, что одну тебя на смерть лютую не пускает. Или вдвоем пойдете, или... Чутье подсказывает. Дамочка иностранная, противиться не станет.

— А вдруг Арслан не согласится? Ты же с ним еще не разговаривала.

— Не откажет. Мы с ним давненько. Как-нибудь расскажу. После твоего триумфального спуска с пика имени...

Офис фирмы «Элефант».

Мужчина разложил перед директрисой исписанные листки.

— Это план нашей работы. Прежде чем отправляться на пик, придется как следует попотеть в фитнес-центре. Бег, гантели, тренажеры, бассейн. Затем подъем на пять тысяч, Эльбрус или Казбек, а уж потом...

— Жаровский! Толя! А сократить нельзя? — Илга отодвинула бумаги.— Просто прилетаем в Среднюю Азию и грузимся в вертолет. На сколько километров он нас сможет поднять — на пять или на все шесть? А потом на этих, ну как их? На jaku (латышск) яках.

— Без основательной подготовки можно. Но только исключив из группы меня,— Анатолий стукнул ладонью по столу.— Руководитель экспедиции обязан спасать подопечных, а не посылать на верную смерть!

— Не горячись,— директриса скорчила на лице подобие улыбки. В бассейн, так в baseins (Бассейн-литовс.) У кого нет загранпаспортов? Срочно займитесь решением этой проблемы. Летим в Грузию, на Казбек.

— На него можно и с нашей стороны. Через Кармадон,— проворчала Лерура.

Илга, Анатолий и даже Арслан посмотрели на нее с явным недоумением.

— Через что? — молвила Рутенене,— только и осталось, что по miris (мертвым — латышск.) ходить! Забыли про Бодрова-младшего и киногруппу? Так я напомню! — Это когда было? Сейчас там...— попытался заступиться за подопечную балкарец, но осекся, встретившись взглядом с владелицей «Элефанта».

— Вы в нашей команде отвечаете за фото, видео. Вот и сконцентрируйте внимание на задании. А уж с какой стороны на гору лезть, буду решать я! Надеюсь, всем понятно?

Грузия.

Элеонора опустилась на камни и с трудом восстанавливала дыхание. Конечно, тренировки в спортзале и на берегу моря возымели действие. Но горы — иное. Вроде бы

недалеко отошли от лагеря, а вот, нате, голова кружится и тошнота подступает к горлу.— «Надо сделать так, что бы Анатолий этого не заметил. Иначе устроит дополнительные испытания. С него станется»,— подумала поэтесса, а вслух произнесла:

— Толя, а почему Казбек? Наш Эльбрус повыше будет. И Россия, как — никак?

— Казбеги, это Казбеги. Для таких альпинисток, как ты, самое то! На Эльбрус и на мотоциклах уже заезжали, и табуны отдыхающих туда-сюда шастают. Разве тренировки там могут быть эффективными? Тропы исхожены, загажены. А здесь рай! Кончай валяться. Подъем и вперед. Вот вернешься домой, поэму сочинишь. Красивую.— Он протянул женщине руку, помогая подняться.— Пойми. Здесь мы должны до автоматизма отработать ситуации, которые могут возникнуть на Памире. Что там у нас по графику?

— Умение падать и группироваться,— еле слышно произнесла Лерура.

Кто бы знал, как ей не хотелось это делать на острых камнях и, тем более, на льду.

— А почему нас только трое? Шефиню не мучаешь? Боишься?

— Уехала в город,— ответил за руководителя экспедиции Арслан.— Новые кошки получать. Эти никуда не годятся.

— Во-во,— поддержал Анатолий.— Сломается пару зубьев в неподходящий момент и будет сочинять стишки, лежа в расщелине или в очереди! В чистилище!

* * *

На следующий день Жаровский поднял всех спозаранку.

— Дамы и господа! Начинаем пробное восхождение. Если звезды расположились должным образом, то часов за восемь дойдем! Если нет, то станем тренироваться до тех пор, пока да!

Лерура двигалась в связке предпоследней. Замыкал группу Шарзиев. Ежеминутно подбадривая подопечную, он умудрялся еще и беспрестанно щелкать затвором фотоаппарата, запечатляя для нужд «Элефанта» окружающий ландшафт. Семь часов спустя поэтесса едва держалась на ногах. К головокружению и тошноте добавилась резь внизу живота. С каждым шагом боль все сильнее отдавалась в ноге. Перед глазами плясали темные точки.— «Дойду. Поднимусь на этот чертов Казбек. Не я первая, не я последняя. А потом пусть мужики на руках вниз тащат. Женщина я или нет. Между прочим, хрупкая»,— размышляя, Лерура терла ногу, полагая, что это поможет.

— Совсем хреново? — прошептал в ухо Арслан.

— Да,— неожиданно для себя согласилась поэтесса.— Но дойду.

— Прерываем восхождение! Спускаемся,— над сидящими возвышался Жаровский.

— Но до вершины всего-то! — возразила Илга.— Каждый день нашего пребывания здесь стоит денег. И немалых. А если она и завтра такой фортель выкинет? Опять туда-сюда шастать будем! Как по Бривибасу (Центральная улица Риги).

— Ступай назад,— процедил сквозь зубы Анатолий.— Он хотел добавить: «И заткнись!», но промолчал. Окончательно выводить из себя хозяйку «Элефанта» было опасно.

— Я и балкарец будем страховать Элю. И вызови по рации врача.

* * *

Лагерь тонул. Нескончаемые потоки воды лились на палатки, не позволяя просушить одежду и приготовить горячую пищу. Грузинский доктор даже за солидный гонорар ехать в горы категорически отказался. Лерура дремала, свернувшись калачиком. Горец сразу же по возвращении исчез. Илга и Анатолий, прихлебывая из термоса кофе с рижским бальзамом, тихо переругивались.

— И на кой ляд ты эту доходягу тащишь с собой? Какой с нее прок? Деньги на неумеху тратишь!

— Если бы не она, мы бы не успели спуститься до ливня. Может быть, поэтесса нам всем жизнь спасла. Лежали бы сейчас на дне ущелья. И мокли. Только не живые, а мертвые. И вообще, mentors (Наставник. Латышск), кого и куда брать, решаю только я!

— Без Казбека на семитысячник не взойти. Навык ни за какие деньги не купишь. Поэтому решай. Либо мы завтра совершаем восхождение без нее, либо сворачиваем экспедицию. Рутенене молчала. В ее голове в который уж раз пульсировала мысль: «Может быть, рассказать все мужикам? Хорошо заплатить, и они быстренько смотаются на Памир? Нет. Надо самой! Да еще обязательно в паре с этой недотепой. У нее глаз алмаз. И вообще поэтесса — талисман. А его, как известно, nav izmests (не выбрасывают. Латышск). Иначе задуманное ни за что не сбудется!

* * *

В палатку ввалился промокший до нитки Арслан. Ни слова не говоря, вырвал из рук Илги термос, бросил в него какие-то растения, закрыл крышку и стал трясти словно шейкер. Жаровский не заступился. Сделал вид, что дремлет. «Так ей и надо. Тоже мне, начальница. Деньги девать некуда, вот и блажит. Дура. Ему-то что? Доставить на пик Ибн Сина. Спустить назад. Получить кругленькую сумму и помахать ручкой!»,— руководитель не заметил, как алкоголь растворился в крови, и он заснул. Стук дождя сморил и Илгу. Лишь балкарец, приподняв голову Элеоноры, насильно поил настойкой из одному ему известных трав.

* * *

В четыре часа утра Жаровский разбудил всех. Дождь прекратился, и предстояло принимать решение. Возьмут ли они сегодня высоту или нет? Если да, то выходить предстояло прямо сейчас, чтобы, в случае удачи, группа смогла вернуться засветло. Три пары глаз уставились на поэтессу. Молчали. Мысленно посылали один и тот же вопрос: «Ты как?» Женщина протерла глаза, кокетливо улыбнулась и защебетала.

— Я как огурчик. Малосольненький! Умный в гору... в общем, ребята, я с вами! Ибо не умная!

— И вдобавок малохольная,— проворчал Арслан, проверяя на вес рюкзак поэтессы.

— Слушать сюда! — гаркнул руководитель, когда вышли из палатки.— Предстоит блиц-восхождение. На все двенадцать часов. Мы обязаны вернуться до заката. Но предупреждаю сразу. Дождь закончился только здесь. Там его, конечно, не будет.— Анатолий показал на вершину Казбека.— На вершине только снегопад!

— И еще какой! — добавил Шарзиев.

— Поэтому идем строго в связке. Женщины в середине. А сейчас мухой в туалет. И выступаем.

— А позавтракать? — взмолилась Лерура.

— Есть будешь в ужин! Конечно, если вернешься,— вмешалась в разговор Рутенене.

— Наш маршрут двухэтапный. Доходим до плато на высоте четыре пятьсот.

— И перекур? — перебила руководителя Элеонора.

— Там закапываем болтушку. Причем, заживо,— Анатолий был рад, что с поэтессой все в порядке. Одного не мог понять, как это удалось Арслану. И чем он поил пассию.

— Оттуда стартуем на вершину. Опытным альпинистам на восхождение требуется пять часов. Мы должны дойти хотя бы за шесть. Акклиматизацию с трудом, но осилили. Остальное дело техники. С этим у нас не ахти. Пока.— Горец отвел Илгу в сторону и о чем-то шептался. Потом сунул в руку женщине рацию. Сам же уставился на облака, спешащие укрыть Казбек подобно теплому одеялу. Рутенене кричала в

микрофон, переходя с русского на английский. Наконец, кивнула и поспешила к нервно вышагивающему Анатолию.

— Выступаем! Каждая минута дорога,— скомандовал тот.

— Ждем полчаса! — Илга демонстративно уселась на камень.

— Тогда подымаемся без тебя! — выкрикнул Жаровский. Но его никто не слышал. Все, задрав голову, смотрели, как на поляну опускается вертолет.— На четыре пятьсот? Грузитесь быстро. Повезло. Погода летная. Пока.— усатый летчик услужливо открыл дверцу кабины и помог женщинам закинуть рюкзаки.

* * *

Сказать, что группа шла в тумане, не сказать ничего. Двигались даже не в молоке. В густой сметане, сверяя каждый шаг по «Глонассу». Никто не думал о том, как будет спускаться. Неведомая сила гнала смельчаков вверх. Казбек должен быть покорен. И точка! Вдобавок поднялся сильный ветер. С маршрута сдуло Элю. Если бы не страховочная веревка, то... Группа вытащила женщину из расщелины. Анатолий, срывая голос, орал, стараясь перекричать завывание ветра: «Ледоруб забивать в снег по самое не могу. На кошки становиться полностью, всей площадью ноги. Иначе каждый раз будете улетать с маршрута! Идти на носочках запрещаю! Ногу на веревки не ставить! Увижу, кто так делает, убью!» Поэтесса с благодарностью смотрела на Арслана. «Если бы не он, с вертолетом, не видать бы им сегодня Казбека, как... Впрочем, его все равно не видно!». Она старалась в точности исполнять команды, соглашаясь с тем, что по возвращении в лагерь надо кого-то придушить! А конкретно — Илгу с ее закидонами! Меж тем, хозяйка «Элефанта» упала и запуталась в страховочном тросе. Мужчины по инерции проволокли ее добрый десяток метров, а потом кинулись освобождать. «Так ей и надо. Хоть бы кто из мужиков догадался перерезать веревку, как «Гордиев узел»! Латышка вмиг бы улетела в какую-нибудь трещину. Туда и дорога. Самой не сидится в тепле, так и другим покоя не дает!» — пронеслось в голове у Леруры. Она хотела достать из рюкзака термос с чаем, но передумала. Решила, что сделает глоток исключительно на покоренной горе.

* * *

Ледяная крошка бомбардировала группу. Навалилась дикая усталость. И только еле различимая спина идущего впереди Жаровского вселяла призрачную надежду, что рано или поздно вершина, в общем-то, не самой высокой горы будет покорена. Замыкающий Арслан не позволял женщинам опуститься на снег. Подбадривал и подгонял одновременно, показывая ледорубом вверх. Вот же вершина, чуть-чуть осталось. Дамам казалось, что он видит то, чего они за белой пеленой рассмотреть не могли.

* * *

Спустя девять часов группа оказалась на вершине. Илга ругалась матом громче всех. Поэтесса не верила ушам. Таким оборотам латышки позавидовал бы боцман любого флота. Спустя минуту несколько соленых фраз выдал и Анатолий: «Вашу мать... Вниз! Скоро стемнеет. Есть желающие покувыркаться в этом аду в полной темноте? Марш за мной! И помните. Ледоруб втыкать, кошки ставить. Поооо-шли! С богом!» Всю дорогу Лерура думала об одном и том же. «Ну зачем ей это все надо?»

Глава 5. Памир

В самолете участники, несмотря на возражение стюардессы, расположились рядышком и внимали словам Анатолия.

— Будем сутки-двое болтаться в городе или сразу рванем в Джиргулипс? Решайте. Леруре очень хотелось побродить по столице, но остальные проголосовали за второй вариант.

— Располагаемся в лагере. Следующий день — тренировки и акклиматизация.— Так ведь всего лишь тысяча восемьсот метров,— парировал Арслан.— Легкотня.— Жаровский нахмурился.

— Это кому как. Забыл, что высота с поэтессой делает? А у нас по плану на следующий день выход на пик Воронова, а он повыше Казбека! И ночевка в промежуточном лагере на пять тысяч триста. После чего спуск в Базовый.

— Это еще зачем? — возмутилась поэтесса. Всего-то два километра с хвостиком остается, а мы назад, словно крабы.

— Элеонора, я тебя сейчас тресну! Во-первых, это учебное восхождение. Проверка снаряжения, акклиматизация, здоровье, самочувствие. А во-вторых, крабы боком ходят, а не задом. Ты что, на Карибах не была?

— Не-а.— промямлила Элеонора и прикрыла ладошкой рот, всем видом показывая, что не права и извиняется.

— Далее у нас день отдыха. Он же резервный на случай непогоды.

Рутенене открыла свою сумочку и вручила каждому страховые полисы.

— Как это у русских, береженого Бог охраняет. Пусть сделает так, чтобы не пригодились.

* * *

Проблемы начались сразу. Первым делом власти Джиргулипса отобрали экспедиционный дрон. Чиновник сунул Анатолию бумагу, объясняя на ломаном русском, что без разрешения спецслужб использовать летательные аппараты нельзя. Во-вторых, ссылаясь на проводимую в тех местах воинскую операцию, велел отправляться в лагерь Мосина. Мужчины попробовали возмутиться, что он расположен на высоте четыре двести, и так сразу туда выдвигаться крайне не желательно. Но милиционер, безбожно путая фарси, русские и английские слова, утверждал, что лагерь расположен у границы сразу двух ледников, и это самая лучшая точка для восхождения на пик Ибн Сина. А если у господ альпинистов имеются доллары, то его знакомый вертолетчик мигом доставит их туда. Ведь самое главное при походе в горы — это сохранить силы. Удрученные участники экспедиции направились к двери. Им вдогонку неслись слова представителя власти: «Альпинисты, прилетевшие туда, размещаются в двухместных палатках с настилом. Имеется столовая. И, конечно же, как во всех цивилизованных странах, оборудован туалет, душ и северная сауна.

* * *

Анатолий решил провести эксперимент. Выдал на ночь каждому по баллону кислорода. Благодаря им четверка отлично выспалась, что для первых суток пребывания в высокогорье — проблема. Альпинисту не хватает кислорода в крови, и организм непрерывно посылает одну и ту же команду в мозг: «Не спать! Иначе отек и смерть!» Лерура, поднявшись раньше всех, приветствовала спутников четверостишием: *Горы, что вы сделали со мной? Чем заворожили? Властным зовом К подвигам горячим и суровым Или мудрой снежной сединой? Автор-Байрамукова Х. (Перевод Н. Матвеевой).*

* * *

Повар превзошел сам себя. Завтрак был бесподобным. Удручало лишь одно. Из русских слов он знал только матерные и обильно пересыпал ими таджикские. Элеонора поначалу закрывала руками уши, демонстрируя, что он произносит нечто непотребное. Но голод не тетка, и запах Оши тупа (мясного супа с лапшой), самсы, зелени

и сыра сделал свое дело. Спустя пару минут поэтесса уписывала кушанья за обе щеки, не обращая никакого внимания на малоупотребимые слова.

* * *

Выход из лагеря напоминал движение осужденных к месту казни. Шли по леднику. Медленно ступая и стараясь делать три вдоха на каждый шаг. С тем, чтобы организм привыкал к разряженному воздуху. Жаровский повторял, что только так можно сохранить силы для восхождения на конечную точку маршрута. По истечении каждого часа останавливались, и Арслан прибором измерял пульс и содержание кислорода в крови. Показатели женщин удручали. Они с каждым разом становились все хуже. Было понятно, что период акклиматизации надо увеличивать.

* * *

Во второй половине дня учились «жумарить», то есть подтягивать себя при помощи веревки и карабина. Элеонора старалась изо всех сил, но получалось плохо. Однако через пару дней команда дошла до промежуточного лагеря, а затем смогла покорить и пик Воронова!

— Выше Казбека! — радовалась поэтесса, помогая Арслану делать панорамные фотографии.— Сказали бы мне год назад, что я буду по горам, словно коза горная! Вытолкала бы взашей лгунов и пустобрехов!

— Илга. Как самочувствие? — поинтересовался Анатолий.

Женщина ничего не ответила. Она сосредоточенно смотрела в экран навигатора и, сняв перчатку, делала какие-то пометки в блокноте.

Пик Ибн Сина

Восхождение отложили на день. Потом еще на один и еще. Снег и ветер не позволяли даже носа высунуть из палатки. Группа застряла в продуваемом со всех сторон промежуточном лагере на шесть восемьсот. Жаровский заикнулся, что было бы неплохо, когда позволит погода, спуститься в Базовый, а уже потом... Но хозяйка «Элефанта» зыркнула на него таким взглядом, что он посчитал за благо больше эту тему не поднимать. Вдруг она вскрикнула и бросилась мужчине на шею. То же самое, секунду спустя, проделала Элеонора, очутившись в объятиях Арслана.

— Вон она! Страшная такая! Серая! Брр.

— Кто? — хором поинтересовались представители сильного пола.

— А то вы не видите? В углу. За рюкзаками,— Рутенене еще сильнее прижалась к руководителю экспедиции. Тот деликатно опустил латышку на камни, заглянул в угол палатки и расхохотался.

— Ну, вы, бабы, даете! Замерзнуть на леднике не боитесь, в расщелину свалиться тоже, а мышки испугались!

— Отт-ку-да она здесь? На ветру и камнях? Ей кислорода хватает? — стуча зубами, поинтересовалась Лерура?

— Такие недотепы, как ты, шастают туда-сюда. Вот и занесли в рюкзаке. А остатков еды, замечу, высококалорийной, для ее желудочка вполне хватает. Где люди, там и грызуны. Веками симбиоз сложился,— Арслан нежно погладил поэтессу по голове, успокаивая.— Вот если бы сам Ети пожаловал, тогда конечно?

— А они здесь тоже водятся? — Элеонора умоляюще заглянула в глаза «бойфренда». Дружный мужской хохот перебил завывание ветра.

— После снегопада запросто могут быть обвалы. Даже если погода улучшится, идти на вершину опасно,— меняя тему разговора, молвил руководитель группы.— Надо выждать, когда подморозит. Иначе беды не миновать.

— Если пурга утихнет, пойдем ночью. Аккумуляторы фонарей у всех заряже-

ны? — решительно выпалила Рутенене. Поэтессе до коликов в животе хотелось вниз. Но она понимала, что одна до лагеря не дойдет! Да и не отпустят.

* * *

— Минус десять,— сказал Шарзиев, глядя на термометр.— И буран стихает. Илга, ты везучая.

— Не поняла?

Вместо ответа Арслан отодвинул полог палатки. Снегопад прекратился. Только ветер. Но умеренный.

— Идти можно. А вот вверх или вниз, давайте голосовать.

— Вверх! — вскрикнули Рутенене и Жаровский, а Лерура, как ученица-отличница, подняла руку, соглашаясь. Кавказец порылся в своем рюкзаке и выдал каждому по два баллона с кислородом.

— Еще один в запасе. Если кому-то будет совсем невмоготу, дайте знать. Осчастливлю. Останетесь в живых. Вернее, не я буду причиной безвременной кончины.

* * *

Выползли из палатки. На пути возвышалась почти вертикальная стена, покрытая льдом. Даже сквозь темные очки на ее блеск в лучах горного солнца смотреть было больно. Двенадцать часов спустя они не поднялись, а на четвереньках вползли на вершину.

— Дош-ла,— еле слышно прошептала Илга.— Я сделала это. Теперь можно и туда.

— Куда? — Лерура терла заиндевевший циферблат часов, пытаясь узнать время.— К ней. К кому же еще. Элеонора наклонилась к женщине, но та уже потеряла сознание.

— Эй, кто-нибудь! Помогите. Рутенене плохо,— поэтесса принялась теребить сидевшего поодаль Арслана. Тот кое-как приподнял директрису, отхлестав по щекам, влил в рот содержимое своей заветной фляги. Женщина приоткрыла глаза, окоченевшими руками впилась в куртку балкарца.

— Отнеси меня вниз. Пппо-жа-луй-ста. Муж тебя озолотит. Денег хватит на всю жизнь. Не оставляй. Мне вороны глаза выклюют.

— Нет здесь никаких птиц,— к ним подошел Жаровский.— Они на такую высоту залететь не могут. Воздух сильно разряженный. Крылья не держат. А тебя доставить вниз не сможем. Сил не хватит по леднику спустить. Придется самой.

— Эле-чка, сними с меня шлем и распусти волосы. Пожа-луй-ста. Хочу лежать хоть и мертвой, но красивой. Это мое последнее желание. Испо-лни.

— Илга! Я тебя сейчас задушу. И суд меня оправдает. Затащила всех сюда и помирать собралась! Ну-ка, встала и пошла. sērga tu arī (Зараза ты этакая! Латышск). Удивительное дело, услышав родную речь, Рутенене изобразила на лице некое подобие улыбки.

— Мне же еще туда надо. Обязательно! Теперь уже мо-жно.

— Твою мать! — выругался Анатолий.— Тебе в больницу, срочно! Неужели не понимаешь, что с горной болезнью не шутят. Отек мозга и легких! На! Немедленно дыши! — Он протянул женщине резервный кислородный баллон. И таблетку прими, а лучше сразу две!

Юго-западная сторона горной гряды.

Пещера близ ледника Борякова. Три недели спустя Арслан вскинул фотоаппарат, но Илга решительно отвела его руку в сторону.

— Ни в коем случае нельзя фотографировать! Иначе не исполнится! Vai tiešām nav saprotams (Неужели не понятно. Латышск.)

— Почему? Сколько лет этим надписям? Разве написавшие это могли предвидеть, что в двадцать первом веке люди обзаведутся фотоаппаратами и смартфонами? — негодовал балкарец. Руководитель группы протянул женщине блокнот и ручку.

— Раз нельзя фотографировать, тогда зарисуй. Древние, надеюсь, подобное не возбраняли? — Нельзя! Ни фотографировать, ни рисовать, ни записывать. Можно только запоминать! Выучить. Citādi nav taisnība. (Иначе не сбудется. Латышск.)

Участники экспедиции смотрели друг на друга и на Рутенене. И каждый из них думал одно и то же: «Болезнь для хозяйки «Элефанта» не прошла бесследно».

* * *

На следующий день после выписки директриса вместо того, чтобы обосноваться в городе и как следует отдохнуть, вновь потянула всех в горы. Нанятый за немалые деньги бабай-проводник без всякого навигатора привел их к заветной пещере.

— Лерура. Вся надежда на тебя. Запоминай это. Каждую черточку и завитушку.

— Илга. Даже если я запомню. Я говорю «даже». Что потом? Ведь рисовать нельзя.

— Здесь никак нельзя. В другом месте можно. Наверное. Про это супруг мне ничего не говорил.

Элеонора смотрела на латышку широко раскрытыми глазами.

— Ты понимаешь, о чем здесь сказано? Что это вообще значит?

— Я не знаю всего. Муж Альгирдас ведает больше. Много лет назад, еще студентом, он в геологической партии nopelnīt (Подрабатывал. Латышск). Местные поведали, что заклинание, начертанное в пещере, помогает только тем, кто его запомнит! Именно так гласит древнее предание! Много лет местные его передают из поколения в поколение. Сейчас mīļākie (Любимый. Латышск.) капитан на научном корабле. В океане. Но скоро будет в Риге. Ты нам поможешь. И тогда у нас, наконец, все получится! И мы обретем долгожданное счастье!

Офис «Сыскного бюро Крулевская и партнеры».

Марго встала из-за стола, подошла к бару и достала бутылку марочного коньяка.— Ну, за успешное окончание экспедиции и за твоего будущего беби или даже двух. Надеюсь, у моей подруги нет проблем с выбором крестной матери?

Лерура взяла предложенный бокал и, полуоткрыв от нетерпения рот, ждала разъяснений. Вместо них Крулевская достала из ящика свернутый листок. Здесь точная копия перевода пещерного пророчества. Хозяйка «Элефанта» за эту работу отвалила очень даже приличные еврики. Ну, а я... В общем, не спрашивай, как сия инфа попала в наш офис. Всем известно, что «Сыскное бюро» имени меня умеет добывать и хранить секреты.

* * *

«Уважаемая госпожа Рутенене. Из того, что нам удалось расшифровать согласно представленному рисунку, сообщаем следующее: надпись на стене в пещере, расположенной близ ледника Борякова, выполнена предположительно во времена похода Александра Македонского и гласит: «Ежели женщина желает, но не может произвести потомство, то она обязана переступить через свою сущность. Совершить деяние, противоречащее ее естеству. Но не в одиночестве, а в союзе с такой же никогда не рожавшей спутницей. Чем более трудное испытание удастся преодолеть обеим несчастным, тем быстрее в их чреве появится плод мужского пола. И они обе обретут...».

Игорь Карлов
(г. Стамбул, Турция)

РУССКИЙ СТАМБУЛ. СТОЛЕТИЕ*

очерк-реферат

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Эмигрантский путь И. А. Бунина (1870—1953) также начинается в Константинополе. Писатель и поэт Иван Алексеевич Бунин, будущий Нобелевский лауреат, прибыл в сюда в феврале 1920 года. Для него это было уже третье посещение Царьграда (первое состоялось в 1903, второе — в 1907 году) — самое непродолжительное и самое печальное. Он вместе с женой Верой Николаевной Муромцевой отправился из Одессы на пароходе «Спарта» 9 февраля, когда в городе шли ожесточенные бои, а части красного командира Котовского уже прорвались в жилые районы. По воспоминаниям Бунина, они уезжали в такой спешке, что он перед бегством даже не успел выкопать из земли спрятанные им самим листки своих одесских заметок. В рассказе «Конец» писатель вспоминает мгновения прощания с Родиной: «Вдруг я совсем очнулся, вдруг всего меня озарило необыкновенно ярким сознанием: да, так вот оно что — я в Черном море, я на чужом пароходе, я зачем-то плыву в Константинополь, России — конец, да и всему, всей моей жизни тоже конец...»

В феврале Черное море неспокойно. Погода портилась. Волна все мощнее и мощнее била в скрипящие, готовые в любое мгновение разлететься в щепки борта. На пятый день плавания судно и вовсе попало в минное поле. Капитан-албанец плохо знал лоцию и к тому же был постоянно пьян. Целые сутки «Спарта» дрейфовала среди мин и только чудом не подорвалась.

На исходе недельного плавания пароход вошел в Босфор, проследовал мимо военных фортов Эльмонс, Тели-Табия и, наконец, перед Буниными открылся Константинополь.

В порт вошли в сумерки 16 февраля 1920 года. Дул пронзительный ветер. В каютах было холодно и сыро. С борта парохода турецкие власти всех прибывших направили в каменный сарай — дезинфекция. Однако доктор, направлявший путешественников в помывочный пункт, по какой-то причине освободил Буниных от обязанности принимать холодный душ. В самом прямом смысле этого выражения.

Вообще, подобные санпропускники после парохода своей показухой и бесцеремонностью запомнились большинству эмигрантов, видимо, как символ будущих унижений, как символ того, что они отныне люди второго сорта, что с ними никто считаться не станет.

Процитируем воспоминания Белозерской-Булгаковой: «Здесь карантин. Февраль. Дождит. Холодно. Страшная негритянка тащит меня под душ. Я сопротивляюсь. Мы примиряемся на том, что она слегка мочит мне волосы — “для начальства”. Здесь же

* Начало в «ПЗ» № 4, 2023

у ехавшего с нами графа Сумарокова украли брюки. Он ходил завернутый в плед, как в тогу».

После такой «дезинфекции» Буниных, как и всех вновь прибывших, устроили на ночлег «в какой-то совершенно пустой руине» под Стамбулом. Окна были выбиты, и леденящий ветер свободно гулял по полу, на котором скорчились беженцы. Уже утром они узнали, что здание еще недавно было прибежищем прокаженных.

И даже когда Буниным удалось снять жилье в городе, настроение их не улучшилось. Они вспоминали свои предыдущие посещения Константинополя (Вера Николаевна была здесь с мужем в 1907 году), радужные впечатления от которых не шли ни в какое сравнение с мрачным настоящим.

Впрочем, Буниным, как и Толстым, удалось довольно быстро получить французскую визу и оставить берега Босфора. Недолго, около года, пробыла в Константинополе и знаменитая писательница Тэффи, для которой этот город тоже стал лишь первой ступенью на эмигрантском пути.

Тэффи (Надежда Александровна Лохвицкая, 1872—1952) оставила Россию еще в 1919 году «без вещей и без денег», по ее собственному признанию. Оказавшись в Турции, первые дни Надежда Александровна вместе с другими беженцами провела в пустующем здании школы: «Холод был страшный. Дождь, сырость. Жили голодновато».

В 1921 году Тэффи был создан сборник рассказов и эссе «Стамбул и солнце», об общем пафосе которого можно судить, во-первых, по эпиграфу из Пушкина «Стамбул гяуры нынче славят...», а во-вторых, по красноречивому подзаголовку: «Поэтика выживания». Да, Константинополь место весьма поэтичное. Но ведь здесь не жизнь — выживание.

И Тэффи отправляется к «другим берегам».

А множеству литераторов приходилось выживать на босфорском берегу, по-прежнему ютиться в ареале русского рассеяния, в царьградских кварталах Галата, Пера, Шишли. И для них Константинополь стал не только местом жительства, но и местом творчества.

Именно здесь были опробованы многие издательские и литературно-общественные проекты, получившие затем распространение и развитие в других культурных центрах русской эмиграции.

Общими усилиями русской интеллигенции в августе 1920 в Константинополе была создана первая бесплатная библиотека-читальня, а в октябре того же года еще одна читальня с платным абонементом. Этот факт свидетельствует о том, во-первых, что печатное слово по-прежнему считалось важнейшим фактором, основой русского мировоззрения, а во-вторых, что чтение оставалось насущной потребностью русских людей, даже находившихся в сложнейшем материальном положении. Заглянуть в эмигрантскую библиотеку нам предлагает В. В. Шульгин: «Если вы хотите знать, что русские читают, кроме газет, то вот русская библиотека. Там вам скажут, что Андреева и Горького не читают, а вообще больше всего читают классиков, а из классиков больше всего Достоевского».

А ведь в Константинополе действительно было (впервые!) организовано издание русских газет за рубежом — и этот опыт потом очень пригодился в Праге, Берлине, Париже, Нью-Йорке. Правда, в Стамбуле оккупационная администрация выставила обязательное условие: любое печатное издание осуществлять на двух языках — русском и французском. Причем необходимо было получить разрешение еще и английского цензора.

Л. Белозерская, бывшая в те годы женой И. М. Василевского, редактировавшего газету «Русское эхо», по поручению мужа относила верстку в цензурный комитет Антанты. Вот как происходило подписание номера: «У нас было два цензора: капитан Карре и капитан Марешаль. Первый — розовый, седоусый “бонвиван”, напич-

канный Пьером Лоти и Клодом Фаррером. В каждом мелькнувшем силуэте турчанки он видел потенциальное любовное приключение.

Мы быстро с ним поладили. Он ставил визу не глядя, только всегда говорил: “Передайте коллеге”. “Коллега” — молодой англичанин — плохо знал французский язык и спрашивал, твердо произнося букву “i”: “Pas de politique?” (у него выходило “полытык”).

— Конечно, политики нет, — отвечала я и радостно отбывала.

С капитаном Марешалем дело обстояло сложнее. Он и верстку читал от корки до корки. Это он ввел обязательный обзор состояния иностранной валюты (думаю, для того, чтобы хоть как-то оправдать название коммерческого листка, под который дано было разрешение). Но в общем он был корректен и доброжелателен».

Обязательный перевод русской прессы на иностранный язык давал военным чиновникам Антанты возможность свободно читать всю периодику и тем самым контролировать умонастроения своих недавних союзников в войне с Германией, Австро-Венгрией и той же Турцией. Обидно было подчиняться требованиям представителей «стран-победительниц» (из числа которых Россию поспешили незаслуженно вычеркнуть), но желание читать свои русские газеты было сильнее.

Первой ласточкой стало «Русское эхо». Сигнальный номер газеты вышел 7 (20) марта 1920 года. В последовавших пяти номерах были опубликованы два фельетона А. Аверченко («Возвращение» и «Опасности товарообмена»), заметки Тэффи о Стамбуле, выдержки из памятной книжки А. И. Куприна (который уходил из России другим маршрутом — через Эстонию и Финляндию), где писатель с горечью констатировал: за два года после революции он не увидел «ни одного проблеска любви, великодушия, гордости».

История другой русской газеты — «Вечерняя пресса» («Press de Soire») — была более продолжительной. Она (также на двух языках) издавалась с 1920 по 1925 годы. И в этом издании часто публиковался Аверченко, постоянным автором был известный журналист и адвокат Сергей Варшавский (1879—1945), отец будущего прозаика Владимира Варшавского. Евгений Чириков даже после отъезда в Софию, а затем в Прагу присылал в «Вечернюю прессу» свои статьи.

Евгений Николаевич Чириков (1864—1932) в Стамбуле пробыл недолго, однако своим авторитетом серьезно поддержал эмигрантскую прессу. К 1920-му, когда судьба привела его в Константинополь, Чириков был широко известен в России как публицист, драматург, писатель. Интересно, что убеждения Чирикова были вполне народнические. Его вместе с Лениным исключили в свое время из Казанского университета за участие в студенческих беспорядках, он подвергался арестам, находился под надзором полиции. Однако события октября 1917 воспринял негативно и сторонником советской власти не являлся.

В Стамбуле на русском языке издавался также еженедельник «Зарницы». Смысл метафоричного названия издания станет нам ясен из редакционной статьи, помещенной в первом выпуске: «Россия на чужбине. Россия ушла из родного дома. Россия странница, даже без посоха, без нищенской сумы. Она в пустыне. Перед нею тянутся незнакомые чуждые поля, она несет ниспосланные ей судьбой вериги через неведомые города и веси. Из окон поселений на нас смотрит чужое благоденствие и уют. День кончился, а бесконечный трудный путь впереди. Вокруг сгущается мрак... Не бойся ночи. Не бойся извилистой тяжкой тропы, одинокая скиталица Россия. В душе своей береги память о твоих святынях, единственное оставшееся у тебя достояние. Огни, мелькающие с неба, то здесь, то там, отражения отлетевшей от земли ничем не истребимой духовной мощи, зовущей тебя в темноте к далеким великим целям. Это зарницы. Это может быть заря».

«Зарницы» писали о главнокомандующем русской армией генерале Врангеле; о жизни русских беженцев в Константинополе и других городах белой эмиграции,

причем, не только о тяготах и лишениях, но и о культуре; о церковных делах; о красном терроре; о восстаниях против большевистского режима и его неминуемом скором крахе; о судьбах России. А в стык с новостной лентой и пафосной публицистикой шли еврейские анекдоты и антисоветские частушки. Под этой обложкой, как и в других русских листках Константинополя, сверкали имена Аверченко, Тэффи, Чирикова.

Аркадий Тимофеевич Аверченко (1880—1925), бесспорно, был самым активным среди нашедших убежище в Стамбуле писателей. Приехав в город 15 ноября 1920 года, сатирик прожил здесь полтора года. В Константинополе Аркадий Аверченко занимал небольшую комнатку неподалеку от известного ныне базара Капалы в доме 3 по улице Картал, выходящей на Гран-рю-де-Пера напротив Цветочного пассажа. Дом этот сохранился и до наших дней, сейчас здесь расположился ресторан с верандой. Память о выдающемся русском сатирике никак не увековечена.

В Константинополе в 1921 году опубликованы произведения Аверченко «Записки простодушного» и «Нечистая сила: Книга новых рассказов», а в 1922 году вышли «Кипящий котел» и сборник «Дети» с приложением «Руководства к рождению детей».

Не менее плодотворной была публицистическая деятельность Аверченко. Он писал фельетоны о текущей жизни для выходивших в Стамбуле русских изданий. За тринадцать с половиной месяцев сатирик опубликовал в «Вечерней прессе» 46 фельетонов и 17 комментариев под общей рубрикой «Волчьи ягоды».

Помимо периодических изданий, русские литераторы в Константинополе предпринимали попытки наладить выпуск литературных альманахов. Первый из них (видимо, первый не только в Турции, но и во всем русском зарубежье) увидел свет в 1920 году. И хотя по авторскому составу сборник был далеко не самый яркий, название носил оптимистическое — «Рассвет».

В Стамбуле было организовано также первое в истории эмигрантское издательство. Издательское товарищество, получившее название «Пресса», повело дело весьма бойко: только в 1920 году выпущено 128 книг, 15 журналов, большое количество брошюр.

Брошюра «Тени Стамбула»

В русском Стамбуле под председательством писателя-«знаньевца» Ильи Сургучева (1881—1956) в марте 1921 года возникло первое за рубежом литературно-художественное общество. Это объединение носило имя А. П. Чехова и занималось организацией литературных вечеров. Темы для них выбирались разнообразные и актуальные. К сожалению, время было такое, что часто приходилось говорить о непоправимом. Эмигрантская литературная общественность почтила память А. А. Блока и Н. С. Гумилева, откликнулась на трагедию Ивана Шмелева, находившегося в крайне тяжелом состоянии после получения известия о расстреле в Крыму сына. Вместе с тем, на заседаниях литературно-художественного общества, как и положено, обсуж-

дали книжные новинки. Разбирались сочинение Герберта Уэллса «Россия во мгле», публицистика В. Г. Короленко, лирика С. А. Есенина.

Позже в Константинополе было создано еще одно литературное объединение — «Цареградский цех поэтов». Здесь, конечно, бросается в глаза очевидная аналогия с акмеистским Цехом поэтов начала XX века, созданным Гумилевым. Задачи «Цареградского цеха» и формы его работы кажутся также клонящимися к модернизму, во всяком случае, менее академичными, чем в объединении им. Чехова. Молодые стамбульские поэты устраивали вечера, на которых читали свои произведения, организовывали беседы на литературные темы. Одним из направлений работы организации была помощь в издании сочинений его членов. Первой подобной книгой стал вышедший в 1920 году семидесятивосьмистраничный сборник стихов Андрея Аллина (наст. фам. Блюм) «Солнечный итог». В первые месяцы эмиграции также увидели свет «Стихи» Ольги Ярославны (тоже, очевидно, псевдоним), поэтические сборники «Царь-Солнце» Игоря Ястребцова и «Пасмурные птицы: Стихи 1918—1920» Григория Финна. «Цареградскому цеху поэтов» удалось опубликовать и юмористическую книжку Станислава Сарматова (С. Ф. Опеньховского) «Яичница с луком: Стихи, шаржи, напевы и перепевы».

Судя по всему, интеграционные тенденции в жизни нашего литературного зарубежья оказались устойчивыми. В Константинополе была предпринята попытка организационного объединения сил всей творческой интеллигенции. Созданный в марте 1921 года «Союз русских писателей и ученых» стремился построить свою деятельность, объединяя различные творческие цеха, выходя за рамки исключительно корпоративных интересов. Возглавил Союз профессор-юрист С. К. Гогель (1860—1933), его заместителем был избран упоминавшийся С. Варшавский.

Еще раньше, 23 ноября 1920 года, было объявлено о создании «Союза русских писателей и журналистов» под председательством известного публициста Владимира Бурцева (человека очень интересной судьбы: именно он в свое время разоблачил провокатора Азефа). На первом же заседании новой общественной организации создана комиссия для оказания помощи соотечественникам. Возглавил ее старейший из русских литераторов, волею судьбы оказавшихся в Турции, упомянутый нами Евгений Чириков. «Союз русских писателей и журналистов» занимался и издательской деятельностью. В 1921 году был выпущен сборник очерков об эмиграции под названием «Листья»; годом позже вышел в свет сборник «Чужая даль: Стихотворения 1907—1922»; в 1923 публикуются сразу две книги: сатирическая пьеса в стихах «Революционная вампука, или Пауки и мухи» Анатолия Бурнакина и «Лунное венчание: Стихотворения 1908—1922» Ивана Корватского с предисловием того же А. Бурнакина.

Иван Корватский, надо сказать, был весьма знаменит в Турции. Его перу принадлежит еще один лирический сборник («Золотой рог», 1927) и сборник рассказов «Без ветрил». Кстати, Корватский в отличие от большинства писателей остался жить в Стамбуле, не стал перебираться в Европу.

Завершая обзор литературных явлений русского Стамбула, видимо, стоит упомянуть еще одно имя. Довольно известным писателем в Константинополе считался Борис Лазаревский, сын историка Александра Лазаревского. О популярности этого беллетриста можно судить хотя бы по тому, что его книга «Мое сердце. Душа женщины» в Турции переиздавалась трижды.

Помимо наших писателей и журналистов, в Константинополе сто лет назад оказалось немало и других представителей творческой интеллигенции: композиторы, дирижеры, артисты оперы, балета, оперетты, кино и театра, художники. И русские эмигранты сделали культурную жизнь Константинополя поистине роскошной.

Пожалуй, больше всего прибыло в столицу Порты музыкантов — пианистов, скрипачей, дирижеров, людей, получивших в России высшее музыкальное образование. Один только оркестр Г. Бутникова, известный прежде своими сезонами на

Юге России — в Харькове и регионе Кавказских минеральных вод, — состоял из 50 человек!

У многих уже было имя в творческих кругах, были сольные или в составе симфонических оркестров концерты в Москве, Петербурге, в других крупных городах; нередко их музыкальная деятельность сочеталась с педагогической. Благодаря «белым русским» («беяз руслар», так их называли и называют в Турции), музыка, как симфоническая, так и камерная, заняла заметное место в культурной жизни Константинополя. Однако исполнялась классика неклассически. Концертных залов век назад в городе не существовало, поэтому исполнители выступали в ресторанах, казино, кинотеатрах. Именно в подобного рода заведениях первоклассные русские исполнители знакомили стамбульских слушателей с шедеврами мирового музыкального искусства.

Отель «Пера палас»

Исторический лифт в отеле «Пера палас»

Так, в роскошном отеле «Пера палас» выступал квинтет под руководством Павла Алексеевича Замоуленко. Сам маэстро слыл виртуозом-скрипачом; под стать ему был и весь состав квинтета — В. И. Поржинский, А. де Матеи, П. Черковский, А. Иванов, В. Беккер. В программе коллектива значились произведения Чайковского, Бородина, Римского-Корсакова, Шумана, Листа. В зале отеля 16 февраля 1921 года с успехом прошло выступление трио оперных певцов братьев Слатиных, но вскоре они покинули Константино поль, получив приглашение от Королевской консерватории в Белграде.

Об отеле Pera Palace следует сказать особо. В истории русского Стамбула он остался не только как резиденция А. Вертинского, не только как концертная площадка наших исполнителей, но и как мест проведения светских раутов. Pera Palace привлекал звонками чуда техники — телефонов, манил жужжанием лифта (второго в Европе после лифта Эйфелевой башни), на свет диковинных электрических фонарей отеля слетался константинопольский бомонд. Здесь был зарезервирован номер для Кемаля Ататюрка, здесь назначали встречи дипломаты, здесь русская аристократия решила провести серию благотворительных вечеров в помощь нуждающимся соотечественникам.

Проходили они с 28 февраля по 2 марта 1921 года в бальном зале «Пера палас» под патронажем княгини Марии Барятинской. Задумка была такова: благотворительный базар, на котором продавались вещи, принадлежавшие или сделанные русскими беженцами, сопровождался выступлениями артистов.

Вот что писал еженедельник «Зарницы»: «Нам неизвестны материальные итоги базара, но таланта и художественного воображения было вложено в дело много. К сожалению, меньше всего искусства умеют себя рекламировать. Все эти беженки, давно выброшенные из жизни, белоручки, видевшие лучшие времена и ютящиеся теперь по комнатам, сумели создать своими руками из всякого вздора художественные безделушки, лакомства и остроумные игрушки не без сатирических отражений переживаемой нами эпохи. В соседней с базаром зале играли трубачи, пели цыгане, русские песенники, играл виртуоз на гармониуме, танцевали русскую пляску, притом мастерски, русские дети, обучающиеся в школе г-жи Нератовой. С большим блеском танцевала г-жа Эрдели, пела Нюра Масальская, Суворина, Саша Макаров. За столами продавали госпожи Нератова, Новоторцева, Голицына, Татищева, Дубасова, Мусин-Пушкины, Прейслер, Урусовы, Касаткина, Непокойницкая (Нюра Масальская), Щербатова, Мейндорф. Базар посетили представители союзных правительств и дипломатических миссий, а также лица, принадлежащие к русской колонии и к различным кругам местного общества. На базаре обращали на себя внимание иконы письма княгини Яшвил, проданные еще до открытия базара американцу коллекционеру».

По соседству с Pera Palace проходила улица Petit-Champs, названная так по аналогии с парижским бульваром. На Пти-Шан располагался увеселительный сад с таким же названием. Век назад — любимое место отдыха русской эмиграции. Именно в этом саду располагался ресторан «У Георгия Карпыча», на подмостках театра сада дали несколько представлений артисты из труппы Московского художественного театра. В казино «Пти-Шан» проходили концерты оркестра, которым дирижировал выпускник «Моцартеума» в Зальцбурге Христиан Лаченский.

Ресторанный зал отеля «Пера палас»

В кинотеатре «Мажик» на площади Таксим играл ансамбль под управлением Ивана Полянского. Говорят, этим музыкантам удавалось сделать выразительными самые слабые эпизоды «немых» фильмов, так что в «Мажик» отправлялись, скорее, слушать музыку, чем смотреть кинокартину.

В том же заведении выходила к инструменту пианистка Валентина Юлиановна Таскина, чья биография — типичный пример судьбы отечественного музыканта на чужбине. Таскина очутилась в Константинополе осенью 1920 года, а с декабря начала зарабатывать игрой на фортепьяно. «Я поступила таперше в синема “Мажик” на Таксим, — вспоминает Валентина Юлиановна. — Фильмы там крутили немые, немецкие, с участием Лиа де Путти, Вилли Фрича, Раймона Наварро. Все музыканты в кинозалах были русскими. Играла я там вплоть до 1929 года, а затем перешла работать на радио и стала первой пианисткой турецкого радио».

У русских музыкантов существовало свое излюбленное местечко в районе Бейоглу, которое так и называлось — «Кафе музыкантов». Здесь собирались после работы, обменивались новостями, садились к инструменту. Кафе было также биржей: сюда приходили владельцы увеселительных заведений, которые отбирали для работы исполнителей, а иногда тут же создавали небольшие оркестры.

Вспоминая творческую интеллигенцию русского Стамбула столетней давности, нельзя не сказать о представителях нашего балетного искусства. В силу религиозных причин и исторических традиций в Турции балет, разумеется, не развивался. Первое знакомство с искусством классического балета состоялось в этой стране именно благодаря «беяз руслар». В небольших театрах и салонах Стамбула выступала группа русских танцовщиков под руководством балетного репетитора Мариинского театра Евгении Степановны Воробьевой. Артисты исполняли не только балетную классику, но и народные танцы, в том числе древнееврейские, арабские, испанские, оригинальная интерпретация которых принесла Воробьевой известность еще в Петербурге. Турок очаровывал рисунок танца, виртуозная техника, эмоциональная выразительность, владение драматургическими элементами — словом, высокое мастерство, присущее замечательной русской балетной школе. Пресса пестрела восторженными откликами. Газеты писали: «Чувства, которые вызывают изящество и строгая красота русских балерин, не поддаются словесному выражению». Отмечалось, что «принеся на турецкую землю поэзию танца», россияне открыли туркам искусство балета, причем не только классического, но и того, который столетие назад именовался модерном.

Русский балет в Стамбуле

В Стамбуле также работала профессиональная балетная труппа Виктора Зимина. Солистами, кроме самого руководителя, были балерины Трапполи, Юнге и Глюк, а также характерный танцовщик Заварихин. Труппа имела и небольшой кордебалет. Сильное впечатление на публику в Константинополе произвела «Шехеразада» Римского-Корсакова в исполнении этого камерного театра.

К концу двадцатых годов прошлого века большинство танцовщиков из России покинули Стамбул, чтобы начать осваивать сцены Европы и Америки. На берегах Босфора остались балерина Нанасова (о ней почти нет сведений) и Лидия Красса-Арзуманова (приняв ислам, она стала Лейлой Арзуман). Именно эта женщина стояла у истоков первой в Турции государственной балетной школы. Правда, в Турции могут назвать создательницей местного балета другую даму, с французской фамилией, однако под руководством француженки выступали лучшие ученики русской балерины. История эта такова.

Лидия Арзуманова (1897—1988) родилась в Петербурге, там же училась в хореографическом училище, окончив которое, танцевала в провинциальных театрах, а затем была приглашена в Большой и вышла на прославленную сцену. В 1921 двадцатичетырехлетняя балерина покинула Россию и подобно большинству беженцев оказалась в Турции без пристанища и средств к существованию. Выручили воля, упорство и профессия. Однако исполнительское творчество Арзуманова вынуждена была поменять на педагогическую деятельность. Она начала с того, что открыла в конце двадцатых годов первую в Константинополе балетную студию. И это было началом успеха. Ученица Арзумановой, по сей день живущая в Турции Елена Гордиенко, говорит: «У Арзумановой все начали учиться. Она преподавала больше воздух, атмосферу».

Премьерное выступление студийцев Арзумановой состоялось в 1931 году в салоне «Каза д'Италия». С 1941 Арзуманова, не оставляя своей студии, начала вести хореографические классы в муниципальной консерватории района Тепебаши, а позже создала школу танца при Народном Доме в стамбульском районе Эминеню. Концерт учеников этой школы состоялся в 1942 году в городском театре и прошел с успехом. А подлинное признание к Лидии Арзумановой пришло в 1944, когда ее воспитанники давали представление в Анкаре на торжествах по случаю двенадцатой годовщины Народных Домов. Концертную часть праздника открывал балет «Лесная сказка» на музыку молодого тогда турецкого композитора, ныне признанного классика Аднана Сайгуна в постановке Арзумановой. Спектакль вызвал бурю восторга зрителей, среди которых были президент страны (тогда уже не Ататюрк, а Исмет Иненю) и другие высокопоставленные лица. Пресса выражала желание общества, чтобы вслед за столь блестящим экспериментом (это был первый балет на музыку турецкого композитора) публика могла увидеть новые работы Арзумановой, созданные на национальную авторскую и фольклорную музыку. И словно в ответ на это пожелание Арзуманова ставит «Сад цветов», «Деревенскую свадьбу», «Сон Инджи» и «Бурю». Одновременно она продолжает давать уроки в консерватории.

За годы служения турецкому балету Арзуманова воспитала не одно поколение танцоров-исполнителей, которых научила понимать и выражать языком танца музыку Брамса, Шумана, Листа, Чайковского, Глазунова, других композиторов. Последними ее работами были запомнившиеся стамбульским поклонникам балета классическая фокинская «Шопениана» и «Антикварная лавка» — изящная композиция на музыку европейских авторов. По признанию критики, это были спектакли, подобных которым Стамбул прежде не знал и «которые явились прекрасным началом для дальнейшего развития турецкого балета».

Таким образом, наша соотечественница, в течение десятков лет готовившая танцовщиков классического балета, сыграла важную роль в становлении в Турции этого вида искусства.

А сколько побывало на берегах Босфора живописцев! На первых порах художни-

ки-беженцы перебивались случайными заказами, той работой, которая подворачивалась под руку.

О забавных попытках русского рисовальщика снискать кусок горького эмигрантского хлеба повествует в своих воспоминаниях Л.Е. Белозерская-Булгакова: «Ре-Ми решил попытаться заработать деньги — ну хоть сколько-нибудь! Для “затравки” я села за столик кафе при гостинице, а Ре-Ми вынул альбом и стал быстро набрасывать мой портрет, надеясь соблазнить кого-нибудь из посетителей на быстрый портретный набросок. Он был великолепный художник, но карикатурист, а не портретист, и я получилась у него вылитый Чингисхан. Не вышло дело и с “затравкой”. Не любят греки расставаться со своими пиастрами!»

Ре-Ми (Николай Владимирович Ремизов-Васильев, 1887—1975) — график, живописец, художник театра и кино. С 1908 по 1918 годы — ведущий художник-карикатурист журналов «Сатирикон» и «Новый Сатирикон», автор сатирических рисунков на политические и бытовые темы, шаржей на деятелей российской культуры и искусства. В Константинополе пробыл недолго, с 1920 жил во Франции, с 1922 — в США.

Но вскоре, как и все русские люди, художники приходят к мысли о необходимости самоорганизации и взаимопомощи. Первым шагом к объединению стала совместная выставка в русском клубе «Маяк», организованная 9 октября 1921 года при содействии американского ученого Стенли Харрисона, известного собирателя древностей и постоянного участника научных экспедиций в Стамбуле. А зимой 1922 было объявлено о создании в Константинополе «Союза русских художников». Учредителями стали Г. К. Артемов, Н. И. Васильев, Н. Кравченко, Н. Калмыков. Почетным членом «Союза» был избран директор клуба «Маяк» Александр Аренсон из США, председателем — В. И. Иванов. Членами вновь возникшего объединения объявили себя 30 живописцев, среди которых Т. А. Алексинская-Лукина и А. Л. Никанорова, Н. Н. Беккер, И. М. Зданевич, П. Ф. Челищев, В. И. Эгиз.

Задачей «Союза русских художников» было не только создание для коллег более-менее сносных условий существования, не только помощь наиболее нуждающимся за счет членских взносов, но и поддержка творческих импульсов, активизация художественной жизни путем организации выставок. И эту деятельность следует признать успешной. С 1921 по 1923 годы было подготовлено 9 выставок в картинной галерее клуба «Маяк», в том числе две персональных — Н. В. Зарецкого и Д. В. Измайловича.

У каждого из выставлявшихся мастеров была своя манера, свой почерк, свои пристрастия в искусстве и, конечно, свой Стамбул. Одни запечатлевали памятники греческой и римской архитектуры, развалины римского акведука, султанский дворец Долмабахче с его знаменитыми ажурными воротами, храм Айя — София и старые христианские подворья; другие же — сценки городской жизни, лица горожан, третьи — Галатский мост, Девичью башню, небо над Босфором и его набережные. Кто-то писал экзотические для россиян натюрморты, кто-то акварели с видами Константинополя... В своих работах русские художники сохранили исторический и современный им Стамбул, и даже уезжая навсегда из Турции, они уносили с собой неповторимое величие и красоту этого древнего города, раскинувшегося на двух континентах.

И хотя выставочный зал в «Маяке» оказался нерентабельным и был закрыт, художники провели еще три выставки в бывшей казарме Мак-Магон в районе площади Таксим — 18 июня и 10 декабря в 1922 года и 23 июня в 1923. Впрочем, к началу 1924 года деятельность «Союза русских художников» сошла на нет.

Среди художников, проживавших столетие назад в Стамбуле, были живописцы, реставраторы, акварелисты, карикатуристы, художники-фотографы, сценографы.

Например, спектакли балетной труппы В. Зимина оформлял талантливый театральный художник Павел Федорович Челищев, который впоследствии обрел славу в

Париже. Декорации и костюмы к балетам Лидии Арзумановой создавал Н. К. Петров — главный декоратор Стамбульского городского драматического театра, а затем оперного театра в Анкаре.

О Николае Константиновиче Петрове (1883—1963) следует сказать особо. Он, сын диакона сельской церкви, окончил Духовную семинарию в Рязани, учился в Харьковском художественном училище, работал учителем рисования в гимназии. С 1911 состоял членом Товарищества харьковских художников и участвовал в его выставках.

В 1914 был мобилизован. В чине подпоручика взял на себя командование батальоном и был награжден орденом св. Владимира с мечами и бантом.

В 1918 вернулся в Харьков. Участвовал в выставке местного Союза искусств. Воевал в рядах Добровольческой армии, с частями которой в 1921 эвакуировался из Крыма в Константинополь.

Активно участвовал в выставках цареградского «Союза русских художников». Занимался реставрацией росписей православной церкви Сан-Стефано. В 1928—1929 Петров исполнил иконостас и росписи в «нестеровском» стиле для церкви Андреевского подворья в Стамбуле. Он также расписал церковь Пантелеимоновского подворья.

С 1927 года он состоял художником-декоратором Муниципального театра в Стамбуле. Затем руководитель театра «Дар-уль-Бедайи» актер и режиссер Мухсин Эртугрул (1892—1979), ученик К. С. Станиславского, пригласил Николая Константиновича для оформления спектаклей русской классики, пьес Толстого, Чехова, Гоголя, с которыми впервые знакомился турецкий зритель. Как мы уже отметили, Петров, отличавшийся многогранностью таланта и разнообразием творческих интересов, создавал декорации и костюмы к спектаклям, поставленным Лидией Красса-Арзумановой. С 1950 работал в Государственном театре оперы и балета в Анкаре.

Н. К. Петров был непременным участником русской общественной и церковной жизни в Константинополе. В 1950 году стал одним из основателей, а в 1957 председателем Русского благотворительного общества при Андреевском подворье. Этот пост он занимал до самой смерти, неустанно заботясь о наилучшей организации жизни эмигрантов и отстаивая их права перед турецкими властями.

Вход в подворье (современный вид)

На русском участке кладбища Шишли

Николай Константинович сам пел баса в хоре церкви Пантелеимоновского подворья. В конце пятидесятых стал регентом и старостой церкви Андреевского подворья.

Умер Н. К. Петров от инфаркта, помогая при тушении пожара. Похоронен в Стамбуле на русском участке греческого кладбища в северном квартале Шишли.

Так же, как и Н. К. Петров, свою жизнь навсегда связал со Стамбулом Николай Иванович Калмыков (1896—1951). Он тоже получил образование в Харьковском художественном училище, однако по убеждениям своим был «леваком», сторонником модернизма. В 1917—1920 Калмыков входил в группу харьковских кубофутуристов «Союз Семи». В 1917—1918 годах участвовал в харьковских выставках, в 1919 принял участие в художественном оформлении книги идеолога пролетарской литературы А.К. Гастева «Поэзия рабочего удара». В 1920 вместе с семьей через Крым эмигрировал в Константинополь. Участвовал в деятельности местного «Союза русских художников». После нескольких трудных лет повстречал живописца и историка искусства Селэла Эсэта Арсевена, который познакомил его с братьями Эпекчи, управлявшими многими стамбульскими кинотеатрами. В дальнейшем в течение ряда лет Калмыков писал фрески для кинотеатров, а затем и для жилых домов Стамбула (многие из этих росписей сохранились до сих пор). Благодаря успеху первых работ художник стал получать заказы от государственных учреждений: Министерства общественных работ, Комитета водных работ, Государственной Консерватории в Анкаре, Ярмарки в Измире и др. В 1936 Николай Калмыков стал турецким гражданином и взял имя Naci Kalmukoğlu. В дальнейшем много занимался станковой живописью, сочетая академическое письмо и приемы импрессионизма. Писал картины на тему исторических событий Оттоманского периода, сцены гаремов, городские и сельские пейзажи, натюрморты и портреты. Большой успех живописцу принесли портреты цыганских девочек и обнаженные модели, редко встречавшиеся в турецком искусстве. Н. И. Калмыков провел более десяти персональных выставок, его картины успешно распродавались на турецком артрынке.

Навсегда осталась в Турции Ираида Вячеславовна Кедрина, в замужестве Барри (1899—1980). Ираида Кедрина родилась в Севастополе в семье пионера русской морской авиации Вячеслава Никаноровича Кедрина. Девочка с детства тянулась к художественному творчеству и еще в дореволюционные годы готовилась к поступлению в петроградскую Академию художеств. События русской революции 1917 года и Гражданской войны прервали естественный ход событий и тяжело отразились на судьбе людей ее круга. В 1920 году Ирочка Кедрина оказалась в Константинополе, где и прожила всю жизнь. Здесь она получила художественное образование, участвовала в многочисленных выставках и биеннале. Здесь же она стала женой знаменитого стамбульского стоматолога Альберта Барри. Ираида Кедрина — одна из первых трех женщин-скульпторов молодой Турецкой Республики. В свое время ее работы выставлялись в Париже. В настоящее время творческое наследие И. Барри хранится по большей части в Стамбульском музее искусства и скульптуры, а также в турецких и зарубежных частных собраниях.

Помня о грандиозной истории Константинополя, о его поликультурности, мы не удивимся, узнав, что русские художники заинтересовались проблемами сохранения творческого наследия прошлого. Почти все копировали фрески и мозаику стамбульских мечетей и соборов. Активно работая над реставрацией фресковых и мозаичных рисунков, русские художники содействовали сохранению для будущих поколений бесценных сокровищ византийского искусства.

В их числе был и молодой тогда Александр Греков, ставший впоследствии известнейшим реставратором. Да, да, первые шаги Грекова на поприще реставрации были сделаны именно в Константинополе! Александр Петрович Греков (1910—2000) был вывезен родителями в Турцию в 1920 году. В Константинополе юноша окончил французский коллеж Сан-Бенуа, это было уже в 1928. А с 1927 года принимал уча-

стие в реставрации росписей православной церкви Сан-Стефано, проводимой под руководством Н. К. Петрова, о котором мы рассказали довольно подробно. В 1928 Греков переехал с семьей во Францию, через годы вернулся в Советскую Россию и прославился как мастер реставрации, стал Лауреатом Государственной премии СССР (1989), Почетным гражданином Великого Новгорода (1992), заслуженным деятелем искусств РФ (1993), кавалером ордена Дружбы (1999). Реставрационным работам А. П. Грекова посвящены научные исследования и документальные фильмы.

Естественно, со Стамбулом связана жизнь и брата Александра Петровича, Ильи Петровича Грекова (1914—1985), который до отъезда семьи во Францию пошел здесь в Школу для детей русских эмигрантов, а затем несколько месяцев посещал Американскую школу. Уже во Франции, где он жил до конца дней, Илья Греков стал известным художником.

Говоря о представителях других видов искусства, побывавших в Константинополе век назад, нельзя не вспомнить легенду мирового кино Якова Протазанова (1881—1945). Его съемочная группа в течение восьми месяцев находилась в городе. Прежде кинематографисты работали в Крыму, но с отступлением белой армии в 1920 году эвакуировались в полном составе. О начатых ранее картинах пришлось забыть, зато в Стамбуле начались съемки нового фильма — о судьбе русских беженцев. Название выбрали броское: «Бегство горемык». В главной роли блистал знаменитый Иван Мозжухин. Несколько эпизодов было отснято хроникально, без постановки. На этих кадрах сохранились реальные события, запечатленные по пути из Крыма в Стамбул, позже — из Стамбула в Марсель. Картина была закончена в Париже на студии «Montreil sous bois» и имела большой успех.

Труппа кабаре «Гнездо перелетных птиц». Аверченко сидит во втором ряду справа

В 1921 году в Константинополь перебрался театр «Гнездо перелетных птиц», созданный под руководством А. Т. Аверченко еще в «белом» Севастополе. Об этом варьете репортер альманаха «Зарницы» столетие назад писал следующее: «"Гнездо". Так в обиходе называется одно из очаровательных мест ночного Константинополя — “Гнездо перелетных птиц”. Здесь русский талант сверкает своей самоцветной игрой. В зимнем саду бывшего “Русского Очага” царит благодушное веселье. Ни одного пошлого слова, ни одного намека, который сближал бы этот уголок с обычным грязным воздухом кафешантана. А. Т. Аверченко и В. П. Свободин ведут с публикой собеседования, пересыпанные шутками. Они знают всех своих гостей: многие стали

друзьями “Гнезда”, посетив его раз, многие связаны прежними отношениями с артистическим кружком Петрограда и Москвы. В “Гнездо” заходят иностранцы, воспринимающие русскую художественность исполнения, не понимая даже русского языка... Скучно будет в Константинополе, когда уедут русские!»

Рискну высказать никак не подтвержденное и основывающееся лишь на интуиции предположение, что автором приведенного выше пассажа был сам предприимчивый А. Т. Аверченко, благоразумно заботившийся о привлечении публики в открытый им театр. Во всяком случае, ресторан «Русский очаг», упомянутый в заметке, функционировал, насколько можно судить, не без участия средств, вложенных писателем.

А вот еще строки, уже подписанные автором. Цитируем из изданного единовременно альманаха «Рождественский Сатирикон Аверченко»: «Все способные мыслить русские должны проводить праздничные вечера в “Гнезде перелетных птиц”. Это времяпрепровождение способствует проявлению мысли и откладывает на лица отпечаток истинной осмысленности. “Гнездо перелетных птиц” смело можно назвать Академией Изящного Вкуса, Истинной Красоты и Прекрасного Интеллекта. Человек отличается от животного, главным образом, тем, что он улыбается. Мы заставляем улыбаться — значит, мы совершенствуем всякое человекообразное, возводя его на высшую ступень».

Хотя постоянной площадкой этого эстрадного театра служило здание быстро разорившегося ресторана «Русский очаг», артисты играли и на других сценах Константинополя. Так, в рождественские вечера пьеса Аверченко «Флирт Розенберга» шла на Пера в ресторане «Паради».

Русское эстрадное искусство в Стамбуле было вообще представлено довольно широко. Наверное, самый яркий дуэт, выступавший в Константинополе, — В.П. Смирнов и Валентина Пиотровская, прима петербургской оперетты, которой некогда аккомпанировал сам Легар.

Впрочем, слово дуэт мы использовали далеко не только в театральном значении. Владимир Петрович Смирнов (1875—1934) не был профессионалом, хотя и играл на гитаре, хорошо пел.

Сын водочного короля Петра Смирнова, он прожил удивительную жизнь! Сильные страсти, дальние страны, взлеты и падения — все было в ней. Вот именно такие судьбы подтверждают русскую пословицу: «От тюрьмы да от сумы не зарекайся».

Но мы эту судьбу проследим лишь пунктирно. Вместе с братьями В. П. Смирнов явился соучредителем торгового дома «Смирнов» и состоял на должности его директора, однако в 1904 году по личным причинам вышел из правления и занялся коневодством, имел собственную конюшню на Скаковой улице в Москве.

Любовь к оперетте у Смирнова проявлялась в первую очередь в любви к опереточным актрисам. Поэтому после знакомства с ним у Валентины Пиотровской появился и театр, в котором она стала примой, и Легар в качестве аккомпаниатора.

Когда же грянула октябрьская революция 1917 года, Смирнов вместе с Валентиной покидает Петроград и выезжает на Кавказ. Чекисты взяли его в Пятигорске и убедительно попросили «вернуть награбленное в мозолистые руки». Наследнику водочной империи удалось бежать и вслед за белыми войсками продолжить движение на юг.

В Крыму Владимир Петрович опять попал в руки красноармейцев и был приговорен к расстрелу. Далее семейное предание Смирновых живописует такой сюжет: Пионтковская передала начальнику «чрезвычайки» все свое золото, бриллианты и шубы, надеясь, что тот отменит смертный приговор. Пять дней подряд Смирнова выводили на казнь, ставили к стенке и зачитывали революционный вердикт. Комиссар командовал: «Заряжай!» Раздавался лязг винтовочных затворов. Затем следовала команда «Отставить!» Чекист плевал в лицо Смирнову и, пообещав: «Шлепнем тебя завтра на утренней зорьке!», отправлял в камеру.

Неожиданный рейд конницы генерала Шкуро освободил Смирнова. Во время эвакуации из Крыма один из кораблей увез его и Пионтковскую в Константинополь.

Здесь Владимир и Валентина открыли кабаре «Паризиана». Владимир Петрович уже имел опыт заработка посредством пения — так происходило во время его путешествия в Китай. Поэтому творческий дуэт оказался успешным. Как пишет в своих воспоминаниях «Осколки прошлого» князь Петр Петрович Ишеев, в «Паризиане» «собирались по вечерам сливки экспедиционного корпуса». В летнем театре «Буфф» Смирнов, Пионтковская и Полонский поставили шедшую с ошеломляющим успехом «Прекрасную Елену» Оффенбаха.

В Константинополе вековой давности выступали знаменитый Юрий Морфесси, Борис Михайлов, в качестве конферансье на подмостках блистал артист театра Корша А. Бестужев. Елена Никитина выступала в «Черной розе» вместе с Вертинским. В «Караван-сарае» русские пляски исполняла эстрадная пара Иван и Леля.

Константинопольская публика ломилась на выступления цыганской певицы Насти Поляковой и исполнительницы русских романсов Таракановой, которая выходила на сцену в национальном костюме и часто пела под аккомпанемент пианистки Марии Оболенской. Популярны стали романсы композиторов Петра Баторина и Константина Никольского, ими же и исполнявшиеся. В любом концерте обязательно танцевали «Казачок», ставший музыкальным символом русского Стамбула.

В театре-ресторане Pele-Mele, что находился на первом этаже первоклассного отеля Tokatliyan-Pera, играли два оркестра, в том числе цыганский оркестр Жана Гулеско. Звучали цыганские и русские песни. Пели Юрий Морфесси, Анна Степовая, Юлия Герман. Реклама заведения гласила: «Безпрерывное веселье. Новая программа. Все оригинально. Кабарэ неожиданностей. Уголок Востока. Бар Амэрикен. Исключительный успех. “Три аршина морали” (цензурованная нагота)... Цены умеренные. Вход бесплатный».

Вообще, Tokatliyan-Pera стал, как сейчас говорят, «знаковым местом» для белоэмиграции. Отель был построен в 1897 году турецким бизнесменом армянского происхождения Мкртычем Токатляном по европейскому образцу и обставлен привезенной из Европы мебелью, так что успешно конкурировал в роскоши с Pera Palace. Однако в годы Первой мировой войны «армянский» отель подвергся разгрому. Когда в Константинополь прибыли русские, им владел уже другой человек — серб Никола Медович. Новый хозяин быстро привел здание в порядок и восстановил репутацию шикарного уголка Стамбула. Гостиница Tokatliyan, как и Pera Palace, часто становилась резиденцией первого президента Турецкой Республики Мустафы Кемаля Ататюрка до переноса столицы в Анкару. Именно отель «Токатлиан», расположенный все на той же Гран-рю-де-Пера, наши эмигранты избрали, так сказать, точкой отсчета в пору освоения Константинополя.

Это был точный ориентир в незнакомом городе. Вот отрывок из зарисовки А. Аверченко «Русское искусство»: «— Где я живу?.. Позвольте... Не то Шашлы-Башлы, не то Биюк-Темрюк. А может быть, и Казанлы-Базанлы. Впрочем, лучше дайте мне карандашик и бумажку — я вам нарисую.

Отчасти делается понятной густая толпа, толкущаяся на Пере: это все русские стоят друг против друга и по полчаса объясняют свои адреса: не то Шашлы-Башлы, не то Бабаджан-Османлы. Выручает обыкновенно карандаш и бумажка, причем отправной пункт — Токатлиан: это та печка, от которой всегда танцует ошалевший русский беженец.

Рисуют две параллельные линии — Пера. Потом квадратик — Токатлиан. Потом...

— Вот вам, — говорила актриса, чертя карандашом по бумаге, — эта штучка — Токатлиан. От этой штучки вы идете налево, сворачиваете на эту штучку, потом огибаете эту штучку — и тут второй дом — где я живу».

А вот как описывает день внезапно разбогатевшего эмигранта Алексей Толстой в

повести «Похождения Невзорова, или Ибикус»: «Наутро, в смокинге, с тросточкой, он пошел в Перу, прогулялся мимо шикарных магазинов, купил две гаванских сигары, посидел под балдахином в большом кресле у чистильщика сапог, который только обмахнул его лакированные туфли, кое-кому поклонился, приложив палец к шапочке, и зашел позавтракать в самый шикарный ресторан, к Токатлиану.

— Салат, устрицы, бутылку шабли и сыр, — сквозь зубы сказал он метрдотелю».

Итак, в театре-ресторане Токатлиана гостей принимало кабаре, а в салоне итальянского культурного центра «Каза д'Италия» с аншлагом проходили концерты трио Крюковых. Виктор Крюков и его сестры Джемма и Надежда играли на музыкальных инструментах и пели. В репертуар группы входили в том числе и турецкие песни. Виктор, легко освоивший турецкий язык, положил на музыку стихи кюльханбеев (стамбульская субкультура бродяг, нечто вроде русских босяков) и блестяще исполнял незамысловатые песенки, вызывая удивление и восхищение слушателей. Крюковы были также отменными танцорами. В их исполнении классические, народные и современные танцы, такие как фокстрот и чарльстон, имели необыкновенный успех. Украшением выступлений эстрадного трио становились акробатические номера. Газеты называли Крюковых высокопрофессиональными артистами. В 1930 это замечательное трио уехало в Европу, а затем в Америку.

Другой эстрадной знаменитостью в Константинополе был Михаил Турпаев, выступавший под сценическим именем Казбек. Этот уроженец Назрани, в прошлом казачий офицер, выходил на подмостки в овеянном легендами парке Гюльхане в составе народного танцевального коллектива. Казбек довольно скоро завоевал мировую известность как непревзойденный исполнитель горских танцев с кинжалами. Кстати, в отличие от многих соотечественников Михаил Турпаев свою судьбу навсегда связал со Стамбулом. Здесь он и ушел из жизни в 1978 году в возрасте 98 лет.

Популярной эстрадной площадкой стало в Константинополе кабаре «Стелла», где играли наши музыканты, танцевали наши балерины, наши дамы пленяли сердца иностранцев. Заведение принадлежало еще одной яркой фигуре русского Стамбула — «московскому негру» Томасу.

Русский негр Томас

Фредерик Брюс (а именно так был наречен этот человек отцом и матерью, только что обретшими свободу чернокожими рабами) родился в Америке, на небольшой ферме в штате Миссисипи. И его родители, и сам Фредерик в САСШ подвергались расовой сегрегации, а потому двадцатилетний Брюс почел за лучшее попытать счастья в Европе. Он работал в отелях многих европейских столиц и неизменно получал прекрасные рекомендации. В Европе же встретился американскому беженцу некий русский дворянин, который предложил ему выгодное место в Москве. И вот в 1900 году мистер Томас прибыл в нашу страну.

Работал по приобретенной специальности — камердинером и метрдотелем в дорогих ресторанах и клубах. Негр-служитель в древней российской столице считался, конечно, диковинкой, а потому всегда получал щедрые чаевые от гостей. Вскоре денег накопилось достаточно, чтобы начать собственное дело: вместе с двумя партнерами Фредерик выкупил пребывавший в упадке увеселительный сад «Аквариум». В первый же сезон при новых хозяевах «Аквариум» стал излюбленным местом отдыха москвичей, а Томас добился миллионного оборота.

С этого момента чернокожий миллионер окончательно стал считать себя русским и представлялся Федором Федоровичем Томасом.

Бизнес расширялся, к «Аквариуму» добавился театр-ресторан «Максим», где выступали лучшие европейские танцовщицы и шансонье, в том числе и Александр Вертинский.

В 1915 году Томасу было даровано российское подданство. Принято считать, что он является первым афроамериканцем, который стал гражданином России.

В середине февраля 1917 «московский негр» выкупил целый квартал в Каретном ряду, где должны были открыться новые театры и рестораны. Но спустя неделю началась революция, а в начале 1918 года вся недвижимость Томаса оказалась национализированной.

Самого богача несмотря на цвет кожи и происхождение из наиболее угнетенных слоев американского общества революционные власти сочли классово чуждым и внесли в списки на арест. Пришлось Федору Федоровичу бежать и из Европы. Приют нашелся в Азии — в Константинополе.

Здесь Томас намеревался развернуться вновь, начать с нуля, как уже не раз случалось в его жизни, и открыл эстрадный театр «Стелла», а при нем ресторацию. Однако Стамбул (хотя и русский!) — не Москва. Даже столь опытному в индустрии развлечений импресарио не удалось наладить дело. Чернокожий миллионер быстро разорился и оказался в долговой тюрьме. Там он и умер в нищете и одиночестве, так и не вернувшись в Россию, о которой мечтал.

Роскошный интерьер отеля «Пера палас» сохранен и в наши дни

Фасад клуба для избранных

Отдельно следует сказать об Александре Николаевиче Вертинском (1889—1957). В Стамбул он прибыл на пике славы, поэтому, в отличие от большинства соотечественников, мог позволить себе поселиться в одном из лучших отелей — в «Пера палас». Вертинский вместе со своим постоянным аккомпаниатором Борисом Путятой выступал в нескольких русских ресторанах, но постоянной его площадкой было кабаре «Черная роза», самое известное заведение русского Константинополя, расположенное в самом центре Рю-де-Пера, на втором этаже здания «Восточного клуба», членами которого были европейские дипломаты и османская элита.

Подчеркнем, что кабаре принадлежало не Вертинскому, а Нуреддин-бею, бывшему сотруднику посольства Блистательной Порты в Петербурге. Там-то еще в довоенные годы турецкий дипломат и познакомился с знаменитым шансонье. Оставив дипломатическое поприще, Нуреддин-бей занялся на родине предпринимательством и вскоре стал владельцем сети пекарен и булочных. Узнав о том, что прославленный русский артист находится в Стамбуле, Нуреддин-бей специально «под него» открыл Rose Noir. Кстати, здание, в котором блистал Вертинский, прекрасно сохранилось до наших дней. Сейчас в одном из флигелей бельэтажа здесь разместили музей мадам Тюссо, но по странному недосмотру восковая фигура «русского Пьеро» в экспозиции отсутствует.

В этом пассаже располагалось кабаре «Черная роза»

А сто лет назад решение Нуреддин-бея выстроить всю работу кабаре вокруг личности и сценического образа Вертинского оказалось коммерчески вполне оправданным. По словам автора книги о нашем шансонье А. Макарова, «на Вертинского» шли «камергеры, члены Государственного Совета, дипломаты, но больше финансисты и биржевики, сумевшие всеми правдами и неправдами спасти, а то и приумножить свой капитал, некогда модные писатели, короли русского фельетона, актрисы и балерины самых знаменитых в России трупп».

Мечтали услышать своего кумира и другие россияне, не столь состоятельные, не имевшие средств для заказа столика в «Черной розе». Безденежная русская публика пыталась уловить любимые напевы, собиравшись под окнами роскошного заведения. Хозяин кабаре якобы знал о толпах безбилетников и приказывал закрывать фрамуги во время выступлений Вертинского. Но и Вертинский тоже знал о своих стоящих на улице поклонниках, говорил, что ему душно, и просил проветрить зал.

За одним из окон второго этажа пел Вертинский

Вход на второй этаж, где располагалось кабаре Вертинского

В «Роз нуар» была особая атмосфера. Даже с улицы заведение можно было выделить из ряда подобных. Николай Чебышев в своих воспоминаниях пишет: «На улицах ходит картонный гигант с красным носом, в цилиндре. За ним по пятам целая толпа. Эта живая реклама русского “кабачка” “Черная роза”».

А вот свидетельство А. Слободского: «Перед входом единственная вывеска — большой, с матовыми стеклами фонарь. На стеклах со всех сторон нарисованы черные розы. Владелец — довольно известный певец Вертинский *(как видим, в эмигрантской среде Вертинского воспринимали хозяином заведения, хотя на самом деле это было не так! — И.К.)*, который выступал теперь исключительно в своем ресторане... Все женщины-кельнерши одеты в скромные черные платья с желтыми наколками на головах и вышитыми на них золотом розами. С каждым новым посетителем-гостем скромно-выдержанны и вежливы. Молча подают, принимают и уходят. Но появляется постоянный посетитель, садится за “свой” столик. Картина резко изменяется. Кельнерша с ним так же, как и он, в обращении фамильярно проста. К концу вечера, когда уже гости почти все расходятся, она садится с ним за столик и вместе ужинает. Затем, когда уже ресторан закрывают, они встают, и он провожает ее домой».

Что ж... ситуация описана довольно двусмысленно! Очевидно, в «Черной розе» в полной мере нашел выражение тот декадентский дух, который пропитал Петербург в начале XX века и который во многом сформировал и сценический образ, и лирического героя поэзии самого Вертинского.

Да и как не говорить об упадке, если гардеробщиком в заведении служил бывший сенатор! Вот вспоминания самого Александра Вертинского: «У меня, в кабаре “Черная роза”, на вешалке стоял швейцаром бывший сенатор. Я никогда не видел швейцара, который был бы более удачен на своем месте, чем он. Он был услужлив, любезен, сообразителен и умел угодить публике, как никто. Он занимался всем, вплоть до сводничества. И зарабатывал великолепно. Очень многие, весьма щекотливые дела устраивались через него. И самое главное — он был вполне счастлив. Весь мир, такой огромный, такой сложный для него раньше, поделился теперь только на две половины, на два сорта людей: “дающих на чай” и “не дающих на чай»”. И он безошибочно разбирался в них. На кухне шикарного ресторана-кабаре “Эрмитаж”, в котором мне пришлось петь и быть еще директором, служил поваром бывший губернатор. Не знаю, каким он был администратором в России. Вероятно, плохим. Знавшие его говорили, что он был зол, туп, придирчив и завистлив. Но поваром он был чудесным! А сколько великолепных лакеев, услужливых метрдотелей, лихих шоферов по-

выходило из людей, принадлежавших к самым богатым, самым высшим классам старого общества! Сколько сутенеров, жуликов, шулеров вышло из тех, кто носил самые громкие титулы, самые аристократические фамилии!»

А. Вертинский

Впрочем, и сам «русский Пьеро» в эмиграции находился в положении, скорее, не великого шансонье, а клоуна, развлекающего подвыпившую публику. С тоской вспоминая утраченное отечество, он писал так: «Все наши актерские капризы и фокусы на родине терпелись с ласковой улыбкой. Актер считался высшим существом, которому многое прощалось и многое позволялось. От этого пришлось отвыкать на чужбине. А кабаки были страшны тем, что независимо от того, слушают тебя или нет, артист обязан исполнять свою роль, публика может вести себя как ей угодно — петь, пить, есть, разговаривать или даже кричать». А о своем репертуаре в Константинополе Вертинский вспоминал так: «Я пел в “Черной розе”. Конечно, не свои вещи, которых иностранцы не понимали из-за незнания русского языка, а преимущественно цыганские. Веселые, с припевами, в такт которым они пристукивали, прищелкивали и раскачивались. Это им нравилось. Почти ежевечерне по телефону заказывался стол верховному комиссару всех оккупационных войск адмиралу Бристоль. Он приезжал с женой и свитой, пил шампанское и очень любил незатейливую “Гусарскую песенку” (“Оружьем на солнце сверкая...”), которую я ему пел, искусно приправляя эту песенку всякими имитациями барабанов и военных труб. Тратил он очень много, и мой патрон был в восторге. А за адмиралом тянулась и остальная денежная публика».

Денежная и аристократическая константинопольская публика всех национальностей любила Вертинского. Он выступал даже для султана. Впрочем, турецкий султан в двадцатые годы прошлого века был фигурой, уже отыгравшей свое. По решению оккупационных властей Антанты султан жил в дворцовом комплексе Йылдыз («Звезда») фактически под домашним арестом. Однако в организации собственного досуга султана не ограничивали. Вертинский по крайней мере дважды выступал в павильонах султанской резиденции. Поговаривают, что оба раза весь свой гонорар артист оставлял в казино Йылдыза и оба раза ставил на «черное». Первый подход к игровому столу якобы был неудачным, а вот потом маэстро повезло — выигрыш оказался колоссальным. Верный отечественной традиции, шансонье с легкими деньгами и расстался легко. А потратить их со вкусом в русском Стамбуле, как мы поняли, было множество способов!

Вообще говоря, в эмигрантских воспоминаниях встречаются претензии к Вертинскому. Критически пишет о нем и А. Слободской, и Л. Белозерская. Вот какой сюжет она излагает. Потеряв работу (газета мужа разорилась из-за нечистоплотности пайщика-эмигранта), Любовь Евгеньевна пытается найти новое место службы. Куда направить стопы? «Сначала на Перу, в кафе Вертинского “Чайная роза” (*на самом деле “Черная роза” — И.К.*). Может быть, там нужны служащие? Поговорить вышел сам шеф (*снова ошибка! как видим, русские упорно считали знаменитого певца владельцем заведения, хотя это и не соответствовало действительности — И.К.*). Никогда, отдавая должное его артистическим способностям, не таяла я перед этим человеком, как многие, многие из моих соотечественников. Бывший Пьеро посмотрел на меня критическим оком и сказал, что у него все места заняты. Не знаю, сочинял он или говорил правду. Вспоминаю, как неприятно, снисходительно-пренебрежительно

в своих воспоминаниях пишет он об Иване Мозжухине, прекрасном актере, с которым связан целый большой этап развития нашего искусства кино. Нет, нет... Что греха таить. Не на высоте бывший Пьеро!»

Наверняка, тут говорит личная обида Белозерской. Но, объективно рассуждая, была ли она единственной беженкой, обратившейся за помощью к Вертинскому? Разумеется, нет. Мог ли он обеспечить работой всех дам русского Стамбула? Разумеется, нет. Впрочем, кого интересует объективность и логика, когда нет денег и нечем кормить мужа?.. Во всяком случае, интересно было бы узнать, встречались ли Белозерская и Вертинский позже в «красной» Москве? А ведь могли встречаться, поскольку оба они из эмиграции вернулись в СССР...

Упомянув о «Черной розе», нельзя отдельно не сказать о русской ресторанной жизни в Константинополе. Именно ресторанный бизнес неудержимо влек наших соотечественников. Столетие назад на Гран-рю-де-Пера практически в каждом здании были русские заведения.

Особый статус имело кафе «Петроград». Эта кондитерская располагалось напротив кинотеатра «Сарай» («Дворец») и отчасти напоминала кафе Филиппова на Тверской в Москве. В «Петрограде» все делалось на русский лад и подавалось в соответствии с русскими традициями. Предлагаемые гостям блюда (от сухариков до куличей) и обслуживание были высшего качества. На весь город прославились завтраки в «Петрограде»: ржаной хлеб, яйца всмятку, сливочное масло, швейцарский сыр и чай в тонких стаканах с подстаканниками. Работало кафе круглосуточно, так что здесь можно было получить поздний ужин или ранний завтрак, здесь можно было скоротать время тем, кто опоздал на последний паром и не смог перебраться на азиатский берег Босфора. Подобного в Стамбуле еще не было. Кондитерская «Петроград» принимала посетителей много лет, даже после массового отъезда русских из Константинополя.

Легендарную славу обрел в Стамбуле ресторан «Режанс». Его тоже открыли русские (называют имена Вероники Протопоповой, Веры Чижик и Тевфика Монарса), правда, уже в 1930 году. Заведение было экстракласса: огромный обеденный зал, отделанный декоративным панно; элегантные официанты; отменная кухня; теплая и гостеприимная атмосфера. Говорят, здесь любил поужинать Ататюрк, проводил вечера посол Германии Франц фон Папен, захаживал и посол Великобритании. Так же, как и роскошный ресторан в отеле «Пера Палас», «Режанс» стал местом частых встреч дипломатов. Шло время, менялись хозяева, горело и восстанавливалось помещение, а популярность «Режанса» не меркла. Это поистине уникальное заведение превратилось в неотъемлемую часть города, в своего рода историческую достопримечательность.

Век назад с «Режансом» конкурировал ресторан «Георгий Карпыч» или просто «Карпыч», располагавшийся на улице Пти-Шан напротив нынешнего консульства Нидерландов. Ресторан получил свое название от имени основателя, Георгия (по другим источникам — Юрия) Карповича Кечиджи, армянина из Баку, который в 1925 году и открыл в Константинополе свое дело. Его ресторан всегда был забит до отказа русскими и иностранцами. «Карпыч» отличался изысканной кухней и церемонным отношением к самому процессу поглощения пищи. Официантам строго указывалось, через какие промежутки времени можно подавать заказанные блюда. Сам хозяин следил, чтобы не было никакой спешки, а на возражения, что, мол, от любителей быстро поесть вместо чаевых достается только ругань, отвечал так: «Вы можете получить и пощечину от клиента. Но если вы подадите мясо ранее, чем через восемь минут после супа, я сам лично выгоню вас отсюда. Они должны привыкнуть есть с удовольствием». И надо сказать, Кечиджи значительно преуспел в этом деле. Много позже один турецкий литератор написал, что Карпыч действительно «научил местных культуре питания».

РЕСТОРАНЪ
„ГЕОРГІЯ КАРПЫЧА“
Улица Пти-Шанъ, противъ входа въ садъ „Пти-Шанъ“.
МУЖСКОЙ ПОРТНОЙ Г. А. АЛЕКСАНДРОВСКІЙ
Постоянно работаю для артистовъ театра „Гнѣздо Перелетныхъ Птицъ“. Ул. Кучукъ Эндекъ (отель „Іерусалимъ“), комната № 11. Шью изящно и добросовѣстно. — — КРАЙНЕ УМѢРЕННЫЯ ЦѢНЫ.
СПЕЦІАЛЬНОСТЬ: передѣлка, перелицовка, чистка и пр.—МУЖСКОГО ПЛАТЬЯ.

Реклама ресторана

Для дотошного ресторатора вообще не было мелочей. Например, Георгий Карпович позаботился о том, чтобы набрать в качестве кельнерш красивых и образованных русских женщин, большинство из которых свободно говорили на нескольких европейских языках. Их униформой были белоснежные шелковые халаты с короткими рукавами, с большим вырезом и кармашками. Официанткам было запрещено брать на чай (в стоимость обеда входил определенный процент чаевых).

Кстати, о них рассказывают и такую историю. Якобы однажды этот «красивый и образованный персонал» потребовал от Кечиджи повышения зарплаты. Тот отказал. В ответ официантки не вышли на работу, и хозяин нанял других женщин. Тогда прежние сотрудницы на паях открыли по соседству ресторан под названием «Тюркуаз» («Бирюза»). Пригодилось все, чему они научились у «Карпыча». Цены в их ресторации были ниже, а еда не хуже. Так что «Георгий Карпыч» обрел весьма серьезного конкурента.

Так или иначе, но именно у «Карпыча» тоже часто видели президента Турецкой Республики Кемаля Ататюрка. Пожалуй, даже чаще, чем в «Пера палас». По одной из версий, создатель современного турецкого государства настолько уважал русского кулинара, настолько высоко ценил его кухню, что, перенося столицу Республики в Анкару, позвал Кечиджи с собой. В любом случае, знаменитый ресторан в Константинополе закрылся, а его создатель переехал в Анкару, где работал шеф-поваром лучших заведений.

Но не все же питаться высокой кухней! Согласитесь, для беженцев это не характерно. Эмигрантский общепит стремился удовлетворить и более скромные запросы желудков соотечественников. Те, кому денег на первоклассную ресторацию не хватало, открывали заведения более демократичные. Так, на Гран-рю-де-Пера В.В. Шульгин вспоминает такой плакат у входа в русский ресторан «Яр»: «Уютно. Весело. Зал отапливается. Обед из двух блюд — 60 пиастров» (это цена за «комплексный обед», говоря современным языком; вечером, когда в «Яре» заливался цыганский хор с солистками Суворинoй и Нюрой Масальской, цены, разумеется, вырастали). А вот господа Волков, Кашевский и Лаптев вскладчину запустили первый русский трактир в Константинополе. Разместили трактир «Медведь», разумеется, на Пере, рядом с Галатской башней. Заманивали посетителей такой рекламой: «Настоящий русский борщ — 12 пиастров, чай по-московски с 4 кусками сахара — 7 пиастров. Кипятку сколько угодно. Только здесь вы можете вспомнить Москву и ее знаменитые трактиры!»

Русские столовые, трактиры, кафе, рестораны в Константинополе двадцатых годов прошлого века появились повсюду. И чем дальше от Гран-рю-де-Пера, тем дешевле. Самые скромные располагались на другой стороне бухты Золотой Рог, в Стамбуле (так именовали наши соотечественники век назад древнейшую часть города, ту, где расположены Святая София, Голубая мечеть, Ипподром, «Гранд-базар», или, по-турецки, «Капалы Чарши»).

В поисках борща и блинов по Галатскому мосту перебираемся из русского Стамбула в Стамбул собственно турецкий и приходим на «Большой базар». А. Слободскому он запомнился таким: «Гранд-базар в Стамбуле, с десятками тысяч магазинов, лавок и киосков, поднимается вверх от моста через Золотой Рог. Небольшая площадка примыкает с одной стороны к широкой лестнице мечети, а с других окаймлена разными киосками, столовками и харчевнями. Большинство столовок и харчевен в руках русских беженцев. Выстроены они на скорую руку из фанеры и обтянуты старыми рваными палатками. Над входами красуются вывески с буквами, выведенными безграмотно, аляповато и грубо: “Казбек”, “Ростов”, “Одесса-мама”, “Закат” и т. д. Кое-где вывешены отдельно аншлаги, указывающие на особенность «ресторана»: “малороссийский борщ”, “всегда горячие котлеты” и т. д. Цены вполне доступные для беженца, не имеющего за собой ничего, кроме той рваной одежды, что на нем. Наиболее крупная столовка, где собирается “вся знать” базарного беженства, — “Ростов-Дон”. Содержатели его — человек шесть казаков и их бывший командир, есаул. Продали седла, ковры, оружие и на эти деньги открыли столовку. Здесь же, за ситцевой перегородкой, на примусе и мангале готовят борщ и котлеты. На прилавке неизменные закуски: консервы, яйца, лук и здесь же две огромных бутыли от Кромского и Ко с надписью “перцовка” и “русская горькая”. Столики, не в пример прочим столовкам, прикрыты листками старых газет».

Дальше — еще хуже. Еще беднее. Обед из двух блюд в столовой, открытой при общежитии № 8 для беженцев, стоил семнадцать с половиной пиастров. В столовой Земского союза — 15 пиастров, но по такой цене продавалось только 350 обедов в день. Американский Красный Крест бесплатно кормил 5000 беженцев, поставляя в три благотворительные столовые продукты и оплачивая покупку свежего мяса и овощей из расчета 5 пиастров на человека в день (количество порций также было ограничено). Дети и больные дополнительно получали молоко, какао и сладкие бисквиты. Чашка свежезаваренного кофе, купленная на улице у торговца-турка, стоила 5 пиастров.

Вот вам «Стамбул — город контрастов». В том числе и русский Стамбул: если большая часть нашей эмиграции едва сводила концы с концами, ежедневно решая вопросы элементарного выживания, то в шикарных заведениях «на Перской» ресторанная жизнь била ключом и не лишена была скандальности. К этому привыкли еще на родине. Однако в России в ресторанах вспахивали ссоры из-за дам, либо когда задета честь. В Константинополе скандалы носили политическую окраску. А началось все, когда в городе вслед за «белыми русскими» появились «красные русские», когда над русским дворцом на Пера вместо трехцветного знамени взвилось кумачевое полотнище.

Вот какую заметку читаем в еженедельнике «Зарницы» столетней давности: «На этих днях с главой советской торговой миссии в Константинополе Кудишем приключился такой инцидент. Когда Кудиш завтракал в ресторане Такатлиан, к нему подошел русский офицер в форме и, спросив: “Вы советский представитель?” — и получив утвердительный ответ, нанес Кудишу ряд ударов по лицу.

Офицера задержали и препроводили в английскую полицию, где он был обыскан; у него не нашли никакого оружия, даже перочинного ножа. Начальник английской полиции заявил Кудишу:

— Видите, оружия при офицере не было. Значит, это не было покушение на вашу жизнь. Здесь имело место оскорбление вашей чести. И вам надлежало самому свою честь защищать. Мы не можем взять на себя защиту вашей чести.

Офицера освободили. Он оказался ротмистром Барановым».

После столь снисходительного (если не провокационного) решения оккупационной полиции поступок ротмистра Баранова повторил еще один белогвардейский офицер. Дважды получившего по лицу Кудиша от греха перевели из Константинополя в

Лондон, на что «Зарницы» откликнулись едким комментарием: «Рабоче-крестьянское правительство, видимо, не придерживается того принципа, что за одного битого двух небитых дают».

Но джинн рукоприкладства на берегах Босфора был уже выпущен из бутылки. Эмиссарам Москвы то и дело наносили побои. «Бить советских представителей стало какой-то модой в Константинополе,— сообщал берлинский “Руль”.— Дня не проходит, чтобы не услышать о новых избиениях кого-либо из господ советских торговых делегатов. Бьют их преимущественно в публичных местах: в ресторанах, кафе и кинематографах. Но бьют все: бьют офицеры, бьют просто беженцы, бьют даже дамы. В одном из ресторанов русская дама — жена английского офицера — запустила в большевиков бутылкой с лимонадом, когда они нагло потребовали от оркестра исполнения “Интернационала”. После всех этих избиений члены большевистской организации переменяют ресторан за рестораном, но нигде не могут уйти от избиения благодаря своему наглому и вызывающему поведению. Дело дошло до того, что заместитель уехавшего Бронислава Кудиша, Аугенблик, должен был перекочевать в Стамбул *(т.е. на другой берег бухты Золотой Рог — И.К.)*, где и обедал в турецких ресторанах, переменяя их каждый день. Но и там он не избежал избиения: какой-то турецкий офицер, бывший в плену на Волге и узнавший там большевиков, учинил “мордобитие” Аугенблику».

Итак, это скандалы политические. Случались ли в Турции скандалы, связанные с русскими красавицами? Вопрос риторический. С момента своего прибытия в Стамбул россиянки оказались в центре всеобщего внимания — и мужчин, и женщин, и соотечественников, и иностранцев, и европейцев, и азиатов.

Русские беженки

Александр Вертинский в своей книге «Записки русского Пьеро» вспоминал: «Положение женщин было лучше, чем мужчин. Турки вообще от них потеряли головы. Наши голубоглазые, светловолосые красавицы для них, привыкших к своим смуглым восточным повелительницам, показались ангелами, райскими гуриями, женщинами с другой планеты. Разводы сыпались, как из рога изобилия». Турчанкам и гречанкам надо было срочно спасать семейные очаги! Но что же делать, если мужья все время засматриваются на приезжих дамочек? Отчаявшиеся женщины Востока, собрав подписи, даже подали петицию коменданту Константинополя полковнику Максвельду с требованием немедленно и безжалостно... — выселить всех россиянок!

Ситуации добавляло пикантности то, что по городу ползли слухи об удивительной доступности русских женщин. Якобы за деньги можно купить ночь роскошной

русской аристократки. Отказа не будет ни от баронессы, ни от княгини! В этой связи следует напомнить, что вместе с эвакуировавшимися частями белой армии в Константинополе оказались в большом количестве девушки из домов терпимости Петрограда, Москвы, Киева и Одессы. Часто девицы выдавали себя за жен офицеров или «аристократок», бросая тем самым тень на всех наших соотечественниц.

Вот как этот сюжет обыгрывает А. Аверченко в рассказе «Русские женщины в Константинополе»:

«— Писатель! — заревел Филимон Бузыкин.— Вот здорово! И вы туточки?! Ну, как насчет женского пола? Такие, брат, бабеночки в ресторанчиках, и все русские, и все русские! Княгиня — пожалуйста! Баронесса — пожалуйста!

— Осел вы,— строго сказал я.— Из-за того, что приличные женщины по нужде пошли служить в ресторан, вовсе не надо взвизгивать и икать на всю Перу.

— Приличные?! Ой, вы ж меня уморите. Да любая из них даст вам поцелуйчик! Хотите, вот сейчас пойдем в эту кабачару — тут есть прехорошенькая. Если не сорву поцелуйчика — я вас угощаю Моэтшандоном, сорву — вы меня.

Филимон втащил меня в ресторан, плюхнулся за столик и, вертя корявым пальцем, подозвал к себе пышную золотоволосую блондинку в традиционном передничке.

— Маруся! Подь-ка сюды.

— Я не Маруся,— спокойно возразила дама, глядя холодными застывшими глазами поверх головы Филимона Бузыкина.

— А кто же вы? — спросил Филимон, разглядывая ее с тупой раздумчивостью.

— Я — баронесса Тизенгаузен. Меня зовут Елена Павловна.

— А?! Очень приятно. Каково прыгается? Присели бы, а?..

— Не могу, простите. Должна принять заказ на другом столе.

Филимон толкнул меня в бок и обратился к даме чертовски фривольным тоном:

— О, сетт аффре! В таком случае я должен вам сказать два слова по секрету.

Он вскочил, взял растерявшуюся от его бурного натиска даму за локоть и отвел за дверь пустого кабинетика.

Первое мгновение там была мертвая тишина, но потом разразился звук, очевидно, поцелуя,— потому что расторопный Филимон ручался мне в этом.

Однако никогда в жизни не приходилось мне слышать более отчетливого поцелуя. За дверью будто сговорились дать мне ясно понять, что пропала моя бутылочка Кор-дон-Вэр'а.

Я вздохнул, печалясь не столько о бутылке, сколько о баронессе...

Дверь отворилась. Мимо меня быстро прошла баронесса и скрылась в буфетной. За ней вышел Филимон, по своему обыкновению цепляясь носком одной ноги за каблук другой.

— Слышали? — спросил он с вялым торжеством в голосе.

— Да. Звук отчетливый. Позвольте, Филимон! Ведь она поцеловала только один раз?

— Один, — с досадой огрызнулся он.— Не сто же. Я больше и не хотел.

— В щеку поцеловала?

— Да, этого... в щечку.

— Странно: один поцелуй, а на щеке пять красных следов.

— Губы накрашены,— угрюмо пробормотал Филимон, глядя в угол.

— Нет... Вы видите, краска все бледнеет и бледнеет... Вот уже и сошла. Нет, это не губная помада, Филимон! В чем же дело, Филимон?

— Скверная бабенка,— со вздохом сказал он.— Невоспитанная.

— Ну, что вы! Я ее немного знаю по Петербургу. Она окончила Смольный институт.

— И чему их там в этом институтишке учат? — сердито буркнул Филимон и, постучав согнутым пальцем по столу, гаркнул:

— Эй, гарсон, унь бутыль кордону Веру и апре келкшоз юнь жареный миндаль. Плю вит поворачивайся.

Я налил первый бокал и, не чокаясь с Филимоном, тихо в одиночестве выпил. Выпил за скорбный, покрытый кровью, слезами и грязью, неприветливый путь нынешней русской женщины.

Иди, женщина русская, бреди по колена в грязи. Дойдешь же ты, наконец, или до лучшего будущего, или... до могилы...

Там отдохнешь от жизни.

У меня на глазах стояли слезы».

Следует признать, что россиянки одним своим присутствием оказали существенное влияние на стиль константинопольской жизни, сделали город более цивилизованным, более изысканным, более модным. Они ошеломляли, притягивали внимание не только природной красотой, но и умением непринужденно держаться, изысканно одеваться.

Русские аристократки следовали европейской моде двадцатых годов прошлого века: укороченные юбки клеш, на юбках кисточки из золотых нитей, пояса с бантом, стягивающие талию, расшитые жакеты. Стильной считалась короткая стрижка «колокол», голова непокрыта или обвита тонким шарфом. Такой фасон переняли и турчанки (у них он получил название «рус баши», т.е. «русская голова»).

Те россиянки, которых ни аристократками, ни богачками не назовешь, одевались скромнее, но тоже стильно. В. В. Шульгин о своей эмигрантской жизни в Стамбуле вспоминает: «Здесь в моде среди русских какое-то очень легкое пальто зеленого цвета, такое легкое, что его с первого взгляда можно принять за шелк, но со второго определяется, что на шелк совсем не похоже... Эти пальто с поясами одинаково носят мужчины и дамы, причем у молоденьких женщин это выходит довольно “тонно”... К этому обязательно должен быть шарф, обязательно полосатый, обязательно синий с белым или черный с белым... Шарф “изящно” обкручивается вокруг шеи, причем один конец запускается за пояс, спереди, а другой забрасывается “грациозно-уверенным” жестом за спину. На голове (“головке”) какая-нибудь маленькая шапочка, чаще вязаный шелковый колпачок, именуемый здесь “чулком”, иногда повязка из платочка... Зеленое пальто, полосатый шарф и “чулочек” — эта форма, которую создали себе русские беженки и которая избавляет их от многих затруднений: сразу видно — русская, для которой, значит, законы не писаны... В таком виде они беспрестанно мелькают среди толкотни на Пера, а эта улица своей стремительной гущей порой доходит до интенсивности скетин-ринга на Марсовом Поле в Петербурге в воскресный день...»

Однако мы увлеклись и серьезно отклонились от рассказа об экономическом базисе жизни белогвардейской эмиграции вековой давности! Оно, конечно, как не увлечься, когда речь зашла о русских женщинах! И все же вернемся к сухой теме труда и капитала, финансов и кредита.

(окончание следует)

Яков Шафран
(г. Тула)

СТРАНА СПЛЕТЕННЫХ РУК

Путь спасения России и мира

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

«Блажен человек, который снискал мудрость, и человек, который приобрел разум...»

Библия. Притчи 3:13

«Россия должна быть мировой интеллектуально-нравственной державой справедливости и чести».

Л. Г. Ивашов

Крупнейшая геополитическая катастрофа

«Ад есть невежество».

Св. Антоний, один из первых христианских подвижников

Как мы неоднократно подчеркивали в предыдущих статьях (1), Западу и мировому фашизму, агрессивным по отношению к России, наиболее успешно и активно давал отпор Советский Союз — *высшая стадия развития Русской цивилизации*. Однако, в результате крупнейшей геополитической катастрофы XX века — стремительного распада СССР, per se (2) был потерян эффективный инструмент качественного сопротивления. Современная Россия, к сожалению, что показывает новейшая история, демонстрирует очевидную неспособность необходимого глобального противостояния, необходимой общей защиты. Это происходит в силу преобладающего вредного влияния на все внутренние и внешние процессы оптимального, надлежащего функционирования государства «шестой» и «пятой колонн», что закономерно, ибо ликвидация Советского Союза стала *временной*, промежуточной победой Западной цивилизации.

В рамках окна Овертона, в рамках дискурса следует сказать: да, в СССР, конечно, были нерешенные проблемы. Это и закостенение махины чересчур сосредоточенного на Центре бюрократического аппарата, лишенного возможности гибкого текущего госуправления, и неимение свежих и конструктивных направлений и установок в культурной жизни, и жесткий пресс идеологии. Техническая отсталость имела место, но проявлялось сие по преимуществу в повседневном быту. Большое влияние оказало и известное развращение многих номенклатурных работников, и настойчивое, только

достаточно скрытное, стремление их стать собственниками народного добра и государственных богатств. А потому-то и не наблюдалось правильной кадровой политики.

Однако, несмотря на эти проблемы в позднем Советском Союзе, необходимо было не педалировать принудительную его ликвидацию, а разумно и гуманно *совершенствовать.* К сожалению, разрушительный процесс, руководимый определенными мировыми центрами силы (см. 1), привел к противоположному результату.

Напомним, во что нас вверг распад советского государства. *«Беда бедой беду затыкает» (7)*, и здесь можно выделить три уровня возникших осложнений: *экономический, политический и социальный.*

1. Экономические последствия.

Внутренние антисоветские силы, стремясь возвратиться на семьдесят лет назад, *«кто старое помянет, тому бес в ребро» (7),* стали, что происходит *впервые* в истории Земли, «bona fide» (3) переводить страну от «плохого» социализма к «правильному» капитализму. Разрушение объективных оснований советской (русской) цивилизации ввергло сверхдержаву в унизительное состояние сырьевого донора Запада, когда, вместо регулируемой на базе стратегического и детального плана народнохозяйственной системы, началось создание плутократического и компрадорского олигархического капитализма. Причем при сращивании с мировыми транснациональными корпорациями. В результате Россия потеряла свое законное право на независимую экономическую, и не только, политику. При этом следует признать, что советская государственная и хозяйственная практика и поныне с большим и доскональным вниманием изучается и применяется в ситуации современного всеобщего упадка западной системы в разных странах как самая эффективная — пример, Япония. И интерес к такой практике неуклонно растет.

После разрушения СССР в итоге незаконной и грабительской приватизации общенародное достояние захватили будущие олигархи и организованные преступные группировки, следствием чего явилось глобальное свертывание отечественного производства во всех еще недавно развитых отраслях, причем подверглись уничтожению, прежде всего, самые высокотехнологичные из них. Произошел разрыв большинства укоренившихся экономических, финансовых и информационных взаимоотношений даже с ведущими предприятиями, организациями и научно-исследовательскими институтами в прежних союзных республиках; сильно сократился значительный ранее потенциал хозяйственных действий с промышленными, сельскохозяйственными, финансовыми, природными и иными ресурсами в них, что привело к дезинтеграции развитой всенародной экономики. (При этом наша страна без каких-либо ощутимых выгод для себя продолжает в определенной степени являться *донором* на бывшем пространстве СССР).

Олигархические семьи владеют почти тремя четвертями нынешней экономики России и бóльшей долей ее СМИ. А уцелевшие, неподвластные им предприятия до сих пор обложены невозможно тяжелыми налогами, чему отлично способствует пресловутая процентная ставка Центробанка. И, кроме того, российский рынок изобилует заграничными товарами низкого качества, с которыми в силу дороговизны производства отечественные предприниматели не могут соперничать.

2. Политические последствия.

«Беда не приходит одна» (7), и сегодняшняя либеральная Россия переполнена *мнимой* демократией, различными призраками и симулякрами, в ней произошло соединение ненасытной олигархии и всего криминального капитализма с управляющей страной «элитой» и, соответственно, коррумпирование чиновничества вплоть до высокого ранга. И при этом в Конституции написано, что Россия — социальное государство. Какое может быть в таком сущем безобразии эффективное управление?

С разрушением СССР явно сократился ранее стабильно высокий, международный вес России и ее воздействие на планетарный мир и значительно снизились реальные возможности бороться за свои кровные, суверенные интересы, началось кардинально негативное изменение былого динамического равновесия сил в экономической, политической и военной сферах в регионе и вцелом. Потому все стало менее устойчиво и менее прогнозируемо, более вероятностны локальные конфликты и мировые войны.

3. Социальные последствия.

«Беда да ну́жа выходят наружу» (7). Советский народ был разделен. В большей степени пострадали русские. Но возникли и многие национальные меньшинства, очутившиеся вдруг вне своих национальных средоточий. Россиянину нежданно-негаданно пришлось проходить таможенный контроль, чтобы посетить порой и единственных родственников или друзей, внезапно обнаруживших себя за границей. Так оказались порванными множества устоявшихся связей между советскими людьми. В бывших дружественных республиках, в том числе и в России, начали «расцветать» агрессивный национализм и расовые ущемления. Ярким примером могут служить страны Балтии, где поднялась организованная систематическая травля и всевозможная явная национальная дискриминация русских и русскоязычных жителей. Возник *разрешенный* фашизм.

Вслед за целенаправленным и планомерным разрушением СССР началось насильственное лишение населения многих существенных социальных привилегий и прямое обнищание народа. И в сегодняшней России, на фоне колоссального богатства олигархии, около двух третей людей имеют материальные средства *ниже прожиточного минимума*, который, к тому же, ниже, чем в большем числе развивающихся стран. Размеры трудовых пенсий и зарплат в целом просто смехотворны. Не стало бесплатной советской медицины и бесплатного советского образования, значительно ослабла соцзащита. Вплоть до настоящего времени увеличивается безработица и все больше специалистов уезжает за рубеж.

Сплошное беспощадное разрушение испытала на себе многострадальная российская деревня.

Смертность в стране уже давно превзошла рождаемость. Потому численность населения России, если бы сохранилась скорость его количественного роста в СССР, насчитывала бы в данные дни около двухсот миллионов. Массовое обнищание людей усугубляется дифференциацией в городах жилых районов с богатыми и бедными жителями. Наряду с этим быстро множатся, и особенно среди сегодняшней молодежи, антиобщественные явления — алкоголизм и наркомания. Возбуждает большое беспокойство нарастание организованной, мелкоуголовной и уличной преступности, в том числе и подростковой.

После недвусмысленного, сознательного отказа от Морального кодекса строителя коммунизма, фактически представлявшего собой собственно полное изложение заповедей Священного Писания, в России произошло таргетирование в широких рамках господствующей неформальной идеологии — идеологии денег как первостепенной, сполна управляющей жизнью человеческой ценности, как мерила всего и вся, включая и самого человека; идеологии сиюминутной и долгосрочной выгоды, личной наживы, «моржи» в качестве единственной действующей силы развития не только экономики, но и полностью социума. Началась открытая проповедь неутолимого своекорыстия и алчной жажды своего персонального преуспевания. И поскольку это все глубоко несвойственно российскому менталитету, то у населения произошел всеобщий упадок традиционной морали, мучительное смятение души и ума, крайняя угнетенность и приниженность, людьми завладел элементарный прагматизм и поголовный правовой нигилизм, распространились откровенные ложь, ханжество,

двуличие, подхалимаж, корыстолюбие и ненасытность, чудовищная коррупция и многие другие недостойные черты, подобно заразным психическим заболеваниям. И действительно, как один из основных признаков таковых стали расти среди населения безнадежный пессимизм и хроническая депрессия, началось увеличение психологического восприятия всего и вся сугубо в черно-белом спектре. Например, нынешние молодые люди представляются лживыми, алчными и хапугами, а современные врачи — ловкими жуликами и всевозможными проходимцами, и так далее.

Показателен непоправимый ущерб, причиненный образованию на всех его уровнях. Историю России переписали, но и такое преподавание сократили, вот и из высших учебных заведений хотят в целом исключить ее или значительно уменьшить количество занятий до предельного минимума. Из школьных учебников исключили многих видных, признанных мастеров художественной советской и мировой литературы. Ученикам в школе *«вдалбливают в голову»*, будто наша страна во все времена брала под свой покров другие народы не для их действенной защиты от неотвратимой угрозы полного порабощения и истребления со стороны иных государств, а якобы осуществляла насильственный захват, широкую колонизацию и национальное угнетение.

Невосполнимые, сокрушительные потери были нанесены научной сфере и многонациональной советской культуре. Что касается последней, то ликвидация многих городских, районных и сельских домов культуры, детских секций и кружков, пионерских и молодежных лагерей сделалась гибельной для нее — ведь даже оставшиеся превратились в настоящие рассадники *иной культуры*. Во всех жанрах «нового» искусства стали «процветать» откровенная халтура и жалкий дилетантизм, а также засилье торговой мафии.

Кардинальные изменения в мире, вызванные распадом СССР

«Белый свет не околица» (7). После трагического конца СССР, если ранее значительному росту глобализма сильно препятствовало ярое противоборство двух общественно-политических систем, началось возрастающее *наднациональное империалистическое управление*, превращение мира во всеобщий однополярный порядок, в котором США становились единственной сверхдержавой, получающей неограниченные возможности военного и иного присутствия в любом регионе и возможность решать все на Земле по своемỳ, сообразному их идеологии пониманию. Произошла активизация международного терроризма, религиозного и политического экстремизма, увеличилось количество ядерных государств, при этом ООН стала абсолютно немощной.

Сильно ухудшилось геополитическое состояние России: значительно сократилась исконная территория ее, бывшие восточноевропейские страны социалистического лагеря вошли в западные союзы, последовало колоссальное разрастание пространства влияния Запада, блок НАТО придвинулся вплотную к нашей стране, осложнился прямой доступ ее к мировым морским портам, она утратила свои военные базы в ряде государств, а из Украины сделали ударный антироссийский кулак.

Одним из главных следствий стало основательное изменение жизненной территории Евразии: организовалось девятнадцать «государственных образований», появилось «ближнее» и «дальнее» зарубежье, возникли в известной степени проникаемые границы России с ближним зарубежьем.

Началось форсирование геополитических интересов Турции, а многие тюркские народы, мысля себя определенной долей Великого Турана, принялись активно сближаться с Турцией. Китай превратился во вторую, может быть уже и в первую, крупнейшую экономику мира, применяющую иной путь эволюции, сочетающий рынок с планом под коммунистическим управлением (однако не следует забывать о вероломном нападении КНР на социалистический Вьетнам в 1979-м г. и продолжающихся

военных столкновениях до 1990 г., о кровавых событиях на острове Даманский в 1969-м, а также о его экономической экспансии в настоящем).

После внезапного и полного прекращения всесторонней помощи верным союзникам как от СССР, так и от Запада произошел значительный экономический упадок практически во всех развивающихся странах. В результате Китай и Индия в настоящее время укрепили в них свое явное присутствие и определенное влияние. В некоторых арабских государствах совершились «цветные революции» и пришли к власти коллаборационистские проамериканские режимы.

Что произошло и кто виноват

«Она никогда не думала, что в плен можно взять из экрана телевизора...»

(А. и Б. Стругацкие. «Экспедиция в преисподнюю»)

В наши дни, как и прежде, мы наблюдаем следующий оксиморон: усердные старания Запада, вечно уверяющего человечество, что он — верная и надежная опора цивилизации и истинного добра, ориентированы на *новую колонизацию и банальный грабеж* всего мира. В этом господствующем направлении работает весь его научно-технический потенциал, в отличие от Русской цивилизации, у которой во главе угла *действенная помощь, культурное просвещение и творческое созидание будущего.* Ныне, в начале XXI века, уже нет никаких, даже малейших сомнений в этом, история закрыла данный гештальт. Можно только смотреть, каким образом это происходило.

Капитализм, для практического осуществления своей ничем не ограниченной власти в мире, избрал следующий *modus agenda* (4), он ставил после смерти И. В. Сталина на саму верховную власть в нашей стране, всячески побуждая ее к возможно большему принижению и далее к тотальному разрушению основополагающих постулатов и традиционных символов Советской власти, в том числе с помощью прямого и косвенного влияния на сознание советских людей видными функционерами так называемой *партии антисоветской контрреволюции*, организованной КГБ и состоящей из трех якобы отдельных групп — западника Сахарова, почвенника Солженицына и «просвещенного патриота» Шафаревича. Стремились они *истребить советского* в русском, а нанесли огромный нравственный вред русскому народу, потому что фактическим стержнем жизни советского человека был русский со всей его русской многовековой историей, с его заветной мечтой о *Правде* и о подлинной *социальной справедливости*. Поэтому агрессия против советского — это агрессия против русского, а советофобия есть не что иное, как *русофобия*.

Капитализм, несмотря на теперешний общественный строй страны, и ныне производит итерацию, ставя на «шестую колонну» для окончательной дискредитации суверенности России и предельного уничижения *глубинных основ Русской цивилизации*. Как говорится, «где щи, тут и нас ищи»...

В этом плане происходит *расчеловечивание* людей через интенсивную эксплуатацию их эгоистических, животных желаний, через культ чувственных наслаждений, включая наркотики, секс и так далее. А полная разруха в логическом мышлении рыночно-капиталистической, компрадорской элитки сегодняшней страны, которую Западная цивилизация a totius (5) рассматривает только в качестве своего неисчерпаемого резервуара природных запасов, далеко не содействует заметному беспокойству отечественных чиновников и олигархов о каком-либо благополучии страны и людей, а лишь неистребимому стремлению к приобретению роскошных яхт, строительству сказочных дворцов и т. д. за счет легковерного народа. Кстати, говоря о них, следует отметить, что *«если нищий ворует от большой нужды, то как понять олигарха, крадущего у бедняка, который голодает»*...

«Ужасно, когда самосознание имперское, а совесть и понятие греха подворотни... Это превращается в ту фанаберию, из-за которой мы потеряли Украину» (Н. С. Михалков).

И нужно быть релятивистом, чтобы не видеть, что капитализм и Русская цивилизация несовместимы, не видеть всего вышесказанного, всех объективных реалий.

Но *«не пугай, зима,— весна придет»! (7)*

СССР — высшая стадия развития Русской цивилизации

«Мы знаем, что "если бы не враги, то благодарное человечество похоронило бы все лучшие начинания..."»

Рерих Е. И. Письма. 1929—1938. В 2-х т. Т.1.

«Большое видится на расстоянии». Так сейчас транспарентно, что советский человек является *высшей формой* эволюционного развития русского человека — как истинного хранителя *природной правды* — и всех представителей народов и национальностей Советского Союза, отличающейся неотъемлемыми чертами — раскрепощенностью в производительном труде, неравнодушием к социальной несправедливости, в том числе и в любом, даже и дальнем, уголке Земли, сознательным созиданием будущего и своего и своих детей, коллективизмом, дружественностью, настойчивым стремлением к долгосрочному и плодотворному сотрудничеству и товарищеской взаимопомощи, постоянным тяготением к приобретению основательных разносторонних знаний и успешному претворению их в жизнь.

Да, в СССР были и несчастья частного характера, и экологические, природные, технические и иные катастрофы, и внутренние разногласия и противоборства, и умышленное, разной степени вредительство, и обывательщина, и личный эгоизм. Но это только негативная часть Великой Страны.

Лепта *Советской русской цивилизации* в ускоренной эволюции человечества, в мировом прогрессе огромна. Настоящее доказывает высокое, решающее значение и неоспоримое преимущество общественного *социалистического* строя, явившегося намного результативнее капиталистического, и *коллективного гения* советского народа. Сие произошло благодаря коренной *ленинской социалистической реорганизации*, включившей в себя национализацию банковской системы, внешней торговли, железнодорожного транспорта, переход к плановому хозяйству, привлечение работников к непосредственному руководству предприятием через производственные профсоюзы, гениальный план ГОЭЛРО, стратегический план стремительного превращения России в передовое, промышленно развитое государство, культурную революцию, нещадную борьбу с неграмотностью. Впервые в истории человечества Советский Союз декларировал созидательную деятельность как важнейший критерий бесспорного достоинства человека, как высокое дело, дело гражданской доблести и личного геройства. *Социальное равенство по рождению* и *«от каждого по способностям, каждому по труду»* стало непреложным общественным законом. Государство гарантировало всем прямую доступность любых типов бесплатного образования — советская система образования была определена в мире выдающейся,— реальную возможность получить работу в соответствии со специальностью — СССР занимал ведущее место среди стран мира по количеству квалифицированных работников с высшим образованием,— и право на заслуженный отдых и даровое медицинское обслуживание. Вся последующая история показала безусловную верность и притягательную силу такого социального устройства общества.

Несмотря ни на что, в том числе на две чудовищные, кровопролитные и опустошительные захватнические войны на землях России, она невиданно стремительными

темпами прогрессировала, причем не благодаря зарубежным «непахнущим» деньгам, а благодаря собственным резервам и безграничным суверенным ресурсам *советской государственной системы*. Достаточно назвать такие выдающиеся свершения, как Победа в Великой Отечественной войне в мае 1945 года; ускоренное и полноценное восстановление народного хозяйства после войны за 5 лет вместо 50—60 лет; успешное достижение полного вооруженного паритета с США и НАТО, что обеспечило мир без всеобщей ядерной войны; передовая космонавтика: первый спутник, полет Ю. А. Гагарина, выход первого человека в открытый космос; развитая фундаментальная и прикладная наука; мощные промышленность и строительство, машиностроение, электроэнергетика, авиация, морской флот, в том числе подводный атомный, военная техника; взлет гуманистической культуры; невиданный ранее социальный прогресс; единственная в своем роде сталинская программа лесонасаждений в форме лесных полос в среднерусских и южных областях для эффективного противодействия засухам; уникальная педагогическая система коммунистического воспитания А. С. Макаренко, признанная в мире — центры ее работают в США, Германии и во многих иных государствах,— и многое-многое другое. Но основным советским феноменом стал именно человек — *советский человек*, созидавший все вышеуказанное, созидавший своим могучим творческим гением и своей кипучей деятельностью.

Советский — это русский и человек любой национальности, кто возвысился до высокой ступени *всенародного, общественного блага*, до неусыпного сыновьего попечения о растущей мощи родной страны, о всеобщем благоденствии всех ее городов и весей, всех ее сограждан.

Советский — это пик в формировании гуманного человека на Земле. И он не исчез после варварского разрушения СССР, он остался, остался в не утерявших долговременную память людях; в сохранившейся отечественной культуре: литературе, кино и песне и в прошлых достижениях науки; а также в неистребимой системе корневых смыслов: устремлении к всемирной справедливости, святой правде, народной чести, коллективному творчеству и созидании для народа и всей Земли.

В свою очередь следует напомнить, что благодаря СССР в современном мире существуют Китай и Индия (да еще как существуют!), а также африканские и другие страны.

Основные смыслы Русской цивилизации

И где же их искать как не в нашей истории, какой нам ее Бог дал

А. С. Пушкин

Желание России стать составной и неотъемлемой частью Запада и, главное, практическое осуществление этого явно ввергли управление нынешней страны в состояние *«политической шизофрении»*. Ибо вся многовековая история демонстрирует совершенное непонимание западной цивилизацией нашей страны, «врожденную» агрессивность к ней и абсолютное нежелание воспринимать ее равнозначным компаньоном, демонстрирует постоянную готовность по частям *«пожирать»* ее. Прошлое показывает Россию в качестве *особой, самостоятельной цивилизации*, не являющейся ни Европой, ни Западом вообще, так как сущностная природа их противоположна: Запад — техническое производство, жесткая конкуренция и безудержное потребление, а Россия — духовное и культурное производство человека, «за други своя» и общая польза. И это не аллюзия, все говорит об этом.

Там, где требуется недюжинная смелость и отвага, безупречная честность и душевное благородство, побеждает русский, благо он воспитан на *сказках о Иване-Дураке*, антиподе своим умным и прагматичным братьям, а не на западных сказках, где героев учат жить по подробным инструкциям.

Одними из главных смыслов Русской цивилизации являются коллективизм, содружество и всенародное дело. *«Сам погибай, а товарища выручай» (7)* — девиз русского человека в противоположность западному *«каждый за себя»*. На Западе закон представляет собой основной регулятор, а в нашей стране — совесть и культура, справедливость и милосердие, оказывающиеся зачастую выше права. Укоренившиеся отечественные императивы: духовное выше материального, общее выше личного, справедливость выше закона, будущее важнее настоящего и прошлого. Потому заветная мечта о рае на земле, цивилизационный коммунистический проект и гуманистические идеи космистов созвучны высокому общинному строю русских людей. Великая Октябрьская социалистическая революция, советская власть и ленинизм являются *«согласными с русскими традициями и инстинктами народа»* (Н. А. Бердяев). Когда революция воспринимается как организованное восстание *здоровых клеток* против вредоносных ради спасения всего организма, как полное очищение ради последующего всеобщего оздоровления. А для западного человека все это — трагический парадокс.

Если взять религию, то на Западе считается, что материальный успех людей — якобы убедительное свидетельство откровенного одобрения их «неустанной» деятельности Свыше. В России же *«от трудов праведных не наживешь палат каменных»* и *«не в силе Бог, а в правде» (7)* — то есть явное торжество внутреннего человека над внешним.

Такие патологические явления, как национализм и колониализм, присущи западной цивилизации. Наша страна никогда не покоряла, а, напротив, *объединяла* народы.

Что необходимо для спасения России

«Пессимист видит трудности в каждой возмóжности; оптимист в каждой трýдности видит возможности»

Уинстон Черчилль

«Так как все мы должны умереть, то я предпочитаю умереть в преследовании прекрасной цели».

Подвижник Тибета Миларепа

Социум и индивидуум в известном смысле представляют собой органичную цельность, влияя друг на друга: общество на человека через весь установившийся порядок социальных отношений, через просвещение и культуру; и человек на общество, в котором он живет и трудится, в том числе через необходимые преобразования в плане эволюции.

Бездействие, когда тешат себя наивной надеждой на лучшее перед темными ликами действительного зла и на гуманное понимание с его стороны, есть только прямое *попустительство злу*. Россия — это живая система, и, подобно всем живым системам, должна быть не в пассивности, а в динамической, действенной гармонии, в отличие от современного ее состояния инертной дисгармонии, состояния выпадения из иерархии Русской цивилизации.

Путь истинного спасения нашей страны, как и любого общества и человека, заключается в следующем (приоритетность указана в порядке следования нижеозначенных пунктов):

1) обретение Истинной Веры, основанной на истинном Учении Христа, Учении Света;

2) разработка Идеологии, основанной на Истинной Вере;

3) развитие Культуры, вобравшей в себя все лучшие достижения в этой области и

основанной на пп. 1 и 2, так как не может быть никакого настоящего продвижения без Культуры;

4) разумная, мудрая Политика, основанная на пп. 1, 2 и 3, фактическое осуществление истинного Народовластия путем честных, открытых и прозрачных выборов снизу и до самого верха по двум каналам: из профессиональных сообществ и по месту жительства, начиная от многоквартирных домов (причем избранные на самом низовом уровне выбирают из своей среды на вышестоящий уровень и т. д.); реализация обратной связи избирателей с избранными с правом отзыва вплоть до самого высшего ранга;

5) Экономика, разумная, многоукладная — с решающим преобладанием коллективной собственности, но и с развитым семейным, малым и средним бизнесом, а также в определенной степени, под общественным контролем и с частной собственностью; — и солидарная, когда каждый работник и находящийся на заслуженном отдыхе или на пенсии по инвалидности получает некоторые дивиденды от доходов всего народного хозяйства; и соотносящаяся с Высшим Знанием Наука. Экономика и Наука, работающие под управлением пп. 1—4 на благо страны и народа.

Ибо зачем Богу Россия, если она не Святая Русь? А видим мы ныне: *«за Русь Святую с русским буржуем марш-марш вперед рабочий народ!»*. Но *«истинно, истинно через раны приходит Свет!»* («Из жизни Христа», Ж. Сент-Илер, «Криптограммы Востока»).

В настоящее время одна из главных и приоритетных целей — имплементировать постоянное нахождение людей, могущих мыслить не мелочно, а масштабно, не сиюминутными вопросами, а стратегическими живущими и трудящимися не ради личной сиюминутной и материальной выгоды, «моржи», а бескорыстно, людей, подобных Сталину, могущих утверждать: моя страна — мой отчий дом, моя родительская семья. *«Нам не нужны благонамеренные “Никодимы”, приходящие к нам по ночам и молчащие днем в синедрионе»* (Н. К. Рерих, «Учение Живой Этики», «Община», 205). Это необходимо для человеческой эволюции, эволюции в духовной и культурной сферах, в осознании сокровенного смысла жизни, в общественном назначении человека.

Однако *«одна ласточка не делает весны» (7)*, потому нужно эскалировать прямое устранение основополагающих рыночно-либеральных идеологических принципов из всех сфер жизнедеятельности государства и общества. Параллельно нужны: полная национализация целого класса кадровых управленцев, их декриминализация, наличие обратной связи между народом и властью, новая форсированная индустриализация, ускоренное развитие высокотехнологичного сегмента плановой экономики, твердая опора на свои «наукоемкие и интеллектоемкие» научно-технические разработки и на свое высококачественное патриотическое и трудовое воспитание и основательное профессиональное образование. Причем воспитание, образование и наука должны стать прочным фундаментом комплексного воссоздания общества, прочным фундаментом максимальной безопасности и максимального суверенитета страны.

Цифровой концлагерь — это новый вид неприглядного, агрессивного фашизма в современном мире. И подобно всякому фашизму, он также в качестве ударного механизма Запада нацелен на уничтожение Русской цивилизации. И так же, как Россия-СССР избавила человечество от гитлеровского нацизма, будущая Россия защитит его от цифрового фашизма. Конечно, речь идет не о категорическом отказе от цифровых технологий самих по себе, но об оптимальном использовании их не во вред гуманизму, народовластию, самому народу и каждому отдельному человеку, а, напротив, во благо их.

Русскую цивилизацию *«...аршином общим не измерить»*, она, обладающая существенными эволюционными преимуществами — ни у одной иной цивилизации культура, наука и мечта не были так близки, как в СССР,— умеет находить новые маршруты и достигать несомненного успеха. Поэтому, кроме всего вышесказанного, в

нынешней России для ее спасения необходимо делать особый упор на последовательную реализацию основополагающего принципа соборности, гражданской совести и библейского закона любви к людям.

Тогда и произойдет *захват Светлого Будущего*, вместо катастрофического падения в бездонную пропасть! Ибо, как гласит русская пословица: *«Кто весной не пролежит, весь год будет сыт» (7).*

Необходимость Новой Страны

«Россия отстала от самой себя»

Г. Б. Клейнер

«Нет ничего практичнее верной теории».

И. В. Сталин

Капиталистический мир к началу XXI века заканчивается постепенным, но неминуемым *банкротством* — экономическим, финансовым, мировоззренческим, философским и культурным. И это отнюдь не алармистские настроения, а реальное, недвусмысленное положение дел. Человечество сможет выжить исключительно путем спасительного выхода из этого экзистенциального кризиса с помощью «*ноосферно-антикапиталистического императива»* (А. И. Субетто). Поэтому сейчас и происходит плавный поворот в эволюционном развитии, поворот к *эпохе подлинного Разума* на Земле. Конец глобальному и многовековому противостоянию между Западной и Русской цивилизациями, а также между Западом, Востоком и Югом может положить только новое общее мировоззрение и построение, то есть *Новый Духовный мировой социализм*, который неминуемо одержит полную победу, потому что он более прав, чем его исконные враги.

Оттого существует интенция Вселенной на ожидание на Земле настоящего человека,— *«Человек — самое ценное между небом и землей» (7)*,— не гонящегося за барышом, за деньгами вообще и за всевозможными бесконечными удовольствиями, ждет настоящего гуманного и разумного, духовно-нравственного человечества, созидательно-гармоничного, вооруженного действительным, служащим *Истине, Любви, Добру и Красоте* миропониманием, человечества без войн, которому Вселенная сможет отворить нескончаемые источники космической энергии.

Транспарентно, что в противном случае будет неминуемое стремительное падение всего и вся с катастрофическими результатами. Спасти мир может только Россия, благо она — *душа, сердце Земли*, подобно тому, как и подлинное спасение человека приходит только через душу, через сердце его. Однако данное спасение придет, естественно, не от нынешней страны, ибо, по словам Булата Окуджавы: *«Вселенский опыт говорит, / что погибают царства / не оттого, что тяжек быт / или страшны мытарства. / А погибают оттого / (и тем больней, чем дольше), / что люди царства своего / не уважают больше»* (конечно, он писал сие по другому поводу, и мы отлично знаем по какому, и не согласны с такой оценкой нашей советской Родины, но можно безошибочно приложить данные слова к современной ситуации).

Старая идеология «Православие, самодержавие, народность», принятая по предложению С. С. Уварова в 1833 г. и ныне вновь retro *поднимаемая «на щит»*, ничего хорошего не создала и не спасла Российскую империю от тлетворного влияния либерализма и от последующего фактического развала от их действий. Истинное кредо Русской цивилизации, ее сакральный код — это *Совесть, Святость, Народовластие, Социальная справедливость и Община*. Потому нужно, чтобы государство и власть соответствовали этому и Пути к *Новой Стране*. Россия — цивилизация, ответственная миссия которой привести человечество к лучшему состоянию, и она может сие осущест-

вить, другой такой цивилизации на Земле нет. И здесь никакой неопределенности, столь любимой на Западе, по принципу Гейзенберга нет и быть не может. Новая Страна по безусловной могущественной воле Вселенной обречена на *Великую Победу*!

Какой будет Новая Страна

> *«Как человек не может существовать без жизни, так Бог не может существовать, не творя добро».*
>
> Гермес Трисмегист

> *«Мы не вольны выбирать то время, в которое живем, но мы вольны решать, что делать с этим временем»*
>
> Слова Гэндальфа из «Властелина колец» Дж. Р. Р. Толкина

Новая Страна будет создана не *tabula rasa* (6), а вберет в себя лучшее, что было в России во все прошлые века и, прежде всего, в СССР, ибо *«алмаз алмазом гранится» (7)*. Е*диная большая цель* и истинная справедливость — вот ее неотъемлемые атрибуты.

Грядущая Страна будет устроена не по западному представлению — постоянное противоборство везде, где только можно, а на основе *гармонии*, по принципу *«золотого сечения»,* когда 50 % — социалистический уклад, 31 % — «человек — это звучит гордо», возможность самому простому гражданину достичь высокого уровня в своем развитии, и 19 % — всемирность и интернационализм. В противовес антиРоссии — где диктатура олигархии, социальная несправедливость и национализм с перерастанием в нацизм.

Атрибуция позволяет определить следующее.

Новая Россия будет построена людьми, живущими по *Божественным Заповедям*, по *Учению Света*, культивирующими в душе Любовь, людьми, которые ставят на первое место не инстинкты самосохранения и продолжения рода, а, прежде всего, Любовь к Богу, Единение со Вселенной и любовь к людям. При этом нужно помнить, что Любовь — это чувство полного единения с предметом Любви: Богом, родиной или любимым человеком; чувство жертвенности — как бескорыстного стремления жертвовать чем-то своим, личностным ради Бога, родины или любимого человека — и глубокое чувство собственного достоинства — крепкого самоуважения к себе, живущему по *Высшим Принципам*.

Новая Страна будет землей долгожданной победы возвышенной красоты и образцового порядка, действительного равноправия и вольного сотрудничества, у которой впереди — бесконечное знание и развитие, в которой навсегда укоренятся общественное согласие, духовное, психическое и физическое здоровье, открытая радость созидания, активное долголетие, подлинный культ прекрасного,— все, к чему столетиями стремились люди на Земле. Эта страна поведет человечество к *Единству*, к *Вечному Миру* без самодовольного невежества, удушающей тьмы, слепой ненависти, откровенного криводушия и управляемого хаоса, поведенческой низости и банального предательства.

Она будет рождена Духом, явится страной *Нового Духовного социализма*, социализма разумного, гуманного, ноосферного, страной истинного народовластия, страной Разума, страной для людей, для народа, для природы, *для всей Земли*, страной, в которой станут взращиваться и стимулироваться не бесчеловечная конкуренция и эгоизм, принцип «человек человеку волк», не барыши во главе угла, не безудержная погоня за удовольствиями и владычеством, за сверхбогатством и необузданным потреблением, определяемым рыночной рекламой. А станут взращиваться и стимули-

роваться альтруистические ценности — взаимовыгодное и долгосрочное сотрудничество, этический принцип *«человек человеку друг, товарищ и брат»*, деятельный разум, направленный, прежде всего, на пользу народа, общинные, коллективные, кооперативные начала. Новая Страна будет гарантом окончательного прорыва человечества к *Новому Духовному миру*.

История станет *психоисторией*, то есть управляемой, и каждый сделается подлинным ее субъектом. Новая Россия явится страной постепенного восстановления и дальнейшего расцвета советского человека, столько содеявшего хорошего в XX веке,— а значит, и восстановления и расцвета русского, но в его *новоявленном качестве.*

Она станет страной людей, когда гуманитарные технологии будут первенствующими по отношению к промышленным.

Новая Россия явится научно-образовательным обществом *опережающей эволюции* качества человека, качества социального, коллективного разума и качества обучающе-воспитательных систем, в котором комплексное и планомерное воспитание и образование станут основой духовного и материального воспроизведения и развития, а наука как продолжение советской науки будет, наряду с производительной мощью, растущей мощью умелого руководства. Потому и кадровая политика станет иной, направленной на воспитание ученых-энциклопедистов, инженеров-проблемников.

Общество Новой Страны предоставит равные потенциальные возможности для личностного роста и социального лифта любого человека, равные возможности каждому для свободного творческого труда на повышение качества жизни людей, на общее благо народа.

Закон осуществит охрану граждан не только в физической и материальной сфере, но и в духовно-нравственной, осуществит охрану прав людей на развитие.

Подлинный патриотизм, дабы он не превратился, как часто случается, в радикальный национализм со всеми вытекающими отсюда пагубными последствиями, будет основываться на *верховенстве Бога* и на высокой морали.

Общество станет возвышающим каждого, являющим человечеству, находящемуся в разных его частях в той или иной степени постоянного упадка, такой небывалый подъем действенного проявления человеческого духа, беспримерного подвига в культурном и научном творчестве, в созидании, в беззаветном труде как практическом воплощении идеи общего дела, в дружеской заботе о грядущем человечества, которого не знала мировая история.

Ядро общества явится устроенным на диалектическом синтезе рационального ума и этики сердца, когда Любовь будет реализовываться путем гармоничного единения, искреннего добродушия, глубокого сострадания, настоящего милосердия, светлой радости и гражданской активности.

В нем возродится сеть нормальных, а не «болонских», педагогических вузов, на крепкой и проверенной основе лучшей в мире советской системы образования и лучших современных достижений. Продуманная всеобъемлющая доктрина народного просвещения, образования и воспитания, охватывающая наряду со школами всех видов, вузами, организациями переподготовки и повышения квалификации и средства массовой информации, в том числе Интернет, массовую культуру и искусство, а также властные структуры, будет закономерно создана. Добросовестный школьный учитель вновь проявится как одно из важнейших лиц в Новой Стране.

Добиваться успеха в ней станут те, кто любит ее и трудится на ее и народа благо.

В Новой России явится диалектический синтез индивидуального и коллективного, частного и общего, общественного. Во всех существующих направлениях мы увидим работающих высококвалифицированных профессионалов, а не *«успешных менеджеров»* и *«лидеров»*. Любое предприятие, любая фирма будут организовываться не ради извлечения барыша, а для людей, для того, чтобы они могли удовлетворять свои насущные надобности и быть счастливыми. Тогда эти предприятия и фир-

мы станут служить Богу, и потому, как закономерный результат, придут и деньги. В Новой Стране всякий, в том числе и финансовый, успех явится следствием служения *общему благу*, а не результатом корыстолюбивых устремлений и эксплуатации подневольного труда. В ней произойдет освобождение от дремучего невежества. Избыток активности люди будут обращать на развитие разносторонних знаний и красоты, на творчество. Для этого необходимо лишь настойчивое желание, непреклонная воля и верное служение данной мечте!

Такое общество станет *«Обществом Сплетенных Рук»*, в котором даже робот пожелает стать человеком (как в «Звездном корсаре» Олеся Бердника).

Новая Страна поведет все человечество к *лучшему состоянию планеты Земля* не через замкнутую систему баланса мировых сил и хитроумную политику сдержек и противовесов, а через полную и строгую гармонию разновеликих долей, через всемирное, всеобщее братство к *«Эпохе Воссоединенного Мира»,* к *«Эпохе Встретившихся Рук»*.

P.S.

Новая Страна достигнет своего апогея, конечно, не единовременно. Да, это будет постепенная, поэтапная эволюция, которая не оборвется, потому что любая, та или иная остановка на данном верном, эволюционном пути, любой неожиданный поворот вспять станет экзистенционально обозначать бесславную неминуемую смерть, падение в бездонную пропасть, в разверстую бездну, принимая во внимание нынешнее положение России и мира. Явится поступательное и всестороннее развитие при верной общественной конструкции и по мере постепенного и непрерывного совершенствования людей под «защитным куполом» эффективной системы Нового Духовного социализма. Такая комплексная эволюция и есть Жизнь, настоящая Жизнь. Все предшествующие революции и все осторожные продвижения по сему вектору были только прологами, активными поисками верного пути к *Грядущей Эволюции*, воспламенением и сгоранием птицы Феникс для дальнейшего возрождения и бесповоротного триумфа Света. Оттого даже любые промахи на этом маршруте полезны для всестороннего анализа и глубокого осознания, а потому благодатны.

И нынешняя кризисная ситуация в мире доказывает экзистенциальную реальность такого *предикта*. Но, ступив на длинный путь данного неуклонного движения, мы обязаны обладать длинной и мощной волей. Ибо предначертано *Великое Будущее* и никакое былое не выдержит сравнения с ним!

Примечания:

1. Предыдущие статьи цикла:
— «Западная цивилизация — антипод Русской цивилизации»
https://proza.ru/2022/12/10/1769
— «Ударный механизм западной цивилизации. Черный интернационал»
https://proza.ru/2023/03/17/1558
— «Русофобия — это нацизм и расизм» https://proza.ru/2023/06/23/885
— «Доморощенные чужеземцы. Нацистская Украина — западный антироссийский проект» https://proza.ru/2023/09/17/900
— «Чума во время пира. Оксиморон XX века: Русская цивилизация и русский фашизм»
2. Per se (лат.) — в чистом виде.
3. Bona fide (лат.) — добросовестно.
4. Modus agendi (лат.) — способ действия.
5. A totius (лат.) — в целом.
6. Tabula rasa (лат.) — с *чистого листа*
7. Русские народные пословицы.

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Виталий Ковалев
(г. Юрмала, Латвия)

ЛЮБОЛЬ

Окончил рижскую художественную школу имени Яна Розенталя и Латвийскую государственную Академию художеств имени Теодора Залькална по отделению книжной графики. С 1981 по 1991 годы работал старшим художественным редактором издательства «Zinatne» в Академии наук Латвийской ССР. Как художник-иллюстратор сотрудничал с издательством «Polaris», оформляя серии научно-фантастических книг. Работает в области книжной иллюстрации, графики, пастели и дизайна световой рекламы. Имеет публикации в литературном журнале «Нева» (Санкт-Петербург), «Приокские зори» (Тула), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Зарубежные Задворки» (Германия), латвийском журнале Eva&Adam, «Волга XXI век» (Саратов), «West/East», Лос Анджелес, Калифорния, Является членом редакционной коллегии журнала «Волга XXI век». С 2012 года пишет в соавторстве с писателем Олесей Янгол. В издательстве ZA-ZA Publishing (Дюссельдорф) вышли их совместные книги: «Побережье наших грез» и «Дневник Адама».

Посвящается Олесе,
без которой не было бы этой истории.

«На самом деле, в жизни все просто. Есть добро, и есть зло. И если бы добра не было, то и зла бы не было. Выходит — одно без другого существовать не может.А потому, и то и другое принять надо. Добро и зло — это черное и белое. Это два круга. Друг друга касаются, вертятся — жизнь нашу зарождают.

Вот только добра всегда чуточку больше, чем зла. А иначе верчения не будет. Одно другое вести должно. А если б их поровну было, то и жизни бы не было. Оттого добра и больше. А если тебе кажется, что зла больше, то... верь в добро и все тут. Верь в то, что его чуточку больше. И от веры твоей, его как раз и прибавится».

Из озарений Люси Кабачковой

Летнее утро. Из открытого окна доносится аромат олеандра. Его белые цветки, среди пышной остроконечной листвы, замерли на фоне сверкающего моря. Вид из моего окна — яркая открытка с юга.

А какие грозы озаряют дом, когда ночь кажется одним, нескончаемым всполохом бесконечной молнии! Тогда за окном клубится хаос огня, тьмы, воды и ветра. В такие мгновения я чувствую себя свидетелем рождения нового дня — таинства, о котором потом, миллионы лет спустя, будут гадать потомки, знающие о нашем существовании лишь по редким находкам непонятных им артефактов.

Осенью, мое окно тоже — открытка с юга, но только выцветшая, туманная, словно она несколько лет пролежала на солнце в витрине антикварного магазина — выгорела и пожухла. В такие дни с печально-понурых пальм стекают тонкие нити дождя, слышен влажный шелест листвы, волнующий сердце обещанием того, чего еще не было в жизни. В такие дни в окно веет сырой прохладой и хочется, чтобы свежесть моря и ветра пронизывали тебя насквозь.

А как я люблю гулять зимой! Бывают дни, когда только так я могу согреться — до того холодно бывает в доме. На мою зарплату библиотекаря не разбежишься. А тут еще и библиотеку закрыли, и теперь я осталась без работы.

Но сегодня будет жаркий день. И я наслаждаюсь шорохом шагов на дороге, тихими голосами прохожих, сухим шелестом пальм. Здесь, на горе, их мохнатые стволы почернели и словно обуглились от солнечного жара. Я делаю глубокий вдох, и мне кажется, что вдыхаю теплый свет, заливающий комнату.

Выйдя из душа, я налила в термос чай, сделала несколько бутербродов и, сунув их в сумку, сбегаю по ступеням дома. С этого места я всегда оглядываюсь на окно на втором этаже. Там моя любимая комната. Через большое окно открывается вид на море, лесистые горы и бездонное небо. У окна стол со стулом, за ними диван. Верх окна, арочной формы, я заклеила цветными пленками, имитирующими витраж. В этой копии чеховского кабинета в Ялте я написала свою сокровенную книгу, которую, в отличие от маленьких рассказов, печатавшихся в нашей городской газете под псевдонимом — Люси Цукини, подписала своим настоящим именем — Люся Кабачкова. Смотрю на окно, стекло его отражает голубое небо, и знаю, что стопка законченной рукописи лежит на моем столе.

В тени орешника спускаюсь по каменистой дорожке. До чего же это место напоминает мне «свиной лаз» из книги Уильяма Голдинга «Повелитель мух» — текста, построенного на бликах, отсветах и рефлексах. Здесь, конечно, не нужно, как в книге, пробираться на четвереньках, но все вокруг меня точно такое же. Под низкими ветвями тенисто, но солнечные лучи пробиваются сквозь листву, слепят в глаза, вызывая невольную улыбку. Я словно маленькая рыбка плыву в трепещущей от солнечных бликов, прозрачной, теплой тени, пока дорожка не приводит меня на дорогу, а за ней уже виден пляж.

Далеко в море выступает старый, разбитый штормами пирс. На берегу лишь несколько отдыхающих загорают на теплых камнях и обломках поколотых штормом рапанов. Море сегодня тихое, лишь изредка слышны шлепки волн о поросшие тиной камни.

С самого детства я считаю море своим другом. А на горе, что высится над городом, есть еще один мой друг — старый самшит. Говорят, ему более тысячи лет. Я даже не знаю, жив ли он. Его ствол похож на развалины старинной башни. Я люблю обнимать его и верю, что он дает мне силы. Мне ведь так много еще надо сделать!

А то, что нет у меня друга среди людей, это, конечно, жаль. Хотя, может, и хорошо, а то замучила бы я друга своими озарениями. Очень уж многих людей они отпугивают. Так, однажды я поделилась своими мыслями с коллегой в библиотеке, так та на это только и сказала: «Какая ересь!» Но что делать, если именно такая «ересь» приходит мне в голову? И вместе с тем, меня не оставляет уверенность, что ересь моя, если и не абсолютная правда, то хотя бы ее проблеск. А кажущаяся несуразность моих мыслей не случайна, так как истина не может быть явной. Она может ослепить человека, подобно солнечному свету. Вот и является она в шутовских нарядах.

Однажды, здесь же на пляже, я поделилась своими озарениями с человеком, в планах которого было хорошо провести отпуск вдали от дома и семьи. А так как я знаю, что мои мысли отпугивают людей, то решила и в тот день поделиться ими с очередным липучим приставалой. Я знаю, это работает. Когда я совершенно откровенна, вполне могу сойти за городскую дурочку. Но, так уж получилось, что человек этот оказался физиком, и то, что он от меня услышал, его очень заинтересовало. Вот как это было...

Я загорала здесь же на пляже. Он подсел ко мне и начал рассказывать что-то совершенно не интересное. Я рассеянно слушала его, соображая, как бы от него избавиться, пока он не заговорил о муравьях и их повадках. И тут, как это всегда со мной бывает, в голове моей произошла яркая вспышка и, минуя какие-либо размышления, ко мне пришло озарение.

— Хотите знать мое мнение о муравьях? — сказала я, удивляясь тому, что сейчас скажу.

— Да,— опешил он.— Скажите...

— Вот что я вам скажу... Видите, ползет муравей? А вон еще один. А там два муравья тащат что-то.

— Да,— он все еще не понимал, к чему я клоню.

— Так вот, никаких одного, двух или трех муравьев нет. Есть один муравей. Состоит он из всего этого множества муравьев и живет в муравейнике один. Все эти муравьи — это один муравей.

Разве не ересь я тогда сказала? Но тот человек не махнул рукой на мои слова.

— Очень интересно! — оживился он,— но как вы себе это представляете? Как множество может быть чем-то одним?

— Очень просто. Бог триедин — это Отец, Сын и Дух святой. И все это не три разные вещи, а единый Бог! А в мире не только человек, но и все устроено по образу и подобию Божьему. Так что все эти муравьи — один муравей.

— Поразительно! — воскликнул он.— То, что вы сказали, это ведь, почти в точности теория одноэлектронной вселенной Фейнмана! Только, в вашем случае, применительно к муравьям. За это открытие он получил Нобелевскую премию!.. Понимаете?!..

Я-то понимаю! И еще я понимаю, что нет возле меня человека, который относился бы серьезно к тому, что я говорю, снял бы с моих идей шутовские наряды и получил бы Нобелевскую премию, которую мы бы с ним честно поделили. Я ведь сейчас совсем на мели. Возможности Интернета и всеобщее одичание погубили нашу библиотеку. Теперь мне придется искать новую работу.

А деньги бы мне не помешали. Есть же у некоторых миллионы, а то и миллиарды. Мне тоже не помешал бы миллиард. Если бы он у меня был, то, прежде всего, я купила бы хорошую обувь, сделанную специально, на заказ, по ноге. Чтобы было удобно. Потом купила бы тонкое термобелье для зимних прогулок. Нигде не могу найти то, что мне бы понравилось. Что же еще?.. Хм!.. Выходит, миллиард мне совсем и не нужен. У меня и так все есть. Для меня самое главное — это чувствовать себя уверенно и заниматься любимым делом...

Так, сидя на согретом солнцем каменистом пляже, я доедаю бутерброд и размышляю о том, на какую же работу мне устроиться. Есть неплохой вариант — знакомая девчонка, из газетного киоска, посоветовала устроиться на чайную плантацию. Работа, конечно, сезонная, но ведь и мы тут, на этой планете, находимся временно. Думаю, что перебьюсь какое-то время. К тому же, работа на чайной плантации мне интересна. Я знаю это место — оно среди гор. Транспорт туда не ходит, так что жить придется на склоне горы. Красота!.. Это почти как у Джека Керуака в книге «Ангелы одиночества», которую я так люблю.

Я допиваю кофе, закручиваю термос и всей грудью вдыхаю запах морского ветра. Самое время искупаться.

Иду к морю по горячим камням и ищу среди рапанов хоть один, уцелевший. Но шторм все перебил. Чем ближе к воде, тем мельче песок. У самой воды ноги проваливаются до щиколотки. Захожу в воду и почти не чувствую ее, до того она теплая. Быстро доплываю до волнореза, идущего параллельно берегу, обратная волна переносит меня через него в море. Плыву, видя перед собой синее небо, искры света на воде и белый буек. Я обхватываю его руками, чувствую задевающий за ногу скользкий, поросший тиной канат. Теперь можно и отдохнуть. Канат, удерживающий буек, уходит в глубину, и я вижу на дне камни, покрытые рябью солнечных бликов, сверкающую стайку рыб и свою тень.

Я обнимаю буек, как лучшего друга, ведь только с другом можно быть уверенным, что не пропадешь. Хотя, может, и пропадешь, но ведь в жизни нас держит вера.

Мы с буйком покачиваемся на волнах, но пора мне с ним расставаться. Подхваченная волной, я быстро движусь к берегу. Теперь, нужно не порезаться об острые края ракушек — волнорез, со стороны моря, оброс гроздьями мидий. Волна переносит меня через него, несколько взмахов рук, и берег совсем уже близко. На фоне чистого неба высятся темно-зеленые кипарисы, а под ними тянется полоса каменистого пляжа.

Нужно здесь родиться и в детстве облазить все окрестности, чтобы понять, до чего изменилось побережье за последние пятнадцать лет. Автострада, идущая вдоль моря, уничтожила уютный приморский парк и тенистые улочки, которые я так любила в детстве. Кто-то посчитал эти улочки затрапезными, но сколько души в них было! Поэтому и тянет меня либо на дикий пляж, где все так же, как и в годы моего детства, либо в горы. Все тропки там те же, что были в моем детстве. Таким же там все будет и через сотню лет.

Сто лет... Меня тогда уже не будет. Так это странно, когда о тебе помнят через сотню лет! Для этого надо сделать что-то очень большое. Но обо мне, точно, помнить не будут. Все, на что я оказалась способна на сегодняшний день, это написанная мной книга, в необходимости которой очень сомневаюсь. Лев Толстой сформулировал суть произведения искусства так: произведение искусства должно отвечать на вопрос — зачем это нужно? Вот и я думаю о своей книге — зачем это нужно? И кому? Мне-то она была нужна. Только с ней я могла поделиться своими мыслями.

Влажные после купания волосы развеваются на ветру. Иду по улице и представляю себе... Вот пройдут столетия и, кто знает, а вдруг люди тогда будут путешествовать во времени... Эх, жаль, что я не доживу до таких времен! Я бы, например, не отказалась увидеть Пушкина, Льва Толстого, Чехова... Пусть даже с очень большого расстояния. Пусть даже и не увидела, а только бы знала, что вон там, за деревьями, стоит Достоевский. Для меня и это было бы невероятно, что он близко, и я дышу одним воздухом.

А еще интересно, как такой путешественник во времени мог бы выглядеть? Будет ли это мужчина или женщина? А может, он появится в облике ребенка, чтобы никто, ничего не заподозрил? А может, вообще пролетит мимо что-то едва заметное, неотличимое от пчелы и передаст в будущее изображение нашего дня. Тогда и перемещаться сюда не нужно. Кто знает, на что люди будут способны.

И я подумала, что можно поиграть в такую игру: пойти в кафе, сесть за столик и, как только подадут кофе, посмотреть, кто первым пройдет мимо меня по дороге. Это и будет гипотетический «путешественник во времени».

Не удивляйтесь моим глупым играм. Во мне очень много детского. Но я считаю, что это хорошо. Сказано же нам — «будьте как дети». А быть «как дети», это значит смотреть на мир с непосредственностью, которой обладал Адам, увидевший мир впервые. А это ведь так трудно! Пусть кто-нибудь попробует посмотреть, да хоть на траву, как будто он видит ее в первый раз. А ведь именно так и смотрят на мир дети, пока знания не притупят остроту их восприятия. Так и у Бориса Горбатова, в его кни-

ге «Обыкновенная Арктика», есть выражение — «затуманенные опытом глаза». Да, именно, затуманенные... Окружающие нас люди тоже нам примелькались. Вот я и хочу попробовать взглянуть на обычного проходящего мимо меня человека по-новому.

Такие упражнения не пустая трата времени, ведь они способны перенастроить наше восприятие. Вспоминаю, как завораживали меня в детстве новогодние елочные украшения. Я зачарованно смотрела на сверкание граней, на свое отражение в сияющих сферах шаров, с трепетом касалась пальцами шероховатой, белой присыпки, имитирующей изморозь. А теперь я беру игрушку в руки и вижу, из чего она сделана, и вижу, что белая изморозь держится на клею. А дети воспринимают все иначе. Ничего еще не зная о мире, они знают, что все вокруг нас таинственно, и нет в мире ничего, что не было бы тайной.

Так оно и есть — в мире невероятно все. Вот иду я сейчас по аллее и вижу на земле свою тень. Кто-то скажет, что я, всего лишь, оказалась на пути солнечных лучей! Но это еще означает, что я существую! Эта тень — доказательство того, что я нахожусь в нашем мире — крохотной точке света между двумя безднами небытия. Что же это за точка света среди нескончаемого мрака? Что такое — жизнь? Ни один гений человечества не нашел ответа на этот вопрос.

Я иду по тенистой платановой аллее. Под ногами колышущийся узор света и тени. Жар летнего дня все нарастает. Вокруг небольшие киоски, магазины, кафе. Мимо меня проходят редкие прохожие, идущие в сторону моря. Я иду и размышляю, куда же мне зайти, чтобы поиграть в «путешественника во времени». И тут до меня донесся аппетитный аромат кофе.

Двое мужчин, сидящих у входа в кафе под ярким зонтом, оценивающе окинули меня взглядом, неверно поняв мой жест, когда я провела рукой по бедру. Я всего лишь хотела убедиться, что в кармане моих шорт осталась мелочь.

Я заказала кофе и села за столик на террасе, увитой диким виноградом. Здесь, в тени полупрозрачных на свету листьев, так хорошо сидеть и смотреть на проходящих мимо людей. Ветерок овевает лицо и перелистывает страницы романа Милорада Павича, который я достала из сумочки. В кафе я читаю только его. Не такой ли ветерок, что листает сейчас книгу, приносит нам странные мысли и ощущения? Каждый из нас тоже книга, которую листает что-то невидимое.

Что же в такой книге, как я, можно прочитать? Потеряла работу, все мои деньги умещаются в кармане шорт, сижу на террасе кафе и играю в глупую игру.

Наконец, передо мной булочка с маком и кофе. А это значит, сейчас я увижу «путешественника во времени». Все замерло, и выглядит все вокруг совсем по иному. То ли свет какой-то другой, или солнце зашло за облако?

На тротуаре, в тени высоких платанов, загораются и гаснут пятна света. Краем глаза ощущаю какое-то движение за кустами, отделяющими кафе от дороги. Кто-то идет. Я закрываю глаза, делаю глубокий вдох и... смотрю.

На тротуаре, напротив меня, стоит лохматый пес. Он равнодушно смотрит на меня, зевает, и неспешно идет дальше по дороге. М-да!.. Не это я ожидала увидеть. Что же, буду пить кофе и читать любимого Павича.

Странная, все-таки, мысль о такой игре пришла мне в голову! Как к нам, вообще, приходят мысли? Вспомнилось, что в детстве я очень удивилась, узнав, что, по представлениям древних греков, все мысли людям даются Богами. До чего же были отсталые эти древние греки! — думала я, ученица третьего класса. Ведь даже мне, маленькой девочке, было понятно, что все свои мысли я *думаю* сама. Правда, порой ко мне приходили мысли, которые мне не нравились. Я гнала их от себя, но стоило мне забыться, как они снова были тут как тут. Они приходили откуда-то снаружи и, уж точно, были не мои. Так что со временем у меня возникло подозрение, что не совсем неправы были древние греки.

Например, почему мне пришла в голову идея игры в «путешественников во времени»? Почему я стала думать об этом? Кто или что внушило мне эту мысль? И зачем? Конечно, мне могут возразить — глупенькая, успокойся, уж тебя-то, Люсю Кабачкову, разглядывать пришельцы из будущего не будут. А что касается гениальных ученых и писателей, то они как раз и были творцами своих идей.

Что мне на это сказать? Я вспомнила об ахматовской Музе, той, что «Данту диктовала», о великом Дмитрии Менделееве и его периодической таблице химических элементов, приснившейся ему во сне, но меня отвлек смех, раздавшийся рядом.

Пока я размышляла обо всем этом, за соседним столиком расположилась компания. Всем им лет по восемнадцать, одеты прилично, светловолосые и чем-то похожие, словно родственники. Один из них, высокий, с чуть всклоченными волосами, как у невыспавшегося геймера, что-то рассказывает, а остальные, придвинувшись к нему, внимательно слушают. Голос его проникновенен, но чувствуется в нем твердость. Явно лидер в их компании. До меня доносятся обрывки фраз, смысла которых я не могу понять. «Может, секта какая-нибудь?» — подумала я. Сейчас их столько развелось.

Я допила кофе, хотела уже уходить, но геймер-полуночник повернулся ко мне.

— Вас, кажется, заинтересовал наш разговор? — спросил он с улыбкой.

Говорил он с едва уловимым акцентом, как-то странно растягивая гласные.

Я внимательно к ним пригляделась и только сейчас заметила среди них девочку. Она явно моложе остальных в этой компании, хотя волосы у нее такие же светлые. Мне показалось, что чертами лица она мне кого-то напоминает, а потом поняла — да она же похожа на меня! Но только на ту, какой я была лет десять назад, когда мне было пятнадцать лет. Ей больше и не дашь. Светленькая, худенькая, этакая — юная Сонечка Мармеладова из романа Достоевского. На ней яркая маечка в желтую и белую полоску, голубые джинсы, красные кеды, с виду — очень крутые и необычные. Вся она очень яркая и праздничная.

Сонечка смотрит на меня с любопытством и, похоже, ждет, что же я отвечу. Перед ней, на столике, как и передо мной, книга. Мне удалось прочитать название на обложке — «Лагом и Хюге». Ах, вот оно что!.. Не об этом ли они говорили?

— Я вас совсем не слушала,— говорю я,— но если вы хотели посекретничать, то стоило бы выбрать другое, не столь людное, место.

— Нет-нет, вы меня не поняли. Я подумал, что, может, вам было бы интересно присоединиться к нам, ведь то, о чем мы говорим, очень важно для каждого человека.

— Охотно верю. Но, к сожалению, мне пора идти.

— Мы говорим о счастье,— продолжил он,— а вернее, о возможности быть счастливым в любой момент нашей жизни. И возможность эта доступна всем. Задумывались ли вы над тем, что люди живут неправильно? Слышали ли вы о таких вещах, как лагом и хюге?.. Это скандинавские методы достижения чувства счастья.

— Здесь у нас не Скандинавия. Здесь очень жарко.

— А разве у вас не бывает зимы, не бывает промозглой осени и одиночества? Разве не бывает дождливых дней и штормов? Лагом и хюге позволяют человеку быть счастливым в самый мрачный день. Если вы понимаете лагом, то на сердце у вас всегда будет тепло. Представьте — осень, снег и ветер пронизывают вас. Вы замерзли, промочили ноги, но, наконец, добрались до дома. Вы ставите чайник, завариваете кофе и, завернувшись в плед, согреваетесь чашечкой кофе. А за окном холод и ветер, на душе же у вас тепло и спокойно. Вы понимаете меня? Это и есть лагом, известный в Скандинавии очень давно.

Странные какие! И что это они так внимательно смотрят на меня? Сидели бы да говорили о своем. Зачем им надо включать меня в свой разговор?

— Я работаю в библиотеке,— сказала я,— и об этих скандинавских учениях знаю. Кстати, вас я в нашей библиотеке что-то не видела. Теперь по теме... Вы при-

зываете ценить каждый миг бытия. Все очень правильно, но вряд ли вы сообщили мне что-то новое.

Сонечка не сводит с меня глаз. Ее рука лежит на книге и чуть подрагивает. Если бы не жара, я бы подумала, что ей холодно.

Я встаю, думая уже уходить, но меня останавливает ощущение, что я должна что-то сказать. И сказать это я должна ради этой девочки. Все остальные мне не интересны.

— Но если вы знакомы с лагом,— не выспавшийся геймер окинул всю свою компанию значительным взглядом,— то вы согласны, что метод этот следует применять в жизни?

Он так тянет гласные, что я едва его понимаю. Что-то в его облике все больше и больше злит меня. А теперь еще и это словцо — «метод». Не знаю, чем он меня зацепил, но чувствую, что «включилась Люся Кабачкова», способная сокрушить все, что угодно, включая саму себя.

— Вы за то, чтобы жить по принципу лагом? — настойчиво повторяет он.

— Да, я за то, чтобы народу впаривали всяческие книжоночки, в которых рассказывается, как быть счастливыми — всякие лагом, и хюге, арбайтены, и сису. Пожалуйста, читай, народ, впитывай, становись счастливым по книжечкам. Будь спокойным, добрым, благополучным! Но есть другие люди. Они не интересуются всем этим. Они живут по своим собственным правилам. И я предпочту быть среди них, а не среди толп счастливых, довольных, ровненьких, благополучненьких...

— А что это за люди? — спрашивает он.

— Они — мятущиеся, недовольные жизнью. Они падают вниз и взлетают вверх. И все вы — благополучные, довольные жизнью, будете смотреть на них, восхищаться ими... И вы никогда не достигнете их уровня! Потому что вы начитались этих книжонок, которые сделали вас такими ровненькими, миленькими, хорошенькими, благополучненькими и... похожими друг на друга. Но есть иные люди, и они будут проплывать над вами, далеко-высоко. А вы будете наблюдать за ними, разевая рты. И может быть, кто-нибудь из вас попытается достигнуть их уровня, но, увы... Книжечки вам в руки, дорогие мои! Пледики, чашечки кофе, подоконники с подушечками и свечечки... Пожалуйста, смотрите в окошко. Грейте руки чашечками. Но там, в бушующем небе, где грозы, где мятущиеся облака, несется гений, не замечая никого и делая свое великое дело!..

Наступила тишина. Все они сидят и молча смотрят на меня. Я столько энергии вложила в свою тираду, что совершенно обессиленная опустилась на стул.

— Как замечательно вы все это сказали! — восхищенно произнес невыспавшийся геймер.— Но мы же никому не желаем зла. Мы же совершенно безобидны.

Когда я, обессиленная, опустилась на стул, то подумала — и чего я, собственно, на них накинулась? Как тут не подумать, что я чокнутая. Но после его слов я снова закипела...

— Это все не так безобидно,— говорю я, утомленно закрыв глаза.— Лагомщики самые опасные люди на свете. Потому что, живя в своей философии лагом, они являются самыми большими эгоистами по отношению к окружающим. Они любят себя, свой личный комфорт, свою любимую чашечку кофе, свои любимые пирожные. Типа, пошли вы все на фиг!.. Я буду один наслаждаться своим уютом, своим комфортом, а вы будете проходить мимо, по ту сторону оконного стекла, холодные, замерзшие, а мне плевать на вас! Вы всего лишь фон для меня. А я сижу здесь, мне хорошо и тепло. Играет хорошая музыка, мне подносят кофе, булочку с корицей... Как хорошо жить на свете! Как прекрасен этот лагом! Нет! Это не для меня!..

Произнеся последнее слово, я как бы вышла из глубины самой себя и увидела, что компания словно «испарилась» и осталась сидеть за столиком только светловолосая девочка, очень похожая на меня в юности. Взгляды наши встретились, и мне показалось, что, возможно, она, все же, чуть старше, чем я думаю.

— Так что же,— сказала она мне с улыбкой,— читать мне эту книгу или нет?

Ее речь тоже была необычна, все тот же акцент, но не такой сильный, как у того парня.

— Я, кажется, немного переборщила,— говорю я ей.— Иногда меня заносит. Честно говоря, тут все сложнее. Я была права и неправа, одновременно. И лагом, и хюге — все это выработано столетиями, чтобы люди могли выживать в сложнейших климатических условиях. Скандинавы выработали это интуитивно. Это условие выживания и сохранения уюта в доме. Там, где снега и холод, не так благостно, как за столиком в этом кафе. Не нравится мне, когда такие вещи становятся модными учениями, теориями. А книжку эту, конечно, прочитай.

— Они мне вовсе не друзья. Я познакомилась с ними сегодня в парке. Я ведь здесь всего второй день.

— Ты приезжая? Из санатория?

— Нет. Не из санатория. Я поселилась тут... неподалеку,— и она неопределенно махнула рукой.— А сегодня мне захотелось прогуляться, посмотреть этот город. Их вот и встретила. А здесь есть что-нибудь интересное? Какие-нибудь достопримечательности...

— Для меня здесь все интересное, потому что родное. Достопримечательностей особых нет. Но у меня есть свои собственные достопримечательности, о которых никто кроме меня не знает. Если хочешь...— я чуть замялась, раздумывая, стоит ли говорить это, но все же сказала,— могу тебе показать. Сегодня я совершенно свободна. Планов никаких нет.

— Правда? Свободна?

— Ты и не представляешь, до чего я свободна. И одета ты тоже подходяще. Была бы в босоножках, я бы не предложила тебе такое путешествие.

— А надо будет куда-то карабкаться?

— Нет, просто дорога каменистая, но твои кеды будут в самый раз.

Мы встали одновременно, и тут только я заметила, что она совсем налегке, даже сумочки у нее нет. Она стоит и в нерешительности вертит в руках книгу.

— Хочешь, положу в сумку? — предложила я.

Она покачала головой.

— Оставлю ее здесь, на столике,— сказала она и добавила.— Я не буду ее читать. А кому-нибудь другому она пригодится.

Мы идем вверх по дороге, среди высоких платанов. Я чувствую ее рядом с собой, чувствую близость ее локтя. Время от времени мы с интересом поглядываем друг на друга. Как быстро и неожиданно все произошло. Еще полчаса назад я и не думала, что с кем-то еще проведу этот день.

— А как тебя зовут? — спрашиваю я.— Мы с тобой так и не познакомились.

В тот момент, когда я задала ей вопрос, она рассматривала пятнистый, словно географическая карта, ствол платана.

— Лиана,— отвечает она.

— Лиана?

— Да.

— Какое необычное имя! Ты иностранка?

— Нет.

— Но какой-то акцент у тебя есть. И я никогда не слышала такого имени. Меня зовут проще — Люся. Правильнее, конечно,— Людмила, но Люся мне больше подходит. Разве не так? — усмехнулась я.

— А чем ты занимаешься, Люся?

— Чем я занимаюсь?.. Написала книгу, но не знаю, понравится ли она людям. Ты меня сегодня уже слышала. А люди, они... сама знаешь, какие.

— А какие они?

— У тебя есть телефон?

— Телефон? — удивилась она.— Конечно. А зачем?

— У тебя там, наверняка, должна быть функция диктофона. Включи. Я тебе сделаю подарок, на память,— скажу, что думаю о людях. Обычно я такое записываю в блокнот. Включай, пока я не забыла.

Она достала из кармана джинсов свой телефон и протянула мне. Я не видела еще такой модели — маленький и плоский, как кредитная карта и, кроме того, совершенно невесомый. Когда я взяла его в руку, он стал прозрачным, сквозь него я увидела свою ладонь. Но я попыталась сосредоточиться на том, что хотела сказать:

— Люди думают, что они венец творения,— начала говорить я, приблизив телефон к губам.— И все лишь потому, что они могут что-то создавать, думать, чувствовать. Люди полагают, что камень не думает, не чувствует. Они думают, что он мертвый. Человек поставил себя на вершину пирамиды, а все остальное — далеко внизу, и так до земли. А земля — это просто земля.

Но чем человек занят с тех пор, как появился на земле? Выживанием. А в чем оно заключается? В захватничестве и защите от захватничества. Но давай теперь посмотрим в микроскоп. Мы увидим клетки. Их много, этих клеточек. И вот, одна из них приближается к другой клетке, и если она сильнее, поглощает более мелкую клетку и становится больше. Потом на эту клетку надвигаются другие клетки, и так они друг друга поглощают, и в процессе этого получается большая-большая клетка...

А что мы видим в раковине, когда моем посуду?.. Мы видим капли воды. Но вот одна капля соприкоснулась с другой и поглотила ее. С ней сливаются другие капли, и получается еше большая капля. Как видишь, и здесь происходит захватничество. Так что же такое — человек? Человек — это та же самая клетка, та же самая капля, и живет он в своей повседневной жизни по тем же самым законам...

А что у нас происходит среди животных?.. Тоже, одно пожирает другое. А что в космосе? Что мы там видим? Мы видим, что черные дыры поглощают целые Вселенные. И там тоже все основано на поглощении... Вот он механизм жизни — единый для всего. Только лишь формулу надо найти... Нужно подвести к формуле — к буковкам, которые только гений знает. Извините, тут уж я не властен... Все...

Я рассмеялась и передала телефон Лиане, забыв, что хотела его рассмотреть. Она же стоит и смотрит на меня с улыбкой.

— Люся, спасибо! Ты не представляешь, какой подарок ты мне сделала! Ты подарила мне свой голос! Я сохраню его.

— Да ладно,— махнула я рукой.— Это так... Эстрадный номер. Ты телефон далеко не прячь. Может еще что-нибудь в голову придет.

— Значит, по-твоему, человек не венец творения?

— Венец, но только в двух случаях — когда любит и когда сострадает. В остальных случаях он капля, клетка, животное и черная дыра, так как живет по их законам.

— Тебя так интересно слушать!

— В первый раз вижу человека, которому это интересно. А мне интересно, откуда все это приходит в мою бедную голову. Может, когда-нибудь, в будущем, люди это узнают.

— А ты обратила внимание на свои последние слова? Ты так странно закончила.

— А как я закончила?

— Ты сказала — «Тут уж я *не властен*»!.. Заметила? И говорила ты так, словно не мне одной, а множеству людей. Было такое чувство, как будто не ты говоришь, а кто-то другой, но через тебя.

— У меня уже мурашки пошли! Может, я одержима? Может, правы мои коллеги по работе и я действительно сумасшедшая? Может, и ты мне только кажешься, а на самом деле я говорю сама с собой?

— Чувствуешь? — Лиана касается моей руки.— Я совершенно реальная. И мысли твои очень интересные, а откуда они приходят, неважно. Может, когда-нибудь, в будущем, люди это узнают.

— Почему я так часто думаю о времени и о будущем? О том, что там будет нового, неожиданного. Ведь сколько было фантастов и сколько предсказаний они сделали! Тут и полеты на Луну, и подводная лодка, и лазерный луч... Ты не представляешь, какие невероятные прозрения были у Жюля Верна. В своем романе о полете на обратную сторону луны, он предсказал, что первыми на Луну полетят американцы. Но это еще не все. В этом же романе он предсказал, что запуск ракеты будет произведен (ты только вдумайся в это!) с мыса Канаверал! И это он писал в девятнадцатом веке!.. Но в то же самое время ни один фантаст не предсказал совершенно очевидную вещь — мобильный телефон! Казалось бы, это так легко. Надо же людям говорить на расстоянии. Так и сейчас, есть какая-то мелочь, простая и очевидная, о которой не могут додуматься современные фантасты.

— А ты хотела бы узнать, что будет на Земле через сотни лет?

— Пожалуй, нет. По этой же причине я не люблю считать, сколько раз прокуковала кукушка. По-моему, ничего радостного в таком знании нет. А тем, кто хотел бы увидеть будущее, я бы сказала так... Если хотите узнать, что будет через двести лет, вернитесь на двести лет назад и умножьте все увиденное на два. А пока будете умножать, бросайте все и неситесь обратно в свое время, в свой день и час. И когда вы окажетесь в своем любимом кресле и услышите знакомые звуки и скрипы собственного дома, постарайтесь забыть все, что увидели. И возрадуйся тому, что голова ваша пока еще на плечах. И вообще, оцените, что, проникнув в непроницаемое, вы вернулись живым и невредимым.

— О! Тут и река есть! — воскликнула Лиана.

Действительно, разговаривая, мы дошли до реки, протекающей через наш городок. Сейчас она не такая полноводная, какой бывает весной и осенью. По выжженным солнцем ослепительно белым камням бегают загорелые мальчишки и с легкостью перепрыгивают через шумный поток. Мы переходим через мост и идем дальше, вверх по дороге, но шум потока долго еще слышится за нашими спинами.

Духота нарастает и хочется поскорее попасть в тень. Дорога сворачивает влево и круто поднимается в гору. За садовыми деревьями видны редкие одноэтажные дома, но вот и они обрываются и начинается совсем уж крутой подъем в гору. По обеим сторонам дороги высятся ели. Лиана приходит в восторг от огромных шишек, которые видит под деревьями — каждая величиной с кокосовый орех.

— Я никогда не видела таких шишек! — она удивленно смотрит на меня.— У нас таких нет.

Лиана поднимает шишки с земли, рассматривает и снова кладет на землю. Мне хочется спросить, а где это — *у нас*, но я не люблю лезть к людям с лишними расспросами.

Дорога постепенно превратилась в тропу и свернула в глубину самшитовой рощи. Теперь, когда мы обернулись и над вершинами деревьев увидели море, мы осознали, как высоко поднялись. Море слепит глаза, словно зеркало, отражающее солнце.

— Как мы высоко! — шепчет Лиана.— У меня даже кружится голова!

— Давай чуть отдохнем. Можем вон там посидеть,— показала я на ствол поваленного дерева, поросший мхом.

Две белые бабочки вспорхнули с него и, кружась, унеслись в глубину леса. Над нами едва слышно шумят деревья. Стволы самшитов высятся вокруг нас, среди ветвей вспыхивают солнечные лучи, пробившиеся сквозь листву.

— А змеи здесь есть? — спрашивает Лиана.

— На черноморском побережье ядовитых змей нет.

— Это хорошо,— она чуть помолчала и, как-то нерешительно, спрашивает.— А что это за книга, которую ты написала?

— Интересный вопрос,— вздохнула я.— Случалось ли с тобой, что ты ни о чем не думаешь, ничего особенного не делаешь и вдруг тебя охватывает чувство счастья? И исчезает оно как только ты начинаешь его осознавать. И ты пытаешься понять — что это было? Может, пришла какая-то приятная мысль? Но нет, не было никаких мыслей. Так что же это было? Тот же мир вокруг, все так же, но чувства этого нет.

— Со мной такое бывало. И что же это?

— Я поняла, что происходит в такие мгновения. Вот на что ты сейчас смотришь?

— На тебя.

— А ты видишь сейчас деревья, небо, море вон там за ветвями?

— Да, вон деревья, небо и море вижу.

— Но ты обратила внимание, что когда ты видишь деревья и море, то ты уже не видишь меня. Наш взгляд всегда фокусируется на чем-то одном, а все остальное мы видим боковым зрением, либо не видим вообще. Мы не можем увидеть все сразу. И наше мышление устроено точно так же. Мы не можем думать сразу обо всем. Наши мысли переходят от одного к другому. Этакая цепочка мыслей. И по этой причине мы не можем увидеть мир таким, какой он есть на самом деле.

Но что же происходит в те моменты, когда нас охватывает внезапное чувство счастья? В нас происходит сбой, аномалия. Нет, мы не начинаем думать сразу обо всем, и не начинаем все сразу видеть. Но мы начинаем все сразу *чувствовать*. Понимаешь? В эти редкие мгновения мы чувствуем мир во всем его единстве. Но длится это только одно мгновение. Этим же свойством обладают дети. Находясь в бездумном, медитативном состоянии, они воспринимают все сущее как единое целое. И небо, и солнце, и папу с мамой, и игрушки свои, и братьев, сестер, и книги, и траву, и запахи вокруг себя, и стрекот кузнечиков, и даже зуд от царапины на коленке — абсолютно все они чувствуют как единое целое. И если это происходит, то человек испытывает необычайное чувство, которое принято называть счастьем. Понимаешь меня?

— Да.

— И вот, меня заинтересовало — если чувство полноты жизни нам доступно только при восприятии мира как единого целого, то это значит, что для того, чтобы отразить в литературе полнокровную реальность, нужно писать совсем по-другому. И Вирджиния Вульф считала, что нельзя отразить полноту жизни и чувства человека, используя прежние методы письма. Нужно отражать сразу все — мысли, чувства, зрительные импульсы, рефлексы... А это сложнейшая задача. Ведь сама природа построения фразы имеет свои законы. Фраза имеет строение, порядок слов, протяженность во времени. Фраза, текст существуют в определенной системе координат. Чтобы прочитать фразу от начала до конца, нужно уже затратить время. Как же выйти за пределы времени и пространства?..

И Уильям Фолкнер думал об этом. Он ставил перед собой сверхзадачу — отразить в периоде текста прошлое, настоящее и будущее. В его фразе сконцентрирован миг, который и есть вечность. Получалось ли у него? Фолкнер говорил, что каждый его роман — это «блистательное поражение». А блистательное оно, потому что он ставил перед собой сверхзадачу. По этой причине он осуждал Эрнеста Хемингуэя, ставившего перед собой только посильные задачи. Вот, Лиана, небольшой проблеск того, о чем я думала, когда писала свою книгу. Она о любви и о боли, которые тоже являются единым целым. Так я свою книгу и назвала — «Люболь». Но меня тоже постигло поражение.

— Ты слишком строга к себе. Я уверена, что твоя книга представляет интерес.

— Может и представляет, но это все не то. Это не то, к чему я стремлюсь. Понимаешь, я хочу найти формулу.

— Уверена, Люся, что ты найдешь ее.

— Я не уверена в этом.

— Ты мне поверь. Я обладаю даром ясновидения,— Лиана засмеялась, коснувшись моего плеча, словно смахивала с него что-то.— Правда.

— Кто сейчас не ясновидящий, Лиана! Но тебе я верю. Ты даже не представляешь, как я тебе верю!.. Наверное, потому, что мне необходимо, чтобы кто-то сказал мне доброе слово. Мне поддержки не хватает больше, чем денег, которых у меня нет. Все в моей жизни такое неопределенное. Я не понимаю, как жить дальше. Я живу с ощущением, что какая-то сила ввела меня в этот мир и пустила, как стрелу. Но я не знаю, куда лечу. Цель, к которой я стремлюсь, мне непонятна.

Лиана сидит рядом со мной и, склонившись вперед, подталкивает травинкой муравья, бегущего по земле.

— Иногда думаю — с моим ли именем и с моей ли фамилией замахиваться на что-то значительное. Люся Кабачкова... Смешно!.. А все мои идеи, все мои прозрения, кто знает, может, просто ересь, не стоящая ни гроша! Пустяковая игра.

— А ты никогда не думала, что твое имя и твоя фамилия даны тебе не случайно.

— Зачем же они мне даны?

— Для того, чтобы тебя спрятать. Чтобы никто тебя не тронул, не помешал,— и, повернувшись ко мне, она серьезно посмотрела в глаза.— Хочешь узнать свое будущее? Я, правда, немножечко ясновидящая.

— Не хочу! Особенно если ты, и вправду, ясновидящая. Не думаю, что впереди будет что-то хорошее.

— И все-таки... Давай, сделаю тебе свое... предсказание.

— Ну, ладно. И что же дальше будет в моей жизни? Все плохо или хорошо?

— Плохорошо.

— Понимаю тебя.

— Так вот, слушай... Ты будешь продолжать писать. Будешь мечтать написать большую, настоящую книгу, но закончится это плохорошо.

— С этого места, пожалуйста, поподробнее,— улыбнулась я.

— Ты не добьешься того, к чему стремишься. Я имею в виду литературу.

— Теперь я тебе верю! Ты настоящий пророк.

— Но ты добьешься гораздо большего. Но совсем в другой области.

— Это чего же?

— В какой-то момент окажется, что *формула*, которую ты найдешь, окажется уже не литературой. Получится так, что ты, летящая, как стрела, попадешь в цель, но цель будет совсем не тем, что ты ожидала.

— Хм! Хоть во что-то я, все таки, попаду... Хоть что-то у меня получится.

— Уже получилось... Все уже там,— Лиана неопределенно махнула рукой в сторону то ли неба, то ли гор.— Все уже сбылось. И имеет отношение не к литературе, а ко времени и пространству. И даже к тому, что я сейчас сижу рядом с тобой. Только ты должна верить в себя. У тебя будет очень долгая жизнь. И когда-нибудь ты улыбнешься, вспомнив былую Люсю Кабачкову.

— Я рада, что встретила тебя,— сказала я Лиане и обняла ее, почувствовав себя совсем маленькой.— Никто меня не понимает и для всех я чужая. Но... не обращай внимания. Хватит об этом. Лучше посмотри на эту дорожку. Это туристическая тропа. Сейчас мы пройдем по ней чуть дальше, а потом сойдем с тропы. Делать это не рекомендуется, но иначе нельзя увидеть мое сокровенное убежище. О нем никто не знает. Ты будешь единственным человеком, которому я покажу его.

И мы идем дальше. Слева от нас высится отвесная скала, а с другой стороны, за кустами, пропасть. Мы не видим ее, но чувствуем, глядя на верхушки деревьев, растущих далеко внизу, в глубине ущелья.

Дорожка, по которой мы идем, расширяется, в лесу становится сумрачней и про-

хладнее. Впереди слышен шум потока. Теперь наш путь пролегает между огромными, в рост человека, валунами. В одном месте промежуток между камнями такой узкий, что полному человеку здесь и не протиснуться. В детстве я боялась этого места. Мне чудилось, что камни, тысячи лет пролежавшие неподвижно, вот-вот сдвинутся и раздавят меня. Почему бы, думала я, когда-нибудь не произойти этому? И почему бы этому «*когда-нибудь*» не случиться именно теперь? И я, чувствуя, как учащенно бьется мое сердце, всегда приостанавливалась в этом месте и очень резко чувствовала, что я живая и такая хрупкая...

Я оглянулась на Лиану. Она идет за мной, чуть касаясь руками поверхности исполинских камней, и с интересом рассматривает их. Я подождала ее и показала на мостик, перекинутый через шумный поток. Он несся среди обломков расколотых камней, усеявших узкое пространство между скалами. Слышно, как чуть ниже по течению шум воды стихает — там она, водопадом, низвергается с отвесного обрыва, и шум ее глохнет в глубине пропасти.

— Когда была маленькая и заходила на этот мостик,— сказала я,— мне чудилось что-то первобытное в этом пространстве между скалами. Казалось, что здесь все так же, как миллионы лет назад. Сойдя с этого мостика и идя вдоль потока между скал, можно оказаться в прошлом. Никто не спускается сюда, все идут дальше по тропе. Ни у кого не возникает желания пройти по узкой кромке, между водой и отвесными скалами, чтобы посмотреть, что там, за поворотом. А я однажды это сделала. И обнаружила кое-что необычное. Скоро ты это увидишь.

Лиана смотрит на поток, на узкую полосу каменистого берега, а я все еще раздумываю — стоит ли ее вести сюда. Ведь она может поскользнуться на острых камнях.

— Держись как можно ближе к скале,— наконец, говорю я ей.— Иди за мной, след в след, по тем же камням. Они очень неустойчивые и на мокрые камни не наступай.

— Я пойду по твоим следам.

— Спускаемся вот тут,— показала я ей место у моста.— Будь осторожна!

Переступая с камня на камень, я стала спускаться под мост.

— Да, тут как в прошлом,— сказала Лиана, остановившись у шумящего потока.— Я прямо таки чувствую, как за тем поворотом притаилась страшная рептилия.

— Сейчас увидишь, что за поворотом.

Чем дальше мы идем, тем громче шум воды. Он наполняет пространство между скалами, заглушая наши голоса.

— Там что, водопад? — кричит за моей спиной Лиана.

— Сейчас сама увидишь. Такое ты никогда не забудешь.

У поворота за угол скалы участок каменистого берега особенно опасен. Пару раз я тут падала в воду, но Лиана оказалась более ловкой, чем я думала, и прошла очень ловко.

Зайдя за поворот, мы остановились. Прямо перед нами с отвесной скалы падает вода и с грохотом разбивается о камни.

— Как же мне это нравится! — восторженно кричит мне на ухо Лиана, ее лицо, руки и шея покрыты капельками водяной пыли.

— Это еще не все. Идем дальше.

— Дальше? — удивляется она.

— Между водопадом и скалой можно пройти. Там, за падающей водой, вход в пещеру. Сейчас мы туда пройдем.

Каменный карниз между падающей водой и отвесной стеной, по которому мы продвигаемся к пещере, около метра шириной. Держась за руки, мы идем по нему и оказываемся у входа в пещеру, гулкое пространство которой уходит в глубину скалы. В центре пещеры лежит толстая коряга. Много лет назад я нашла ее у потока и затащила в свое укрытие.

— Здесь прямо можно жить! — с восторгом произнесла Лиана.— Ты думаешь, никто не знает про это место?

— В детстве я делала растяжки из ниток, чтобы проверить, ходит ли здесь кто-нибудь. Нет, никто об этой пещере не знает. Ведь и ты не заметила ее за падающей водой.

— А как ты нашла это место?

— Я, наверное, открыватель.

— Спасибо, что показала мне свое тайное место. Такое, действительно, не забыть!

— Давай присядем. Представляешь, как я эту корягу тащила сюда!.. Боялась, что свалюсь в воду.

Мы сидим на толстой ветви, омытой потоком до идеальной гладкости, и смотрим на падающую перед нами воду. В глубине пещеры, за нашими спинами, темно и лишь на стенах подрагивают отблески света.

— Даже думать здесь ни о чем не хочется,— тихо сказала Лиана.— Все мысли куда-то... улетели.

— Да, здесь именно так. Но, знаешь, я могу приходить сюда и мысленно, когда засыпаю. Просто закрываю глаза и оказываюсь здесь.

— А как так получилось, что у тебя нет друзей? Ты же такая общительная. Меня, совершенно неизвестного тебе человека, ты не оставила там, в кафе, взяла с собой. То, что я нахожусь здесь,— доказательство того, что ты любишь людей.

— Я первый раз встретила человека, который мог бы быть моим другом. Вот еще немного привыкну к тебе, и мне будет грустно с тобой расставаться.

— И я не люблю расставаться. Но что поделаешь. Мы живем так далеко друг от друга.

— Я встретила тебя, и что-то изменилось в моей жизни. Ты подбодрила меня. И посидела рядом со мной в моей тайной пещере. Мы могли бы быть подругами... А правда, где ты живешь?

— Я живу на севере. Очень далеко. Да ты и города такого не знаешь,— говорит Лиана.

— Ты кажешься мне нереальной.

— Хочешь, потрогай меня и убедись, что я настоящая. Видишь, даже вспотела от жары,— улыбнулась она.

— Да, ты реальная. Еще немного и мне будет очень трудно с тобой расстаться.

Лиана чуть помолчала и спросила:

— А где твои родители?

— Они умерли. Я совсем одна.

— Одной не очень то хорошо.

— Я пишу. Мне некогда грустить.

— Жаль, что я тут ненадолго. Оставь мне еще свой голос. Есть у тебя еще какое-нибудь озарение? — спрашивает Лиана, доставая телефон.

— Я не знаю, что тебе сказать,— говорю я, глядя на падающую перед нами воду.

— Просто что-нибудь. У меня будет еще твой голос.

— Ну что же, пока мы сидим и смотрим на обратную сторону водопада (звучит совсем, как в книгах Милорада Павича), поделюсь своими мыслями. Только хочу попросить тебя — закрой глаза. Откроешь их, когда я скажу тебе. И тогда ты увидишь такое, что не забудешь никогда. А теперь слушай...

В этой древней пещере я хочу рассказать о Еве. Той самой древней Еве. Очень старая история. Спроси любого — что совершила Ева? Тебе расскажут о яблоке, о змее-искусителе и, рассказывая, у человека будет ощущение, что рассказывает он какую-то ветхую легенду. Но что же в действительности совершила Ева? Ведь ее поступок повлиял на всю историю человечества. Объясняя, придется выразить невы-

разимое, а сделать это можно только образно. Так вот, если мы посмотрим на тот древний мир глазами художника, то увидим много-много цветов. И все цвета друг с другом уживаются, перетекают друг в друга, и снова берут друг из друга начало. В Раю была всеобщая гармония. Не только лев и агнец лежали рядом, но и все цвета не имели границ, перетекая друг в друга.

И что же сделала Ева? Она взяла и все цвета поделила. Темные цвета — в одну сторону, а светлые — в другую. И когда цвета на каждой стороне смешались, получилось черное с одной стороны и белое с другой. Иными словами, Ева разделила свет и тьму. Она и Адаму показала — вот это — белое, а это — черное... Это хорошее, а это плохое... А ведь до этого они жили в многоцветии, невинности и незнании добра и зла. Вот что сделала Ева... А теперь открой глаза, и ты увидишь мир, где нет разделения на свет и тьму...

То, что я хотела показать Лиане, нужно было увидеть сразу. Я была убеждена, что это поразит ее, как поразило меня еще в детстве, когда я увидела это впервые. В тот день я пришла в пещеру и долго сидела, закрыв глаза и слушая шум водопада. Полусон и странное оцепенение охватили меня. И вдруг я открыла глаза. Все пространство пещеры вокруг меня было охвачено вихрем сверкающих золотых стрел, пронизывающих струи воды. Только потом я поняла, что в этот миг солнце отразилось от зеркально гладкой поверхности скалы напротив водопада. Вспышка света ударила в падающую воду, пробилась между струй тончайшими лучами, преломленными водой — золотыми, розовыми, голубыми, зелеными...

Лиана смотрела на вибрирующий свет, наполняющий пещеру, и молчала. А потом посмотрела на меня и прошептала:

— Это чудо!.. Такая красота, что и вправду, как в Раю.

— С самого детства я чувствую себя наполненной светом. Я знаю, что свет этот чудесен и может наполнить и другие человеческие души. Но для этого мне надо найти правильные слова. И еще... Ты, наверное, права. Я зря ставлю перед собой какие-то надуманные задачи. Не надо этого делать. Надо не умствовать, не рассуждать, а следовать своей природе, как ручей течет со склона горы, как падает эта вода, разбивается о камни и стремится дальше. Да, жизнь — это не формула, а предельная простота, ясность.

Свет, пронизывающий струи воды, стал жемчужно-дымчатым, серебристым и мягко погас, словно его и не было вовсе, а все, что мы видели, было чем-то пригрезившимся нам. Мы сидим еще какое-то время в потемневшей пещере, думая каждый о своем.

— А что еще интересное ты мне покажешь? — спрашивает Лиана.

— Да, пойдем дальше. Но только не туда,— говорю я, увидев, что она встала и направилась к выходу из пещеры.

— А куда же?

— За нами, в глубине пещеры, есть ход. Там можно подняться наверх и выбраться из трещины в скале.

Я иду за Лианой, готовая поддержать ее в любой момент, а когда выбираемся из узкого прохода, свет дня ослепляет нас. Мы оказываемся на пологом, лесистом склоне, скользком от покрова еловых игл, и спускаемся вниз, вниз, придерживаясь за стволы деревьев.

— Можно еще выше подняться на гору, там есть смотровая площадка,— говорю я.— Но сегодня я показываю тебе свои достопримечательности, и скоро покажу еще одну.

— Заранее предвкушаю. Мне нравятся твои сюрпризы.

— Чуть ниже есть одно местечко. Там отличные шашлыки и кофе, по-турецки.

Самшитовая роща далеко за нами. Впереди, за кипарисами, видны крыши домов, и сверкает на солнце море. А по небу летят облака, их тени скользят вокруг нас по

склону. Ветер пахнет душистыми травами. Как хорошо вдыхать их аромат, чувствуя себя живой!..

Сидя за столиком кафе, в тени от полога виноградной листвы, мы едим хачапури и пьем крепкий кофе, приготовленный на песке. До нас доносится аромат дыма из мангала, слышится стрекот цикад, а мы болтаем о пустяках, словно знакомы тысячу лет.

— Ты сильно устала? — спрашиваю я.

— Немножко. И хочется в душ. Такая жара!

— Чуть отдохнем и спустимся в город. Я тебе там кое-что покажу.

— Не хочешь мне еще что-нибудь надиктовать?

— У меня совершенно пустая голова.

— Мне кажется, что стоит тебя только спросить...

— Ну что же, спроси.

— Скажи, что такое умная женщина?

— Хочешь, скажу, как ответил бы на этот вопрос хозяин этого кафе, который готовит такие замечательные хачапури? Он сказал бы — «Умный женщин — это глюпый женщин. Глюпый женщин — это умный женщин».

— Замечательно! — Лиана рассмеялась, закрыв лицо руками. А что ты думаешь о счастье?

— На каждую долю есть своя полудоля. И так до бесконечности. Поэтому и в самой маленькой толике счастья есть вся его полнота. Счастье не может быть измерено, потому что измерить можно только то, что делится на два.

— А как ты относишься к иллюзиям?

— Иллюзии нужны для того, чтобы их лишаться. И тогда проходит разделение — одни люди озлобляются, становятся циниками, а другие... Помнишь, как у Пушкина — «Ах, обмануть меня не трудно! Я сам обманываться рад!» Вот оно — выражение духовного здоровья.

— Можно еще?

— Конечно. Кто еще, кроме тебя, возьмет у меня хоть когда-нибудь интервью.

— У меня серьезный вопрос. Многие философы на протяжении всей истории человечества размышляли над тем, как создать идеальное общество. Как ты думаешь, реально ли его создать?

— Реально, при условии осуществления всего лишь одной вещи. Но она неосуществима. А значит, и идеальное общество — невозможно. А что нужно?.. Нужно, чтобы у каждого человека было понимание необходимости служения другим людям. Многие на это скажут — что я, дурак служить кому-то! Такой человек только в беде, валяясь беспомощный на дороге, поймет, как я права. Только лишь пройдя через бесчеловечность войн люди становятся человечными. Лев Толстой говорил, что настоящим бытие становится тогда, когда оно оказывается на грани небытия.

— Как же интересно с тобой говорить! А что еще ты мне хотела сегодня показать?

— Как только стемнеет, покажу. Это надо видеть в темноте,— и чуть помолчав, говорю Лиане.— Я дам тебе номер своего телефона. Ты можешь мне завтра позвонить.

— Хотелось бы,— отвечает она, глядя на наливающееся синью небо над грядой гор.

Я подумала вдруг о том, что завтра уже, возможно, мы с Лианой не увидимся. Вдруг она не позвонит и тогда это последние часы, когда мы вместе. Рядом с ней, мне кажется, будто я перед зеркалом. Она так на меня похожа и ничего не говорит о себе. Как же мы будем расставаться?

— О чем ты думаешь? — спрашивает Лиана, подняв на меня глаза.— Мне показалось, что ты думаешь о чем-то грустном.

— Нет, не о грустном. Так, разные мысли приходят... Думаю, почему никто из писателей не написал книгу, действие которой разворачивалось бы в будущем? Но чтобы при этом книга не была бы фантастикой.

— Как же это может быть?

— Очень просто. Представь себе, что любой современный роман, да хоть «Аэропорт» Артура Хейли, или его же «Отель», попадает в девятнадцатый век. Как люди того времени восприняли бы этот текст? Согласись, он показался бы им необычайным, фантастичным, но писался-то он не как фантастика, а как чуть ли не производственный роман. Вот я и думаю, как здорово, если бы была такая «книга из будущего», но написанная в наше время. Книга о жизни, любви, одиночестве, верности, но только в будущем... Все фантасты зациклились на технологиях. Потому никто из них и не написал великого, высокохудожественного литературного произведения.

— Так напиши такую книгу. Ты же знаешь, какой она должна быть.

— Но я не знаю, каким будет будущее.

— У тебя же есть фантазия.

— Посмотри на «фантазии» девятнадцатого века о нашем времени. Они такие смешные!

— Я хоть и не пишу книги, но люблю фантазировать. Спроси у меня, и я опишу тебе будущее во всех деталях.

— Давай, проверю твое воображение.

— Проверь.

— Ну, хорошо, скажи...

— Извини, я прерву тебя... Давай превратим это в игру. Ты же любишь играть. Так вот, давай будто я, действительно, пришла в ваше время из будущего. Мне так легче будет войти в образ и импровизировать. А теперь спрашивай. Удивишься, какая я фантазерка!

— Хорошо, если я сейчас перенесусь на двести лет вперед, что будет самым первым, что я увижу и чему удивлюсь?

— Давай на триста лет вперед, так еще интереснее. Так вот, первое, чему ты удивишься, это тому, что у нас нет потолков.

— Ты имеешь в виду — в домах?

— Это не дома, в вашем понимании. Потолки вам тут нужны, чтобы было тепло, чтобы укрыться от снега и дождя. А у нас дожди идут там, где поля, леса и какие-то насаждения.

— Ты говоришь, что потолков не будет. А как же многоэтажные здания?

— Многоэтажных зданий вообще нет.

— Интересное будущее!.. Ну, хорошо, давай еще попробуем. Меня, с закрытыми глазами, переносят на триста лет вперед. Я открываю глаза. Что меня сразу же поразит?

— А откуда я могу знать, что тебя поразит? Ведь сама-то я *оттуда*!.. Ну, хорошо, я думаю, тебя поразит бесконечное, захватывающее дух пространство. Пространство безграничного простора. Нет никаких стен, нет никаких домов... Вообще, тебя будет поражать, как это люди живут без домов. А вот они живут, между прочим, и очень даже неплохо. Да, все совершенно не так, как у вас. У нас нет машин, нет городов... А где мы живем? — спросишь ты. Ха!.. Вам скажи, так и вам тоже захочется. Это секрет будущего. Я не все могу говорить.

Лиана смотрит на меня лучистыми, веселыми глазами. Передо мной озорная девчонка, которая любит подурачиться.

— Это не честно, Лиана.

— Мы же играем в пришельца из будущего. А пришельцу не все можно раскрывать.

— Хорошо. А какая еда будет в будущем?

— Вся еда растет в полях и на деревьях! Потому что животных мы не едим.

— А будет ли литература?

— Вообще никакой литературы у нас нет. Как это, вообще, странно — литература. Литература — это рамки. В книгу запихивается кусок жизни и тебе говорят — вот, читайте от корки до корки, и уж извините, но за обложку вы не выйдете. У нас литературы нет, потому что вся наша жизнь — литература. И то же самое с музыкой.

— Очень странное общество!

— Да что же странного? Представь, что ты кого-то любишь, через какие-то мгновения встретишь того, о ком мечтаешь. Сердце твое бьется, голова кружится, весь мир кажется чудесным... И теперь скажи, находясь в таком состоянии, ты сядешь читать книгу? Нет, конечно. А если и сядешь, то не будешь видеть того, что читаешь. Потому что реальная жизнь захлестнет тебя. Она затмит любую книгу. Ведь ваше чтение — это уход от той жизни, которой вы живете. А у нас все звучит и сияет. Мы живем с чувством счастья. Ты мне рассказывала о его редких проблесках. А мы с этим живем.

— А будут ли браки и семьи? И как с детьми?..

— А детей там полно! Но никаких браков. Потому что там это никому не надо. У нас свободная любовь.

— А как вообще все будет устроено? Будут ли страны, президенты?

— Нет! Никакого вообще устройства. Никаких стран и президентов. Земля — это один большой сад.

— Но как же поддерживается порядок?

— У нас человек рождается и сразу же живет в порядке. Никаких порядков наводить не надо. Все живут, как ты и рассказывала,— с пониманием необходимости служения другим людям, почтительного отношения к ним.

— Так ты говоришь — свободная любовь. А как с любовью в основном смысле этого слова? Не в смысле — секса, а любви. Она будет? И как свободная любовь с этим совмещается?

— Так я же о такой любви и говорю — о любви в полном смысле. Она-то и держит все. Любовь — это стержень. Она и не дает человеку погрузиться в хаос. Люди любят друг друга, и они будут любить. Вот и все.

— Люди будут работать, как сейчас,— от звонка до звонка? И как с отпусками, зарплатами?..

— Через триста лет какие у нас там работы! Работы только те, которые необходимо выполнять, чтобы земля давала урожай. Никаких особых производств нет. Погода налажена, климатом управлять научились. И заметь, не для того научились, чтобы, как у вас, превратить это в оружие. У нас нет никаких катаклизмов, никаких похолоданий или засух. Самая главная задача, чтобы Земля чувствовала себя хорошо, потому что люди любят там не только друг друга, но и Землю. Поэтому вся работа сосредоточена на этом. И, если говорить вашим языком, все жители Земли у нас садоводы и огородники.

— Ты мне тут такую утопию нарисовала! Прямо «Незнайка в Солнечном городе»!

— Вот! А ты говоришь, провидцев у вас нет. Вы не там их ищете! — усмехается Лиана, попивая апельсиновый сок.

— А что в ваши времена думают о наших временах?

— Да что думают... Крутят пальцем у виска. Говорят, что вы были близки к счастливому миру, все вам было дано, но тянули руки не в ту сторону. Шли против природы. Вот и все.

— Ты говоришь, литературы не будет, но как с мировой классической литературой?

— Все это сохранено в общей, всемирной библиотеке. Пожалуйста, заходи, читай...

— Вот, где я могла бы работать!.. А новых книг, значит, нет...

— Я же говорила, что наша жизнь — это самая чудесная книга! Чем занимались писатели прошлого? Вашего прошлого... Они стремились к идеалу будущего, и чтобы человечество достигло определенного совершенства. Та вот, в наше время, в котором я живу, это совершенство достигнуто.

— Так вы, значит, совершенны?

— И вы тоже. Но должны пройти столетия, прежде чем люди выздоровеют. Сейчас человечество болеет. И ему прописаны, в будущем, большие встряски, чтобы оно пришло в чувство.

— А какая судьба ждет интернет?

— Он просто исчез!.. Потому что поняли — ведь это вирус, на самом деле! Его уничтожили, и люди стали жить спокойно. Если надо пообщаться, так нет ничего проще — садишься на *ветку*, и она тебя, в световом потоке, донесет куда угодно.

— Какую ветку? — не поняла я.

— Это сложно объяснить. Хотя на самом деле все просто. Садишься на *ветку*, так это называется у нас, и световой поток за считанные секунды доносит в любой конец Земли. А можно и во времени перемещаться. Сама понимаешь, никакой транспорт нам не нужен. У нас ведь не техногенный мир, как у вас, а энергоинформационный. Вся цивилизация и все технократическое противоречит *первоначальному замыслу*. Ты вот «Незнайку» привела в пример. Но ведь и в «Апокалипсисе» Иоанна, там, где описывается увиденный пророком мир будущего, там все устроено точно так же.

— Чтобы произошло то, о чем ты рассказываешь, люди должны очень измениться.

— Единственное изменение, которое произойдет с человечеством, будет заключаться в том, что люди обретут способность видеть чудо во всем, что их окружает. Сейчас это доступно лишь гениям.

— Выходит, гениями станут все?

— Не гениями, а просто благодарными.

— Интересную ты нарисовала картину! Несмотря на «темные» места, есть какая-то убедительная цельность. Многое из того, что ты говорила, ломает стереотипы о будущем.

— Это я ломаю дурочку,— рассмеялась Лиана, глядя в сторону моря.— Как здесь хорошо!

Перед нами, за кустами орешника, блестит река, виден мост, по которому мы шли утром, а за ним белеют дома, утопающие в густой зелени, кипарисы, море и бескрайнее небо, уже гаснущее к вечеру.

— Интересно, как передать другому человеку ощущение этого вечера? — Лиана кивает в сторону горящих золотым светом окон домов, отражающих заходящее солнце.— Если бы ты писала об этом дне, как ты описала бы все это?

— Это нелегко.

— Но гениальные писатели, наверное, знали, как это сделать.

— Нет, и они этого не знают.

— Как же так?

— У действительно великого писателя нет *знания*, как писать, но у него есть *чутье*, как писать. Если бы существовала формула гениального отражения действительности, то книги бы уже давно писали роботы. Такой формулы нет. Лев Толстой в своем дневнике записал: «Настоящий писатель не тот, кто знает, что нужно писать. А тот, кто знает, чего писать не следует».

Легкий ветерок шевелит травы на склоне перед нами, и золотит верхушки орешника вечерний свет. Отблеск солнца в окнах домов начинает гаснуть.

— Давай покажу тебе то, что обещала,— говорю я.— Сейчас быстро стемнеет.

И вот в окнах домов уже зажигаются огни. Мы снова переходим по мосту на другую сторону реки и идем вдоль монотонно шумящего потока. Мальчишки больше не бегают по камням. На тротуаре лежат прямоугольники света, падающего из витрин магазинов. Мимо проходят редкие прохожие, а иногда мы принимаем за них темнеющие впереди стволы пальм.

Вскоре сворачиваем на дорогу, идущую между домами. Здесь детвора играет в мяч, едва видимый в сумерках, слышится скрип качелей, визг детворы и тихие голоса людей, сидящих на балконах. Из открытых окон доносится музыка и шипение жарящейся пищи,

— Сейчас увидишь,— шепчу я Лиане,— нам осталось зайти вон за тот дом.

— Так за ним же гора!

— Не бойся. Там можно пройти.

Зайдя за дом, мы оказываемся в полной темноте, между пятиэтажным домом и крутым склоном. Над нами с одной стороны светятся окна, с другой темнеет гора, а в вышине полоса усыпанного звездами неба.

— Уже пришли,— говорю я.— Сейчас начнется.

Рядом с нами, сверху, опустилась маленькая искорка, словно кто-то из открытого окна стряхнул с сигареты горящий пепел. И тут же еще один, и еще... Светящиеся искорки падают на нас сверху, вспыхивая и угасая. С каждым мгновением их становится все больше.

— Что это? — спрашивает ошеломленная Лиана.

— Поднимемся чуть выше,— говорю я и тяну ее за собой вверх по едва заметной тропе.

Поднявшись чуть выше, мы останавливаемся. Вихрь огоньков кружится вокруг нас. Они вспыхивают, гаснут и снова вспыхивают словно сигнальные огоньки самолетов.

— Это светлячки,— объясняю я Лиане.

А она стоит, разведя руки в стороны, и пытается коснуться пальцами светлячков, но они гаснут, как только ее рука приближается к ним.

— Это очень похоже на мир через сотни лет,— говорит она.— Таким он будет. И ты тоже похожа на тот мир. Как же ты тут живешь!..

— Как хорошо было бы нам никогда не прощаться!

Лиана ничего мне не отвечает. Я едва вижу ее в темноте, среди сверкающего вихря. Она о чем-то думает и, кажется, не слышит меня.

— Давай поднимемся еще выше, там шоссе,— говорю я ей.— Только осторожно, не упади!

Я карабкаюсь вверх, то и дело теряю тропу, падаю и, схватившись за траву, оглядываюсь на Лиану, но в этой сверкающей метели я не вижу ее.

«Неужели она упала!» — с ужасом думаю я.

— Лиана!.. Лиана!..— кричу я, вглядываясь в темноту, спускаюсь вниз и, не найдя ее, снова, обессиленная, карабкаюсь вверх.

Может, она все же поднялась и ищет меня наверху? Или она спряталась? Ну, конечно, она спряталась за кипарисами у шоссе и сейчас выйдет и посмеется над моими страхами.

Опершись руками о колени, тяжело дыша, всматриваюсь во тьму. Зову Лиану, кричу в темноту, а потом опускаюсь на землю на краю обрыва. Позади меня, шурша шинами по асфальту, проносятся машины, освещая кипарисы, высящиеся на фоне ночного города и моря. Вокруг тишина и тьма, наполненная звоном цикад.

А может она просто ушла? — думала я. Мы с ней только что о чем-то говорили... Ах, да, я сказала, что не знаю, как буду с ней прощаться...

Отсюда, с высоты, виден весь мой город. Россыпь огней мерцает вдоль моря. Редкие огоньки светятся на горе. И даже на самой ее вершине одиноко мерцает кро-

хотная искорка света. Кто-то и там живет, так далеко, словно на далекой планете. А море лежит внизу темной бездной и вспыхивают над ним далекие зарницы.

Что же теперь делать? Надо идти домой. Я так надеюсь, что все еще встречу ее. Иду по краю шоссе, а машины, поднимающиеся снизу, чуть притормаживают, когда свет фар выхватывает меня из темноты. Я иду, не замечая проносящихся машин, и прикрываю ладонью глаза от слепящего света фар.

Чего бы я только не дала, чтобы узнать, что же произошло. Да, Люся... Это тебе не книгу писать, не историю сочинять... Тут ничего не вычеркнешь, не перепишешь. А ведь надо было всего лишь взять ее за руку и не отпускать. И она была бы рядом со мной.

Спустившись по шоссе, серпантином опоясывающем гору, иду по лабиринту улиц. Я уже вижу свой дом, осталось только подняться по тропе, по которой спускалась сегодня утром. И в этот миг впереди на дороге я увидела девушку. Дорога пустынная, поэтому я заметила ее сразу же, ярко освещенную светом фонаря.

Это она!.. Это ее светлые волосы! Боже, как колотится мое сердце! Я делаю несколько шагов вперед и останавливаюсь. Нет, эта девушка выше, и на ногах у нее серебристые босоножки. Я вижу, как с другой стороны улицы, перейдя дорогу, к ней подходит парень и берет за руку. Они проходят мимо, не замечая меня в тени платана, и когда оказываются за моей спиной, я слышу, как парень говорит:

— Представляешь, кого я только что видел! Я видел путешественницу во времени!..

Я пытаюсь хоть что-то еще расслышать, но они скрылись за поворотом. И тогда, стоя на середине пустынной дороги, я кричу:

— Спасибо тебе!..

Я немного еще стою в тишине, дожидаясь ответа, и начинаю подниматься по тропе к своему дому. Хорошо, что никто меня сейчас не видит!..

Геннадий Гусаченко
(г. Бердск Новосибирской области)

ГОРЬКАЯ ПОЛЫНЬ

Геннадий Григорьевич Гусаченко родом из Новосибирска. Образование: восточное отделение (японский язык) и факультет журналистики Дальневосточного госуниверситета. Работал корреспондентом в редакциях газет Приморского края и Новосибирской области, нештатным корреспондентом газет «Гудок» и «Боевая вахта». Служил на подводной лодке Тихоокеанского флота, работал оперуполномоченным уголовного розыска во Владивостоке, матросом на судах загранплавания, ходил в Антарктику электриком на китобойном судне, был учителем в школе, егерем в уссурийской тайге, машинистом электровоза на Зап. Сиб. ж. д., офицером-воспитателем в кадетском корпусе. Член СЖ СССР и России. Лауреат и дипломант журналов «Берега» (Калининград), «Новый Енисейский литератор» (Красноярск), «Смена» (Москва), конкурса маринистики (Калининград), конкурса сказок (Литинститут им. А. М. Горького). Публиковался во многих журналах. Автор 11 книг прозы.

«Сын мой! Храни заповеди мои... Навяжи их на персты твои, напиши их на скрижали сердца твоего... Чтобы они охраняли тебя от жены другого, от чужой, которая умягчает слова свои».

Книга притчей Соломоновых, глава 7, (2,3,5).

Хотелось есть. И выпить. Чего угодно: водки, вина — лишь бы заглушить душевную боль, тоску, ностальгию по прежней благополучной жизни, не роскошной, но вполне обеспеченной и пристойной. Хотелось забыть то благостное время, когда на столе пахли ванилином булочки, румянились горячие пироги, плавали в масле блины. И еще много другой вкуснятины бывало на столе... Какие были хрустящие малосольные огурчики, груздочки, капуста с брусникой, компоты из вишни! И вперемежку с наваристыми жирными щами, грибными супами, котлетами и голубцами, фаршированные утки с черносливом, куриные крылышки, приправленные острым соусом, картошка с мясом, запеченная под майонезом в духовке, салаты из кальмаров... Овощные закуски, нарезанные тонкими ломтиками сыр и колбаса, глазунья, жареная с луком и помидорами... Зеленые листики петрушки, сельдерея, укропа, придававшие кушаньям особый, изысканный вид. Все это великолепие, обилие и разнообразие блюд создавалось умелыми и беспокойными руками жены Анны. А плов! Боже! Какой плов готовила она! На завтрак оладышки со сметаной... Прямо со сковородки... Его любимая овсяная каша... Бутерброды с ветчиной... Кофе... На обед борщ с бараниной или суп гороховый, солянка, отбивные... Кисель с малиной, компот из сухофруктов... На ужин сладкие сырники в сметане... Как они таяли во рту!

Чай цейлонский с лимоном, с конфетами и пирожными... Ванная комната! Отделанная зеленоватым, под малахит, кафелем. Душевая кабина с блестящими кранами. Стеклянная полка под зеркалом со всевозможными тюбиками, флакончиками, расческами, баночками с кремами, губными помадами. В шапках шампуневой пены смуглое, чуть полноватое тело Анны, сохранившее дачный загар. Синие глаза под мокрыми волосами смотрят лукаво.

— Потри мне спинку,— говорит она. А постель?! На дорогом огромном диване ценою в подержанный автомобиль. Благоухающая чистыми простынями и запахом ее духов. Глаженые рубашки, свежие галстуки, платки, носки... Все это было в той, прежней жизни... Благодаря заботе, старанию и терпению добродетельной жены... Завод, где работал начальником токарного цеха... Уважали его там рабочие... Нет! Забыть! Пол-литра вонючего самогона, купленного в гараже у торговца этой мутной дрянью, помогут отрешиться от тягостных воспоминаний. Хорошо бы еще ломоть хлеба и кусок колбасы. И тогда упасть на лавку в городском саду, усыпанную опавшими листьями, и спать, пока ранним утром сердитый дворник не сгонит метлой.

Обросший, грязный мужчина с корявым, давно не знавшим бритвы, лицом понуро смотрел в затянутое тучами небо. Рваная куртка на нем и мятые спортивные штаны. На ногах еще крепкие ботинки, но уже кем-то выброшенные на свалку. Быть дождю. По-осеннему холодному и затяжному. Близятся заморозки, и где укрыться бездомному человеку от непогоды? Разве что опять в пыльном подвале старого дома, но и там жильцы навесили замок. Или в колодце теплотрассы, откуда прошлой зимой его выкуривали рабочие с котельной...

От невеселых мыслей отвлек хриплый, простуженный голос еще одного горемыки с потрепанной сумкой, пристроенной на ручной тележке с кривыми колесами. Звякнули пустые бутылки.

— Привет, Серж!

— Здорово, Чалый!

Помолчали.

— Все мусорки обошел... Десятка полтора стеклотары насобирал... Если сдать — на буханку хлеба, может, и хватит... На водку — нет.

— А у тебя как?

— Цветной металл... Моток медной проволоки, бронзовая шестерня, медный кран... Килограмма три наберется...

— Уже кое-что... У меня еще немного мелочи есть...

Чалый порылся в карманах, наскреб несколько монет. Дважды пересчитал, зажал в кулаке.

— Три рубля шестьдесят две копейки... На стопарь явно не хватит... Да... А помнишь, Серж, бутылка водки в дни нашей цветущей молодости стоила столько же?

— Еще бы не помнить... Сначала была двадцать один двадцать... Потом, после хрущевской реформы, стала стоить два восемьдесят семь... Позже еще подорожала... Буквы на этикетке плясали... «Коленвалом» ее тогда прозвали...

— А при Горбаче четыре тридцать сделали...

— Не извращай историю, Чалый... Это при Андропове... Ее в те годы «Андроповкой» величали... «Экстра» еще была водка... Мы любили расшифровывать надпись: «Эх, как стало тяжело русскому алкоголику». А слово «Водка» знаешь что обозначает сокращенно? — спросил Чалый и, торопясь блеснуть эрудицией в столь важной области познаний, поспешно достал из сумки пустую бутылку, провел пальцем по надписи этикетки.— Вот о чем думает каждый алкоголик. И наоборот: алкоголик каждый думает о водке. Здорово, правда?

— И это все, чем обогатил свою память бывший научный сотрудник института археологии и этнографии? — Чалый глубоко вздохнул. Обрывки воспоминаний из далекой, казалось, уже не его, а чьей-то жизни, промелькнули в голове, пролетели

видениями мимолетного сна, как будто и не с ним это было... И не он, а кто-то другой ездил на раскопки древнего кургана. И не он, а кто-то другой защищал диссертацию, читал лекции студентам, выступал на кафедре с докладом о проблемах сохранения памятников русской старины. И не Чалый он вовсе. А Чальников Родион Алексеевич, кандидат исторических наук...

Чалый хрипло рассмеялся.

— Чем я обогатил свою память, спрашиваешь? Да я, если хочешь знать, могу запросто прочитать лекцию на тему скифских поселений...

— Чего?! Поселений?! Насколько помню из школьных уроков истории, скифы были кочевниками...

— А... Ну, да... Я хотел сказать: захоронений... Молодой человек! Позвольте сигареточку...,— как можно вежливее, с апломбом бывшего интеллигента, обратился Чалый к парню с фотоаппаратом, присевшему на соседнюю скамью. Ему дали закурить. Он с поклоном поблагодарил и, затянувшись дымком, произнес:— Масть и курение радуют сердце; так сладок всякому друг сердечным советом своим. Книга притчей Соломоновых, глава двадцать семь, стих девятый. А что ты посоветуешь мне, Серж?

— Читать лекции студентам. Про поселения скифов.

— Смеешься... Ладно, пойду прошвырнусь по мусорным бакам возле уличных кафе... Там из-под пива бутылки бросают...

И Чалый ушел, побрякивая скрипучей тележкой, звякающей пустыми бутылками. Сергей Анатольевич Овсянников, или Серж, как его звали бродяги, безучастным взглядом проводил скитальца, завсегдатая трущоб, помоек и свалок.

— Ну и заливает Чалый! — пробормотал он.— Археолог... Кандидат наук... Хотя... Как знать? Я тоже инженер... Не всегда был Сержем... О, Господи! Сотвори чудо! Я так голоден... И скоро зима... Не дай сгинуть! Горька полынь судьбы моей. Досыта хлебнул ее. Накорми и обогрей, Боже! Нет мочи терпеть долю мою...

Овсянников подхватил рюкзак, забросил одной лямкой на левое плечо и потащился на пункт приема металлолома. Однако, его здесь ждала неудача: киоск был закрыт, и он побрел обратно, попутно заглядывая на гаражи в надежде найти выброшенную железяку. К его разочарованию, там было подметено и прибрано, и нигде не валялся даже ржавый гвоздь. Он понуро плелся, опустив голову, привычно обшаривая глазами каждый закуток, смотря под ноги, надеясь найти монету. Неожиданно ударил церковный колокол. Сначала робко и тихо, с бархатно-низким протяжным звоном, потом еще, уже громче, к нему добавились другие медные голоса, и вот уже гамма прекрасных звуков слилась в мелодичный перезвон. Овсянников невольно остановился, прислушиваясь к печально-радостным звукам, будоражащим душу, заставляющим дышать неровно, пробуждающим в сердце светлые чувства. Поворотился, подняв голову, в ту сторону, откуда доносились эти завораживающие звуки. В пламени вечерней зари под лучами догорающего солнца божественным светом сверкали кресты на золоченых куполах собора.

— Ба-а! Да ведь сегодня Успение Пресвятой Богородицы! В трапезной будут сытно кормить и поить всех обездоленных...

И, гонимый голодом, бывший инженер, один из лучших выпускников политехнического института, устремился к храму с проворством пчелы, летящей за взятком к обильно цветущей липе. Овсянников не ошибся. У дверей трапезной толпился народ, но лавок было много. Женщины в темных одеяниях, в платках, приветливые и расторопные, быстро подавали на столы тарелки с едой. Вволю было пшеничного хлеба, горячего рассольника, овощного рагу, жареных кабачков, отварной картошки, сдобренной растительным маслом и посыпанной мелко нарезанным зеленым луком, пи-

рогов с капустой, помидоров, огурцов, вареной кукурузы, гороховой каши, киселя клубничного, компота из абрикосов, сладкого чая, шанежек с изюмом, блинов с вареньем из крыжовника. С завистью посматривая на сидящих в трапезной, Овсянников терпеливо дожидался очереди. И когда освободилось место с края стола, он поборол желание тотчас схватить ложку, размашисто перекрестился трижды, поклонясь иконе Божьей Матери, и чуть слышно зашептал молитву.

— Пресвятая Богородица, не отвержи мене от лица Твоего и Духа Твоего Святаго не отыми от мене. Мати Божия, благоухания честное селение, Твоими молитвами сердце чисто созижди во мне, и дух прав обнови во утробе моей. В бездне греховной валяяся, неизследную милосердия Твоего призываю бездну: от тли, Пресвятая Богородица, мя возведи. Ум, душу и сердце освяти.

Овсянников степенно сел, взял ложку. Растягивая удовольствие, медленно ел, чтобы перепробовать все кушанья и съесть как можно больше. Когда еще будет возможность так вкусно и сытно поужинать? Насытившись, возблагодарил Господа благодарственной молитвой. Протиснувшись сквозь толпу страждущих, встретился у крыльца трапезной со священником отцом Геннадием. Сложил вместе ладони, преклонив голову, и батюшка благословил его.

— Отойдем в сторонку, Сергей Анатольевич...

Овсянников смутился, когда священник обратился к нему по имени, отчеству. Еще в бытность работы мастером, приводил в храм своих воспитанников, обучающихся в профтехучилище. Нередко посещал богослужения во время церковных праздников, приходил в храм вместе с женой Анной. И оттого, что предстал сейчас в столь неприглядном обличье, сжался в комок, ожидая услышать от священника упреки и назидания. Но отец Геннадий доброжелательно произнес:

— А что, брат во Христе... Горька трава полынь? Доколе будешь мытарствовать? Дворник храму нужен трудолюбивый... Не пьющий, само собой... Зельем всяким не губящий себя... Одежонку путную дадут... Из той, что прихожане жертвуют для бедных... Жалованье скромное... Питание в столовой церковно-приходской гимназии... Комнатка в хозблоке найдется... Опять же, баня... Белье... Согласен?

Неожиданно для себя Овсянников упал на колени и, обхватив ризу священника, разрыдался.

— Ну, будет, будет... Все в руках Господа. Встань, брат мой, и поспешай за мной...

И чудо свершилось. В сказке Петра Ершова «Конек — Горбунок» прыгнул Иванушка в котел в домотканой льняной рубахе, в портках полотняных и лаптях из лыка, а вынырнул в шелках да в сапогах сафьяновых. Но то в сказке. Овсянников вошел в баню патлатым, в рванье, в грязных обутках, а вышел из нее гладко причесанным, в чистом белье, в почти новом шерстяном свитере, в клетчатой хлопковой рубахе, в брюках со стрелками и начищенных до блеска ботинках. От него пахло душистым шампунем. Длинные волосы и бородка теперь совсем не безобразили пунцовое после душа лицо. Напротив, придавали ему благообразный, смиренный вид. Он испугался собственного отображения в зеркале: настолько резкой была смена прежнего облика, столь привычного за долгие годы скитаний по ночлежкам, подвалам и подъездам. И снова, как в трапезной, потрясенный переполнявшими его чувствами благодарности, он прошептал, осеняя себя крестом:

— О, Господи... Спасибо Тебе... Да святится имя Твое... Да будет царствие Твое... Аминь.— И слезы капали на обнову его. Овсянников более не помышлял о выпивке, сознавая себя нужным человеком, приносящим пользу. Пусть не начальником цеха, и даже не мастером, выполняющим сложное задание руководства завода. Метет двор, ухаживает за цветочными клумбами, и эта спокойная работа ему к душе. Желание оправдать доверие отца Геннадия придавало сил и старания. И все в храме были довольны его добросовестным отношением к порученному делу. Однако, говоря о сча-

стливом исцелении от алкогольной зависимости тунеядствующего прежде выпивохи, не грех рассказать, как дошел он до жизни такой. Если, конечно, блуждания пьяницы можно назвать жизнью...

...Инженер отдела технического контроля Марина Хлебникова вошла в кабинет начальника цеха через распахнутую настежь дверь. Слышался гул станков, раздавался грохот механических прессов, треск электросварки. Тянуло запахом жженого металла, смазочных масел и краски.

Овсянников разбирал чертежи, когда лица его коснулась ветка сирени. Аромат нежных соцветий, вперемежку с рижскими духами Марины приятно щекотнул ноздри начальника цеха. Он умильно приложился к ветке губами, закрыл глаза, глубоко вздохнул.

— Ах... Прелесть... Такой чудесный запах... Сидите тут в шуме заводском, Сергей Анатольевич... Документацией обложились... И не видите, что на улице весна... И так любви хочется...

— Ну, так и любите себе на здоровье...

— Кого?! Мой Хлебников на вахту, на целый месяц укатил... Деньги взял, провизию... Не скоро воротится... Все на Север мотается. С бригадой буровиков где-то на Ямале газ добывает... Дети у свекрови гостят... Одна я дома... А тут, как назло, утюг перегорел... Зашли бы вечерком, Сергей Анатольевич, починили бы...

В кабинет вошел пожилой человек в халате.

— Да, вот еще... Эти детали с браком... Придется вернуть на доработку,— поспешно переменила она разговор.

— Тебе чего, Иван Петрович? — спросил Овсянников. Мастер с улыбкой глянул на Марину.

— Да так... Потом зайду,— уходя, бросил он.

Раскрывая папку с бумагами, Марина наклонилась над столом. В глубоком вырезе розовой блузки хорошо видны упругие округлости белой груди. Они, как магнит, притягивали взор Овсянникова, и ему пришлось сделать усилие над собой, чтобы тотчас не сжать их в ладонях. Ощутив мгновенный жар во всем теле, Овсянников, сгорая от вспыхнувшей в нем страсти, с трудом перевел сбившееся враз дыхание.

— Хорошо... Я приду... Починить утюг...

— Ну... Я пошла... До вечера, Сергей Анатольевич!

Ступая стройными ногами, словно манекенщица на подиуме, цокая высокими шпильками по одной линии, Марина двинулась к выходу, виляя задом, туго обтянутым черной короткой юбкой. Ветка сирени лежала перед ним как свидетельство того, что все было явью, не видениями грез и не сном. Он в волнении нюхал цветистую сиреневую кисть, погружая в нее лицо и упиваясь ее запахом. Какая женщина! Неужели сегодня вечером будет обладать ею? Сама пригласила... Невероятно! Ах, какая женщина! Не сравнить с Анной... Вечно занята своими постирушками да кастрюлями...

— Ушла Маринка? — спросил вновь зашедший Иван Петрович.— Скольких мужиков сгубила эта нарядная бабочка... Смотри, Сергей, как бы сирень не обернулась для тебя горькой полынью,— предупредил мастер.

Чувствуя, как стрела Амура пронзила насквозь его сердце, давно ищущее большой любви: с ласками, нежными словами, поцелуями и воздыханиями, Овсянников уже не мог думать о каких-то там чертежах, забракованных деталях и прочем, далеком от предстоящей встречи с красивой женщиной. Хороша собой! Все при ней: красивое лицо, привлекательная фигура. Золотыми украшениями обвешана — новогодней елке на зависть! Губки блестят перламутровой помадой. Ноготки розовым лаком отливают, в тон блузке. Модная стрижка с завитками-«завлекалочками».

А глаза! Черные, жгучие, задорные! Прямой носик... Щечки слегка подпудрены, подрумянены.

Прелестна Марина, что и говорить. Анна вечно в халате... Не накрашена... Возится на кухне... Гремит сковородками... Шваброй елозит... Ругается...«Убери ноги! — кричит.— Расселся тут...»

И начинает пылесосить именно в тот момент, когда он усядется на диван газету почитать или телевизор посмотреть. А то приборку затеет... Все трет, что-то скоблит... Никакой семейной жизни! Но Сергей спокоен... Негоже мужчине распаляться... Терпеливо ждет, когда жена управится с домашними делами. Наварит, нажарит, детей накормит, накупает, уроки проверит, одежду им в школу приготовит... «Ну, кажется, все,— думает он, сбрасывая пижаму и плюхаясь в мягкую, чистую постель.— Угомонилась...» Но нет... Анна еще собирает себя на работу. Гладит платье, чистит свои простенькие туфли. Заодно и по его модным пройдется щеткой... А как же? Ей надо... Воспитателем в детском садике работает... От того и не малюется. Чтобы детям дурной пример не подавать... Только ему это не нравится... Другие-то, вон, как куколки, наряженные ходят... На радость мужьям... Но вот в душ собралась... Что-то долго марафет там свой наводит... Кремом пахнет из ванной, духами... Овсянников в блаженстве потягивается, предвкушая сладостный миг близости, но жена падает в постель и почти тотчас засыпает, бессовестно всхрапывает, посапывает, что-то бормочет во сне. Такое отношение к супругу бесит Овсянникова. Он пытается погладить ее, но жена сердито отбивает руку. Не до любовных утех ей.

— Отстань... Спать хочу... Давай утром...— недовольно ворчит, и Овсянников знает: ничего не будет и утром. Вскочит ни свет, ни заря, начнет детей умывать, завтраком пичкать, в школу отправлять... А он будет выжидать, тянуть минуты в нагретой постели, надеясь, что вдруг придет, бросится к нему с поцелуями. Вместо этого привычное:

— Чего вылеживаешься? Постель надо убирать. Я и так уже опаздываю... Лежит...

По дороге к Марине Овсянников с раздражением вспоминал перипетии своей, как он считал, неудавшейся семейной жизни. Тем самым оправдывался перед самим собой за встречу с чужой женой. Купил три белых хризантемы, коробку конфет и шампанское. Деньги на подарки взял из чайной баночки. В ней он хранил заначку для покупки давно обещанного велосипеда младшему сынишке, футбольного мяча старшему и зимних сапог Анне.

— Ничего, подождут... Со следующей зарплаты возмещу потраченное,— заверил себя. Марина встретила в прихожей обворожительной улыбкой:— Какой вы джентльмен, Сергей Анатольевич,— принимая цветы, конфеты и вино, жеманно сказала она.

— Раздевайтесь... Будьте как дома...

Помогла снять пиджак, галстук и, запустив руки ему под рубашку, обняла, покрыла горячими поцелуями. Весь во власти безумной страсти Овсянников обхватил податливое тело Марины, прижал к себе. Грудь ее вздымалась, тонкие духи пьянили. С халатика упал небрежно повязанный пояс, и он увидел ее всю.

— Возьми меня... Люби, сколько хочешь...— простонала Марина, увлекая его в сумерки спальни. «Вот она любовь... Настоящая... Пылкая... Страстная»,— думал Овсянников, упиваясь ее грудью. Руки любвеобильной женщины ласкали его. Он был на вершине счастья. Забыл детей, жену, работу, самого себя. Только эта чужая жена была сейчас совершенством его представления об отношениях мужчины и женщины. Встречи любовников продолжались три года. Они старательно скрывали свои связи. На производственных совещаниях инженер Марина Хлебникова подвергала резкой критике работу токарного цеха, и работники завода удивлялись смелости ее выступлений. Начальник токарного цеха Овсянников тоже не оставался в долгу. Бросал язвительные реплики в адрес отдела технического контроля. Но сказано в

Книге притчей Соломоновых, в главе шесть, стихи двадцать семь и двадцать восемь: «Может ли кто взять себе огонь в пазуху, чтобы не прогорело платье его? Может ли кто ходить по горящим угольям, чтобы не обжечь ног своих?» Узнала про все Анна, жена Овсянникова. Узнал обо всем Хлебников, муж Марины. О шашнях начальника цеха и Марины сплетничали на заводе.

— Ну, погоди, гад! Явишься ты домой! Будут тебе и блинчики... Будут и оладышки...— со злом швыряла Анна вещи мужа.

— Убью мерзавца! — в припадке бешенства бил посуду рассвирепевший Хлебников.

— Нет у него морального права руководить коллективом! — кричали в цехе поборники моральных устоев. Вахтовик-северянин, обозленный изменой жены, встретил Овсянникова у проходной завода и при всем честном народе крепко поколотил его здоровенным кулачищем. Вернулся домой, жестоко отхлестал ремнем непутевую жену, собрал вещи и улетел на Ямал. С подбитым глазом и синяками на ребрах Овсянников, еле живой, поднялся на свой третий этаж. У дверей родной квартиры его ждали два чемодана и дорожная сумка, как попало набитые рубашками и другим барахлом. Из одного чемодана торчал носок, из другого — рукав сорочки. Постоял Овсянников, поразмыслил, понял, что потерял семью и поплелся к Марине, встретившей его слезами. Поплакались любовники друг другу, громко выражая обиды на своих благоверных, и стали жить-поживать, да добра наживать. Под «добром» подразумевались новый спальный и кухонный гарнитуры, холодильник, цветной телевизор, стиральная машина, норковая шуба Марине, золотая цепочка и серьги ко дню ее рождения. Пальтишки, курточки, сапожки, ботиночки, игрушки ее детям. Еще многое другое, приобретенное на зарплату начальника цеха. Деньги Марины шли на косметику, педикюр, на парики и шиньоны, на подарки ее детям. Своим-то Овсянников ничего не давал, обиженный тем, что сыновья не простили ему ухода к другой женщине.

Рассчитывая всегда жить в квартире Марины, Овсянников сделал там капитальный ремонт. Своими умелыми руками. На свои личные сбережения.

— А теперь займемся дачей... Мой-то Хлебников ничего не делал там... Все на Севере своем пропадал,— заявила Марина. Она была уже не столь любвеобильна, как прежде, стремясь как можно больше выкачать из Овсянникова средств и сил, выжать из него все соки. Извлечь из сожительства с ним выгоду для себя и своих детей. На все его настойчивые просьбы прописаться в квартире, зарегистрироваться в ЗАГСе — с Анной к тому времени он развелся — и жить у Марины на законных основаниях, получал отказ.

— А детям моим что достанется? Ты подумал о них? — отвечала Марина.— Вот отстроим дачу и будем там жить с тобой... На природе... Дышать свежим воздухом... Рядом лес... Грибы, ягоды...

— Сколько можно мантулить на тебя? — вспылил Овсянников, но Марина резко оборвала его:

— Не нравится — можешь проваливать к своей Анне!

Ничего не оставалось, как упираться, подобно волу, на чужой даче, строить дом и баню, горбатиться на грядках, корчевать старые яблони, чинить забор и водопровод. Однажды Овсянников выпросил у Марины одно свободное воскресенье, сел на старенький мотоцикл, доставшийся ему после развода с женой, и приехал на озеро. Сбылась, наконец, мечта посидеть с удочкой у тихой заводи. На берегу сидел бородатый мужчина. Босой, в парусиновой шляпе, в сатиновой рубахе и пятнистых шароварах. Помахивал удилищем, сосредоточенно глядя на красное перышко поплавка. Рыбак рыбака видит издалека. Они узнали друг друга к взаимной радости обоих.

— Геннадий Степанович! Здравствуйте!

— Доброе утро, Сергей Анатольевич! Давненько не видел вас... В храме не появляетесь... На рыбалку не ходите... Рад видеть вас в полном здравии...

Сидя рядом, негромко беседовали. И Овсянников поведал священнику незавидную ситуацию, в которой оказался.

— Уловлен я сетями чужой жены, и как выпутаться из них, не знаю,— чистосердечно признался Овсянников. Отец Геннадий подсек жирного карася, похлопал, любуясь, рыбину по золотистому боку и шлепнул в красное капроновое ведро.

— Простые смертные, рабы Божьи, люди грешные... В молитвах спасение... В смирении, в почитании Бога, в соблюдении заповедей Божьих... Не понять заблудшей овце добрых наставлений пастыря своего, пока не испробует кнута его. А отбившись от стада, будет питаться лишь горькой полынью. Отвечу, Сергей Анатольевич, мудрыми изречениями из Книги притчей Соломоновых. Одна из них гласит: «Держи дальше от нее путь твой, и не подходи близко к дверям дома ее... Чтобы не насыщались силою твоею чужие, и труды твои не были для чужого дома». Глава пять, стихи восемь и десять...

— Все верно... Будто обо мне сказано... Вкалываю на чужих, как проклятый... Но что делать? Я уже в доме ее... Работаю, не разгибая спины, не покладая рук... То в квартире, то на даче... Зарплату всю отдаю... Как быть теперь?

— Оставьте эту женщину, пока в силе... Пока уважаемы на заводе... Возвращайтесь к прежней семье... Не сразу, понятно... Если нет возможности примирения с Анной... Кстати, она часто в храм ходит... Снимите квартиру... Уйдите от этой коварной женщины! Ибо сказал Соломон в той же главе, в притчах одиннадцатой и двенадцатой: «И ты будешь стонать после, когда плоть твоя и тело будут истощены, скажешь: «Зачем я ненавидел наставление, и сердце мое пренебрегало обличением?» И еще дает совет Соломон: «Не пожелай красоты ее в сердце твоем, и да не увлечет она тебя ресницами своими, потому что из-за жены блудной обнищевают до куска хлеба; а замужняя жена уловляет дорогую душу». Глава шесть, притчи двадцать пять, двадцать шесть... Ходите чаще в церковь, молитесь и утешитесь... Читайте Священное Писание... На все случаи нашей грешной жизни есть там ответ. «Ибо заповеди есть светильник, и наставление — свет, и назидательное поучение — путь к жизни... Чтобы остерегать тебя от негодной женщины, от льстивого языка чужой»,— поучает мудрый Соломон в главе шестой книги притчей, стихи двадцать три, двадцать четыре... Но еще ранее, в главе второй, он, обращаясь к юношам, наставлял: «Когда мудрость войдет в сердце твое... Тогда рассудительность будет оберегать тебя... дабы спасти тебя от жены другого, от чужой, которая умягчает речи свои...» Притчи десять, одиннадцать, шестнадцать... Красный поплавок задергался, притонул.

— У вас клюет, Геннадий Степанович!

— Вижу... Иди сюда, красавчик...

Священник снял с крючка карася, подержал немного в руке, восхищаясь его крупной, сверкающей чешуей, бросил в ведро. Насадил приманку, взмахнул удилищем, подальше забрасывая лесу с наживкой. Поплавок недолго краснел среди круглых листьев кувшинок, снова скрылся под водой. Еще один карась брякнулся в ведро.

— Горька трава полынь... Каждый, кто не приклоняет ухо к разуму мудрого Соломона, познает истинный вкус ее. Внемли наставлениям его, за десять верст обойди дом обольстительницы. А наставления Соломона предостерегают: «Мед источают уста чужой жены, и мягче елея речь ее; последствия от нее горьки, как полынь, остры, как меч обоюдоострый». Так поучает Соломон в Книге притчей, в главе пятой, стих четвертый. «Потому что блудница — глубокая пропасть, и чужая жена — тесный колодезь... Она, как разбойник, сидит в засаде и умножает между людьми законопреступников». Глава двадцать три, притчи двадцать семь, двадцать восемь... Не наскучило вам слушать наставления, назидания великого царя Иерусалимского? Нет? Тогда запомните две притчи о неверной жене, в сети которой попала душа ваша. «Дом ее — пути в преисподнюю, нисходящие во внутренние жилища смерти... По-

тому что многих повергла она ранеными, и много сильных убиты ею». Глава семь, притчи двадцать шесть и двадцать семь... Справедливо и точно сказано... Не правда ли? Вспомним дуэли, на которых пролилась кровь из-за женщин. Сколько сильных преуспевающих мужчин сгинули ради мига любви в тюрьмах, на галерах и каторгах! Нищета, на которую их обрекли блудливые женщины. Достаточно примеров?

Овсянников рассеянно кивнул.

— Помните о горькой полыни, Сергей Анатольевич... И дабы не пришлось с лихвой вкусить горечь ее, оставьте эту греховодницу... Ну, мне пора... До свидания... Храни вас Господь!

Не внял Овсянников мудрости Соломона. Не преклонил ухо к разуму его. Не прислушался к советам отца Геннадия. Шли годы... Овсянников продолжал пахать на семью Марины, надеясь, что рано или поздно станет ее полноправным членом с правом совместного проживания. Он не знал, что Марина и ее бывший муж Хлебников решили сойтись вновь. Однажды, поутру, собираясь на завод, он присел на корточки, завязывая шнурки на разбитых ботинках. Старший сын Марины, сержант-десантник, недавно вернувшийся из армии, легко поднял отчима, вскормившего его, за ворот куртки и за штаны, и словно поганого котенка вышвырнул за дверь.

— Пшел вон... Задержался ты тут,— выбрасывая на площадку кепку Овсянникова, сказал детина.— Отец с нами жить будет... Все... Вали отсюда!

— Я тебя кормил, обувал, одевал,— залепетал было Овсянников, но массивная железная дверь, вставленная накануне им самим, глухо захлопнулась и больше никогда не открылась перед ним.

Овсянников приехал на дачу, в которую вложил столько труда, надеясь обрести здесь покой, но застал там Марину в объятиях Хлебникова. Мастер бурения газовых скважин поднялся во весь рост, грозно подступая к нему.

— Ты чего хозяйничаешь в доме моем, заморыш? Как дам сейчас! А ну, сгинь! Еще раз увижу — кости переломаю!

Овсянников не забыл битых своих ребер, не стал дожидаться, когда кулак северянина величиной с тыкву вновь опустится на его поседевшую голову, и безропотно отступил за калитку, недавно выкрашенную им в зеленый цвет. В последний раз оглянулся на забор из металлопрофиля, возведенный тоже его руками, и за которым столько лет надрывался, и уныло побрел...

«Зачем? Во имя чего? Ради кого? — всхлипывал он. Первую ночь Овсянников провел на вокзале, где познакомился с хорошим, интеллигентным человеком, со слов его — бывшим археологом, тоже изгнанным из своей квартиры. Родственные души быстро нашли общий язык. Взяли бутылку водки и... Что было дальше, вы знаете...

Валентина Еремеева
(пос. Теплое Тульской обл.)

АВГУСТ

Закончила Московский государственный институт культуры. Работала в библиотеках. Писала рассказы для детей. Печаталась в журналах.

Люблю август за его ясные кроткие дни. Печать покоя и смирения лежит на всей природе. И убранное поле, и усохшая былинка, и потерявший свою красу цветок напоминают нам о чем-то более важном, чем повседневные хлопоты. В один такой день поехали мы с Викой в село Нарышкино. Вику крестили, когда ей исполнилось четыре года. При крещении батюшка дал ей православное имя Ника. Жили мы с ней вдали друг от друга и вдали от этих мест. Но вот получилось так, что едем вместе.

Нарышкино находится в восьми километрах от большой дороги, современного шоссе, а исторически — старой степной дороги, которая существовала с незапамятных времен (отвечная) и носила когда-то название Муравский тракт. По этому тракту шли древние кочевники от южных степей (от Дикого Поля) на Тулу и дальше — на Москву. Тульская земля хранила еще следы тех древних походов: когда-то рукотворный, теперь, живой природный памятник — Тульские засеки, уже утративший свое оборонительное значение.

В Нарышкино, в Свято Успенском храме меня крестили. Когда я подросла, мы с бабушкой ходили летом туда на церковные праздники. Шли пешком по обочине проселочной дороги, по натоптанной тропке, среди безымянных, бесчисленных трав, из которых я больше других запомнила кустистую ромашку. За «духовитость» любила ее бабушка и несколько пучков сушила на зиму для чая. Бабушка называла еще какую-то горлицу, но я забыла ее, и иногда, попав на луг, я спрашиваю себя, какая же она, эта горлица? И сама не знаю, зачем она мне нужна. Но травка эта, позабытая уже, связывала меня и с бабушкой, и с землей-травой, и той маленькой девочкой, которой я была когда-то.

До поворота на Нарышкино нам нужно было пройти километра три. Если сложить все километры, то выходило, что путь нам предстоял неблизкий. Восемь да три — это очень немало для старого и малого. Проезжающие по дороге колхозные грузовики останавливались, водители звали нас, но бабушка никогда не садилась в машину, она махала водителям рукой и мы шли дальше. Знали русские люди тайную силу дорог, чувствовала ее и бабушка. Она часто останавливалась. Я думаю, не от усталости: она была легкая, как птица, и дорога давалась ей легко. Сложив руки на палочке, она смотрела вдаль. Я тоже смотрела. Какой простор, как много неба, как близок горизонт! Казалось, что мы идем туда, к этой кромке, где сходится небо с землей, к тому краю, который на открытом пространстве так заманчиво близок — стоит только перебежать поле...

Законы пространства в полной мере владели открытой местностью. Они создавали иллюзию мира ограниченного, законченного и в то же время неизмеримо огром-

ного. Законы пространства в равной степени владели и ребенком, и стариком: невозможно было не чувствовать себя родственной полыни или хотя бы все той же забытой горлице, и в то же время не чувствовать свою причастность ко всей огромности мира. Ведь ни одна травка не была здесь лишней, не были лишними и мы.

Бабушка была немногословной, я же была в том возрасте, когда мир познается глазами, а не наукой. Я не запомнила никаких разговоров, а только этот простор, нагретую солнцем землю, легкие придорожные травинки — былинки, и ощущение самих себя как подобных бестелесных былинок.

Как сейчас я уже понимаю, ходили мы на Троицу и на Успенье к вечерней службе. Я запомнила, как вошла первый раз в храм, как жадно схватила моя детская, не обремененная впечатлениями память все внутреннее убранство храма. Как поразили меня царские врата, убранные розовыми цветами, но больше всего горка с распятием! Я и понять не могла, что это такое, а только трогала и трогала руками камни. На меня заругались, кто-то отвел меня от горки. Я заплакала, бабушка обняла меня и прижала к себе. Изо всех детских воспоминаний это, пожалуй, самое сильное. Может быть, от того, что связано и с большой радостью, и с горькой обидой.

Вечерняя служба заканчивалась поздно, вернуться домой мы не могли и ночевали в церкви с такими же дальними богомольцами. Храмы в окрестных селах были закрыты, и богомольцы стекались сюда из ближних деревень. Спали на полу. Я помню, как нам стелили матрасы, как, лежа на спине, я разглядывала высокий светлый купол и Бога, летящего к нам. Образ этот так и остался светлой печатью в моей памяти.

После утренней службы мы возвращались домой все той же дорогой. Вероятно, я мало запомнила бы свою бабушку, если бы не наша дорога. Как бы мне хотелось пройти ту нашу с бабушкой дорогу, пройти и вспомнить каждый теплый ее бугорок. Но, дороги той уже нет. Мы ехали на машине по хорошему шоссе, на обочине которого на месте нашей тропинки разрослась тополевая посадка с широкой полосой подлеска.

Время дорог, лугов, теплой земли, время странников, открытого неба, близкого горизонта — это время ушло. Когда я читала о Николае Рубцове, как шел он в «зверином поле» тридцать километров, у меня навернулись слезы. Как-то вдруг я поняла, что шел он за всех, кто не нашел и не прошел свою дорогу.

Мне и моей спутнице не суждено было попасть в храм. Службы проходили здесь только в воскресные и праздничные дни. Но я все-же надеялась, что подойдет кто-нибудь, может быть сторож. Но никто нас не встретил. А я всю дорогу думала, как распахнутся двери, и я увижу царские врата украшенные розами, горку с распятием и высокий светлый купол. И удивлюсь и обрадуюсь как в детстве. Радость эта жила во мне. Но никто нас не ждал, никто нас не встретил....

Мы обошли храм и задержались на некоторое время у детских могилок с каменными плитами. Моя спутница Вика-Ника хотела прочесть надписи, но время стерло их. От надгробных эпитафий остались лишь отдельные буквы. Сколько лет этим могилам? Вспомнился Бунин: «Из древней тьмы, на мировом погосте, звучат лишь Письмена». Далекий, далекий Бунин, а могилы общие.

Река Упа, на высоком берегу которой стоял храм, делала в низине петлю. Русло реки пересохло, пойма заросла бурьяном. Мы спустились в низину. Скучающие в безлюдье сухие травы обступили нас. Высокий бодяк с пуховыми шапками, сухие татарники и репейники стояли как стражники; легкие донники, когда-то медовые, а теперь превратившиеся в былинки, хранили сны давние... Мы взошли на пригорок и на некоторое время задержались, разглядывая речку, а также деревянную купель с куполом и крестом, поставленную у святого ключа. Августовское небо с высокими, чистыми, как снег, облаками, венчало все видимое земное пространство. Облака, у горизонта мелкие, приближаясь к храму, становились больше, выше. Какой просторной казалась под этим высоким небом земля!

Мать крестная рассказывала, как собрала нас, ребятишек, посадила на телегу и

повезла крестить, как телега покачнулась на мосту, и мы попадали в речку. Она вытащила нас из речки и мокрыми привезла в храм. Она часто вспоминала этот случай, я помню, как она смеялась и что-то говорила про телегу и речку. А сколько было детей, что было в церкви, кто крестил, какой батюшка,— говорила ли она об этом? Наверное, нет. Ведь все это было так обычно, так естественно даже в те злые для церкви годы. Некрещеных детей не было ни в одной семье. И все-таки жаль, что рассказано мало, а не пробудившаяся младенческая память ничего не сохранила. И спрашивать теперь не у кого. Слишком поздно я спохватилась. А речка? А земля? Мне всегда казалось, что Природа «пишет» свою летопись, и у нее есть своя память. Подобное чувство возникает, когда оказываемся мы в местах давно нами не посещаемых. Нам начитает казаться, что речка, лес, а в другом случае — дом или сад,— помнят нас, помнят маленькими или юными, что они скучали и ждали нас. Так показалось и мне, и я вглядывалась в каждую травинку, надеясь на ее помощь. Но травам был положен в удел только этот луг. Что могли они рассказать? Как полноводна была река от живительных ключей, обильных дождей и весенних вод? И река была другой, и село было другим. Неизменным оставался храм.

Об источнике, освященном в честь святителя Николая, я и вовсе ничего не слышала. Напрасно сокрушаться и задавать себе вопросы: почему чужую землю мы знаем лучше, чем родную? Но можно хотя бы утешить себя тем, что есть куда вернуться, что есть источник, из которого можно напиться светлой воды.

Мы пошли сначала к ключику и довольно долго плескались в солнечной светлой водичке. От ключа вода бежала в купель по желобу, живым ручьем протекала сквозь нее, и ни одна капля не успевала нагреться. Вода была жгучая, ледяная. Я окунулась и, опасаясь, что для моей маленькой спутницы она будет чересчур холодна, хотела ее подготовить. Но Вика разделась и окунулась по-солдатски без единого возгласа. Полотенце мы забыли и оделись мокрые. Уходить не хотелось. Вода, бегущая с пригорка (ключ бьет на горке), стекающая светлыми потоками по камешкам, так и манила к себе. Мы еще поплескались у ключика как две веселые птички, только чтобы продлить нашу радость. Вика радостно сообщила мне:

— Папа обещал взять меня зимой на прорубь. Мы пойдем с ним вдвоем.

— Берите маму, пойдете втроем.

— Моя мама татарка,— проговорила она тихо и невнятно. Непростой вопрос веры уже тревожил ее детскую душу.

— Окреститься может каждый — успокоила я ее, и она заговорила быстро и радостно:

— Я уговариваю маму родить мне братика или сестричку. Вот как она родит мне братика или сестричку, так мы пойдем вчетвером.

Говоря это, она заметно повеселела, и с особенным азартом плескалась в чистых, блестящих на солнце брызгах. Это были светлые минуты радости и для меня тоже. Насколько беднее была бы моя поездка без этого ангела, а возможно, и вовсе не имела бы смысла. Раньше я думала, что была бабушке обузой. И только теперь через пятьдесят лет я поняла, почему она брала меня с собой. Но почему бабушка брала с собой меня, а не моих старших сестер? Почему я оказалась здесь с этой девочкой? Вопросов много, ответы у Бога: «...пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших».

— А ты помолись Николаю Угоднику, он и поможет,— очнулась я от своих раздумий.

Она подошла к иконке, которая висела на стене и прочитала молитву.

— Может быть, и не сразу родится,— предупредила я восьмилетнюю девочку, чтобы не ждала она мгновенного чуда.

Сестрица Арина родилась «сразу», на следующий год, в октябре.

Евгений Асташкин
(Омск)

ЕДИНСТВЕННЫЙ ЗРИТЕЛЬ

Наш постоянный автор. Лауреат всероссийской премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Член Петровской академии наук и искусств.

Увидев в газете объявление о продаже домашней библиотеки, Роман позвонил по приложенному номеру и узнал, что среди книг имеются три десятка томов «Библиотеки всемирной литературы», которая выходила на протяжении двадцати лет и позиционировалась в прессе как крупное культурное достижение. У него как раз недоставало некоторых экземпляров, поэтому решил съездить по адресу. Добираться оказалось далеко, чертовски трудно разыскивал дом с литерой Г — столько оказалось в том микрорайоне пятиэтажек с одинаковым номером.

В квартире скучала супружеская пара постарше Романа лет на десять, им уже за пятьдесят. В зале вся глухая стена оборудована стеллажами, и среди книг уже образовались значительные бреши. Хоть и чувствовалась родственность интересов, но угадывался зародившийся процесс переформата в угоду современным трендам, раз начали спешно избавляться от всего печатного в доме.

Роман покопался в этом собрании и выбрал три томика из второй серии. Особенно долго ему не попадались в «Букинистах» Андерсен и Мольер, уже и не надеялся их найти. А тут и суперобложки хорошо сохранились, что бывает редко.

— И это все? — хозяйка не скрывала разочарования.— Я думала, вы занимаетесь книжным бизнесом и увезете добрую половину...

— Ну кто сейчас зарабатывает на этом? — в свою очередь удивился покупатель.— Большинство книжных магазинов позакрывалось, сами знаете...

— Но вы же что-то ищете...

— Так устроен. Давно мечтал заиметь некоторые подписки, особенно «огоньковские»: Цвейг, Мопассан, Стивенсон, Уэллс, Джек Лондон, Конан Дойль. Еще в школьном возрасте любовался обложками пузатых шеститомников Майн Рида и Фенимора Купера. Даже не верилось, что когда-то можно будет достать такое. А в перестройку новое поколение стало совсем другим. Отдавали все подряд за бесценок. Сейчас у меня собрано почти все. Утром просыпаюсь — взгляд сразу натыкается на эти ряды томиков с заветными корешками. Душа не устает радоваться. А мне больше ничего и не надо. Я еще той, старой закваски. Вот осталось кое-что добрать из БВЛ...

Роман предложил за каждый том по сотне. Хозяйка сделала тоскливое выражение лица.

— Я все подписки скупал в основном по пятьдесят рублей,— обосновал Роман столь скромную оценку хозяйских книг.— По таким ценам продавали даже в «Букинистах». Вовремя успел...

— А вы где работаете? — хозяйка стала переводить разговор в другое русло.

— Когда-то занимал неплохие по тем временам должности в своем поселке, по-

могало высшее образование. А с переездом в Омск нормальной работы не нашел. Вот и подрабатываю, как могу. Пятый год, как перестал накапливаться стаж.

— А вы не хотите поработать в нашей фирме? — внезапно предложила хозяйка.— Частное предприятие «Цептер». Может, видели такую вывеску на улице Мира?..

— Раньше во многих городах были такие центры. Двоюродный брат несколько лет назад купил в Калининграде целый набор посуды из особого сплава. Дюже дорого, даже боится все это использовать по прямому назначению. Добро в фирменных коробках таится на антресолях. Я даже не видел ни одного прибора — отложено «до лучших времен». Но у этих времен стойкое свойство — никогда не наступать...

— Нет, вы сначала попробуйте, потом будете сомневаться,— не отступала хозяйка от затеи, поняв, что не особо заинтересовала гостя.— Могу предложить работать по договору. Будет идти процент с каждой продажи. Дам вам специальные бланки, ищите клиентов среди своих знакомых. Заключите договор — и сразу к нам...

— Я уже обжигался на этом. Опять без трудовой книжки. Сплошной сетевой маркетинг...

— У нас не маркетинг...

— Везде теперь отбояриваются от этих слов, но суть не меняется. Я должен вдохновить родственников на не особо нужные покупки и на этом все закончится. Так сколько я должен вам за эти книги?

— Давайте так,— упрямилась хозяйка.— Договор — книга, договор — книга...

При слове «книга» она пристукивала по Мольеру правой ладонью, держа на весу томик левой рукой. Роман понял, что не сторговались, пора откланиваться. Да и дела в этом омском филиале «Цептера» явно дышат на ладан, раз семья дошла до продажи собственной библиотеки. Наверняка даже не хватает средств на аренду помещения. А еще зазывают на работу...

— Вы семейный? — прорезался голос хозяина, до сих пор хранившего молчание.

— Как говорится, все в прошлом. Но кого сейчас этим удивишь?..

— У нас можно познакомиться с интересными женщинами,— как-то фальшиво прозвучало это из уст сильной половины союза.

Роман подобные разговор уже воспринимал сродни запрещенному удару в боксе. Все эти знакомства — бранная тема. Ожидание и реальность настолько отнесены друг от друга невидимыми волнами, что в результате один вместо фотомодели увидит предпенсионную Матрену с базедовыми очами, а другая вместо бесхозного олигарха — очередного тщедушного нищеброда, зацикленного на том, что кто-то по достоинству оценит его богатый внутренний мир. Счастливый исход — в пределах погрешности, как учит высшая математика.

Не так давно одна его шапочная знакомая, демонстрируя к нему полное расположение, пригласила к себе на работу — «просто посмотреть». Он сразу насторожился: если будут что-то навязывать приобрести, то не стоит тратить времени, он не собирается раскошеливаться невесть на что. Но его заверили: да ничего подобного!..

И вот он, нарядившись, пришел в какой-то офис по начертанному адресу. Знакомая подвела его к столу, за которым восседала весьма ухоженная начальница с расписными накладными ногтями, а сама отошла на безопасное расстояние, скромно потупившись и вмиг ставшей отчужденной. А Романа сразу принялись профессионально охмурять огромными заработками. Надо только сделать первый взнос да накупить кучу рекламных проспектов с брошюрами. Всего на какую-то жалкую тысячу...

И снова перед ним те же грабли. Остались нынче хоть какие-то приличия в человейнике или все уже на свалке?..

Перед уходом гостя хозяйка напомнила ему, что послезавтра она будет в офисе проводить новую презентацию, так что милости просим в два часа.

Разумеется, Роман не собирался снова совать свою голову в пасть виртуального

льва, знаменующего нынешний бизнес, но его что-то слабенько торкнуло: да сходи, не растаешь! И он навострился в этот местный «Цептер».

В зале на втором этаже, заставленном рядами кресел, одиноко сидела девица под тридцать лет, с ровно выпрямленной спиной, как у военного. Директриса, уже знакомая ему, попросила присаживаться на любое место и немного подождать, а сама прошла в крохотную боковую комнатку. Роман присел с краю и задумался. Где же заморские товары?

В это время в зал с улицы ворвались две запыхавшиеся тетушки и, перебивая друг друга, заголосили:

— Мы шли с пляжа и решили завернуть сюда... Вот что мы дома приготовили и все благодаря «Цептеру»...

В руках они держали горбушки черного хлеба, а сверху было что-то набрызгано, если не хуже.

— Неделю назад мы купили здесь электрическую шинковку, не можем теперь нарадоваться на нее!..

Роман не успел опомниться, как перед его носом оказался один из этих хлебных ломтиков самого бюджетного вида, скромнее не бывает даже у студентов.

— Угощайтесь!..

Такой же гастрономический презент был преподнесен и девице. Роман с удовольствием скормил бы это угощение своему дворовому псу Мухтару, но он за много километров возле своей законной будки. Девица в центре зала тоже стала затяжно рассматривать и крутить горбушку, прежде чем поднести ее к своим зубкам. Делать нечего, Роман последовал ее примеру.

В зале у окна на подставке громоздился хитроумный агрегат, состоящий из переплетений блестящих трубок и других непонятных узлов. Директриса заведения на минутку подошла к агрегату и произнесла:

— Можете пока осмотреть этот уникальный фильтр для очистки воды фирмы «Цептер». Идеальная вещь для каждой семьи. Стопроцентная очистка от тяжелых металлов, взвесей и бактерий. Стоит он, конечно, приличный денег, две тысячи долларов, но здоровье дороже. Кстати, вот это девушке жених сделал свадебный подарок — заказал такой фильтр. Сегодня его заберут. Но сначала я проведу презентацию и немного расскажу о продукции фирмы «Цептер» и подробней об этом фильтре. Посидите минуточку...

Она снова удалилась в свой кабинет. Роман подошел к агрегату — подивиться на это чудо техники. Сплошная нержавейка, все сделано на веки вечные. Даже непонятно, что к чему, куда заливать воду, откуда она будет выцеживаться очищенной. Да, не густо для презентации, совсем не густо! И цена, однако...

Неужели думают, что он тоже потенциальный покупатель? Возьмет и вот так играючи вынет из кармана столько баксов...

Видимо, все-таки считают, что Роман способен «лохануться», как торгаши выражаются между собой. Эти тетки явно подставные. Явились, видите ли, с пляжа. Получается, понесли свои бутерброды туда, позагорали, а потом доставили это нехитрое угощение сюда. Не хозяйку же угощать. Заранее ведали, что может прийти новый мужчина и будет эта девушка. Ровно два кусочка приготовили. Куда же они примащивали эти бутерброды на пляже, не на песок же? С собой нет никаких пакетов. Принесли сюда горбушки прямо в руках. Наверняка живут в этом же доме...

Невеста покосилась в сторону Романа и боковым зрением просканировала его с ног до головы: клюнул ли он, созрел для покупки? Вовремя Роман перехватил ее пытливый взгляд и снял с ее губ кривулину затаенной улыбочки. Неужели и эта подставная? Все шито белейшими нитками, если вдуматься. Почему рядом нет жениха? Если он решился на такой свадебный подарок, ему не терпелось бы сразу продемонстрировать широкий жест и оплатить покупку, а не перекладывать все на хрупкие

женские плечи. Как она будет выносить этот агрегат? Да она и не поднимет его. Значит, не нашлось статиста, который исполнил бы роль жениха. Бывает...

И что за странный подарок на свадьбу? Обычно дарят что-то более романтичное. А для этого агрегата понадобится отдельный стол на кухне. Может быть, его даже нужно подключать к сети. И потом каждый гость будет с опаской разглядывать невиданную конструкцию, похожую на реактивный двигатель. Вдруг он сам заведется и вылетит в форточку, если ему вздумается порезвиться на свободе...

Роман вернулся на свое место. Больше рассматривать было нечего. Скорее всего, осталось навязать кому-то этот неликвид перед закрытием прогоревшего офиса.

Через какое-то время из своего крохотного кабинетика в легком возбуждении высеменила владелица фирмы с двумя гранеными стаканами в руках.

— Посмотрите, какая вода была, и какой стала после пропускания ее через этот немецкий фильтр.

В правом стакане вода была черной, словно в ней размешали угольную пыль, а в левом — идеально чистой.

— Мы только что пропустили эту грязную воду из радиатора, и вот какой она стала, можно прямо пить...

Романа позабавило это «мы». Хозяйка была одна в той крохотной комнатке, ее скромнейшие габариты легко оцениваются через приоткрытую дверь. Хочет продемонстрировать, что у нее целый штат сотрудников, которые только что провели вместе с ней эксперимент с водой центрального отопления. Да если бы там была такая грязная вода, все насосы сразу засорились бы и вышли из строя. В котельных воду заливают не абы какую, такая черная может быть только в совершенно сгнивших трубах аварийного помещения.

Наконец хозяйка заведения все-таки начала свою презентацию. Она казенными словами косноязычно сыпала комплементы в адрес забугорной фирмы, творящей настоящие чудеса. Роман недоумевал: зачем так называемой невесте все это слушать, раз будущий муж уже решился на такую большую трату? По идее он должен был еще накануне ознакомиться с этим мастодонтом.

Теперь Роман уже не сомневался: все это действо предназначено лишь для его персоны. Однако в сценарии столько проколов, все недокумекано до конца, рассчитано на олуха царя небесного.

— В общем, «Цептер» — это круто! — молодечески закончила матрона свою скомканную презентацию.

Роману невольно вспомнились делано резвые телевизионные ведущие и члены жюри, которые так и этак бросались этим словечком, оценивая таланты на сцене. Видимо, других терминов не находилось в их пустых до звона головах.

Директриса устало кивнула девице, едва сдерживающей позыв к хохоточку:

— Пойдемте оформлять договор.

Роман остался в обществе двух тетушек, которые все это время почему-то сидели не в креслах, а на двух стульях в проходе.

— Ну и как вам презентация? — клекло поинтересовалась одна из них у единственного здесь мужчины.— Купили бы вы себе такой фильтр?

— Да я никогда в руках не держал таких денег! — прикинулся валенком Роман.— У меня дома обычный стеклянный кувшин за двести рублей.

Он, конечно, прибеднялся. Готовясь к переезду из провинции, он с великим трудом собрал нужную сумму для приобретения в Омске бросового дома, который стоил впятеро больше этого навороченного неликвида немецкого качества. Теперь его кубышка была пуста, и неизвестно, когда она снова наполнится. Надо приводить дом в божеский вид, чтобы он не рассыпался. Ничего, как-нибудь выкарабкается. Главное — дом в хорошем месте, не гудят машины за окном, остановка рядом. Большой участок, который прокормит. Матушка постоянно копается на грядках. Она бы и ра-

да, чтобы в доме появилась помощница, но каждое новое знакомство Романа с местными разведенками стойко венчается их лукавством с ароматом меркантильности, если она имеет какой-то запах. Как получилось и с той, последней, которая привела его в свою фирму, чтобы заработать на нем хоть копейку. Наверное, по-другому нынче не бывает.

Шустрые товарки жевали губами, не зная, что больше сказать. Роман не выдержал и посочувствовал им:

— Это же сколько надо потратить сил, чтобы подготовить такую импровизацию! Мне сразу вспомнилась грампластинка, которую мы в школьную пору крутили дома. Там юморил Аркадий Райкин: «На сцене битком, в зале — три сестры плюс дядя Ваня-пожарник...»

Собеседницы разочарованно выдохнули, махнув на все рукой:

— А-а, не умеет она рекламировать!..

Вот и сдали свою патронессу. Небось, пообещала им какой-то процентик. А еще морочили Роману голову: договор — книга. Это если бы он уговорил кого-то разориться на две тысячи баксов, а других товаров здесь нет, тогда ему за это дадут один томик из «Всемирки». Да он на проезд больше потратит!..

Романа никто не задерживал. В кабинете загадочно шептались о чем-то, явно дожидаясь, когда он покинет помещение.

И все-таки на это раз Роман не жалел о потраченном времени. Он убедился, что бывают бесплатные концерты для одного единственного зрителя...

Илья Чесноков
(г. Белгород)

НЕПРИДУМАННАЯ ИСТОРИЯ

Чесноков Илья Владимирович. Родился в Чимкенте в Казахстане. Публиковался в журналах.

Удавалось ли вам когда-нибудь пролетать над отрогами Таласского Алатау Западного Тянь-Шаня? С высоты птичьего полета вы увидели бы тянущийся на восток каменистый хребет Каржантау, укутанный изумрудной зеленью. Это Южный Казахстан. Спускаемся ниже и видим жемчужную рассыпь пионерских лагерей. Они разбросаны вдоль горных рек: Машат, Арысь, Бадам и Бугунь.

В далекие восьмидесятые сюда приезжали тысячи детей отдохнуть и поправить свое здоровье. Хрустальный предгорный воздух, настоянный на ароматах степных трав и охлажденный горными речками, делал свое целительное дело. Родители старались отправить сюда детей на все лето, надеясь за это время закончить ремонты и решить семейные проблемы.

Среди живописных просторов у поселка Тюлькубас Чимкентской области находился пионерский лагерь текстильщиков «Горный». Здесь отдыхали дети сотрудников двух гигантов легкой промышленности города: фабрик «Восход» и «Эластик».

«Горный» раскинулся у подножья холма метров триста в высоту, на вершине которого гнездилось орлиное семейство. В низине справа от лагеря шумела урюковая роща, своими ярко-оранжевыми плодами устилающая все пространство между деревьев так, что не было видно земли. Слева от нее уютно вытянулся рядами яблоневый сад с низкорослыми деревьями, дающими богатый урожай яблок разнообразных сортов. За садом простиралось пшеничное поле, охраняемое местными объездчиками. Те, важно раскачиваясь на степных низкорослых кобылках, степенно объезжали по периметру колосистые владения. У подножия кустистого взгорья, чуть в стороне от этого фруктового рая, весело прыгал по камням узенький горный ручеек. И казалось, что своим веселым переплескиванием он рассказывает какую-то восточную сказку. Только знай — прислушивайся.

А теперь вернемся в наш жаркий Чимкент, что уже многие века величественно хозяйничал на юге Казахстана. В воздухе благоухал последний май Советского Союза. Переходя дорогу по молодецки пружинистой походкой и докуривая сигаретку, домой возвращался Юрий Константинович, слесарь вышеназванной фабрики «Эластик».

Это был худощавый мужчина, невысокого роста, чуть за сорок. Мурлыча под нос какую-то мелодию, он нес домой хорошую весть. Взбежав на четвертый этаж и распахнув дверь, Юрий Константинович словно выстрелил:

— Получилось!

В прихожую моментально высыпало все его семейство: жена, средняя дочь, младшая дочь и лохматая дворняжка Чунька. Старшая дочь обещала приехать позже.

— Что? — выпалило семейство в один голос.

Отец семейства посмотрелся в зеркало трюмо, поплевал на пальцы, подправил на чубе любимые три волны русых волос, привычно крутанул правый ус и, довольный своим видом, повернулся к семье:

— Я договорился с руководством фабрики, и вы втроем едете в «Горный» работать на все лето. Завтра утром отправка в восемь утра от проходной фабрики.

— Ура! — дружно выкрикнула женская половина семейства. И только Чунька, пробурчав что-то на своем языке, отшатнулась в сторону.

Юрий Константинович нагнулся и, имитируя затачивание ножа, стал обтирать ладонь об ладонь, приговаривая: «Вжик — вжик, вжик — вжик». Он так делал, чтобы позлить дворнягу. Увидев это и услышав душераздирающее «вжик-вжик», собака, вытаращив от ужаса глаза, пулей улетала под диван, где, поджав лапы, тихо повизгивала. Но она умела и мстить. Зная пристрастие хозяина к сигаретам, Чунька, найдя пачку, вмиг разрывала ее в клочья. И, как часто бывало, когда Юрий Константинович поздно возвращался с вечерней смены, центр зала был усеян разорванными сигаретами и табаком. Сама же дворняжка уже привычно дрожала в своем укрытии. Поэтому Константиновичу приходилось прятать сигареты высоко на шкафах.

На этот раз Чунька, поняв, что ей будет не просто и это надолго, схватила с кресла накидку и нырнула в свое убежище. Улегшись поудобнее, она начала тихо порыкивать то ли прося перемирия, то ли демонстрируя угрозу. Константинович заглянул под диван:

— Да, да. Ты правильно поняла, собачка. Мы с тобой остаемся дома на хозяйстве. А сейчас я займусь неотложными делами.

Он вытащил из кармана свежий номер южанки (газета «Южный Казахстан»), плюхнулся в кресло и уставился в первую же случайно пойманную строчку. Новую пачку сигарет он положил рядом на журнальный столик. Мелкое рычание из-под дивана стихло.

Времени до поездки оставалось мало, семья начала активно собираться. Наконец-таки им удастся выехать на все лето из жаркого и загазованного города на свежий воздух. И предстоящая работа воспринималась ими как долгожданная прогулка длиною в лето. Но перед их отъездом я хочу поближе познакомить читателя с героями этой непридуманной истории.

Лариса Павловна, жена Юрия Константиновича,— начальник операторского отдела Главпочтамта города Чимкента, женщина цветущего вида и здравого взгляда на все и навсегда. Ей удалось объединить неиспользованные отпуска и отгулы за прошлые годы в один большой период. Наталья, старшая дочь, была уже замужем и жила отдельно от родителей. Она тогда работала в управлении пожарной охраны Шинного завода помощником инспектора. И муж ее, Владимир, также был пожарным в звании капитана. Поэтому внутрисемейные «возгорания» тушились профессионально и мгновенно. Маша, средняя дочь, претендующая в скором времени на «Мария Юрьевна», студентка педагогического филфака, любящая больше заниматься народными танцами, чем филологией, и Виктория, младшая дочь, мечтающая утереть всем нос своим кулинарным искусством, но только при наличии современного кухонного оборудования. Рано утром следующего дня вся троица с чемоданами и документами стояла уже у фабричного автобуса.

Устройство на работу в лагере заняло несколько минут. Ларису Павловну взяли уборщицей помещений, Викторию — работницей в столовую, а Марию Юрьевну, как подающего надежду педагога, воспитателем в пионерский отряд.

Лето палящим шаром прокатилось по отдыхающим, озолотив загаром плечи и ошпарив носы. Август, роняя желтеющие листья, направлялся в гости к сентябрю. Четвертый лагерный сезон заканчивался.

Лариса Павловна давно уже мечтала побывать в этом лагере, где ее дочь, Мария, вожатой работала уже несколько раз. Павловне в лагере все сразу понравилось. Еще

бы! Лето, солнце, воздух и возможность заработать. Да и дочери были рядом. Чего еще можно было пожелать? Днем она мыла коридоры и спальни, а вечером работала на кухне. Лариса Павловна сама искусно готовила и поэтому ее помощь поварам была очень нужна. В свободное от работы время она не сидела сложа руки. Для начала Лариса Павловна исследовала всю территорию лагеря вдоль и поперек. Затем попыталась помогать дочкам, хотя этого и не требовалось. Не теряя времени, Лариса Павловна «засучила рукава». Ее энергичности можно было позавидовать. Она сушила фрукты и колола урюковые косточки, собирала целебные травы, сушила сухари и копила пустые банки из-под сока и повидла, загорала под лучами заходящего солнца, подкармливала белок с руки в надежде поймать хоть одну и привезти домой. Сразу было видно, что начальник операторского отдела выжмет из этого лагерного лета пользу до последней капли, не пропустив ничего мимо своих рук. В итоге собранного богатства накопилось несколько мешков, ящиков и коробок. А чего переживать? Дочки помогут дотащить.

В первый же день Лариса Павловна со всеми перезнакомилась. Где-то между обедом и полдником у нее появилась подруга — Лиля, повар — кондитер. Общих тем для разговоров оказалось предостаточно. Обе любили поболтать. Лиля работала в лагере уже несколько лет и знала о нем все. Через несколько дней она, заканчивая работу и переодеваясь, предложила:

— Павловна, давай отдохнем как-нибудь вечерком у ручья за стадионом.

— А давай,— поддержала подруга, словно ожидала такого предложения: — А что мы возьмем с собой?

— А мы вино сделаем,— подмигнула Лиля: — Смотри.

Лиля взяла трехлитровую банку виноградного сока, которую не успели разлить на полдник детям, проделала в жестяной крышке посередине ножом небольшую дырочку и бросила в нее кусочек дрожжей и немного сахара. Взболтав банку, она поставила ее под стол в раздевалке, аккуратно укутав горлышко банки куском марли.

— Ну вот и все! — улыбнувшись, заверила повар-кондитер свою новую подругу: — Теперь подождем пару дней и божественный напиток готов.

Прошло два дня. Наступило воскресенье. Подруги, взяв с собой банку с мутным содержимым, столовские стаканы, вареную курицу, яйца и выпечку, направились к ручью. Время было послеобеденное. Солнце палило беспощадно. Ни ветерка, ни дуновения. Добравшись до места, женщины расположились в тени векового ясеня, который рукастым великаном щедро бросал тень к своим узловатым корням. Коричневые корни были похожи на огромные пальцы, высунутые из каменистого грунта и прочно удерживающие дерево на земле.

Женщины аккуратно расстелили покрывало, в центр поставили банку со стаканами, а вокруг разложили закуску. Со стороны лагеря была слышна музыка. Перекатистым эхом горланил пионерский горн. Обрывками летели к небу какие-то объявления по лагерному радио, а у женщин был законный выходной. Выпив по стакану забродившего сока, они прилегли на покрывало.

— А чего бы нам не позагорать,— потягиваясь предложила Лариса.

Оглянувшись по сторонам, они стянули с себя платья, скинули обувь и остались в нижнем белье. От ручья повеяло прохладой и подруги, прикрыв глаза, сладко задремали.

Не успели они засопеть, как вдруг где-то над головами послышалось топанье и ржание. Первой очнулась Лариса. Разлепив веки и прикрывшись от солнца ладонью, она увидела лошадиную голову. Та склонилась к несъеденным за трапезой булкам. Над ее спиной чернел силуэт. «Всадник без головы»,— мелькнула мысль у Ларисы.

— Лиль, а ты что в банку кинула кроме дрожжей? — спросила Лариса, не отрывая взгляда от лошади.

— Сахар,— протирая лицо, ответила та хрипловато,— а что такое?

— Да вот, полюбуйся, у нас гости,— сказала Лариса, прикрываясь полотенцем.

Приподнявшись на локтях, подруги протерли глаза и начали всматриваться в непрошенных гостей. Перед ними действительно стояла худющая лошаденка с человеком на спине, жующая булку. Всадником оказался пожилой казах, одетый в теплую куртку, подпоясанную солдатским ремнем. Он крепко сжимал коленями выпирающие кобыльи ребра. На голове его красовалась солдатская шапка-ушанка с кокардой, согнутой по-дембельски. Пытаясь повнимательнее рассмотреть женщин, он наклонился чуть ниже и прошамкал:

— Эээ! Ви кто? Ви откуда, а? Эй, женьщин! Ви что делать здесь?

Лошадь потянулась мордой к банке. Учуяв запах, она прикрыла глаза.

Лиля, подбоченясь, проговорила нараспев:

— Чего тебе надобно, старче? Видишь, мы здесь отдыхаем? Езжай, куда ветер гонит!

— А давай мы лошадь напоим,— прошептала Лариса.

— Ты глянь на лошадь. Она тут же рухнет и старика придавит. А нам потом отвечать за порчу имущества.

Тут осмелела Павловна. Поднявшись на ноги, она вплотную подошла к лошадиной морде и дыхнула ей в ноздри:

— Ты скажи мне, Буцефал, чего хочет твой наездник!

— Лариса, отойди, а то лягнет!

— Не лягнет. Она, как и мы с тобой, отдохнуть хочет.

Дед отвел кобылку в сторону:

— Эй, женьщин, а ну, давай, эта… иди давай!

— Пшеницу мы твою не топчем, яблоки не рвем. Позагораем еще немного и пойдем. Бельмеса, ата*?

Лиля, накинув на плечи полотенце, взяла последнюю булочку и подошла к лошади. Та, изможденная жарой, приняла угощение, замотав головой в знак благодарности. Лиля указала деду на дорогу:

— Кет**, ата! Кет!

Тот развернул клячу, буркнул «шайтан баба» и заковылял по пыльной тропинке. Лошаденка только и успела проржать что-то похожее на «До встречи!»

Настроение было испорчено. Подруги полежали, позевали, глотнули еще по полстакана, а мутные осадки вылили в ручей. Сложили недоеденное в сумки и отправились в свое лагерное жилище.

После ужина Лиля, вытирая о передник руки, подошла к подруге:

— Слушай, Лара, а сегодня ведь по графику дискотека.

— Знаю. Маша будет там со своим отрядом. И Вика решила помогать ей с дисциплиной. Я уже говорила им, что хочу прийти, но услышала лишь: «Чего ты там будешь делать, мам? Громкая музыка, шум, суета, малышня под ногами. Тебе не понравится!»

— Ну и ладно,— не унималась Лиля: — А мы тихонько, по-партизански, будем смотреть из-за кустов.

— По-партизански? Из-за кустов? А комары не заедят?

— А мы намажемся кремом.

— Хорошо. Крем с тебя.

У центрального входа в столовую располагалась большая площадка, выложенная из тротуарных плиток, где строились отряды, идущие на обед. Вот здесь и проводились дискотеки через день, чередуясь с показом кино. По периметру площадки на деревья навешивали гирлянды с лампочками. У дверей в столовую слева и справа устанавливали звуковую аппаратуру, а в центре ставили стойку с микрофоном для объявлений.

---

* Дед.

** Уходи.

Как только начало смеркаться, у столовой зажглись лампочки. И площадь вдруг превратилась в сказочный островок музыки и радости — в танцплощадку. Прохладный воздух фонтаном взвился к небу первыми аккордами. Началась дискотека. Многие с нетерпением ждали ее, чтобы повеселиться и слиться с ритмами диско. В лагере старались соблюдать установленные правила и не подводить вожатых. Нарушителей дисциплины на дискотеку не пускали. Мальчики приглашали девочек, а пионервожатые строго следили за порядком. Все чаще и чаще раздавались крики: «Медляк давай!», «Включай зарубежку!». Глаза, привыкшее к яркому свету, уже ничего не могли рассмотреть в темноте между кустами и деревьями.

Этим и воспользовались две белые фигуры, по-партизански продвигающиеся к намеченной цели, как мотыльки к свету. Знакомые нам подружки, переодевшись ко сну, вслепую, раздвигая ветки и затаив дыхание, пробирались на звук. Азарт, заквашенный на самодельном напитке, делал свое дело. Со стороны можно было принять их за приведения или инопланетян. Женщины выбрали для себя толстые тополя, за которыми и спрятались. Они прижались к ним вплотную, присев на корточки. Мошки и все другие насекомые, дежурившие в это время у танцплощадки, с большой радостью стали атаковать пришельцев в белом, но крем, густо намазанный, их тут же отпугивал. Зато пыль от коры и мелкие листья прилипали с удовольствием. Постояли они, посмотрели, послушали и, позевывая, решили возвращаться назад.

— Ну что, пошли спать?

— Пошли.

Думая, что проложили своими телами целую просеку, занимая позицию, они ошиблись. И пошли не в ту сторону. Вновь ломая ветки и царапаясь, они, не дойдя до своего корпуса, повернули налево и через десять минут протискивания уперлись в медпункт. Поняв, что пришли не туда, подруги остановились, чтобы отдышаться. Лариса, подняв зачем-то голову вверх, стала искать Полярную звезду, а Лиля наслюнявила указательный палец и подняла его. Но оба эти метода юных пионеров не помогли и подруги, развернувшись, в полной темноте отправились обратно. Где-то вдалеке эхом бухала музыка. Прихватывая с собой паутину, прилипшую к лицу, и спящих пауков, поругиваясь вполголоса, путешественницы бродили так около получаса, пока наконец не заметили бассейн, отражающий своей водой сонные звезды. Рядом стояли спальные корпуса сотрудников лагеря. Подруги медленно двинулись вперед.

А в это самое время за углом бледного в лунном свете здания, в сторону которого двигались наши путешественницы, обнимались влюбленные. Это были вожатые — практиканты, приехавшие в лагерь по направлению. Оставив своих воспитанников, они нашли самый, как им казалось, удаленный и тихий уголок. Ничего не подозревающие молодые люди, услышав треск веток, обернулись: на них сквозь серебристую листву медленно надвигались два существа в белом с вытянутыми вперед дрожащими руками. Они издавали какие-то звуки, похожие на заклинания. Молодые люди сделали шаг назад, но, услышав треск веток под своими ногами, остановились. Существа продолжали приближаться. Юноша крепче обнял подругу, которая уже опускалась от испуга на землю. Молодой человек распахнул во всю глаза и заорал: «Ааа!!!». Ломая ветки и ударяясь о деревья, они что есть силы ринулись вглубь рощи в кромешную темень с криками: «Помогите! Приведения!».

Долго еще в близлежащем поселке ходили слухи о двух приведениях, блуждающих по ночам между корпусами отдыхающих в лагере «Горный». Они, якобы, заглядывали в окна, хватали полуночников, утаскивали их с собой высоко на вековые урючины, высасывали из них душу, а опустошенные тела сбрасывали вниз в бассейны, где их уже ожидали жадные звезды, качающиеся из стороны в сторону. Эта история обрастала новыми подробностями и превратилась в легенду о приведениях, как предвестницу развала Советского Союза. Местные пьяницы, слушая эту душераздирающую историю, спешили домой и, крестясь, закрывались на все засовы. Маленькие дети переставали плакать и быстро забирались под одеяло.

В момент встречи с практикантами Лариса и Лиля мгновенно остановились. Не зная, что делать, они стояли до тех пор, пока влюбленные не скрылись между деревьями.

— Лара, что это было?

— Наверное, какая-то игра новая. Ну, например, «Узнай приведение — передай дальше». Эту молодежь не поймешь сейчас. Выдумают всякое.

Подруги, смертельно уставшие от приключений, доплелись до своей комнаты.

— Ну, наконец-таки,— выдохнула Лиля

Петровна плюхнулась на кровать и, прикрыв глаза, простонала:

— Сейчас бы ванну и шампанское.

— Издеваешься, что ли! Морды-лапы моем и спать! Завтра рано на работу.

В конце августа начался выезд детей домой. Многие родители увозили своих чад, не дождавшись прощального пионерского костра и линейки. А тех, кто дотянул до конца, увозили на автобусах. Автобусы тряслись, качались, пылили и скрипели, но никто этого не замечал. Все ждали встречи с домом. Всю дорогу до города школьники горланили песни. В последний день каждому ребенку традиционно от лагеря выдавалась стограммовая плитка шоколада. Самые предприимчивые из подростков успевали сделать из нее «космическую еду». Они брали пустой тюбик из-под зубной пасты, раскрывали его с широкой стороны и заливали туда разогретый шоколад. Закручивали тюбик крышечкой и загибали сзади. Получался тюбик шоколада, как у космонавтов. Везли его домой и всем хвастались своим изобретением.

Пора было возвращаться домой и сотрудникам. Снабжение лагеря было настолько щедрым, что в конце четырех лагерных смен много чего неиспользованного и нерастраченного оставалось. Бытовые предметы коробками, стиральные порошки десятками пачек, мыло ящиками, хозяйственные тряпки рулонами, продукты питания брикетами и кульками, веники, пустые банки, марля и бинты связками и еще всякой мелочи. Актом это все списывалось и сотрудники, разделив между собой все то, что оставалось, могли вполне законно свою долю увезти домой. Об этом Лариса Павловна узнала уже в первый день приезда. Все по-хозяйски упаковав и связав крепко-накрепко, она ждала автобус. Дочери, сдав отчетную документацию и собрав вещи, помогли матери дотащить это богатство до автобусной стоянки. Перед семейством солдатиками, прижавшись друг к другу, были выставлены двенадцать джутовых мешков неопределенного цвета, несколько коробок, крест-накрест перевязанных бечевкой, ящиков и тряпичных связок.

Лариса Павловна решила супругу подробности не рассказывать. Позвонив по телефону, она твердым голосом скомандовала:

— Юра, ничего не спрашивай. Приезжай к проходной на грузовике.

— На грузовике? Зачем?

— Я тебе приготовила сюрприз.

Юрий Константинович не любил сюрпризы, а особенно от жены. Но, зная ее характер, больше вопросов не задавал.

За несколько минут до прибытия автобусов встретились недавние подруги.

— Ты еще не уехала? — спросила Лиля. На плече у нее висела дорожная сумка, а в руке она держала клетчатый чемоданчик — балетку.

— Нет еще,— ответила Лариса,— вот думаем, в какой автобус загрузиться.

— Это все твое? — лицо у Лилии вытянулось и стало похоже на лошадь у ручья.

— Да,— немного смутившись, ответила Павловна,— ерунда всякая.

— Тебе нужен тогда целый автобус. Ты сходи к начальнику гаража и договорись, чтобы он отправил тебя отдельным рейсом. Вон, за мной приехали. Ладно, пока. Созвонимся.

Лиля легко впорхнула в легковушку и исчезла среди высоких абрикосовых гигантов, закрывающих солнце.

Автобусная площадка постепенно опустела и в центре ее остались они втроем. Вся поклажа была аккуратно пронумерована и подписана. Лариса Павловна смело

направилась в сторону гаража. Подойдя, она увидела, как из ворот выглядывает морда лошади.

— А, подруга дней моих суровых, старушка дряхлая моя. Привет! А где же твой беспечный ездок?

Обернувшись к дочерям, она крикнула:

— Девочки, примите в гости мою новую подругу. Побалуйте ее вкусненьким. И похлопав лошадку по спине, заглянула ей в глаза:

— Вкусные были булочки? Да? Ну иди, иди.

Лошаденка, мотнув в благодарность мордой и раздув ноздри, поплелась к мешкам.

Тут вышел из гаража старик — охранник полей. Увидев, что лошади нет, он заволновался:

— Эй, женьщин! Это снова ти? Ти куда мой лошадь угнал?

— Да ты не бойся, Дед Мороз. Все нормально с ней. Вон она общается с моими красавицами. Иди, лови ее. Но только не перепутай, смотри. Твоя о четырех ногах. Скажи мне, страж Вселенной, а где начальника гаража видеть можно?

Но старик, смешно размахивая руками, мелкой рысью поскакал к своей кормилице, поднимая пыль широкими штанами. Лошаденка же уже внюхивалась в аромат духов и пережевывала нежную лепешку.

Начальника гаража долго уговаривать не пришлось. За пятерку он сам сел за руль, тем более, что ему срочно нужно было в город. Через час автобус уже стоял у проходной фабрики «Эластик». В дороге сестры узнали, что мама подробности своего возвращения скрыла от папы. Они переглянулись и, не сказав ни слова, поняли: что-то скоро произойдет нехорошее.

Начальник гаража помог спустить вещи и поставить их на обочину дороги, махнул рукой и умчался навстречу заходящему солнцу. Через несколько минут к проходной подъехал грузовик. Расхлябанные борта старенького ЗИЛа готовы были вот-вот развалиться в разные стороны. Из кабины выпрыгнул Юрий Константинович. Его усы, хоть и располагались на одном лице, но как будто принадлежали разным владельцам. Правый ус был острым и закрученным кверху, так как Константиныч, как опытный дрессировщик, все время держал его в тонусе. Он его постоянно то поглаживал, то накручивал, словно разговаривал с ним. Ус же в ответ мудро молчал. О левом усе хозяин даже и не вспоминал. И тот был постоянно взлохмаченным и вполне довольным собой. Он казался спокойнее и добрее своего соседа.

Крутанув ус и поправив волны на чубе, Константиныч увидел мешки. Втянув голову в плечи и оглянувшись по сторонам, он сдавленно спросил:

— Лариса! Это что?

— Это наши вещи. Давай быстрей все это в машину и домой!

— Почему «быстрей»? Почему «все это»? Это откуда?

— Оттуда! Из лагеря! Чего ты ждешь? Начинай грузиться!

Слова «из лагеря» холодными струями пролились по сердцу мужчины. Колени у Юры согнулись, сердце бешено заколотилось, а усы от волнения готовы были спрятаться под губы. На лбу предательски проступили капельки пота. Его глаза и рот широко раскрылись:

— Ты что, лагерь ограбила? Ты что наделала, Ларочка?! Да сейчас ОБХСС* сюда приедет! Арестуют нас всех!

Он обхватил голову руками и как-то по-бабьи дрожащими губами запричитал:

— Что же делать? Что же делать? Все! Я вас не знаю! Вы меня не знаете! Что хотите, то и делайте!

Он попятился назад к машине, нащупал ручку дверцы:

— Серега, быстро поехали отсюда!

— Куда?

---

* ОБХСС — Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности.

— Куда угодно, только не ко мне домой!

— А как же они?

— Это не мое!

— Я не о мешках, а о семье!

— Эх, Серега, какая уже тут семья! Давай, дави на газ!

Грузовик по-молодецки взревел и, вильнув запыленным номером, скрылся за поворотом.

Женская половина семейства осталась на обочине дороги подобно трем одиноким березкам. После недолгой паузы их руки одновременно протянулись вперед, в надежде поймать машину. Через полчаса вещи были выгружены у подъезда четырехэтажки. На крики: «Юра, Юра, помоги мешки поднять!» никто не отозвался. На крик спустилась Наташа, старшая дочь:

— С приездом! А где папа? Я думала, что вы все вместе приедете.

Лариса Павловна, отряхивая руки, усмехнулась:

— Сдаваться властям пошел, наверное. Он такой у нас честный. Коммунистической партии бывший член, как никак. Ладно, мои хорошие, потащили. Явится. Куда он денется.

Все гуляющее во дворе вмиг остановилось: женщины с детьми, подростки и собаки. Все стали внимательно наблюдать за исчезающими в дверях подъезда мешками и коробками. Из окна четвертого этажа чуть ли не по пояс высунулась Верушка, как по-соседски звали Веру Ивановну, учительницу математики в период уже глубокой пенсии. Лариса Павловна, отряхивая руки, крикнула ей:

— Верушка, привет! Ну, сколько всего получилось?

— Я все подсчитала. Вот в блокнотике все записано: двенадцать мешков, десять коробок, восемь ящиков и шесть связок каких-то тряпок. Павловна, мне бы полы мыть тряпицу какую, а.

— Все верно. Спасибо за бдительность! Список мне отдай. Будет тебе материя. Приходи завтра чай пить.

И уже обращаясь ко всем любопытным во дворе:

— А вы можете рты свои закрыть! Спектакль окончен.

Рухнув от усталости на диван, она спросила Машу:

— А что же ты, дочка, раньше не говорила мне, что в лагере так хорошо? Я теперь каждый год буду с тобой ездить.

Юрий Константинович после вечерней смены, ближе к полуночи, вернулся домой. Молча, тенью скользнув мимо коробок, он зашел на кухню. Забыв разуться и вымыть руки, глава семейства включил свет, сел на краешек табуретки и принялся за остывший ужин, оставленный женой. Оторвавшись от тарелки, он почувствовал, что кто-то на него смотрит. Подняв лицо, он увидел сквозь стеклянную дверь, ведущую на балкон, двенадцать тугих узелков джутовых мешков. Было похоже, что они внимательно наблюдали за мужчиной и, как показалось Юрию Константиновичу, о чем-то перешептывались. Уличные фонари дрожащими бликами отражались на мешковине. Он медленно поднялся, подошел к двери и резко задернул занавески. Допив уже холодный чай, он только сейчас заметил под ногами рассыпанный табак и разорванные пачки сигарет. Неожиданно щелкнула и потухла лампочка, одиноко свисающая с потолка. Константинович, присев на краешек стола, подумал: «Ждали меня. Подготовились». И тут же, перепутав, крутанул левый ус.

Наступила бархатная осень. Осыпая золотом и медью все вокруг, она заботливо укутала теплыми ветрами, как гигантскими шарфами, людей, дома и проспекты. Пустые мешки были аккуратно уложены в нижний отдел шкафчика на лоджии. А поехать в лагерь «Горный» уже никому не удалось. Он был закрыт, как оказалось позже, уже навсегда. В начале декабря девяносто первого года советские люди шагнули в новую реальность.

Михаил Смирнов
(г. Салават, Башкирия)

ДУХОВО БОЛОТО

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Вороны кружились над двором. Невысокая худенькая Зинаида в темном платье, кофте с подвернутыми рукавами, поверх безрукавка, на голове линялая косынка, погрозила кулаком, нахмурилась, взглянув на множество птиц, которые метались над деревней, что-то забормотала под нос, громыхнула тазом и принялась быстро развешивать белье на веревке, натянутой посреди двора. Расправила последнюю наволочку, резко стряхнула, словно из ружья выстрелила, и вороны бросились прочь от звука, а потом снова закружились над ней. Зинаида взглянула на ворон, сдернула с забора две-три тряпки и направилась в избу. И тут же присела, прикрывая голову руками. Вскрикнула. Ворона, едва не вцепившись в косынку, громко закартавила, всполошено замахала крыльями и пронеслась над головой. Следом за ней затрещала крыльями другая, атакуя Зинаиду. Отмахиваясь тряпками, она взбежала на крыльцо, теряя галоши, и торопливо юркнула на веранду. Лохматая небольшая собака взвизгнула, когда вороны набросились на нее, тоненько и протяжно завыла и осеклась, испугавшись хозяйку, когда она выскочила с сапогом на крыльцо и, размахнувшись, бросила в нее. Собака поджала хвост, быстро шмыгнула в старую конуру, спряталась в глубине и снова протяжно и тоскливо завыла.

— Опять вороньи стаи над деревней кружат. Не к добру появились. Не иначе, беду на крыльях принесут,— Зинаида мелко перекрестилась.— Господи, помоги! Отведи беду от нашего дома!

Она поставила таз на табуретку, бросила тряпки на лавку, где стоял большой бидон. Рядом с ним примостилась пестрая кошка. Зинаида хлопнула дверью, зашла в избу, продолжая охать и причитать, заглянула в горницу и тут же принялась ругаться.

В полутемной горнице ее муж, Матвей, распахнул створки шкафа, стоявшего в углу, опустился на колени и принялся с полок вываливать тряпье, разгребал его, чертыхался и отбрасывал в сторону, и снова скрывался в шкафу, опустошая полки. Потом поднялся. Стащил со шкафа два огромных узла, развязал и снова стал перетряхивать вещи, что-то выискивая.

— Ну, ты глянь на него,— всплеснула руками Зинаида и закачала головой, взглянув на вещи, валяющиеся на полу.— Не успела на двор выйти, чтобы белье развесить, а он соскочил и устроил настоящий погром в избе. Ты же спал, зараза этакая. Храпел, аж стены дрожали. Зачем поднялся? Вон, какая непогодь на улице. В такую погоду только спать и спать, а ты соскочил. Теперь будешь всю ночь из угла в угол ходить. Сам не спишь и мне покоя не дашь. Что ищешь в шкафу? Мало выпил за обедом? Решил поискать, пока я отлучилась. Я же наливала тебе. Хватит. И не ройся в вещах, все равно не найдешь. Как на духу говорю. Не шарься. Я весь запас по сосе-

дям разнесла. Не ищи, повторяю, там ничего нет! И хватит вещи разбрасывать. Иначе в следующий раз тебя заставлю стирать.

И нахмурилась, встала перед ним, руки в боки.

— Отстань со своими бутылками! — не поднимая головы, рявкнул Матвей, продолжая копаться.— Если захочу, всегда найду выпивку,— и тут же взглянул на жену.— Слышь, Зинка, куда запрятала новые тапки, ну те, что наша Валька привозила для меня? Помню, где-то видел, все перерыл, а они запропастились. Куда убрала?

Он снова посмотрел на жену.

— А тебе-то зачем? — удивленно спросила Зинаида.— Ты же заявил, что в избе привык босиком ходить, а по улице в тапках не ходят. И махнул рукой, что тапочки — это баловство и не более того. Я и того...— и подозрительно так.— А для чего ищешь? В окошко видела, что ты с Игнатом Гороховым стоял на улице. Все наговориться не могли. Разойдутся в разные стороны и снова сходятся, опять начинают языками трепать, как бабы базарные. Ему пообещал? Не иначе, на бутылку сменяешь. Ты бы лучше с ним договорился, чтобы солому привезти, да в лес съездить. Говорят, зима суровой будет, а у нас дров в этом году — кот наплакал. Хороший мужик в дом тащит, а ты из дома. Гляди у меня... Сразу кочережкой прогуляюсь по хребтине, а потом все руки поотшибаю, что нажитое добро разбазариваешь. Не тобой положено, не тебе брать. Гляди, дважды не стану повторять. Ты меня знаешь...

И грозно сдвинув бровки, она погрозила пальцем.

— Ты, Зинка, не придумывай,— буркнул Матвей, вытащил еще одну охапку тряпья и стал расшвыривать.— Пока ты постирушками занималась и белье развешивала на дворе, мне батя приснился. Аж сердце затрепыхалось и воздуха не стало хватать, когда его увидел. Он стоит и смотрит на меня, аж мурашки по мне забегали, а потом велел принести ему другую обувку. Говорит, что ботинки жмут. Все ноги посбивал. Велел, чтобы я принес посвободнее да помягче обувку, если такая есть. Я стал отнекиваться, мол, где взять ее — эту обувь, сам в кирзачах хожу, а потом вспомнил, что мне тапки подарили. Удобные, мягкие. Дай, думаю, отнесу. Все равно без дела валяются. Тапочки — это обувь не для деревни. В тапках только по городу форсить или в домовину класть — милое дело, а по деревенской улице ходить, так никаких денег не напасешься на них.

Зинаида ойкнула, прижала руки ко рту, и невольно оглянулась на окошко, где в воздухе продолжали кружиться вороны, а некоторые помчались в сторону дальнего леса, где находилось Духово болото, над которым было черным-черно от вороньих стай...

— Отца видел и даже говорил с ним? — запнулась Зинаида.— Уж сколько лет прошло, как на мазарки снесли, он ни разочка во сне не приходил, а нынче приснился. И другую обувь попросил. Аж на душе заскребло, как ты сказал...

И, взглянув на икону, торопливо перекрестилась.

— Да, велел другую обувь принести. Я сразу говорил вам, когда он помер, что для него маленькие ботинки приготовили, у него ножища-то здоровенная была, а вы заупрямились. Не выбрасывать же, за них деньги плочены...— передразнил Матвей.— Еле ноги в ботинки всунули, когда в смертную одежку одевали, а теперь напомнил о себе. Вот так стоял передо мной и смотрел, а сам хмурился, брови сдвинул, потом сказал про обувь и к себе позвал. Мол, приходи, Матюха, я жду тебя. Глянь, Зинка, вот так меня звал,— и Матвей медленно помахал рукой.

— Ой, Божечка, беда пришла,— зашептала Зинаида и взглянула на мужа.— И ты согласился? Надо было сказать, чтобы не звал к себе, что ты еще не все дела переделал. А когда освободишься и настанет твое время, сам придешь. А то, вон, как у Леньки Малуева получилось. Тоже батя приснился. К себе позвал. Ленька пообещал, что придет. И что ты думаешь, через неделю на машине разбился. Встретился с отцом. А еще говорят...

— Хватит придумывать,— перебил Матвей и пожал плечами.— Это же отец. Сама знаешь, его слово — закон для всех,— и тут же нахмурился.— Ты, Зинка, не трепли языком, а лучше делом займись. Куда упрятала тапки, что дочка привезла? Вытаскивай. Я бате отнесу, пока на улице не стемнело. Он ждет...

— А зачем ему сказал, что тапки есть? Мог бы соврать, чтобы к нему не ходить. Сказал бы, что заболел, ну, чтобы не тащиться на Духово болото, а ты...— она сокрушенно закачала головой.— Что говоришь? А, тапки... Так это...— Зинаида дернула головой, запнувшись, и неопределенно махнула рукой.— Там они... Там тапки лежат.

— Вот поднимись и иди за ними,— заворчал Матвей и ткнул пальцем в половицу.— Живо принесла! Сидит, языком молотит. Батя ждать не любит. Сама знаешь. Да и мне нужно поторопиться, чтобы темной ночью не возвращаться.

Жена недовольно забубнила, когда Матвей поднялся и, не глядя под ноги, наступая на разбросанные вещи, направился к столу. Зинаида поглядела на него, а потом опустилась на лавку возле окна и мелко перекрестилась.

— Слышь, Матюша, может, почудилось, что к себе зовет? — прикрывая рот ладошкой, сказала Зинаида, раскачиваясь на лавке.— Мало ли что приснится, тем более стопочку-другую опрокинул. На душе захорошело. Заспал, вот и померещилось... Пока ты храпел, я на двор выходила. Едва с крыльца спустилась, как на меня вороны налетели, чуть было не заклевали, пока белье развешивала, а потом наша собака завыла, зараза такая. Тоненько так, с подвыванием, аж на душе нехорошо стало. Сапогом в нее кинула. Промахнулась. В соседский огород улетел. Потом схожу, заберу. Я сердцем почуяла, что беда крадется, когда вороны налетели. Уж молитвы читала, Боженьку просила, чтобы напасть от дома отвел,— прыгая с пятого на десятое, она поправила выбившуюся прядку волос из-под косынки, застегнула, а потом снова расстегнула верхнюю пуговку на кофте, а сама сидела, разглаживая руками невидимые складки на юбке и все горестно покачивала головой.— Глянь, столько лет твой батя не снился. Помер-то, когда молодыми были, а сейчас у самих дочка взрослая, того и гляди внуком одарит. И вот тебе батя огорошил — приснился, да еще к себе позвал. Слышь, Матюш, а каким его видел — молодой батя или изменился? Да неужто? — она всплеснула руками.— Ох, не к добру это! И, правда, никуда не денешься — это батя и его нужно слушать, даже если он помер. Зря не приснится. Матюша, ты в Духово болото не суйся. Сгинешь. Не зря же народ говорит, что туда нельзя заходить, темную силу можешь разбудить и тогда все — вмиг пропадешь. Вон, вспомни, сколько людей исчезло. Слух был, что они хотели на остров перебраться и ни один оттуда не вышел. Сгинули. А охотники пропадали, а бабы, что за ягодой ходили, исчезли. Это Духово болото забрало. Я когда беременная была, тоже ходила туда, на камне узелок оставила. Хотела, чтобы роды легкими были. И, правда, легко дочку родила. Глазом моргнуть не успела, как разродилась. И я не болела, и дочка здоровенькой росла. Люди же зря не станут говорить про Духово болото. Значит, в нем сила огромная заключена. И если ты пришел с добром к нему, он добром ответит, а если с плохими мыслями появишься, значит, злые силы разбудишь. Но, Матвей, не забывай, в болото не заступай, иначе беду за собой приведешь,— она замолчала, о чем-то задумавшись, а потом продолжила.— Ты по тропке доберешься до него, осмотрись и увидишь большой камень, что в землю врос. Сразу его узнаешь. Прям как наш стол, а может и поболее. С краешку на него положи коробку с подношениями и уходи, не оглядываясь. Иначе беду за собой приведешь. Матюша, я кроме тапок, носки шерстяные положу, ну и по мелочи, пачку-другую папиросок, спички, конфеток да печенья. Ну так, на всякий случай. Как принято у людей... Ох, на душе тревожно, аж каждая поджилочка трясется...

Сказала, а у самой плечики задрожали, и Зинаида незаметно смахнула слезу, нахмурилась и посмотрела на мужа. Неслышно поднялась, метнулась к комоду, покопалась в нем, достала шерстяные носки, новые, к зиме связала. Положила на стол, и заторопилась на веранду. Вернулась, держа в руках обувную коробку. Открыла, по-

глядела на синие тапочки и вздохнула — жалко все же, а потом сунула туда носки, сигареты, горсточку конфет, несколько печенюшек, про спички не забыла — тоже сунула, потом закрыла коробку и бечевкой крест-накрест перетянула ее, чтобы по дороге не растерял.

— Все, Матвей, приготовила,— опять закачала головой Зинаида.— Ты уж поосторожнее. Не вздумай в болото сунуться. Сгинешь. С краешку, с краешку оставь... Погоди-ка, на дорожку опрокинь стопочку. Как зачем? Ну, так, на всякий случай. Мало ли...

И завздыхала. Вышла на веранду. Было слышно, чем-то гремела, потом вернулась, держа в руках запыленную бутылку, налила стопку и протянула.

— Выпей, Матюш, все не так страшно будет. Ну, а ежели хочешь, можешь и вторую налить. Все веселее на душе станет...

Сказала и завздыхала, исподтишка поглядывая в сторону темного леса.

Матвей взглянул на нее исподлобья. Опрокинул стопку. Отмахнулся от закуски. Мотнул головой, закряхтел и утерся рукавом. Потом взял коробку, зачем-то потряс ее и прислушался, хмыкнул, пожимая плечами — впервые приходится идти к Духову болоту с подношениями. Сдернул с гвоздя засаленную фуражку. Натянул сапоги, притопнул. В такую непогодь сапоги — милое дело. Опять взглянул на Зинаиду, хотел было что-то сказать, но махнул рукой и вышел во двор.

Едва захлопнулась дверь, Зинаида сунула бутылку в угол, сдернула с вешалки кацавейку и выскочила следом, но заметив мужа возле калитки, запнулась на крыльце, не ожидая его увидеть, потопталась, раздумывая, а потом вернулась в дом и метнулась к окну, раздвинула занавески, и приникла к грязному стеклу, наблюдая за Матвеем, а сама что-то нашептывала...

Тучи над деревней: низкие, темные, мрачные. Разбитая извилистая дорога, вся в рытвинах. По краю разлохматился репейник, чуть ли не в рост человека и татарник ощетинился колючками, не дай Бог, дотронешься, потом замучаешься вытаскивать. Промелькнула кошка, припадая к мокрой земле, и исчезла в зарослях. Над домом тревожно картавят вороны, то взмывают, то снова садятся на дерево, что стояло возле двора, или начинали кружить над домом. Замерла деревня. Никого не видно. Глухие заборы, калитки на запорах, плотно закрыты ворота. Изредка собака завоет и тут же умолкает. Себя боится. На душе тоскливо. Тучи давят, к земле прижимают. Ветрено, сыро, зябко — неспокойно.

Опять завздыхала Зинаида.

— Чует мое сердце, не к добру приснился батя,— продолжая поглядывать в мутное окошко, забормотала Зинаида.— А я голову изломала, с чего это Матюшка в последние дни захандрил. Виду не подает, а все дела забросил. Даже от рюмки отказывался. То возле двора стоит. Каждого останавливал, кто мимо проходил, и подолгу разговаривал, словно наговориться хотел, а сам по сторонам поглядывал, не идет ли кто? А домой вернется и сразу на кровать. Лежит и в окошко посматривает, словно кого-то ждал. А тут на тебе — батя во сне заявился. Мало того, что обувь попросил, так еще к себе зовет. Вот откуда нужно ждать беду. Не зря вороны кружат над избой, да еще Жучка завыла, сволота этакая. И опять над Духовым болотом от вороньих стай черным-черно стало. Когда они собираются там, всегда жди несчастье. Ох, Божечка мой! Как же эту напасть отвести от избы-то?

Зинаида вскочила с лавки, взглянула на образа, мелко перекрестилась, шепча под нос, прошмыгнула в заднюю избу и принялась хлопать дверками стола, а потом снова вернулась, склонилась возле этажерки и стала перебирать книжки, потом схватила молитвенник, открыла его, долго шелестела потрепанными страницами и начала читать, то и дело осеняя себя крестом.

Матвей потуже запахнул фуфайку. Промозглый ветер, осенний. Потер ладонью уши. Вроде до морозов еще далековато, а уши стали замерзать. К чему, а? Поправил коробку под мышкой. Закурил. Посмотрел на далекий темный лес, который едва вид-

нелся в мелкой мороси. Оглянулся по сторонам. Никого. Матвей опять потер уши. Задумавшись, мотнул головой, вспоминая Духово болото. Наверное, когда его снесут на мазарки, другие так и будут ходить к Духову болоту, и будут носить сверточки да коробки. Так было принято. Давно принято. Не одно поколение ходило, и будет ходить к нему с подношениями. Конечно, можно было посмеяться над этими предрассудками, а вот нужно ли это делать — он не знал. Лучше придерживаться обычаев, как принято здесь, а то натворишь делов, что не разгребешь. Матвей взглянул на деревню. Дорога матово поблескивала от холодной мороси. Везде серые лужи, того и гляди, ненароком ступишь в какую-нибудь. Тяжелые облака. Там, вдалеке, темные тучи словно цепляются краями за крыши домов да изгороди. Все потонуло в серой дымке. Зябко, тоскливо. Матвей передернул плечами. В палисадниках сиротливо стоят сирень да бузина, а в некоторых яблоньки-дички виднеются да пяток берез разбросаны по деревне — кроны в сорочьих гнездах. Темные глухие заборы, почти возле каждого двора стоят скамейки. Летом хорошо сидеть возле двора. А сейчас они намокли, доски набухли от дождя, казалось, ткни пальцем и появится вода. Повсюду зелень на черных поверхностях. И по низу заборов зелень виднеется — это мох ползет. Не успеешь оглянуться, все мхом затянет: камни, деревья, заборы и избы — всю округу. Неподалеку протяжно завыла собака и тут же смолкла от сердитого окрика. Следом вторая собака откликнулась. Жалобно завыла, тоскливо. А там еще одна отозвалась, и сразу на душе заскребло... Матвей чертыхнулся. Не ко времени собаки завыли, не к добру...

Матвей чертыхнулся. Казалось, всего полжизни прожито, а в приметы верит, словно древняя старуха. Он нахмурился, сдвинул фуражку на глаза и пошел по обочине, по увядшей траве, все не так скользко, как на дороге и в лужу не попадешь. А как тут не поверишь в эти самые приметы, если вся округа в них верит с давних времен. Правду Зинаида говорила, что люди пропадали. Охотники или бабы за ягодами пойдут, забредут к Духову болоту и не возвращаются. Искали, а как же, но ни одного не нашли. Исчезли. А были такие, кто пытался на остров перебраться, чтобы сокровища поискать — это уж точно верная смерть. Не зря темные силы берегут разбойничье добро. Никому не дается в руки. Да и найдут ли — это никому неведомо...

Местные жители давно заприметили, если над дальним лесом начинали кружить вороньи стаи — это к беде. И в такое время старались не ходить к Духову болоту, чтобы беду не накликать. И сегодня вороньи стаи кружатся, а ему нужно попасть к Духову болоту, потому что отцу пообещал, что придет. Такие дела в долгий ящик не откладывают. Все, кто видит предков во сне, сразу собирают узелки и торопятся к Духову болоту, чтобы подношение оставить. И ему пришлось пойти. Авось пронесет и ничего худого в дом не притащит за собой. Матвей верил в приметы. Он шагал по тропинке и вспоминал, как по весне Колька Малинин вышел ко двору, соседям стал сон рассказывать, будто грязную воду увидел и себя в какой-то канаве или яме — он не разобрал. Говорили ему, чтобы узелок собрал и к болоту отнес, а Колька Малинин отмахнулся — не верю, а может, пожадничал. Ну и что, а то, что к вечеру в соседнюю деревню потащился через речку и ухнул в промоину, только одна шапка осталась на снегу. Вот тебе и грязная вода, вот тебе и канава с ямой... Две бабы из соседнего села забрели на болото, собирая ягоды, и исчезли. А сколько за долгие годы пропало охотников — этих не счесть. И все равно идут, надеясь, что с ними ничего не случится, но не все возвращаются... А батя покойный рассказывал, как решил срезать путь, когда возвращался из соседнего села, до которого всего было десять километров. Отец отправился через лес, чтобы быстрее до дома добраться. И заблудился. Казалось, до дома рукой подать, а он потерялся в лесу. Куда ни сунется, везде бурелом и лес стеной стоит. Хотел обратно вернуться и снова оказался в непроходимой чаще. Целую неделю без еды и воды блукал по лесу. Думал, под деревом помрет. Лежал, ни рукой, ни ногой не мог шевельнуть, а в мыслях сказал, если выберется, сразу гостинчик для Духова болота отнесет. И тотчас почуял, будто сила прибавилась. Поднялся,

разлепил глаза, искусанные мошкой, огляделся и видит, а места-то знакомые. И пошел по лесу, пошел, словно кто дорогу указывал... К вечеру выбрался. Домой вернулся, а дома-то уж и не чаяли его в живых увидеть. Кожа да кости остались. Мать сразу же узелок собрала и он, не отдохнув, направился к болоту. Так и спасся... А Танька Егоркина, когда на сносях была, пошла к болоту, а узелок позабыла и ее... Матвей чертыхнулся. О, чего только не передумаешь, пока до Духова болота доберешься...

Уж никто не помнил, с каких пор люди стали ходить к Духову болоту. Нет, не в само болото, а к каменному столу, что на краю стоял. Всегда было так, если лето выдавалось сухим и начинали полыхать пожары или скотинка начинала гибнуть непонятно от чего, а то градом весь урожай перемесит, и не дай бог, если люди начинали болеть и умирать в селениях, тогда сразу по деревням слушок проползал, что кто-то темную силу разбудил, что в том болоте таилась, а она за это мстит людям, что ее потревожили. Говорили, будто силы огромные в этом болоте таятся, как добрые, так и злые. Все зависит от человека, с чем туда придет...

К Духову болоту ходили со всеми бедами и радостями. Особенно, если рождались ребятишки, и тогда шли к болоту, чтобы попросить у духов здоровья для детей, когда свадьбы играли и молодые торопились туда, чтобы положить узелок на хорошую жизнь. Люди шли к Духову болоту. Относили гостинчик. Останавливались на краю болота, но вглубь не совались — боялись, а вот гостинчики складывали на большой камень, что возле болота лежал, и говорили, с чем пришли, что они хотят. Постоят, а потом, не оглядываясь, возвращались в деревню. И подношения исчезали. Значит, болото приняло дары. А бывало, узелки оставались нетронутыми, и тогда лесные птицы с воронами растаскивали дары. Но в то же время у людей, чьи узелки растеребили вороны, почему-то происходили несчастия. Значит, гостинчик не приняло болото и отдало воронью, а почему такое случалось, никто не знал.

Матвей с малых лет знал, что к Духову болоту опасно ходить. На своей шкуре испытал, когда с мальчишками сбегал туда, чтобы разыскать исчезнувшие сокровища. Родители говорили, будто в стародавние времена на острове, что был среди болота, в небольшой избушке жил отшельник, а может бродяга — кто его знает, а потом туда добрались лихие люди. Расправились с отшельником, распяли его на огромном камне, что лежал возле болота, железные клинья в руки и ноги вбили, так и оставили помирать, а сами расположились в его избушке. Грабежами занимались и убийствами. Много невинных душ погубили и утопили в болоте, чтобы никто не нашел. Забирали добро и уходили тайными тропками на остров. Долго за ними гонялись, а потом все же выследили. Дождались, когда они из болота вышли, дорогу перекрыли, чтобы никто из разбойников не ускользнул, и тут же всех положили. Всех убили! Говорят, и схоронили там же, в трясину сбросили убитых разбойников, а сверху еще огромный камень опустили. А когда сунулись на остров, чтобы забрать награбленное добро, никаких сокровищ не обнаружили. И куда они делись, до сих пор неизвестно...

А вскоре началась война с французами. Старики говорили, что здесь сильные бои шли. Много деревень сгорело. А как не сгорят, ежли по три раза в день власть менялась. Люди в землянках ютились. Много полегло в тех страшных боях: и русских солдат, и мирное население, и французов, и еще много всяких солдат, кому пришлось сражаться на той войне. Однажды русские загнали в ловушку французский отряд. Некуда было скрыться. Со всех сторон обложили, и тогда французский генерал велел отряду пробиваться через болото. Нашли проводника среди местных. Он повел через болото. Долго кружил. Вроде давно должны были перебраться на другую сторону, а оказались на острове, с которого был заметен край болота, откуда они начали свой путь. Рассвирепели французы. Поняли, что попали в ловушку. Изрубили проводника, а сами напрямую бросились к берегу. Не смогли добраться. Часть утонула в трясине, а другим повезло. Они вернулись на остров, где когда-то скрывались разбойники. Правда, неизвестно, кому больше повезло — убитым и утонувшим в трясине, или

спасшимся на этом острове. Они не смогли выбраться на твердую землю и стали обороняться. Понимали, что живыми отсюда не выберутся. Лучше погибнуть в бою, чем в трясине или голодной смертью. И сражались. Русские отряды не могли взять их. Не подступишься к болоту — с трех сторон лес в воде стоит, а шагнешь — трясина, где сгинуть легче легкого. А одна сторона болота была чистая. Остров среди болота виднеется, а не подступишься. Трясина кругом, низкие сосенки растут, и французы не подпускали. Едва русские появятся на краю болота, вражеский отряд открывал огонь. И тогда русские протащили пушки, установили в кустах и принялись стрелять. Не смогли уничтожить французский отряд, зато перепахали все болото, уничтожая тайные тропки с островка. Знали, что французы попали в ловушку, из которой не было выхода. Многие жители говорили, что оттуда долго доносились людские голоса. И разговаривали, и вроде просили, чтобы отпустили их, и песни пели, и ругались, а уцелевшие лошади начинали ржать. И так тоскливо, так больно, аж дух захватывало. А потом все тише и реже стали раздаваться голоса. И в один из дней вообще наступила тишина. Русские нашли проводника, который согласился провести на остров. Добрались. Весь островок обыскали, под каждый куст заглянули, а отряд словно испарился. Везде воронки, обрывки сбруи или одежды, два или три стоптанных сапога валялось, а вот людей и лошадей на острове не было. И следов не было, ни человечьих, ни лошадиных. Исчезли. Все до единого! Куда пропали с острова, никто не знает. А среди тех, кто с проводником побывал на островке, словно мор прошел. Многие умерли, а те, кто остался, тоже не жильцы были. А вскоре что-то непонятное и необъяснимое стало твориться. Кто мимо болота проходил, все слышали со стороны острова долгие стоны, невнятные разговоры, а иногда песня долетала или доносилось ржание лошадей, а бывало, по именам окликали прохожих: тихо так, словно рядышком стояли и просили, чтобы помогли им, потому что устали они, измучились. Видать, души исчезнувших покоя не могут найти. Странные дела творились, непонятные...

Говорят, что запретный плод всегда сладок. Матвей при случае всегда рассказывал, как в детстве с ребятами хотели добраться до Духова болота, чтобы разыскать лазейку на остров, где, по рассказам стариков, должны храниться несметные сокровища разбойников, потому что когда этих разбойников нашли и убили, никакого золота и драгоценностей на острове не было обнаружено. А куда же они делись, если разбойники всегда находились там? Вот, в том-то и дело, что награбленное добро тоже должно было спрятано там. И ребята, наслушавшись рассказов, любым путем стремились попасть на этот остров, чтобы найти спрятанные сокровища. И каждый думал, никому они в руки не дались, а они найдут. И тогда... И они начинали мечтать, что сделали бы, если сокровища попали в руки. И каждый мечтал о кругосветном путешествии, и каждому хотелось побывать там, а еще вон там, и тут тоже посмотрю, и жить будем, как у Христа за пазухой. Видать, все же боженька оберегал ребят. Сколько раз ребятня из окрестных деревень пыталась добраться до болота. Хоть привязывай, так и норовили убежать. Пошушукаются, потом соберутся, прихватят фонари и тропкой подаются в сторону далекого леса. Но самое странное, что ни разу не смогли попасть на остров, даже добраться не успевали. Родителям словно на ухо шептали, что пацаны подались к Духову болоту. По дороге перехватывали ребят. И Матвея ловил отец, и ему доставалось на орехи. Всех беспощадно лупили. Крапивой, прутьями, ремнем, а бывало, кнутом хлестали. Но все равно, пройдет немного времени и опять какие-нибудь ребята собирались и подались в сторону болота, потому что всем хотелось найти исчезнувшие сокровища, а чем это может обернуться — никто не задумывался. А потом кто порывался на Духовом болоте побывать и на остров дорогу найти, все начинали по ночам метаться, кричать во сне и все рвались куда-то бежать. И так было до тех пор, пока родители не относили узелочки на край болота, чтобы задобрить неведомые силы. И родители Матвея тоже ходили к Духову болоту, чтобы оставить на камне подношение...

Долго Зинаида выглядывала в окошко или набрасывала кацавейку и выходила за калитку. Смотрела, не идет ли Матвей. Извелась, вспоминая сон. Не зря батя приснился. Да еще за собой зовет. А если к себе зовет, значит, жди беду. Зинаида не выдержала. Поднялась на взгорок, оттуда лучше видать тропку, что к темному лесу вела, и стояла на вершинке, приложив ладошку к глазам. Всматривалась в осеннюю морось. А морось затянула округу. Все дымкой покрыла. Вот почудилось, кто-то вдалеке мелькнул. Зинаида застыла, всматриваясь вдаль. Нет, показалось... А вон снова черное замелькало. Тьфу, ты! Стаю ворон от человека не смогла отличить. Зинаида чертыхнулась. Развернулась, и чуть было не уселась на пожухлую траву. Ноги подогнулись, когда увидела своего Матвея на скамейке возле дома. Всего лишь одна тропинка в сторону далекого леса вьется, а ведь он мимо взгорка не проходил, на котором она стояла. А сейчас сидит на лавке. Непонятно...

Зинаида мелко перекрестилась и заторопилась к дому.

Опустив голову, на скамейке сидел Матвей. Фуражки не было. Он сидел, о чем-то думал, не обращая внимания на мелкую морось, на промокшую тяжелую фуфайку, на изгвазданные сапоги с ошметками грязи, на штаны, где выше колена был вырвал клок материи, и руки, все в царапинах и ссадинах. Взглянул на жену, когда его окликнула, и опять опустил голову.

— Я все глазоньки проглядела, вся насквозь промокла, тебя ожидаючи, повернулась, а ты сидишь, прохлаждаешься, и даже не позвал,— всплескивая руками, зачастила Зинаида.— Как ты мимо меня проскочил, а?

Матвей пожал плечами. Вздохнул. Было заметно, что он устал.

— Я помахал тебе, несколько раз окликнул, а ты стояла на взгорке, приложила ладонь и смотрела вдаль, а меня словно не заметила,— сказал Матвей и грязной ладонью вытер лицо.— В сторону Духово болота смотрела. Опять позвал и пошел к дому. Думал, за мной подашься, а ты, оказывается, там осталась. Как не слышала, что я кричал? Я же рядышком потоптался, кликнул тебя, сказал, чтобы домой шла, нечего под дождем стоять, и сам пошел, не оглядываясь. Думал, следом идешь, а ты... Ослепла, что ли, ежли говоришь, что не видела меня...

Зинаида незаметно перекрестилась и взглянула на взгорок.

— Ей-богу, не слыхала! — она снова перекрестилась.— Вся тропка до самого леса как на ладони, мышь не проскочит, а ты говоришь, будто мимо прошел. Не бреши!

И махнула рукой.

— Что мне брехать-то? — Матвей посмотрел на нее и ткнул в сторону леса.— А откуда же я взялся, если от Духово болота в деревню всего одна тропинка ведет, а? Я же не попрусь по раскисшим полям. Сразу бы увяз...

Зинаида опять оглянулась. Задумалась, глядя на раскисшую дорогу, на черные осенние поля и голый лес, что стоял вдалеке.

— Значит, нечистая водит,— решила она и закачала головой, прикрыв рот ладошкой.— Божечка мой, беда пришла, не иначе,— и тут же.— А что расселся? Морось который день сыплет, а ты шляешься с голой головой. А где твоя фуражка? Ты же в ней ушел...

Матвей потрогал голову. Оглянулся, посмотрел на лавку. Пожал плечами.

— Не знаю, мать,— сказал он, потом долгим взглядом смотрел на черную полоску далекого леса, где было Духово болото, и кивнул.— Наверное, потерял. Там...

— Вот и покупай тебе вещи, а ты теряешь их. Такая хорошая фуражка была, сносу нет,— недовольно заворчала Зинаида.— А что хмурый?

— Устал я, мать,— он растер лицо ладонями.— Пока туда добрался, всю свою жизнь перебрал, обо всем думал. Иду по тропинке и, чем ближе к Духову болоту, тем меньше силы у меня остается, словно ее вытягивают, словно с каждым шагом моя жизнь укорачивается. Шаг — дня как не бывало, шаг — еще на один день ближе к смерти, опять шагнул и показалось, что порог жизни совсем рядышком находится. Сейчас переступлю и все... Видать, от жизни устал, хотя и пожил-то всего ничего.

Наверное, мой срок подошел. У каждого человека свой порог жизни. Пора в дорогу собираться. Наверное, сон в руку. Не зря же батя приснился, и собаки воют по деревне, а я сказал, когда его увидел — «Ты, батя, подожди, сейчас принесу тапки. Переобуешься». А он ответил — «Ладно, Матвейка, буду ждать тебя. Знаю, скоро придешь». Сны не обманывают — они пророчат. Значит, настала пора отправляться в последний путь. Правда, еще не нажился на этом свете, много задуманного, но мало сделанного, но видимо пришло мое время с нашими встретиться...

— Что говоришь, Матюшка! — всплеснула руками Зинаида, и не удержалась, шлепнула его по голове.— Ишь, бестолковый, нажился... Что каркаешь-то? Батя ждет... Вот сходил, отнес тапки с носками и все, он успокоится. У всех же так бывает, кто умерших родственников во сне видел. Отнесут узелочек с подношениями к Духову болоту, потом дома помянут и сразу плохое исчезает, а если с добром туда пришел, хорошее сбудется. Устал, говоришь...— она поправила платок.— Как не устать, если бьемся всю жизнюшку, ни денечка спокойно не прожили. Не успеешь глаза открыть, уж пора делами заниматься, а вечером к подушке клонишься, глаза еще не закрылись, а уже засыпаешь. Конечно, устанешь! И я умоталась. Что говорить, тоже еле ноги таскаю. Все надоело в жизни, все. Сколько тебе говорю, что пора к дочке перебираться. В городе жизнь другая. Легкая! Катались бы как сыр в масле. Ни забот, ни хлопот. Не нужно в огороде ковыряться, не надо корма заготавливать и скотину держать. Живи на всем готовом и радуйся. А здесь... Эх, глаза бы не глядели...

Она махнула рукой и поджала тонкие губы.

— Мы никому не нужны в городе,— поморщившись, отмахнулся Матвей.— В нашем возрасте работу искать — это бесполезно. Там телятницы не требуются. В лучшем случае, могут взять дворником, потому что у тебя никакого образования нет, да и возраст неподходящий, чтобы учиться и в кабинетах просиживать. А на улице, сама знаешь, как зимой работать. Без рук и ног останешься, пока все уберешь. Родной двор чистишь, вся спина мокрая, а там гектары дворов. Никакой силы не хватит, чтобы за порядком присматривать. Ну, я еще могу устроиться трактористом или в слесаря пойти. Но все равно денег не хватит. В городе жизнь хорошая, но дорогая, мать вашу так! Вон, посмотри, дочка с утра и до ночи горбатится на работе, а зять, Петька, один раз в жизни выпил и до сей поры похмеляется. На всех обиду затаил, что его тонкую натуру никто не понимает. А что понимать, если он алкаш конченый? Вроде молодой, жить бы да жить, а он кроме рюмки ничего не хочет видеть. А дочка живет с ним, потому что жалеет. Говорит, он пропадет без нее. Сколько говорили ей, а она свое твердит. А ты хочешь, чтобы к ним поехали. Свалимся на дочкину шею. Хватит, уже один охламон сидит и ноги свесил. И мы следом прикатим. Нет, мать, я говорю — устал жить. Понимаешь — жить! Наверное, смертушка по пятам ходит, и не может дождаться, чтобы меня забрать,— он задумался, а потом встрепенулся, взглянул на жену.— А ты знаешь, мать, я на том острове побывал, откуда голоса доносятся. Да вот...

Он закивал головой и снова взгляд в землю.

— Да ты что,— Зинаида зажала рот ладошками.— Брешешь, Матюшка! Оттуда еще никто живым не вернулся. Что тебя черти понесли на этот остров? Я же говорила, положи коробку на камень, где отшельника распяли, и уходи, не оглядываясь, иначе беда вслед за тобой придет. А ты на остров подался... Ой, Матюшка, ты же темные силы разбудил. Господи, спаси и сохрани! — она стала мелко креститься, что-то бормоча под нос.— Просила тебя: оставь на камне, оставь, а ты...

И всхлипнула.

— Ладно, успеешь поплакать, когда время придет,— заворчал Матвей и поднялся с лавки.— Устал я, мать. Туда добрался. Вышел на край болота. Гляжу, на камне ничего нет. Может, птицы и звери растащили, а может Духово болото приняло подношения, как говорят. Отдышался. Походил по берегу. Ну и того... В общем, побывал там. Пойду, мать, прилягу. Залихоманило меня. Никакой силушки не осталось, словно в древнего старика превратился. Едва до дома добрался. Опасался, если останов-

люсь, значит упаду, потому что ноги не держали. А если б свалился, как же ты нашла бы меня? Вот и пришлось ноги переставлять, лишь бы добрести. Устал я...

Матвей постоял, потоптался. Нахмурившись, исподлобья взглянул в сторону далекого леса, над которым кружились вороньи стаи, мотнул головой, скрипнул калиткой и, оскальзываясь, направился к крыльцу.

Он долго стоял на крыльце. Курил, о чем-то думал. Поворачивался к Зинаиде, которая стояла под навесом и укладывала щепу в кучку — это для растопки. Смотрел на нее, а потом отводил взгляд и снова доставал мятую пачку папирос и закуривал. Зябко повел плечами. Что ни говори, а скоро заморозки. А сейчас холодно, сыро, зябко. Прошел в избу. Скинул промокшую фуфайку. Зачерпнул воды из ведра, что стояло на скамье. Выпил. Наклонив голову, чтобы не удариться о притолоку, прошел в горницу. Долго стоял перед иконой. Хмурился, на нее глядел. Что-то шептал. Потом присел на лавку возле окна. Подпер ладонью подбородок и уставился в окно, за которым уже повечерело.

— На душе тревожно,— задумчиво сказал он.— Сижу, всю жизнь перебираю. Даже странно... Никогда не задумывался, а сейчас всю свою жизнь по полочкам раскладываю. К чему бы, а? Знаешь, мать,— он взглянул на жену,— давно хотел спросить и забывал... У меня есть смертная одежка или ты еще не готовила? Ты время не тяни, приготовь и в шкаф положи. Так, на всякий случай. Пусть лежит. Хлеба не просит, а время придет...

Сказал и замолчал.

— Что тебе понадобится? — отозвалась Зинаида из кухоньки, а потом заглянула в горницу.— Куда торопишься? Заметила, сам не свой вернулся. Меня не проведешь. Я ж тебя насквозь вижу. Ага... Ишь ты, помирать собрался. Всего до половины жизни дотянул, а туда же — помру, помру... Да на тебе пахать можно, в плечах косая сажень, а ты дурью маешься. Всякую ерунду говоришь. Рано еще. Живи, пока живется...

И встала в дверях, уперев руки в бока.

— Как, куда тороплюсь? — Матвей удивленно взглянул на жену.— Я же сказал, что помру. Вот придет мое время, помру и все на этом. У каждого человека свой порог жизни, через который он должен переступить...

И так спокойно сказал, так смиренно, что Зинаида громко и протяжно икнула и закачала головой, а потом принялась креститься.

— Матюш... Матюша, опомнись,— заторопилась она.— Чего ты удумал? Отведи беду от себя, не пускай ее в избу. Пусть возвращается туда, откуда пришла. Не поддавайся. Если сломаешься, смертушка быстро тебя заберет. Отгоняй ее, отгоняй!

— Знаешь, мать, сколько живу на свете, все хотелось побывать на том острове, где слышны людские голоса,— задумчиво сказал Матвей.— Если там жил отшельник, потом прятались разбойники, и все награбленное добро исчезло, французский отряд попал в ловушку на этом же самом острове и тоже исчез, что ни одного следочка не осталось. А куда все подевалось? Я же с ребятами в детстве сколько раз пытался добраться туда и не получалось. Отец так лупцевал, что на заднице одни сплошные шрамы, а я все равно хотел пробраться на остров. И сейчас моя мечта сбылась. Мне захотелось там побывать, чтобы своими глазами на все посмотреть. Послушать голоса, плач, лошадиное ржание, а если повезет, найти сокровища, про которые с малых лет слышал, но самое главное — это почему люди боятся Духово болото. Вот и решил, хоть одним глазком, но посмотрю, что за огромная сила там спрятана, от которой все бегут сломя голову. И я пошел...

Зинаида застыла возле двери и с тревогой стала ждать, что скажет муж. Знала, его не нужно торопить. Сам расскажет. А если начнешь подгонять, умолкнет и все, потом не допросишься.

— Я вышел за деревню, потом свернул на тропку, чтобы побыстрее добраться. Иду, а ноги как чужие. Остановлюсь, отдышусь и снова шагаю. И чем ближе подходил, тем тяжелее было шагать, словно всю силушку из меня забирали, будто с каж-

дым шагом я все старше и старше становлюсь. В лес зашел. За кусты, за деревья цепляюсь, а сам под ноги смотрю, чтобы тропку не потерять. Добрался. Стою между чахлых низких сосен, а внутри меня страх ползет. Душа в кулак сжимается. Огляделся. Положил коробку на камень, где отшельника распяли. Постоял. Потом все же решился и стал осматриваться по сторонам. А следом как будто меня подтолкнули к болоту. Один шажок, второй, третий, под ногами все качается, того и гляди провалюсь, а сам прислушиваюсь. Тишина... Такая тишина, аж в ушах звенит. Ни голосов, ни песен, ни лошадиного ржания — ничего! Вокруг топи, низкие сосны, осока виднеется, рогоз, а мне словно тропку указывали, по которой должен пройти. Ведь ни разу не оступился, будто по твердой дороге шагал. Выбрался на остров и сам удивляюсь, как я живым добрался, если тут столько народу пропало, как рассказывают. Немного передохнул, а потом весь остров обошел. Под каждый куст заглянул. Ничего не нашел, ни единого следочка, что стояла изба, в которой жил отшельник, прятались разбойники со своими сокровищами и укрывался французский отряд. Понимаешь, должны были остаться следы! Хоть что-то, но должно остаться. А там ничего нет. Пустой остров, словно никто и никогда на нем не был. Если взглянуть, таких островков по всему болоту много разбросано. И я понял, что никакой силы в Духовом болоте не таится. Все это придумали люди. Понимаешь, мать? Нет того Духово болота, про которое многие годы шепотом говорили, куда люди со всей округи шли с узелками, чтобы от всяких бед избавиться или, наоборот, радостью поделиться. Ничего нет! И получается, что вся вера в Духово болото, где кроются темные и светлые силы,— пустая болтовня и не более того.

— Да ты что говоришь, Матюшка, как только язык повернулся такое сказать? — зашептала Зинаида и невольно взглянула на темное окно.— Так нельзя. В Духовом болоте силы преогромные таятся. Не дай Бог, если разбудишь! А ты потревожил, беду за собой привел...

— Ерунда,— пренебрежительно отмахнулся Матвей.— Пустой островок, каких много в наших болотах можно найти, и ни одного следочка. Вот так-то, мать! Все верили в Духово болото и его несметные сокровища, которые охраняют огромные неведомые силы. Даже я верил, и сейчас побывал там, а у самого мыслишка появилась, а вдруг да найду спрятанное добро. Но все оказалось пустой болтовней и не более того,— он запнулся, а потом усмехнулся.— Забыл сказать... Я перебрался на берег. Оглянулся, над болотом огоньки появились. Вот так, на уровне руки светились, словно дорогу указывали. Я еще посмеялся над страхами. Говорят, если встретил огоньки — это к смерти, а я живым вернулся с острова. Правда, устал. Очень сильно устал, словно всю силушку из меня вытянули. Постоял возле камня, немного отдохнул, посмотрел на нашу коробку, которая там лежала, забрал и обратно принес. Там, возле печки положил. Убери на место. Самим пригодится. Нечего понапрасну вещами разбрасываться. Пряжи не напасешься, ежли каждый раз туда относить. А тапочки мне впору будут. Мягонькие, как погляжу, и легонькие, словно пушинка. Вот уж ногам-то радость! Ладно, мать, я прилягу. Устал что-то...

Сказал и принялся стаскивать с себя рубаху.

А следующим вечером Матвея не стало. Весь день во дворе возился. Видно было, о чем-то думал. Невпопад отвечал на вопросы, а то и вовсе молчал, словно не слышал. Поднимется на крыльцо, а сам нет-нет, все посматривал в сторону Духово болота. Постоит, и снова берется за работу. Темнеть стало, когда в избу вернулся. Повечеряли. Он набросил фуфайку на плечи и вышел на улицу, чтобы покурить. Присел на лавку возле двора. Закурил, привалился к забору и все. Умер.

А прохожие, случайно забредшие в тот вечер к Духову болоту, услышали, как из глубины болота, где находился остров, опять стали доноситься лошадиное ржание, невнятные голоса, протяжные песни и тихий плач. И так тоскливо, так больно, аж дух захватывало...

Анатолий Арестов
(г. Рубцовск Алтайского края)

ВОЛОДЬКИНЫ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Наш постоянный автор.

АРОМАТНОЕ ПЕЧЕНЬЕ

Володьку не остановило даже ароматное печенье в красивой вазочке на кухонном столе, как он мог отказаться от поездки с отцом на рыбалку? Что скрывать, он прекрасно понимал, мама все равно соберет в дорогу разных вкусностей, и печенье непременно окажется в походном рюкзаке...

В июне вода в канале убывала, обнажались бетонные плиты, приманивая удобством рыбаков. Сын с отцом закинули удочки. Первая поклевка случилась у отца — мелкий карась не сопротивлялся, и отец без лишних хлопот вытащил его на берег под радостный смех сына. Володька долго смотрел на замерший поплавок своей удочки и, спустя несколько минут, ловкой подсечкой вытянул вертлявого пескаря, конечно, добыча так себе, но, как говорят футбольные комментаторы — 1:1! Больше рыба не клевала. Поплавки мерно покачивались на водной глади, приманивая стрекоз. На другом берегу канала, также выложенному бетонными плитами, появилась машина, мужчина выгрузил из багажника ковры и разложил их на плитах для стирки. Да, именно это место облюбовали любители бесплатной воды, ни о какой экологии никто не заботился. Стертый от ветра знак «Стирка ковров запрещена. Штраф 5000 рублей», установленный неравнодушными любителями природы, никого не останавливал. Отец с Володькой смотали удочки и поехали домой, как говорится, ловить здесь было больше нечего, тем более полдень — рыба уплыла в глубину канала.

— Слушай, Володька, ты не устал? — спросил отец.

— Нет! А что? — заинтересовался сын, понимая, что у отца возникли какие-то интересные мысли по поводу времяпрепровождения.

— Заедем в березовую посадку? Сейчас грибов много! Дождь прошел хороший, может быть соберем на сковородочку и поедем домой, как ты на это смотришь?

— Конечно, пап! — с радостью заявил Володька и ухватился за сиденье, машина медленно съезжала с трассы на грунтовую дорогу. Пыль вспорхнула из-под колес и вихрем пронеслась вдоль кузова, стараясь поцарапать автомобильную краску.— Мама будет довольна!

Через пятнадцать минут показалась черно-белая лента посадки, близко растущие березы соприкасались кронами, образуя единую зеленую шевелюру. Машина заехала в сочную траву, Володька открыл дверь и шагнул в растительное царство, здесь было тепло и безветренно, возле канала прохладнее из-за близости к воде. Лучи солнца ослепили, пролетевший возле Володькиного носа толстый жук нарушил тишину, синица выпорхнула из травостоя и присела на ветку, склонив голову и наблюдая из-за большого березового листа за непрошенными гостями.

Через час прогулки по лесополосе они набрали два пакета отборных подберезовиков на крепких ножках с тугими шляпками, не тронутыми грибными вредителями.

— Совместили приятное с полезным! Прогулялись по свежему воздуху и грибов набрали. Доволен? — обратился отец к сыну.— Может, перекусим? Не зря же мама собрала нам полный рюкзак!

— Можно и поесть! — ответил, кивая головой, Володька и срезал небольшим ножиком свежий гриб.— Маму нужно было взять с собой, она любит природу!

— Она на сутки сегодня пошла. Ты же знаешь.

— Да. Деньги зарабатывать сложно! — произнес сын.

Отец посмотрел на него, улыбнулся, но ничего не сказал. «Понимающий сын у нас растет!» — подумал он и отодвинул палкой прошлогоднюю листву.

Полные пакеты с грибами аккуратно расположились в багажнике рядом с трепыхавшимся карасем и сонным пескарем, закрытыми в трехлитровой банке. Довольные от прогулки, двойной добычи и обеда на природе они поехали домой. Прямой отрезок трассы заканчивался поворотом под девяносто градусов, отец отпустил педаль газа, но на входе в поворот автомобиль тряхнуло и занесло. Отец еле удержал руль, чтобы не вылететь на встречную полосу, по которой в это время ехал грузовик, груженный сосновыми бревнами. Володька испугался и схватился руками за ремень безопасности, которым был пристегнут. Остановившийся автомобиль с побледневшими пассажирами догнала поднявшаяся придорожная пыль.

— Ты в порядке? Не ушибся? — спросил отец, быстро скинув ремень безопасности и ощупывая сына.

— Все в порядке. Я держался за ремешок. Немного палец поранил.

— Покажи? — взволновано произнес отец и дрожащими руками взял ручку сына. Небольшая ранка от трения о ремень краснела на пальце Володьки.

— Сейчас обработаю перекисью и лейкопластырь приклею — в аптечке все есть. Сильно болит?

— Чуть-чуть. Пройдет скоро. Что произошло, пап?

— Колесо лопнуло. Хорошо, что не на скорости!

В заднем колесе торчал огромный гвоздь, откуда он взялся на трассе — неизвестно! Рядом с местом прокола часть покрышки вывернулась наружу и немного слезла с диска.

— Сейчас поменяем. Ничего страшного! Ничего себе поездка? Да? — взволновано спросил отец, стараясь скрыть страх за улыбкой.— Маме, наверное, не стоит рассказывать о данном случае, как думаешь?

— Конечно, не нужно. Она же разволнуется и больше нас не отпустит никуда.

— Точно... Это будет наш секрет.

В багажнике творился беспорядок: хрупкие шляпки грибов усеяли все пространство багажника, трехлитровая банка разбилась, мелкие осколки блестели в грибной каше, карась трепыхался под запасным колесом, но пескаря придавило крышкой от банки. Володька выкопал ямку на обочине, пока отец менял колесо и похоронил рыбку.

— Готово! Доберемся до города — заедем на мойку. Не повезем же это безобразие домой, иначе мама точно догадается! — вытирая тряпкой вспотевший лоб произнес отец...

После тщательной мойки — машина блестела, в багажнике не осталось никаких следов, но легкий грибной запах успел впитаться в обшивку. Карась с выпученными глазами плавал в прозрачном целлофановом пакете, его решили отдать кошатнику-соседу, у которого находилось пять питомцев, грибы отец выкинул — не стал рисковать, потому что мелкие осколки стекла, не видимые глазом, могли испортить жизнь съевшим такие грибы. Припарковав автомобиль на стоянке у подъезда, два конспиратора направились домой, посматривая друг на друга.

— Мама придет завтра...— тихо произнес Володька.

— Да. Завтра.— ответил отец.— Ну, что... Как договорились? Ни слова?

— Ни слова! — твердо произнес Володька и посмотрел на пакет, в котором трепыхался карась.

Мама, конечно же, узнала. Заклеенный лейкопластырем палец — выдал, отец не выдержал и рассказал все, как было. Мама долго осматривала ранку на пальце сына и расспрашивала — не болит ли что-нибудь у него еще, убедившись в стопроцентности здоровья, перешла к разговору с отцом. Повышенный тон родителей оглашал квартиру около часа, но вскоре они перешли из зала на кухню и успокоились, видимо, аромат печенья, насыпанного Володькой в вазочку, их остановил.

СПЕЦИАЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ

Володька перепрыгнул небольшую лужу и подбежал к дереву. Морщинистый ствол вяза в полутора метрах от земли заканчивался густой кроной, ветви переплетались в хаотичном беспорядке, располагаясь почти параллельно земли,— все было так, как нужно для устройства шалаша, вернее, наблюдательного пункта, с которого удобно следить за врагами с соседнего двора. Володька обошел дерево несколько раз, внимательно всматриваясь и просчитывая дальнейшие действия по заготовке строительного материала и привлечения рабочих рук. Мишка и Лешка — два друга Володьки, точно согласятся, они просто ненавидят долговязого Кирилла из соседнего двора, который за февраль умудрился три раза сломать их снежную крепость! Они хотели мстить, но для начала было необходимо изучить повадки врага, его слабые места и, по возможности, секреты!

Возле мусорных контейнеров на бетонированной площадке валялся необходимый материал, совсем недавно в подвале многоквартирного дома произошел пожар, обугленные и подкопченные доски жильцы вынесли во двор — Володьке с друзьями было чем поживиться! Тем более им нужно всего лишь четыре доски, а пленку, укрыться от дождя, они выпросили у Мишкиного деда и заранее сделали навес на дереве. Доски оказались широкими, но влажными и с разных сторон обгоревшими. Штаны и майки у друзей превратились в полосатые флаги неведомого государства, угли на досках испачкали все что можно: и одежду, и руки, и носы. Порка от родителей просто неизбежна, но небольшая трепка не сможет навредить глобальной миссии!

Володька взял из дома пакет испеченных в духовке яблок, Мишка принес бубликов, а Лешка четыре жевательных резинки «Turbo» с вкладышами фантастических автомобилей. Забравшись в свое «логово», друзья принялись делить и пробовать принесенные вкусности, не отходя от поставленной цели — зорко наблюдать за неприятелем. Когда все было съедено, а жевательные резинки уже вызывали боль в челюстях — в дальнем дворе появился долговязый Кирилл с футбольным мячом и шайкой мелких преступников, хулиганов и вандалов, посягавших на самое мерзкое дело — отбирать кукол у девчонок! Володька с друзьями всегда были выше этого! Да, они подтрунивали и подначивали девчонок, но никогда не доходили до преступления против собственности!

Кирилл с шайкой, оглядываясь по сторонам, зашли между двух железных гаражей, подняли какой-то щит из ДСП и начали что-то складывать, затем вернули щит на место и пошли играть в футбол на школьный стадион, располагавшийся в нескольких десятках метров от гаражей.

— Не будем терять время! — выкрикнул Володька.— Они там надолго! Побежали смотреть!

Друзья выпрыгнули из шалаша, как группа специального реагирования, которую отправили на сверхсекретное задание. Ни в коем случае нельзя было упустить такую возможность — найти и разрушить лагерь противника!

Щит, заваленный сухой полынью, оставшейся после весеннего субботника, найти

было бы сложно без наблюдательного пункта. Друзья смотрели на Володьку с восхищением, как на генерала, обладающего проницательностью, рассчитавшему каждый шаг в их спецоперации! Когда они вырастут, они доверят ему жизни и без промедления ринутся в бой, какой бы грозный враг не был!

— Поднимаем! Раз, два, три...— выдал Лешка.— Миша, карауль! Вдруг кто-нибудь из них пойдет назад!

— Да смотрю я! Не беспокойтесь! — нервно, но тихо произнес Мишка.

Под щитом находилась неглубокая яма, приблизительно по колено, а в ней...

Вернувшись в наблюдательный пункт, друзья начали рассматривать содержимое похищенного: большого синего пакета и банки из-под кофе. Володька развязал пакет и сказал:

— Завтра будет война! Они нам этого не простят!

В пакете находились ворованные из песочниц куклы, машинки и прочие игрушки.

— Да,— кивнул Мишка и достал из банки больше сотни новеньких вкладышей от жевательной резинки «Turbo».

Лешка почесал затылок:

— Вот дела!

Отобранное у врага в ходе спецоперации имущество друзья перепрятали, но их не покидало ощущение, что наступают тяжелые и опасные времена, ведь враги будут мстить. Но с таким руководителем, как Володька, им нечего бояться, они все равно выиграют!

ТАРАНТУЛ

В конце июня Володьку и его друзей из одной группы детского сада «Щелкунчик» родители отправили на дачу, что располагалась в сосновом ленточном бору в семидесяти пяти километрах от города. Новенький автобус припарковался в отведенном месте на центральной городской площади, ожидая ребятишек...

Одноэтажные деревянные домики под могучими соснами распахнули двери для озорной ребятни. Воспитатели и родители, изъявившие желание помочь, занимались расселением и прочими бытовыми вопросами, такими нужными для полноценного отдыха маленьких людей.

Володька, Марина и Андрюха как настоящие друзья держались вместе, не допуская в свое общество никого из группы. Они вышли на игровую площадку, располагавшуюся рядом с домиками, и начали обследовать прилегающую местность.

— Мне мама рассказывала про ядовитых пауков. Здесь их не так много, но были случаи нападения на взрослых,— сказала Марина ребятам.— Так что нам нужно быть осторожнее!

— Пока сам не увижу — не поверю! — крикнул Андрей, уже успевший забраться на крышу избушки Бабы Яги.

— Посмотрим, что здесь интересного,— ответил Володька,— не беспокойтесь, найдем чем себя занять!

Зеленая ящерица пробежала по остывающему песку и скрылась под качелями. В глубине леса раздался голос кошки.

— Откуда в лесу кошка? — заинтересовалась Марина.

— Это не кошка, а иволга — птичка такая,— спокойно прокомментировал Володька.

— Откуда ты знаешь? — удивленно спросила Марина и подошла к качелям.

— Он все знает! — ответил Андрей и запрыгнул на турник.

— Это же природа — наш дом. Неужели вам не интересно? — заявил Володька, подняв старую сосновую шишку и покосившись на друзей.

Прошла неделя отдыха на даче, но ничего интересного так и не произошло, не

считая разбитой несколько раз коленки Андрея, любящего везде лазать и прыгать с небольшой высоты, и сделанной Мариной поделки из сосновых шишек в виде домика, конечно, красиво — Володька с Андреем оценили, но впечатлений мало! Отдых приближался к концу, как однажды воспитатель Надежда Владимировна решила сводить группу на лесную опушку — устроить посиделки. Группа из десяти человек, держащихся за руки, под неусыпным контролем воспитателя и двух ее помощниц двинулась в путь.

На полянке, залитой солнцем, разбили лагерь. Разложили разноцветные покрывала, положили игрушки, поставили емкости с компотом. Воспитатель с помощницами стояли в сторонке и наблюдали за оживленной игрой ребятишек, разбившихся на дружеские группы. Андрей, как обычно, нашел небольшой песчаный холмик и решил обследовать его. Володька с Мариной рассматривали муравейник, возвышающийся возле высохшей молодой сосны.

— Володя, Марина, быстрее сюда! — крикнул Андрей.— Смотрите... Вот он!

Друзья подбежали и остановились возле Андрея. На вершине холмика рядом с норкой сидел огромный черный паук, смотревший в другую сторону от ребят.

— Ой-ой-ой, какая гадость! — с нескрываемым страхом шепотом произнесла Марина и отошла за спины друзей.

— Неси стеклянную банку,— невозмутимо ответил Володька,— сейчас мы его поймаем! Только осторожно, чтобы воспитатели не заметили!

Андрей принес литровую банку с крышкой, Володька медленно приблизился к пауку и накрыл его емкостью из-под сока. Паук вздрогнул и повернулся к ребятам.

— Ого! Глазища-то какие! Смотри, смотри! — крикнул Андрей.— Восемь глаз!

Володька не раздумывая приподнял банку, подложил жестяную крышку, ловко перевернул и закрутил ее. Паук дернулся, выставил передние лапки на скользкую стенку банки и замер.

— Вообще-то пауки этого вида ночные жители. Почему он сидел на солнце днем? — прокомментировал Володька, но обратил внимание на одну из лап паука — она была поломана.— Скорее всего упала шишка с сосны или ветка и повредила лапку.

Друзьям удалось незаметно пронести банку с ядовитым содержимым в домик, где они его показывали всем желающим пощекотать нервы.

Воспитатель увидела спрятанную банку и, конечно же, подняла шум, сделала выговор Володьке и его друзьям, но неизгладимые впечатления об опасном приключении подвели яркий итог летнего отдыха...

Автобус подъезжал к центральной площади города, где радостные родители встречали отдохнувших и набравшихся сил детей.

— Интересно, что стало с нашим паучком? — поинтересовалась Марина у друзей.

— Дядя Миша, что работает на даче грузчиком, выпустил его на свободу — в свое место обитания,— ответил Володька.

— Да-а-а... Я так хотел забрать паучка домой! — опечаленно произнес Андрей и вздохнул, вспоминая друга с восемью глазами.

Петр Любестовский
(г. Сельцо, Брянская область)

Наш постоянный автор.

БЕРЕЗОВЫЙ СОК

Бой за высоту был жестоким. Рота измотанных бойцов отдельного полка НКВД, сформированная в основном из пограничников, уцелевших после схваток на границе в июне сорок первого и чудом вырвавшихся из окружения, и приданная им артиллерийская батарея, зарывшись по шею в землю на опушке березовой рощицы, третьи сутки отбивала атаки врага. Немецкое командование стремилось выровнять линию фронта, собрать дивизии в кулак, чтобы перейти в контрнаступление и взять реванш за поражение под Москвой. Обойти высотку было нельзя — справа и слева от нее непроходимые болота. Оставалось одно — идти в лобовую атаку.

Не располагая данными о силах и средствах нашей армии на этом оборонительном рубеже, немцы хотели взять высотку «малой кровью», но встретили ожесточенное сопротивление. Высотка стала для фашистов костью в горле. Враг бросал в бой свежие, вооруженные до зубов подразделения моторизованной пехоты, чтобы смять, отутюжить, смешать с землей ставший для них неприступным бастион.

Стояли последние дни апреля. Весна набирала силу на глазах. В течение нескольких погожих дней природа преобразилась до неузнаваемости — яркой зеленью обметало землю, вот-вот должны были обрести новый наряд деревья и кустарники. То тут, то там слышались робкие птичьи голоса. Запахи весны смешались с запахами войны. В мертвой схватке сошлись жизнь и смерть. Бывший начальник заставы, а ныне командир роты капитан Телегин — плотный сибиряк средних лет, с волевым лицом и седой головой, обходя окопы, вдохновлял подчиненных:

— Потерпите чуток, братцы. В сорок первом в боях за Могилев нам гораздо труднее приходилось. Еще немного — и фрицы выдохнутся. А нам обещали подкрепление.

— Будем стоять до конца, как когда-то на родной заставе,— вторил командиру бывший пограничник Федор Астахов,— тем более, что сейчас нам действительно легче — теперь мы знаем вкус победы.

— Снарядов маловато, товарищ капитан,— вступил в разговор артиллерист Иван Рогожин,— наш водитель Андрюха Белобрысый на своей полуторке где-то застрял.

— Снаряды будут — Андрюха прорвется, как бы то ни было. Это еще тот парень — ему сам черт не брат,— заверил бойцов командир роты.

В тылу обороняющихся, сразу за рощицей, открывалось широкое поле, тянувшееся несколько верст. На другом его конце в синеватой дымке виднелись приземистые хаты и темные, еще не распустившиеся сады небольшой деревеньки. Бывшие пограничники и артиллеристы до боли в глазах всматривалась в сторону опустевшей деревни: не покажется ли на поле полуторка рядового Лукичева, прозванного Белобрысым за соломенный цвет волос?

После полудня немцы вновь бросились в атаку. Впереди, грозно рыча, ползли три приземистых танка. За ними плотной цепью бежали рослые автоматчики.

— Вот гады, передышки не дают! Ну что ж, сейчас получите гостинец! — бросил недокуренную цигарку наводчик Иван Рогожин и прильнул к прицелу.— Заряжай-ка, браток,— обратился он к Василию Степину,— угостим фашистов, чтобы впредь неповадно было.

— Есть такое дело! — крикнул тот и мигом послал снаряд в ствол орудия.

Наводчик сработал безупречно. Головной танк споткнулся и, оглушенный, завертелся на месте. Броню лизнул оранжевый язык пламени. Танк медленно пополз назад.

— А, вражья морда, наелся досыта, назад пятишься! — радостно закричал Рогожин.— Сейчас и этих псов угостим!..

Два других танка быстро приближались к позициям обороняющихся. Снаряды ложились рядом: то справа, то слева, то впереди. Машины с черными крестами на башнях, словно завороженные, были неуязвимы и неслись вперед, не снижая скорости.

— Подпустите поближе и бейте прямой наводкой. Снаряды на исходе,— подбежал к артиллеристам Телегин.

— Бейте по правому, левый я беру на себя,— показал на противотанковое ружье помощник командира взвода лейтенант Клюев.

Он успел сделать всего один выстрел. Осколок, попавший в ПТР, вывел ружье из строя. Недолго думая, Клюев схватил бутылку с зажигательной смесью, прозванной коктейлем Молотова, и рванулся из окопа навстречу «тигру».

— Давай, Серега, только наверняка,— одобрил Телегин.

Тем временем артиллеристы зацепили правый танк. Касательным выстрелом у него сорвало гусеницу. Боевая машина судорожно дернулась и замерла как вкопанная. Экипаж попытался эвакуироваться через люк, но был накрыт шквальным огнем из ближайшего окопа.

Левый танк заметно сбросил скорость, опасаясь продвигаться вперед в одиночку. Улучив момент, Клюев приподнялся во весь рост, шагнул из окопа и швырнул бутылку в броню. Из утробы вспыхнувшей машины тотчас раздалась короткая очередь. Клюев упал, будто споткнувшись, и неловко ткнулся плечом в землю.

Очередная атака захлебнулась. Немецкие автоматчики отступали, грозно огрызаясь плотным огнем, но их никто не преследовал.

Как только бой затих, из крайнего окопа раздался радостный голос одного из разведчиков:

— Братцы, все в порядке, будем живы! Андрюха снаряды везет!

Со стороны деревни на чистое изумрудное поле выползал коричневый «жук» — полуторка Андрея Лукичева.

— Загрузился под завязку, еле тащит,— одобрительно потирая руки, произнес Василий Степин.

— Рискованно это. Уж лучше б лишний раз сгонял,— возразил Астахов.

И, словно в подтверждение слов опытного бойца, над болотом раздался нарастающий гул самолета.

— Вот тебе на! Тут как тут, черти,— глянув в бинокль, чертыхнулся капитан Телегин.

— Ну, теперь держись, Андрюха, сейчас будет жарко,— сочувственно покачал головой Иван Рогожин и невольно потянулся в карман гимнастерки за сигаретой.

Водитель заметил «юнкерс», когда самолет уже зашел на цель. Летчик дал короткую очередь. Следом засвистели снаряды. Комья земли и клубы дыма на время заслонили полуторку, казалось, она уже погребена. Когда же темная завеса рассеялась, бойцы увидели, что машина, натужно урча, лавирует меж воронками.

— Потерпи, потерпи, сынок. Надо дотянуть,— взмолился Телегин.

Самолет зашел в хвост и стал сопровождать полуторку, постепенно снижаясь. И

тут случилось непредвиденное: нервы Белобрысого не выдержали — он на ходу выскочил из кабины и бросился к роще.

— Ах, мать твою... Что же ты творишь?! — вскочил на бруствер окопа Телегин, будто хотел остановить парня.

Немецкий ас стал бомбить замершую цель. Один снаряд угодил в кузов. Раздался взрыв страшной силы, от которого покачнулась земля. Взрывной волной Андрюху швырнуло на землю. Но он быстро вскочил и, не оглядываясь, помчался во весь рост. Летчик стал его преследовать. Из рощи открыли огонь по «юнкерсу», и самолет повернул в сторону болота.

— Я не виноват, машина заглохла,— твердил, как заведенный, Белобрысый. Слезы катились по чумазым щекам, оставляя две светлые полоски, и застревали на верхней толстой губе, покрытой светлым густым пушком...

Шел 1943 год. Давно уже был в силе приказ Народного комиссара обороны СССР № 227 «Ни шагу назад!», согласно которому командирам всех рангов надлежало расстреливать на месте паникеров и трусов. Приказ Телегина был лаконичным: «За проявленную трусость на поле боя... расстрелять».

Ивана Рогожина нашли две пожилые женщины из деревни Журавлевка, приехавшие на старой кляче в рощу за дровами. Из заваленного землей окопа торчал кирзовый сапог. Женщины откопали тело бойца, чтобы схоронить его на деревенском погосте. Иван был залит кровью и не подавал признаков жизни. Когда бойца грузили на телегу, он неожиданно застонал. Женщины быстро погнали лошадку в деревню, привезли раненого домой, напоили, промыли и перевязали раны. Опасаясь визита полицаев, спрятали бойца в погребе и стали тайком выхаживать. И он выжил...

Иван Захарович приезжает сюда, на безымянную высотку, ежегодно в канун дня Победы. Подолгу стоит у обелиска на опушке березовой рощицы. Игривый весенний ветер нежно гладит его морщины, ласкает лицо, треплет редкие седые волосы. Над головой сияет вечное молодое солнце, весело щебечут птицы. В роще торжествует жизнь.

На обелиске, сверкающем серебром, в два столбика выбиты имена: «Капитан Телегин, лейтенант Клюев, сержант Астахов, младший сержант Степин, рядовые Макаров, Петрунин, Доронин, Лаврик.... (ниже от руки дописано: рядовой Лукичев) пали в боях за Родину».

Алеет закат. Солнце теплым, мягким светом озаряет мирную землю. По стволу старой морщинистой березы катятся чистые, словно слезы, капли сока. Вокруг суетятся муравьи.

Воспоминания ветерана болью отзываются в его сердце. Мог ли тогда капитан Телегин поступить иначе? Даже спустя многие годы Рогожин не нашел ответа на терзающий его вопрос.

Когда приговор приводили в исполнение, заходящее солнце, скрытое дымом и копотью боя, выглянуло в последний раз и бросило свои кровавые лучи на землю. Несколько пуль автоматчика попали в ствол березы, и оттуда брызнул розовый сок.

С той поры Иван Захарович Рогожин навсегда забыл вкус березового сока.

КУЛАЦКИЙ ХУТОР

Светлой памяти отца-фронтовика

Далеко в лесу, в стороне от больших дорог и селений, находился хутор в один двор. История его уходит в начало прошлого века, в хорошо известные столыпинские времена. Земельная реформа, проводимая в России царским правительством, давала крестьянам возможность выйти из общины и обосноваться на хуторе. Получив земельный надел, крестьяне покидали насиженные места и уходили из деревни в голое поле, где и создавали единоличное хозяйство.

Супружеская чета Охремовых была единственной семьей в Раковке, которая решила обосноваться не в поле, на пахотной земле, а в густом хвойном лесу, в десяти верстах от ближайшего поселка Загорье. На лесной поляне, среди вековых сосен и дубов, молодые, полные сил Наум и Ульяна срубили и поставили добротный пятистенок, возвели надворные постройки, разработали огород, разбили сад, развели скотину.

Хозяйство Охремовых вскоре разрослось настолько, что супруги были не в силах вдвоем справиться с ним. Детей у них долго не было, стало быть, не было и помощников. Пришлось нанимать батраков.

Охремовы жили отшельниками. В поселок они заглядывали редко, как и поселковые к ним на хутор. Ежели кто и вспоминал о хуторе, то только в связи с целебным источником, что бил из-под сосны рядом с хутором. Быть может, из-за этого подземного ключа и облюбовал себе место в лесу Наум. Родник не замерзал даже суровой зимой, когда все вокруг было сковано льдом. Вода в нем была чище слезы и помогала от всех недугов. Но постепенно родник был забыт, и тропинка на хутор заросла дикими травами.

Вспомнили об Охремовых лишь в годы коллективизации. Наум наотрез отказался расставаться со своим хозяйством и вступать в колхоз. Непокорный власти единоличник был признан кулаком и отправлен на Соловки. Ульяна осталась в лесу одна с маленьким сыном на руках. С той поры хутор Охремовский стали называть не иначе как Кулацким.

Наум вернулся на хутор перед самой войной. От бывшего крепкого мужика осталась лишь мрачная тень. Да и Ульяну было не узнать — некогда красивая дородная женщина превратилась в выцветшую от переживаний старуху. Зато сын Михаил, которому шел уже семнадцатый год, выглядел настоящим русским богатырем — косая сажень в плечах, грудь-колокол, а ростом выше Наума на целую голову.

«Целебная вода, лесной воздух — вернут мне силы, а Миша поможет поправить хозяйство и вновь встать на ноги»,— размышлял Наум, глядя на сына. Но его замыслам не суждено было сбыться.

Началась война. Охремовы затаились и, как и прежде, не высовывали носа из своего хутора. О том, что враг оккупировал нашу землю, дошел до самой Москвы, а потом получил отпор, Охремовы не знали до тех пор, пока однажды летней ночью в их избе не раздался стук в окно.

Наум встал, недовольно ворча, открыл форточку, спросил:

— Кого принесла нелегкая?

— Свои, батя. Харчами хотим разжиться,— басом ответил незнакомец.

— Подождите, поищу,— пробурчал старик.

Наум собрал узелок и протянул в окно.

— Спасибо, батя, от партизан-разведчиков из Клетнянского леса,— добродушно поблагодарил незнакомец.

— Как там, на фронте? — поинтересовался старик.

— Пока неважно. Но по зубам фрицы уже получили — от Москвы отброшены на сотни километров. И еще получат по самую завязку, так что ног не унесут. Будь уверен. Это говорю тебе я — командир разведгруппы Иван Кубатин.

Утром Михаил спросил у отца:

— Это партизаны приходили ночью?

— А тебе зачем знать? — вопросом на вопрос ответил Наум.

— Хочу к ним податься. Оружие уже раздобыл.

— Рано тебе об этом думать,— резко оборвал сына Наум.

Погожим осенним вечером, управившись с домашними делами, Наум сидел на крыльце и тянул «козью ножку». Далеко грохотала война, а на хуторе царила волшебная осенняя тишина. Пахло прелой хвоей и грибами. От земли шло тепло, и голо-

ву кружили терпкие запахи, как хорошее вино. Все вокруг было овеяно миром, добром и светлым покоем, как будто и нет никакой войны.

И вдруг со стороны Загорья, как далекое эхо, послышались автоматные очереди. Потом все стихло. «Вот и напомнила о себе война»,— подумал Наум.

Прошло немного времени, и выстрелы прозвучали вновь, теперь уже гораздо явственнее. «Вот те на. А ведь к хутору идут... Неужто немцы что-то пронюхали или преследуют кого?» — встревожился Наум.

Он живо вскочил и бросился в дом.

— Ульяна,— крикнул старик,— отвязывай скотину и гони к ручью. Немцы на хутор идут. Позови Мишку с огорода — пусть поможет.

— Свят, свят, свят,— перекрестилась старуха и засеменила к сараю.

Проводив хозяйку взглядом, Наум медленно пошел по тропинке к колодцу, в сторону поселка. У колодца присел на лавочку, испил холодной водицы из ведра и стал ждать. Прошли считанные минуты, как на краю поляны Наум увидел человека с автоматом на шее. Тот, прихрамывая, перебегал от сосны к сосне. «Партизан, и, похоже, ранен»,— смекнул старик.

Наум поднялся и двинулся ему навстречу. Подойдя ближе, узнал в нем ночного гостя — командира разведгруппы Ивана Кубатина. У партизана была разорвана штанина выше голенища сапога. Из раны сочилась кровь.

— Немцы идут по следу. Федя Гончаров погиб. Я спрятал его тело в стогу. Мне бы укрыться на время в надежном месте,— обратился партизан.

— Давай быстро в сарай. Там люк и подземный ход к ручью. Мишка проведет...

Наум подставил плечо, заложил руку разведчика себе за голову и, не оглядываясь, повел его к сараю. У дома их встретил Мишка.

— Живо перевяжи Ивану рану и проводи подземным ходом к ручью. Попробую задержать немцев. Скажу, что я в прошлом кулак.

Едва Наум вернулся к колодцу, как услышал тарахтение мотоциклов и немецкую речь. Старик пошел незваным гостям навстречу.

— Во ист партизанен? — подлетел к нему как очумелый офицер с ближайшего мотоцикла.

— Не знаю, здесь никого не было...— начал было старик.

Ударом в лицо офицер свалил старика на землю и стал пинать ногами. Из-за сарая выбежала Ульяна и, увидев поверженного, окровавленного мужа, заголосила и бросилась к нему.

— Наумушка, сокол мой, что с тобой сделали эти выродки?!

Долговязый немец, стоящий рядом с офицером, пнул старуху ногой, и она упала рядом с мужем. Солдаты прочесали дом и хозяйственные постройки, но никого не обнаружили. Подготовили факел, и по команде офицера подожгли вначале дом, а затем надворные постройки.

— Во ист партизанен? — кричал офицер лающим голосом, пиная стариков.

Когда Наум и Ульяна потеряли сознание, их потащили к колодцу — стали отливать водой.

— Во ист партизанен? — истерично визжал офицер, склонившись над ними.

Ничего не добившись, офицер приказал повесить стариков на сосне, прямо над родником. Немецкие солдаты схватили Наума и Ульяну, потащили к сосне, а следом неслось: «Во ист партизанен?».

Неожиданно позади столпившихся немцев раздался громкий голос:

— Я здесь. Отпустите стариков...

За поваленной сосной с автоматом наперевес стоял Иван Кубатин.

— Со стариками воюете, гады! Нате, получайте! — И партизан нажал на спусковой крючок.

Офицер и несколько солдат упали замертво. Остальные залегли и открыли ответ-

ный огонь. И тут на помощь разведчику пришел Миша Охремов, который достал автомат и боеприпасы из тайника. Завязался бой...

Очевидцев тех далеких событий на хуторе Охремовском в живых не осталось. Сразу после войны ходили слухи, что Кулацкий хутор сожгли партизаны, якобы за связь хозяина с немцами.

Лишь спустя годы была раскрыта тайна гибели этого лесного хутора. В дупле старого дуба лесорубы обнаружили гильзу от автомата, а в ней небольшую записку, написанную химическим карандашом. «Мы, бывшие пограничники, а ныне партизаны-разведчики Клетнянской бригады, пустили под откос немецкий эшелон у разъезда Казенное Узкое. Федя Гончаров погиб. Я ранен. Укрылся на хуторе Охремовском. Немцы схватили стариков. Пытают. Я мог бы спастись, но не такой ценой... Вместе с Мишей Охремовым ведем неравный бой с противником. Миша держится молодцом. Командир разведгруппы Иван Кубатин».

Один из старожилов поселка Загорье позднее вспомнил, что в тот осенний день 1942 года немцы привезли из леса, со стороны хутора, и похоронили в роще за поселком больше десятка своих солдат и офицеров.

Вот таким крепким орешком оказался для врага Кулацкий хутор.

ОТВЕТНЫЙ ВИЗИТ

В первую мировую войну Игнат Фомич Петрунин, тогда еще просто Игнат, воевал на германском фронте, где и был взят в плен. Пленных солдат в то время в лагерях держали недолго — их использовали как рабочую силу на землях немецких бауэров. Так Игнат оказался в родовом имении немецкого барона Карла фон Дитриха.

Будучи деревенским мужчиной в расцвете сил, а по натуре незлобивым и предприимчивым человеком, Игнат быстро пришелся в большом богатом имении ко двору: обрабатывал землю, ухаживал за скотом, а в свободную минуту тачал сапоги, клепал сбрую, плел кузова. Немцы, знающие толк в ремесле, по достоинству оценивали мастерство Игната, которого они называли Иваном и поощряли его усердие в работе хорошим питанием. Спустя год лояльный хозяин, отставной прусский генерал, перевел Игната на менее трудоемкую работу — садовником при имении. И здесь Игнат, что называется, попал в свою стихию. Русская находчивость и умение, дополненные немецкой пунктуальностью, позволили ему так организовать работу, что в короткий срок все вокруг преобразилось на глазах. Старый, запущенный сад заметно помолодел и украсился резными скамейками и беседками, сделанными руками Игната.

Он ни минуты не сидел без дела — постоянно что-то ладил. А рядом с ним, везде и всюду, находился внук хозяина — Рудольф, которому в ту пору исполнилось десять лет. Седой импозантный барон скептически смотрел на дружбу любимого внука с русским пленным, а молодящаяся баронесса — женщина строгих правил — вообще запрещала им встречаться. Однако мальчик рос не только любознательным, но и весьма настойчивым, старался добиться своего. Игнат учил его любить природу, уважать окружающих, много рассказывал о военных баталиях, о великой России, давал уроки русского языка. Рудик, так звал его Игнат, впитывал все как губка и смотрел на своего случайного учителя благодарными васильковыми глазами.

Четыре долгих года провел Игнат в имении Дитрихов. Он не гневил Бога — не проклинал свою судьбу: ведь остался жив, да и плен проходил в сносных условиях. Но длинные бессонные ночи на чужбине были для Игната сущей пыткой — он буквально не находил себе места. Всеми фибрами души и тела пленник чувствовал, как гложет его зеленая тоска по далекой Родине, по старикам-родителям, по молодой одинокой жене. Порою возникала мысль подать им весточку — дескать, жив я и здоров, но Игнат гнал ее, полагая, что еще не настало время — нет пока реальных шан-

сов вернуться домой. Феня, жена Игната, получив в начале войны извещение, что муж пропал без вести, все эти годы не считала себя вдовой и, как мужняя жена, неустанно молилась за своего страдальца.

Игнат освободился из неволи так же неожиданно, как и попал в нее. Вернувшись на родину, на самом взгорье села он построил новую избу и разбил большой сад. Односельчане с завистью поглядывали на немецкого пленника и его миловидную, расцветшую от мужской ласки хлопотунью жену. Детей у Фени и Игната не было, о чем они печалились до войны, но после бесконечной, мучительной разлуки совместная жизнь казалась им теперь блаженством. А что касается детей, то они водили дружбу с деревенской ребятней: нередко приглашали к себе в сад и щедро угощали спелыми, сочными плодами с молодых, редких сортов фруктовых деревьев.

Когда началась Великая Отечественная война, Игнату Фомичу уже стукнуло шестьдесят, и он не попал на фронт. Вскоре деревня была оккупирована, но немцы в ней долго не задержались: контроль за соблюдением режима они доверили местному старосте.

Маленькая деревушка с таинственным названием Незнаново находилась на значительном удалении от железной дороги Смоленск — Брянск, и партизаны-разведчики, идя на задание и возвращаясь обратно, ненадолго останавливались в ней, чтобы отдохнуть и подкрепиться. Возможно, немцы знали, что партизаны заглядывают в деревню, но пока лесные мстители не активизировались, они предпочитали мириться с этим, не забывая об охране железной дороги как важного стратегического объекта.

Ранней весной 1943 года партизаны Клетнянской бригады, совершив ночной рейд в тыл врага, в местечке Солдатское Лядо пустили под откос большой эшелон с техникой и живой силой противника. К полудню немцы оцепили деревню и все население согнали на ее окраину — в небольшую пустую конюшню. Командир подразделения немецкой полевой жандармерии, рыжий, мордастый верзила, выдвинул ультиматум: если к утру не будут выданы те, кто поддерживал связь с партизанами, конюшня будет сожжена вместе с людьми.

На рассвете ворота конюшни шумно распахнулись и заложников выгнали наружу. Опытным глазом Игнат Фомич успел заметить на фасаде деревянного строения канистры с горючим, заблаговременно приготовленные предусмотрительными немцами. Переводчик громко объявил: «С вами будет говорить начальник комендатуры господин Рудольф фон Дитрих». На мгновение Игнат Фомич опешил: «Уж не почудилось ли после проведенной в страхе бессонной ночи?» Но он тотчас явственно услышал немецкую речь, и переводчик, будто желая развеять его сомнения, вновь громко произнес: «Господин Рудольф фон Дитрих хочет знать: кто помогал партизанам?».

Дальше Игнат Фомич не вникал в смысл того, что говорил переводчик, а прислушивался к голосу и пристально всматривался в лицо щеголеватого, с безупречной выправкой немецкого офицера лет тридцати пяти. Ему все больше казалось, что он уже видел раньше этого человека, слышал этот своеобразный немецкий говор. В голове рефреном звучал вопрос: «Неужели это он?».

Когда комендант закончил свою речь и подошел ближе к толпе заложников, Игнат Фомич ощутил на себе знакомый, любопытный взгляд васильковых глаз. Он открыл рот и хотел сказать громко, но в горле пересохло, и его голос прозвучал сдавленно, чуть слышно: «Рудик! Это я, Иван!»

Офицер замер в недоумении и уставился в блестящие от волнения глаза старика. Он сосредоточенно, в глубокой задумчивости смотрел минуту-другую, затем встрепенулся и решительно шагнул к Игнату Фомичу. Рудольф фон Дитрих энергично похлопал его по плечу и, дружески улыбаясь, на чисто русском языке многозначительно произнес: «О, Иван! Сколько лет, сколько зим!».

Немцы и заложники стояли, как вкопанные, и смотрели с изумлением. Тишину нарушил Дитрих. Он дал команду отпустить всех заложников, а сам остался один на один с русским Иваном-Игнатом. Тот, еще до конца не веря в чудо спасения, пригласил Рудольфа к себе и по русскому обычаю потчевал гостя всем, что водится в доме. Офицер потягивал вишневую настойку и вспоминал годы детства, проведенные в имении дедушки, встречу с Иваном и их дружбу, запоздало благодарил за науку, которая ему, видно, пригодилась. Когда речь зашла о диверсии, Игнат Фомич сказал старому другу:

— Рудольф! Вы хотели уничтожить деревню, но ведь партизан здесь нет. Они далеко лесу, и их там так же много, как и деревьев...

Дитрих посмотрел на него трезвым и как бы оценивающим взглядом, и без всякой иронии, совершенно серьезно заметил:

— Если бы у фюрера был такой же учитель, как ты, Иван, он никогда не послал бы своих солдат на эту землю...

Эту почти невероятную историю много лет назад мне рассказала мать. Она находилась среди заложников, в той самой конюшне, и была спасена в последний момент благодаря встрече старых друзей — немецкого офицера Рудольфа фон Дитриха и русского старика Игната Петрунина.

Теперь, когда я бываю на малой родине, я первым делом прихожу на пустырь, где когда-то была маленькая лесная деревенька с загадочным названием Незнаново и на заросшем бурьяном погосте не без труда отыскиваю едва заметный бугорок — место, где покоится прах Игната Фомича Петрунина.

Тем, что хожу по земле, я в немалой степени обязан этому простому русскому человеку с нелегкой судьбой. Стоя у могилы деда Игната, я всякий раз размышляю о той давней встрече его с Рудольфом через четверть века, когда жизнь старика и всех жителей деревни висела на волоске. Что это было? Уникальный случай, Божий перст или просто сработал закон диалектики, когда количество добрых дел и поступков переходит в качество и человек может рассчитывать на что-то важное в жизни.

Сергей Калинин
(г. Барнаул, Алтайский край)

АНДРЕЙКИНЫ БЫЛИ

Публицист, поэт, прозаик. Профессиональный юрист, член Ассоциации юристов России. Современный автор, работающий в различных жанрах. В настоящий момент реализует себя в малой прозе для детей и юношества. В настоящее время автор активно публикуется в российских изданиях.

ДРУЖБА ДОРОЖЕ ШАПКИ

Осень выдалась ранняя, и Андрюшка сидел дома с ангиной. С одной стороны хорошо, в школу не надо рано вставать, а с другой вдвойне плохо — с друзьями во дворе не погуляешь, да и горло уж очень болит. Так что лечился Андрей по-настоящему, на совесть.

Ребята во дворе гуляют, а тут на улицу нос не покажи. Впрочем, нос он как раз и показывал. В форточку, но ненадолго, пока родители на работе. Лечился Андрюшка немудрящими народными средствами: вначале дышал через бумажную воронку над кипящей в чайнике водой с содой и солью. А потом проглатывал чайную ложку ароматного меда из стоящей посреди стола, по случаю его болезни, вазочки на ножке.

И вот как-то в очередной раз подышав горячим паром и сунув в рот ложечку, эх, и еще пол-ложечки меда, он как обычно высунулся в форточку и вдруг увидел своего одноклассника Федьку.

Федька без дела слонялся по двору. Выпал первый снег и он, забавляясь, протаптывал на нем узоры.

— Федька, привет! — судорожно сглотнув сладость, изо всех сил закричал Андрей,— Айда ко мне!

Федор поднял голову, услышав знакомый голос.

— А че ты ешь? Котлеты? — спросил Федька.

— Мед, а котлет целая сковородка!

Федор неспешной походкой направился к подъезду, а Андрей ринулся к двери.

Друзья встретились в узкой прихожей городской малогабаритной квартиры. Такие квартиры в народе окрестили «хрущевками». Пока Федор снимал пальто и ботинки, Андрейка вился вокруг него коршуном, выспрашивая последние новости.

Федор, небольшого роста широкоплечий с рассеченной бровью мальчишка в синей школьной форме, степенно надевал тапочки и не спешил делиться новостями.

Так же неспешно он прошествовал на кухню и произнес:

— Котлеты-то давай, а то есть охота! Ты, Андрейка, как не родной. То ли сказок не читал. Вначале гостя кормят, а потом уж новости спрашивают.

И уселся за стол, всем своим видом показывая, что пока котлет не будет, новостей Андрейке не видать, точнее, не слышать.

Андрей в ответ засуетился, открыл сковородку и начал доставать большой вилкой котлеты в тарелку. Одна, две, три.

— Хватит.— остановил его гость.— Тебе хватит! А мне давай вместе со сковородкой и хлеба нарежь,— деловито распорядился Федор.

Обескураженный хозяин молча выполнил распоряжение. И вот уже они вдвоем за кухонным столом. Пока Андрейка доедал вторую из трех котлет, прожорливый гость уже вымакивал куском белого хлеба подлив из опустошенной сковородки.

— Эх, дохляк ты, Андрейка! — подытожил Федор.— Не мучайся, оставь на потом третью котлету. А сейчас давай лучше во что-нибудь поиграем.

И они начали играть. В морской бой, домино, кубики, шашки, города. Когда арсенал игр иссяк, друзья пошли на кухню пить чай.

— Накипь за борт! — Федор заглянул в чайник и, не дожидаясь ответа, ловко заскочив на подоконник, выплеснул в форточку его содержимое.

— Ты что!? — возмущенно крикнул Андрей,— там же моя ингаляция! И зачем в окно? — вот же раковина.

— Да я по привычке, у нас в частном доме раковины нет, вот мы воду за окно и выплескиваем.

В тот же момент до них долетели истошные вопли с улицы, друзья подтянулись на локтях, прильнули лбами к окну.

— Ну что там? — спрашивал Андрейка у более высокого Федора.

— Да там Аркашка орет, случилось, наверное, что-то.

— Аркашка, давай к нам поднимайся! Что у тебя стряслось? — прокричал Федор, подтянувшись к форточке, затем поспешил обратно в тепло.

На пороге стоял Аркадий. Высокий, стройный паренек спортивной наружности. На нем была темная болоньевая куртка в каких-то серых потеках и черная кроличья ушанка, с которой что-то капало.

Друзья при его виде не удержались от смеха.

— Что с тобой? — сквозь смех спросил Андрейка.

— Да какие-то дураки из окна в такой холод обливаются.

Федор насупился и перестал смеяться. Видимо, уже поняв ситуацию, стремительно просчитывал риски для своей собственной шкуры. Папкин ремень он знал не понаслышке. Отец Федора драл его за малейшую провинность. И в конце экзекуции всегда подытоживал: «чтобы человеком стал!». А он что? Не человек, что ли? Еще какой человек, лучше многих. Впрочем, родители большие — им виднее.

Друзья протерли куртку Аркадия тряпкой. Влага собралась, а разводы от потеков остались. С шапкой было сложнее. При любом прикосновении с нее клочками отваливался мокрый черный мех. Федор совсем скис. Друзья завернули шапку и клочки меха в газету и положили сверток в мешок для сменной обуви.

Когда работы по спасению одежды были окончены, они все втроем уселись на кухне пить чай. Федор по-деловому пододвинул к Аркадию тарелку с оставшейся Андрейкиной котлетой.

— Вот, держи, это твоя порция, мы тебе оставили! — соврал Федор.

— Спасибо,— сказал Аркаша, и котлета мгновенно исчезла за щекой. Он погладил круговыми движениями живот и, обращаясь к Андрею, произнес: — Эх, хорошо, но мало. Знатные котлеты твоя мамка делает! В них мяса много. Вкусные. Надо почаще к тебе в гости заходить.

— Так что же теперь с шапкой делать? — осторожно спросил Федор.

— Не знаю, родители убьют! Вчера скорняк, у которого покупали, хвалился, мол, ручная работа, не то что фабричная — сносу не будет. Ага! Фабричная-то, поди, не облезла бы. Как домой без шапки пойду? На улице холодно.— загоревал Аркадий.

— А возьми вот эту. Мне она маловата и родители купили новую. Правда, не кролик, цигейка,— сказал Андрейка, метнувшись в прихожую и протянул товарищу ушанку.

— Ух ты! Классная! Почти новая! Как солдатская! — с восторгом разглядывал шапку Аркадий.— А родители? Не заругают?

— Нет,— уверенно сказал Андрей,— не заругают. Ну если и заругают, то тогда скажу, что на время дал поносить.

Время поджимало. Завтра в школу. Не все же с ангиной дома болеют, и друзья разошлись.

Через неделю в школе на уроке химии была тема «Щелочи». Где-то посередине объяснения учительницы Федор и Андрей переглянулись. Так вот чем они случайно облили Аркадия! Из воды и соды с солью получился раствор щелочи.

На перемене Федор подошел к Андрею.

— Спасибо, что не сдал! После того случая я ничего за окно не выливаю, мамка ведро поставила.

— Давай вдвоем сознаемся,— предложил Андрейка,— а то совесть мучает.

И они пошли искать Аркадия.

— Слышь, Аркаш, ты это, меня прости,— затянул виноватым голосом Федор.— Это я тогда нечаянно выплеснул щелочной раствор. Я ж не знал, что так получится.

— А меня прости, что сразу не сказал,— добавил Андрей.

Аркадий ошеломленно смотрел то на одного друга, то на другого. Потом его озарило и он дико захохотал.

Друзья в недоумении переглянулись и с вопросом в глазах посмотрели на Аркадия.

— Да вы тут ни при чем, скорняк сознался, что бракодел, и новую шапку дал! Мамка ему ту облезлую на стол кинула и сказала, что в органы на него пожалуется. Тот молча достал новую шапку и отдал нам! А раз отдал, то значит его вина и была! — подытожил Аркадий.

— А давайте это будет наш секрет? — предложил Андрей,— дружба ведь дороже шапки!? Ну как, друзья?

— Друзья! — хором прокричали Аркадий и Федор.

В это время зазвенел школьный звонок и друзья побежали втроем на следующий урок. Свой урок жизни они уже получили и теперь твердо знали, что дружба дороже шапки!

ВОЛШЕБНЫЕ ФАНТЫ

Это случилось в канун Нового года. Заканчивалась учебная четверть и впереди маячили долгожданные зимние каникулы. И, конечно же, новогодний праздник: елка, много вкуснятины и подарки.

В тот год в школе возникла мода писать новогодние фанты. Всяк уважающий себя школьник завел специальную тетрадку, в которую записывались пожелания, а потом листок сгибался треугольником по примеру военных писем. Чтобы желание сбылось, нужно было успеть его прочитать до окончания боя курантов в новогоднюю ночь и сжечь листок с понравившимся желанием.

Андрейка много болел этой зимой, но от моды не отставал. И все друзья, приходившие его проведать, исправно делали записи, лопая котлеты и поднимая взгляд к потолку, будто на нем было что-то написано. Котлеты у Андрейкиной мамки были вкусные, и вскоре тетрадка закончилась. Наступил период ожидания. Самое тяжелое было побороть искушение прочитать пожелания заранее. Заранее нельзя. Не сбудется. И Андрейка ждал. Друзья давно перечитали свои пожелания, обменялись веселыми рассказами, а Андрей ждал. Уж очень ему хотелось, чтобы желания сбылись. Друзья ведь плохого не пожелают.

И вот вечером в самый канун нового года, когда взрослые уже провожали старый год за столом в гостиной, Андрейка уединился на кухне. Приготовил большую же-

лезную банку из-под повидла, спички, налил ковшик воды на случай тушения пожара. Взял в руки блокнот волшебных фантов, сел на табуретку и замер в ожидании. Глаза неустанно следили за стрелками настенных часов, и когда минутная стрелка доползла до без четверти двенадцать, Андрей начал читать.

Пальцы судорожно отрывали треугольники фантов от корешка тетради, разгибали листы, глаза впивались в неразборчивый почерк одноклассников.

— Эх, двоечники! Кто так пишет!? — возмущенно произнес Андрейка, от волнения потирая лицо ладошками.

В первом фанте кто-то желал целую коробку мандаринов, второй фант был про учебу, третий... время неумолимо летело. Наконец, все фанты были открыты и прочитаны. Нужно выбрать три самых-самых желания, больше нельзя, а то не сбудется!

Да и то правда. В сказках три волшебных орешка у Золушки, три желания у Золотой рыбки. Больше трех нельзя. Меньше можно. Но ведь хочется и мандаринов, и в школу подольше не ходить, чтобы каникулы были подлиннее, и коньки... Эх, да много чего, но надо выбрать три. Всего три фанта, три желания.

Часы предательски тикают: тик-так, тик-так, тик-так... Счет времени буквально на секунды.

Руки Андрея вспотели и дрожат от волнения. Он перебирает фанты, лежащие на столе. Наконец, окончательно запутавшись, он закрывает глаза и берет наугад три листа. Не глядя на текст, поджигает их и в тот момент, когда остатки пепла падают в жестяную банку, по телевизору раздается бой кремлевских курантов. Ура! Успел!

Андрей сгребает листы со стола, прибирает их в портфель и присоединяется к гостям. Ох и засиделся он с фантами. Мама наготовила много вкусностей, нужно успеть попробовать.

Подарки. Пожалуй, самое важное в новогоднем празднике. Но подарки будут только утром. Почему-то Дед Мороз не носит их детям заранее, а кладет их утром под елку. В ожидании Андрейка безропотно идет спать, а взрослые остаются праздновать за столом и смотреть новогодний концерт по телевизору. Как знать, а если он не поспит, вдруг Дед Мороз испугается и не принесет подарки?..

Проснувшись утром, Андрейка первым делом метнулся к елке. На фоне обложенной ватой с конфетти крестовины, в которой держалась новогодняя ель, рядом с фигурками Деда Мороза и Снегурочки лежало три упаковки с его именем. Большая, можно сказать огромная, маленькая и средняя.

С какой начать? — подумал Андрейка. И начал со средней. Он взвесил сверток в руках. Увесистый, но не гремит. Интересно, упаковка не поддается, качественно замотал Дед Мороз. Наконец, пакет разорван в клочья. И, о, чудо! В руках Андрея оказались блестящие серебром новенькие коньки! Прям такие, как он хотел, такие, как они видели в магазине спорттоваров, когда ходили вместе с мамой и папой покупать кеды для уроков физкультуры.

Андрейка не мог оторвать глаз от подарка. Вот молодец Дед Мороз! Теперь пацаны в школе обзавидуются.

Первый восторг прошел, а любопытство осталось. И глаза цепляются за оставшиеся два свертка. Интересно, что там? Большой или маленький? А давай-ка маленький! И Андрей вскрывает маленький пакет. На пол из пакета с грохотом падает настоящая хоккейная шайба и блестящий спортивный свисток. Обалдеть! Теперь он точно в дворовой хоккейной команде. Это вам не консервную банку валенками пинать. Это настоящая шайба!

Андрей подбирает с пола упавшие подарки и бережно кладет их на полочку в коридоре. И теперь, уже не задумываясь, вскрывает просто огромный сверток. Упаковка лопается и комната наполняется цитрусовым ароматом. Мандарины. Целый ящик! Изумлению Андрея просто нет предела. Полный восторг!

А ведь в волшебных фантах что-то такое было, припоминает Андрей. И тянется к портфелю. Надо проверить.

Достав смятые листы, он пытается вспомнить, что же было в сожженных фантах. Так, коньки были, мандарины были и... нет, шайбы и свистка не было. А что же тогда третье? Точно. Аркашка, дурак, написал: обожраться и в школу неделю не ходить. Ну и ладно. Два из трех тоже неплохо, хотя и обидно.

Все каникулы Андрей играл во дворе в хоккей. Болезнь прошла и мама не возражала против прогулок. Каждый раз хотелось погулять подольше хотя бы на полчасика, и еще полчасика, и еще пять минуточек.

Придя домой, Андрей первым делом съедал несколько мандаринок. Ел он их понемногу, чтобы на дольше хватило. Растягивал удовольствие.

За два дня до выхода в школу мама сказала, что мандарины нужно либо съедать, либо отдать кому, так как они не железные и так долго не могут хранится.

Ясно дело — не железные, они вкуснячие и ароматные. Отдать мандарины. Целых пол-ящика. Ну уж нет! Такую вкусноту Андрейка был не готов отдавать. Да и когда еще столько мандаринов подарит Дед Мороз. И Андрей начал есть мандарины от пуза, сколько влезет. Вначале влезало много, а потом все меньше и меньше. К концу последнего каникулярного дня Андрей победил мандарины. И даже шкурки выбросил.

А утром началось! Живот скрутило так, что ни вдохнуть, ни выдохнуть. Поднялась температура, появился озноб, а по всему телу пошли красные пятна.

Пришла врач. Внимательно осмотрела Андрейку. Заглянула в рот, прижав язык чайной ложечкой, послушала легкие трубочкой и сказала: — Да у вас, батенька, аллергия на фоне обжорства цитрусовыми.

Всю неделю после каникул Андрейка лечился дома, сидя то на горшке, то на жесткой диете. Все-таки сбылось Аркашкино дурацкое пожелание! Но тут сам виноват — нечего было не глядя фанты жечь!

В школе в тот год только у него сработали волшебные фанты. Так Андрей понял для себя один очень важный жизненный урок — надо быть осторожным со своими желаниями. А вдруг сбудутся? Впрочем, после того случая Андрейка волшебные фанты больше не писал, а мандаринами делился с друзьями. Ведь он не жадина...

Сергей Криворотов
(г. Астрахань)

Наш постоянный автор.

НЕ ТО МЕСТО

Все знали, что тут начали строить новое областное управление КГБ. Точнее, не одно здание, а целый внушительнный комплекс. СМИ, разумеется, молчали, но «сарафанное радио» никакой завесы секретности вокруг стройки не оставило. И все же нашлись три чудика, запредельное неведение которых назвать просто затруднительно. Вероятно, в определенный момент на разум их маленького коллектива снизошло некое затемнение, что и вызвало необъяснимый сбой.

Старые знакомые сошлись в конце рабочей недели у остекленной витрины гастронома. Поодиночке достигли винно-водочного отдела с вполне определенной целью и надеждой найти там подобные себе страждущие души. В ту пору статья о тунеядстве исключала праздношатание, как недопустимое явление. Все они являлись строителями обещанного сверху через двадцать лет коммунизма. И хотя половина срока уже миновала, каждый из них на своем предприятии продолжал ожидать этого рубежа, как и маячившей на горизонте пенсии. Про волюнтаризм обещавших подобное они слышали, но продолжали надеяться. А в этот еще не наступивший вечер предсказуемо собирались расслабиться перед выходными. Возможно, каждый и пошел бы делать это к себе домой, если бы не встретились в этой точке в одно и то же время. Сначала двое, один из которых трудился каменщиком в стройтресте, а второй слесарем на судоремонтном заводе. Слово за слово — давно не виделись, а тут и третий объявился, грузчик с местной табачной фабрики. Сбор будущих участников события произошел стихийно, как выскакивают пронумерованные шарики определенной комбинации из лототрона при розыгрыше тиража спортлото. Единогласно решили, что две по 0,5, а не одна, для внезапно образовавшегося сплоченного общим планом коллектива — самое то, что надо. Чтоб уже не бегать потом второй раз перед закрытием магазина. По случаю такой редкой встречи согласились не ограничиваться плавленными сырками или килькой пряного посола. Это выглядело бы совсе не к месту, просто несолидно. Запаслись солеными огурчиками, зеленым луком, колбасой, консервированными сардинами, буханкой хлеба и трехлитровой банкой томатного сока местного разлива.

Тут же возник вполне закономерный вопрос: куда податься? С бокового крыла гастронома прилепился то ли кафетерий, то ли кафе-мороженое в виде полукруглой ротонды под железной крышей. Грузчику с табачки пришла мысль расположиться именно там за одним из полудюжины столиков. А чего же далеко ходить? Но двое других, живших неподалеку и потому знавших обстановку лучше удаленного собрата, разом воспротивились:

— Не-а, Андрюха! То не есть гуд, не годится. Там патрульные часто шмонают, да и Лариска-буфетчица та еще стукачка, сама их вызвать могет.

Перебрали другие варианты — от лавочки в ближнем сквере до набережной внутригородского канала неподалеку, называемого в народе просто Канавой. Но всякий раз предложения дружно блокировались двумя голосами из трех.

Затянувшийся поиск не помешал позаимствовать стаканы у автомата с газировкой. Только их окончательный выбор места для отдыха вызывал подозрение, что каждый из компании уже был несколько неадекватен то ли из-за пива, уже перехваченного после работы, то ли еще из-за чего. Каменщик крутого разряда после мытарств по району поманил их на пригодную для спокойного общения стройку.

— Дык там, Боря, сторожей, должно быть валом...— резонно усомнились компаньоны.

— Для кого Боря, а для кого и Борис Иваныч! Бывал я там на днях! Зуб даю! Опалубку еще не убрали, там и тырить пока нечего, какие еще сторожа!

Такое заверение безопасности показалось убедительным. Вот так они в том злосчастном месте и очутились. Каменщик Борис Иванович провел их через скрытный лаз в ограждении. Точнее, по ему известным приметам нашел легко сдвигаемую доску в заборе, а его деловитая уверенность рассеяла остатки сомнений у приятелей. И то, никаких оборонных хитростей, не говоря о колючей проволоке, им на пути не встретилось, что расслабило и совершенно притупило бдительность.

Скорее всего, охранник, так и не показавшийся на глаза непрошенным гостям, все же там имелся при исполнении своих обязанностей. Но еще вероятнее сработали датчики, наверняка установленные на секретном объекте с самого начала строительства. Все новейшие технические разработки того времени в первую очередь предоставлялись именно этой всевластной организации. То ли на вызов сторожа, то ли на тревожный сигнал автоматики мигом примчались две легковушки с оперативниками. С ходу выпрыгнув из машин и лихо развернувшись цепью, они захватили ошарашенную троицу, не успевшую и наполовину разобраться с припасами зеленого змия.

Уже в старом здании управления после формальной регистрации задержанных развели порознь по камерам и немедленно приступили к их разработке. Случившийся на месте в этот поздний час краснолицый одышливый подполковник пожелал лично заняться доставленными. По всему похоже, предпенсионного возраста офицер успел получить ведомственные навыки еще при Берии. На подхвате у него подсуетился услужливый капитан, явный представитель новой поросли чекистов, дотошно следовавший заученным алгоритмам. После необходимой по процедуре сверки личностей на каждого из нарушителей по отдельности обрушился град недвусмысленных вопросов. Да так, чтобы не дать ни минуты передышки и возможности сосредоточиться. С какой целью проникли на охраняемый секретный объект? Как смогли узнать о нем? Где именно на стройке успели спрятать записывающую аппаратуру? Когда и кем наняты и конкретно за какую плату? Кто именно дал инструкцию перед началом акта?

В каждом из трех случаев полковник предоставлял поусердствовать ретивому младшему по чину и возрасту помощнику. Сам же молча сверлил допрашиваемых пытливым пронзительным взглядом, многозначительно дымя сигаретой.

Остатки хмеля быстро улетучились из голов непутевых бедолаг, поочередно помещаемых под направленный им в глаза свет яркой настольной лампы.

— Вы хоть представляете, в чем вас конкретно обвиняют, и что за это грозит согласно нашему закону? — Риторичекий вопрос полковника, неожиданно задаваемый вкрадчиво-угрожающим тоном после бравшего паузу майора, заранее не предполагал никакого ответа.

— Уже одно то, что вы проникли на тщательно охраняемый объект, подпадает под статью за измену Родине. А то, что вы не действовали в одиночку, бесспорно доказывает сговор, групповой умысел, и усугубляет вашу ответственность. Думаю, не стоит уточнять, что за такие дела светит высшая мера наказания. Но в случае со-

труднчества со следствием, дачей правдивых показаний и чистосердечного признания можете надеяться на смягчение выдвигаемых обвинений. Тем более, ваши подельники уже дали показания вовсе не в вашу пользу. Они утверждают, что именно вы являетесь инициатором этих противоправных действий,— уже торжествующе заключал опытный чекист, всякий раз на глазах очередного допрашиваемого давя окурок сигареты в пепельнице.

Стоило ли говорить о немедленной готовности к полному сотрудничеству задержанных и дачи ими всех требуемых показаний?! Хуже всех пришлось Борису Ивановичу, именно на него единодушно свалили все оба приятеля, не раз пожалевшие о слепом доверии каменщику — самозванному Ивану Сусанину. Они слезно каялись в отсутствии антигосударственного умысла и обещали поскорее закодироваться для избавления от подведшей их под монастырь пагубы. Только бы их отпустили и поверили им в этот раз.

С самого начала каждого из них заверили, что продержат здесь, пока тщательно не перепроверят все показания, даже пригрозили применением «сыворотки правды» — неизвестного работягам химпрепарата из имеющегося секретного арсенала. Откровенно дали понять, что их нелепые объясения выглядят попыткой «откосить» в психушку, чтобы избежать заслуженно угрожаемой статьи.

Спустя полтора часа обоим офицерам стала окончательно ясна истинная подоплека действий трех недотеп. Именно столько времени понадобилось, чтобы поверить в столь потрясающее проявление глупости несознательных работяг.

— И что с ними дальше — передать в УВД? Для вытрезвителя не та кондиция...— спросил озадаченный капитан уже собравшегося уходить домой полковника.

— Ни в коем случае! Ты что?! Вдруг они там выболтают что-то о схеме строящихся зданий? Подержи до утра, припугни потом на дорогу по полной и отпускай. Заполни протоколы на каждого о нарушении общественного порядка, распитии в общественном месте, о действиях, порочащих честь и достоинство наших граждан. Только без нашей конкретики. И тогда уже перешли телеги обычным порядком в райотдел. Пусть менты им штрафы выписывают.

Когда наутро вконец удрученную жуткой процедурой троицу внезапно отпустили на все четыре стороны, каждый задержанный слезно поклялся не разглашать, где и за что находился этой ночью. Одновременно умоляя при том не сообщать о происшествии по месту работы. Напоследок все заверили, что сами обратятся к наркологу и принудительного лечения им не потребуется.

Надо ли говорить, что вскоре двое из компании вернулись к остекленной витрине того же винно-водочного отдела гастронома? Утро-то выдалось субботнее, нерабочее.

Вот только каменщика Бориса Ивановича с ними уже не оказалось. Спустя две недели он честно закодировался и получил вшитую в предплечье торпеду. Двое других отказались от общения с ним, не простили столь несуразно подставившего их приятеля. Они безоговорочно винили в случившемся его одного и радовались, что отделались одними штрафами. Нисколько не корили себя, что не удосужились поинтересоваться, на какую стройку лезть собрались? Правда, некоторое оправдание собственной глупости у них все же имелось. Еще в бытность подростками проникли оба за забор строящегося концертного зала. Разумеется, никакой сигнализации там не оказалось, а если имелся сторож, похоже, сам так хорошо спрятался, что его и не увидели. Впрочем, дела давно минувших дней, да и место выбрали тогда совершенно другое. Так сказать, лайт вариант «русской рулетки».

ИСЦЕЛЕНИЕ

Чувство выздоровления — одно из самых сладостных.

А. Пушкин

Дни шли за днями, сливаясь в его больном нарушенном восприятии в огненные круги перед глазами, катящиеся через бездны мрака и беспамятства. В эти ничего не содержащие в себе пропасти черной пустоты он головокружительно проваливался, долго летел в них, обливаясь липким потом. Налитые чугунной тяжестью ладони падали в никуда рядом, как бы отделенными от его лишенного плоти тела. И чем глубже и дольше длились эти непрекращающиеся падения, тем отчетливее ощущалось леденящее приближение смерти. И тогда каждая живая частица распадающейся личности, вопя от ужаса перед неодолимой неизбежностью, карабкалась к свету из последних еще остававшихся сил, цеплялась за края крошащейся жизни.

Между этими провалами в ничто случались редкие промежутки просветления, когда болезнь отпускала его разум, и он заново начинал постигать окружающее, словно в первый раз учился читать. Ему казалось, его сознание существует вне времени, которое внезапно утратило обычную линейность, искривилось и смялось, стало прерывистым, не поддающимся никакому измерению. Непостижимым образом минуты превращались в недели и месяцы, дни сжимались до нескольких вздохов, а часы вовсе исчезали в этой круговерти, словно бы их и не было вовсе.

Чаще для его восприятия оказывалась недоступной в полном объеме даже комната вокруг, поле зрения сужалось до кровати, на которой он постоянно находился. В этот круг света внезапно прорывались лица родных и близких, но теперь он не мог не то что верно различить их выражение, но даже путался — кому конкретно они принадлежат в действительности. Он не мог уверенно определить: реальны они или видятся через искаженную болезнью призму памяти? На тумбочке у изголовья появлялись новые упаковки лекарств, вызывая неодолимое отвращение одновременно со слабой надеждой на возможное исцеление. В мгновения, когда он мог отдавать себе отчет в происходящем, он и сам сомневался, служат ли все эти таблетки и микстуры поддержкой и заслоном от терзающего недуга или же, напротив, открывают перед ним путь в никуда, откуда уже никак не вернуться.

Кровать стала для него сосредоточием оставшегося доступным узкого мирка, единственным его вместилищем, в котором лишний глоток холодной воды, разжимающий цепкую хватку жажды, становился неизъяснимым блаженством, целью всего существования. Все окружающее казалось условным, нереальным, как бы пунктирно обозначенным в туманной дымке. Тогда как главным и наиважнейшим становились собственные внутренние переживания, ощущения, нечетко маячившие в сознании, не поддающиеся определению. Огненные круги сумасшедшей колесницей вновь неслись перед его глазами сквозь всеохватную ночь, а подлинная реальность отступала, катилась к черту, отстраняемая воспаленным восприятием.

Будто бы и не было за стенами давно привычного большого и разнообразного мира, в котором находилось множество знакомых и незнакомых, не похожих друг на друга людей, в котором он и сам жил до этого прикроватного существования. И все же, иногда этот огромный внешний мир настойчиво прорывался к больному, преодолевая попытки последнего отгородиться от всего, остаться наедине с болезнью. Новые лица, звуки, предметы... Однако, все это почти не доходило до затемненного сознания, хотя тот реальный мир еще продолжал жить раздробленным в его воспоминаниях, напоминая о себе, звал вернуться туда. Его образы ломались, дробились, искажались, но оставались живыми. Они срывались с потрескавшихся от жара губ полузабытыми именами, как желтые листья или испуганные птицы с ветвей осеннего сада.

Боль, как теперь казалось, присутствовала всегда. Существование без боли уже представлялось невозможным. Она служила напоминанием жизни, не верилось, что прежде ее просто могло не быть. Мир без боли остался за пределами его полностью захваченного болезнью мирка. Иногда боль нарастала, пульсировала, билась, как набухшая вена, с ударами сердца, с каждым вздохом. Ощущение ее усиливалось до бесконечности, затмевало глаза, передавалось по телу с током крови. Больной бессильно скрипел зубами, хрипло кричал невразумительное, вырываясь из успокивающих рук сиделки. Бросал в пустоту страшные проклятья и ругательства, адресованные неведомо кому. Возможно, проклинал жизнь, давшую такую боль, или смерть, упорно не приходившую с облегчением. Иногда боль постепенно утихала сама, иногда вдруг резко уменьшалась после укола иглой шприца, но никогда не проходила совершенно. И он смирился с ее наличием, как с постоянной жаждой, как со странно пустым воздухом, которым никак не мог наполнить грудь.

В недолгие минуты просветлений, когда ничто поразительно не беспокоило и не отвлекало внимания ни изнутри, ни снаружи, он размышлял о вероятном скором конце. Не только своем, но и о возможном для всего человечества. Его ужасала перспектива стать ничем, неодушевленной горсткой праха. А неизбежность отдаленной гибели земной цивилизации придавала в его глазах бессмысленность любой человеческой деятельности. Собственная жизнь на фоне вероятной в будущем глобальной катастрофы казалась никчемной, никому не нужной. Эти мысли настолько занимали его в эти моменты, что временами переходили в навязчивый бред. Он видел то страшное пламя атомного апокалипсиса, то лунные горизонты, достигнутые людьми, принимая все за явь, картины которой прерывались лишь новой вспышкой боли.

И вот однажды стало совсем плохо. Падение в пропасти длилось бесконечно. Лишь изредка тьма урывками расступалась, и в тумане окружающего всплывало чьето озабоченное лицо, склонившееся к нему. Но тут же он снова проваливался куда-то с противно замирающим сердцем, и все путалось в голове, растворяясь в пустоте, уступая место катящимся огненным кругам.

Это была ночь сплошного кошмара и безостановочного липкого пота. Ночь, наполненная его хриплым дыханием и невнятным бомотанием, рвущими тишину. Это была ночь жара и холода, ночь кризиса и ожидания исхода. В эту ночь настал перелом. И когда под утро он наконец впервые забылся крепким спокойным сном, окружающим стало ясно. что болезнь отступила.

Новый день принес с собой новизну восприятия. Он лежал на кровати, удивленно озираясь по сторонам, находя повсюду знакомые и незнакомые черты, прислушиваясь к происходившему в нем самом. Голова оставалась ясной, как никогда, во всем теле обнаруживалось стойкое ощущение легкости и праздника, словно заново рождаешься на свет. Но главное, что он понял не сразу, боль впервые за долгое время полностью оставила его.

Из открытого окна доносились пьянящие звуки большого мира, он ощущал их не только слухом, но всей поверхностью кожи. Ему казался понятен теперь даже язык птиц, радостно галдевших о весне на зазеленевших ветвях сада. Он почувствовал свою неразрывную связь со всем творящимся снаружи, осознал себя частицей этого чуда. Ощутил во всей полноте, до чего прекрасна эта жизнь, необыкновенный дар природы, которого чуть было не лишился из-за болезни. И только тогда понял, что окончательно исцелился.

Ему захотелось встать, подойти к окну, но сил хватило лишь повернуться на бок и смотреть на кусочек ясного неба в раме окне. Он лежал так, пока снова не заснул, и сон его оказался светлым и счастливым сном обновленного человека.

Теперь окружающее стало восприниматься с необыкновенной остротой. От внезапно появившегося зверского аппетита до жгучего тепла, заглядывавшего по утрам в окно солнца. В нем пробудился художник, поэт, музыкант, ребенок. Только глаза

подмечали все внимательно по-взрослому, музыка и рифмы рождались в голове, неуемная любознательность выплескивалась на мир вокруг. Каждый новый день помогал ему стряхивать с себя остававшиеся лохмотья болезни, придавал все новые силы.

Когда же он смог самостоятельно выйти в сад, ему показалось, что все радостно приветствует его возвращение — от зелени деревьев и молодой травы до криков далеких электричек. От обилия воздуха и солнца кружилась голова. Все виделось им теперь иначе, чем прежде, словно болезнь придала свежесть взгляда, обновила все чувства. Только после того, как он заглянул во тьму смерти, перед ним открылась вся прелесть продолжающейся жизни.

Болезни больше не было. Он вернулся к своей работе, ища и в ней скрытные источники радости. Но эти старания не увенчались успехом. Он вернулся в большой мир, ожидая встретить обновленную жизнь, готовый к ней. Но мир этот оказался старым. Работа засасывала без остатка, вернула на свое прежнее место в череду серых унылых будней, не различимых между собой. Он чувствовал в себе силы создать что-то значительное, необыкновенное, ни на что не похожее, о чем говорило бы не одно поколение после его ухода. Но все больше зарывал эту возможность в бесконечной производственной текучке.

С каждым днем обретенная им с уходом болезни острота восприятия притуплялась все больше. Словно на его глазах только что открытый широкоформатный красочный и объемный мир превращался в плоскую черно-белую фотографию. Он еще радовался случайно встреченной улыбке, теплу искреннего пожатия руки, волнующему женскому поцелую, но каждой клеткой все больше ощущал, как быстро теряет свое ненадолго обретенное сокровище.

Настал день, когда окружающий мир уже ничем для него не отличался от той же унылой комнаты, в которой он оставался наедине с болезнью.

В недолгие минуты рабочего перерыва он присел на ступени бетонной лестницы набережной у самой воды, спрашивая себя: неужели только болезнь могла дать такую прекрасную временную иллюзию? И утрата ее на самом деле означает лишь окончательное выздоровление?

Если бы имелось время посидеть подольше вот так, роясь в грустных воспоминаниях, неизвестно, до чего он мог бы еще додуматься, но время перерыва закончилось, и пора было возвращаться на работу.

Сергей Литяжинский
(г. Калуга)

СОЗВЕЗДИЕ БЛИЗНЕЦОВ

Первая публикация в «Приокских зорях».

Крупный город в европейской части России конца девяностых. Асфальт на городских тротуарах, положенный десяток лет назад, непоправимо стерся. Ночного уличного освещения почти нет. Троллейбусов и трамваев, старых и грязных, так мало, что большинство горожан предпочитают ходить пешком. В недостатке прохожих улицы старого города нужды не испытывали даже тогда. Бесплодная суета. Завтрашнего дня боялись все. С сегодняшним все мирились.

Кроме суеты, а бизнес тоже был суетой, мало у кого были другие рецепты избегнуть висельной депрессии. Митинги отшумели, рок-н-ролл мертв. Ни хлеба, ни зрелищ. Край треснувшего духовного корыта. Как обрести под ногами почву? Наш герой искал ее в церкви. Он все еще инженерил на оборонном предприятии, худобедно, но сводил концы с концами и совсем не собирался окончательно расставаться с реальностью. Только чуть от нее отстранился. И только-только стал обретать новый смысл...

Вдруг гром среди ясного неба:

— Вы задержаны по подозрению в двойном убийстве.

Так несколько замкнутого, но в целом адекватного человека, чуть старше тридцати лет, с широким кругозором и мировоззрением христианина неофита, арестовали. Убиты его жена и ее любовник. Мотив явный, алиби шаткое. После показаний нового свидетеля, который видел его в день убийства недалеко от места преступления, Сергея Забелина сажают. На суде даже адвокат был уверен, что он играет в несознанку. Никто не обратил серьезного внимания на его категорический отказ писать явку с повинной.

* * *

Строгая зона для отморозков, на которых не хватило доказательной базы до пожизненного заключения. Минимальный срок здесь двадцать лет. По УДО отсюда пока еще никто не уходил. Наш герой здесь уже долгие годы. Христианские склонности давно стали убеждениями и продолжают крепнуть. Апелляций и ходатайств о помиловании он никогда не писал, с администрацией не сотрудничал. С сокамерниками также он почти не общается. В своем положении видит Божий промысел и даже находит своего рода гармонию.

В начале своего срока прилежнее других выкладывался на постройке часовни, переосвященной впоследствии в храм. Следить в нем за чистотой и порядком — его дополнительная обязанность. По большим праздникам в храме служит литургии отец Игорь. Другие священнослужители в зоне не появляются. Батюшка суров, знает цену раскаянья урок. Никогда не улыбается. Одни сидельцы говорят, что он сам сидел по малолетству, другие — что служил во внутренних войсках, еще в советские времена. И что после срочной службы еще на несколько лет оставался охранять зону. У самого

священника почти о каждом заключенном была точная информация из личных дел: за что, который раз, на сколько и сколько уже.

Подкупал свою паству отец Игорь яркими, захватывающими проповедями. На исповеди же он очень редко вступал в разговоры с заключенными. Старался выслушать их рефлексию молча. Ограничивался фразами: «Зачем врешь?» и «Бог судья». Тем удивительнее было его обращение к нашему герою на восьмом уже году его заключения: «Долго будешь молчать о главном, Сергий?»

Сергий сразу понял, о чем спрашивает священник, и лютая неприязнь тронула его сердце. Он не искал сочувствия, но все-таки был уязвлен. «Каюсь,— сказал он,— в неверии, в кромешном отчаянии и в ненависти к вам, сейчас нахлынуло».

Отец Игорь вздохнул и после фразы «Бог судья» прочитал над ним разрешительную молитву. Однако в следующий раз, спустя почти три месяца, задал Сергию тот же вопрос. В ответе теперь осталось только два пункта. В ненависти никто уже не каялся.

Суровый батюшка посуровел еще больше.

— Были вы венчаны с супругой?

Не ожидая такого вопроса, Сергий молчал. Оба молчали. В итоге отец Игорь не допустил Сергия до причастия. Он еще накануне решающей исповеди, после долгих молитвенных размышлений, положил себе сделать так: «Пока не раскаешься в главном, к чаше не подпущу».

Сергий раздавлен. Молящиеся вокруг ухмыляются. У большей части заключенных (конечно, не у блатных) отец Игорь в большом авторитете. В камере Сергия ждут непростые разговоры.

* * *

Примерно в то же время, в другой зоне режима менее строгого, к другому священнику после службы обращается администрация с просьбой исповедать умирающего в «кресте» (в «санчасти» на человеческом языке) зека.

— Это его право.

Медработник поставил диагноз «прободная язва». Может, и до полуночи не дотянет. Отец Вячеслав соглашается. Начальник зоны дает этому урке самую нелестную характеристику и советует много времени на него не тратить. Рецидивист шестидесяти лет. Циничная гнида, ничего святого, чтит понятия, но если его скотская натура потребует, перешагнет и через них. Сидит за разбойное ограбление с пристрастием. У дряхлой пенсионерки утюгом выпытал, где она похоронные сбережения прячет. Если бы старушка скончалась, сидел бы в «Белом лебеде».

Умирающий урка страдал неподдельно. Периодически впадал в забытье. Синие пакши тряслись, из глаз катились крупные слезы. После молитвы священник склонил ухо к лицу кающегося.

— Веришь ли?

— Теперь верю...

Преодолевая брезгливость, отец Вячеслав старался следить за нитью исповеди. Параллельно старался молиться за прощение вора и, как оказалось, насильника, растлителя и убийцы.

— Еще одно,— шептал умирающий,— страдает за меня безвинный мужичок. Девять с лишком лет назад взял я квартиру богатую. Взял легко и чисто и веселый шел уже по подъезду вниз, как слышу — кто-то поднимается, быстро так. Вот-вот столкнемся взглядами. А вдруг хозяин взятой квартиры? Убивать не хотел, но шабер вынул. И машинально так, возьми и дерни ближайшую к себе дверь. И она поддалась...

Пару минут зек скулил от боли.

— Внутри музыка, пыхтенье за стенкой, пьяный женский смех... Потом вышел голый мужик, помладше меня, близорукий, с залысиной и поддатый. Я его тихо так

на лезвие надел, он не пикнул. Потом и бабу. От одной крови ушел с лестничной площадки, другую нашел. Красивая была баба, еле сдержался... Такая была красивая, что и мертвую можно было бы... Будь времени побольше.

— Это не раскаянье!

— Знаю, отец... Прости...— И опять зек скрежетал зубами и сгибал в коленях худющие ноги.

— Не приняли меня тогда ни за квартиру, ни за трупы. Похоже, и не искали. Знаю, что мужа той бабы посадили. Она с любовником была на съемной квартире. Вот и впаяли ему, недолго разбираясь... Каюсь... Отпусти грехи, отец! Сдохну скоро... А лоха того жалко, из шибко верующих он был, я так понял.

Отец Вячеслав был потрясен, хотел спросить: где сидит тот лох, как зовут? Но сдержался. Порычав еще с минуту, рецидивист добавил:

— В жизнь бы так никому не сознался. А теперь не боюсь. Ты же не вложишь. Ты же адвокат мой перед вышним прокурором. Отпусти грехи, отец!

Еле справляясь с собой, священник прочел молитву, дал разбойнику святых даров, соборовал и оставил его умирать.

Тайна исповеди мешала отцу Вячеславу активно приступить к выяснению деталей. И хотя эта история не выходила из его головы, он только через месяц, пятого июля, позвонил начальнику зоны поздравить его с днем ангела и невзначай поинтересовался, как отошел к Господу тот зек, которого он исповедовал в кресте.

— Вы, отец Вячеслав, наверное, чудотворец. Зек тот никуда не отошел, а на поправку после ваших молитв пошел. Два дня он у нас зубами скрипел и бредил. Потом мы в область его отправили. Ждем, но оттуда пока не звонят. Значит, оклемалась, гнида.

Священник понял, что выяснять детали исповеди в ближайшее время нельзя...

Скоро жена начальника зоны позвонила отцу Вячеславу. Подобострастно она рассыпалась уверениями в своей вере, в своей преданности Христу и в своем восхищении тем чудом, которое было совершено над умирающим разбойником. Врачи в области просто шокированы. Первоначальный диагноз подтвердился сразу, но язва зарубцевалась! Отец Вячеслав чуть не обругал эту женщину, так неприятны были ему ее льстивые комплименты и неуместное восхищение сомнительным чудом. В конце концов она попросила освятить их жилище, ну и помолиться за внуков близнецов. Священник дал слово выполнить ее просьбу.

После телефонного разговора в душе отца Вячеслава сами собой подбирались слова новой молитвы, и ему стоило больших усилий не произносить их. Если бы урка, как сказал бы Булгаков, «с такой страшной фамилией» Голокость сдох, священник без особенного труда, как ему казалось, смог бы прояснить обстоятельства двойного убийства, за которое сидит уже долгие годы невинный. И вдруг — чудо. Зачем, Господи? Пока рецидивист жив, тайна исповеди будет руководить поступками отца Вячеслава.

* * *

Три года провел Сергей Забелин без причастия. Даже не пытался подойти к исповеди. И общественность, и администрация заметили конфликт с отцом Игорем. На вопросы оперативного работника Василия Васильевича священник отвечал уклончиво, метафорами, цитатами из писания. Кум сделал вывод — какой-то богословский спор. Сергей же вообще ничего не отвечал. Никому.

На святую Пасху 2010-го года, приняв исповедь у одного из зеков, отец Игорь попросил того позвать к себе Сергея Забелина.

— Стань в очередь, Сергий,— сказал священник примирительным тоном и благословил его.

Когда очередь подошла, Сергий повернулся, чтобы поклониться другим верую-

щим, но позади себя никого не увидел. Только у самых дверей стоял кум с еще одним подполковником, и оба с интересом смотрели в его сторону. Сергий поклонился им.

Закончив исповедь, Сергий ждал вопроса о главном. Но вместо этого услышал: «Бог судья». Колени сами подогнулись, и вот епитрахиль покрыла его голову, и потекли слова разрешительной молитвы.

* * *

Уже три года отец Вячеслав мучился неразрешимой дилеммой. И мысль о далеком безвинном сидельце читалась в его лице, и незыблемость тайны исповеди ни на минуту не ставилась им под сомнение. Между тем, чудесно выздоровевший рецидивист вернулся в места заключения. Отец Вячеслав пару раз издалека видел взгляд этой смертельно раненой ехидны, злой и трусливый. Сказать про него «отталкивающий» — значит, ничего не сказать. Урка явно был нездоров. Передвигался с усилием. Поймав взгляд отца Вячеслава, жалко так ухмыльнулся.

— Господи! — пронеслось в голове отца Вячеслава.— Ты один знаешь, что такое настоящая милость. Буди милостив к нам, грешным!

— Аминь,— неслышно добавил ангел.

После освящения дома начальника зоны отец Вячеслав стал другом всего семейства Геннадия Николаевича, хотя сначала и тяготился этим. Сам товарищ полковник с глазу на глаз зачастую переходил с ним «на ты». Он оставался атеистом, но любил послушать о духовном. По воскресеньям Геннадий Николаевич лично привозил в тот городской храм, где служил отец Вячеслав, жену и внуков близнецов. Все располагало задать ему мучивший священника вопрос, но батюшка не спешил, точнее, не смел. Бывало, после службы ехали перекусить к отцу Вячеславу в его маленький домик. Внуки начальника зоны играли с внучками священника, взрослые вели пасторальные разговоры за чаем. Поздней осенью отец Вячеслав обвенчал этих немолодых людей, которые давно уже сыграли серебряную свадьбу.

Зимой, спустя несколько дней после Рождества, Геннадий Николаевич встретил выходившего из городского храма после вечерни отца Вячеслава. Мороз был крепкий.

— Что-то случилось?

— Да как сказать, у нас ничего, а вот в «Сухом Остроге» случилось. Сядем в машину.

«Сухой Острог» — это известный лагерь на Урале. После рождественской службы там помешавшийся заключенный захватил в заложники местного батюшку. Детали пока неизвестны, но батюшка в реанимации, зек ликвидирован. Пятно на всю систему исправительных учреждений. Приказ министерства — ограничить, усилить, обеспечить, сократить и прочее. Негласный приказ: не допускать контактов священнослужителей и заключенных без разделительного ограждения.

— Будем решетки ставить в храме. Не выполнить приказ не могу. Вот посоветоваться приехал. Без вас не разберемся, что ограждать.

— Ну, знаете, Геннадий Николаевич! Кто же вам позволит? Где это видано? Как же епитрахиль на голову исповедника класть? Как святые дары через решетку давать?

— Как гиенам в зоопарке мясо дают? — взревел Геннадий Николаевич.— Давайте думать! Что сможем улучшить — улучшим, обещаю. По-другому никак. Хотели вообще мораторий на пару лет ввести. Ограничились решетками. Министр с патриархом встречался, соглашение достигнуто, и на днях будет обращение синода к тюремному клиру. Так вот.

Отец Вячеслав горестно стих.

Расставаясь, Геннадий Николаевич неожиданно сказал:

— Голокость вам искреннее почтение передавал. Но очень просил с ним встреч

не искать, опасается, что приличное камерное общество его не поймет и за встречу с вами осудит. Я же говорил, гнида. Вы над ним такое чудо совершили, а он...

— Бред. Если и было чудо, то без меня,— отец Вячеслав перекрестился вспотевшими пальцами.— От меня ему ничего не передавайте.

— Как-то не по-христиански...

Начальник зоны смотрел в глаза священника и, загадочно улыбаясь, чего-то ждал.

— Передайте мое благословение супруге. Над планом ограждения я подумаю. Полтора метра высоты хватит?

— Два с половиной.

На следующий день отец Вячеслав действительно прочитал во внутрицерковной сети обтекаемое обращение священного синода к пастырям тюремных храмов с разъяснениями. Церковь не хотела рисковать жизнями своих служителей и душами несчастных заключенных, подверженных отчаянию и способных на неисправимые новые преступления. Поэтому священный синод рекомендовал священству проявлять осторожность и бдительность и в тех тюремных приходах, где процент безрассудных заключенных особенно велик, прибегать к крайним мерам, то есть к установке разделительных конструкций. При этом ни один храм не должен закрыться. Окончательное решение вопроса — быть или не быть ограждениям — синод оставляет за настоятелями. Любому решению осужденья не будет.

— Осужденья не будет,— говорил в телефон Геннадий Николаевич,— если новых захватов не будет. А наш контингент вы знаете не хуже меня. В четвертом отряде — слышали? — сатанист, убивший в Казани муллу, появился. А в первом недоказанный людоед. Нечего думать, надо ставить. Сделаем красивые кованые решетки с соответствующим месту орнаментом. Только скажите, куда лучше поставить.

* * *

— Два с половиной года решеточки в запасном приделе простояли! Теперь кум своей теще на дачу спишет, ха-ха-ха....

Забелин слушал сокамерника вполуха и думал только, как не поцарапать разбойника Дисмаса не пригодившимися решетками.

— Тяжелые.

— Под ноги смотри, ступени.

— Вот отец Игорь не устрашился нас. Насколько я знаю, почти во всех лагерях в храмах решетки понаставили после убийства батюшки на Урале. А он не дал. Вот человек, вот сила. И болезни своей не боится, и, дай Бог, победит и ее.

Забелин не подал вида, но вспомнил, что еще на Пасху отец Игорь показался ему утомленным сверх меры. А на рождество Иоанна Предтечи, когда он прервал проповедь, буквально показался больным.

— Похоже, что он сильно болен.

— Профессор, который с кумом чай пьет, уверен, это онкология. Точно не знает, кум на расспросы не повелся, но по внешнему виду похоже, что курс химиотерапии в самой середине. Тебе отец Игорь ничего не говорил?

— Не-ет...

— Примирились вы с ним? Покаялся в главном?

— Откуда знаешь?

— Ха, я два года тоже хвостом крутил. Каялся в том, что курить бросить не могу, что по фени матерюсь, в карты играю, украсть могу, в онанизме, как в самом тяжком грехе, каялся... А он однажды спросил о главном: о том, как я дочку утопил с подружкой ее. «Да вы что,— кричу ему,— не я, не я! Вымудрили доказательства! Улики косвенные! Зазря я тут». А он, как святой с иконы, глянул мне внутрь и говорит: «Богу не

нужны улики». Хотел я отшатнуться и почувствовал, что он мне на ногу наступил. Крепко так. «От кого бежать хочешь, Александр?» Смешно сейчас вспоминать. Ха...

— Раскаялся?

— Ну да. Как он следующий раз приехал служить, коленопреклоненно, со слезьми и стенаньями во всем покаялся! Как все.

— Что значит «как все»?

— Так все упорствуют, никто в своем зле быстро не кается. Кто год, кто два, кто больше, как ты. Не хотят люди себя признавать теми, кто они есть, или просто боятся. И я боялся, как все. Боялся, что он куму сдаст, а тот постарается срок добавить на всю катушку. Но не таков отец Игорь. Ему в таких грехах каялись, два ПЖ (пожизненных срока) можно было бы получить, а он никого не вложил.

Непонятное пограничное чувство копилось в Забелине. То ли разочарование, то ли восхищение.

— Были и такие, что ваньку перед ним валяли. Для забавы выдумывали страсти кровавые и на исповеди лили перед ним крокодильи слезы. Так отец Игорь одного такого скомороха взашей от аналоя гнал, вертухаи насилу его спасли от праведного гнева, ха...

— Это я видел и в прострации был, не понимал, что происходит!

— Духовное у отца Игоря зрение! Скорее всего, он святой! Так что не выеживайся, брат, облегчи душу. Вот увидишь, насколько свободней станет дышать, насколько время потечет быстрее. Много там еще решеток?

* * *

Отец Вячеслав ликовал. Наконец-то из храма выносили ограждения, которые он спроектировал два с половиной года назад. За это время у него заметно прибавилось в бороде седины. Многие заключенные увидели в решетках лишнее над собой глумление и перестали посещать храм. В глазах оставшихся погасло доверие, погасла надежда. Отец Вячеслав не узнавал никого, почти все недавно осужденные. Полтора десятка бессмысленных, голодных, озлобленных взглядов исподлобья следили за его движениями и внушали ему тревогу. Он стыдился своего малодушия, стыдился видеть их такими, какими они были на самом деле, и болезненно переживал каждую службу. В доверительной беседе с уезжающим на повышение Геннадием Николаевичем отец Вячеслав увлекся описанием этих взглядов, а он возьми и добавь:

— И в каждом из них вам мерещится Костиков взгляд.

— Что вы под этим подразумеваете?

— Костик — это «кличка поганая» заключенного по фамилии Голокость.

— Ой, да. И правда, мерещится.

— Трудно представить себе что-то более мерзкое.

Отец Вячеслав спорить не стал.

— Теперь вы с этим типом вряд ли встретитесь.

Священник продолжал молчать, но весь обратился в еле скрываемое внимание. Естественно, начальник это заметил. Улыбаясь, товарищ полковник рассказал, что эта гнида поехала в «санаторий». В особую зону для смертельно больных. Отец Вячеслав уже видел эту улыбку.

— Туберкулез позвоночника. Если вы молиться за него не будете, то до конца срока он точно не доживет. Хотя по медицинскому заключению протянуть он еще может лет пять, а то и семь. Смотря чем кормить будут.

— Семь лет? — ужаснулся шепотом священник.

— Отче Вячеславе,— Геннадий Николаевич решил оставить недомолвки и заговорить открыто,— сдается мне, что я мог бы быть вам полезен, если бы вы объяснили мне, в чем дело. Я давно приметил...

— И очень прискорбно, что приметили,— голос отца Вячеслава стал твердым, не терпящим возражений.— Я не могу, и не будем продолжать.

— Тайна исповеди?

В это время отъехали в сторону ворота КПП, и в их проеме показалась большая черная машина.

— А вот и ваш преемник. Пойдемте, познакомите.

— Пойдемте, пойдемте,— и через несколько шагов добавил,— как Костик ласты склеит, я вам сообщу.

И вот уже полковник обнимается с меняющим его сослуживцем, дружба с которым началась еще в окрестностях Грозного весной 1996-го года.

* * *

После того, как вынесли из неиспользуемого придела ограды, одну только службу отслужил отец Игорь в храме святых апостолов Петра и Павла. Болезнь его бросалась в глаза всем присутствующим, шила в мешке не утаишь. Острым лезвием она стояла в нем от горла до желудка и делала мучительным даже глубокий вздох. Но служба на всем протяжении оставалась торжественной и неспешной, и каждое слово в тесных приделах звучало отчетливо и возвышенно. Глаза отца Игоря сверлили приступавших к исповеди. И те без слов понимали, какие мелочи пытаются выдать за что-то важное, за что-то значимое. Сергию он не сказал в тот день: «Бог судья». Он сказал ему: «Бог простит» и после молитвы добавил, что долго не верил в его невиновность, за что просит теперь прощение. «Награда не минует тебя, чадо. Потерпи».

Нет таких слов, которыми можно было бы описать состояние Сергия. Он готов был терпеть. И понимал, за что он терпит и для чего. Никто из причастников в тот день не слышал того прекрасного хора ангелов, что слышал Сергий.

Потом долго не было служб в этом храме. На Рождество у царских врат его стоял иеромонах отец Донат из ближайшего монастыря. После службы в проповеди он объявил, что отец Игорь после сложной операции идет на поправку и просит ваших молитв.

Отслужили молебен, и только после этого молебна православные мужики, тужившие об отце Игоре, прониклись доверием к отцу Донату.

Не понятно как, но он сумел договориться с администрацией, и службы стали проходить гораздо чаще. Подобрал новых певчих и к осени научил их петь на греческий манер. Кум заслушивался и хвалил отца Доната. Удивительно, но в число певчих вошли несколько голосов из администрации. Жизнь верующих сидельцев потекла быстрее и легче. Сергий и не заметил, как пролетели еще одна весна и еще одно лето. Как-то в сентябре, после обеденного принятия пищи, конвоир выкрикнул его имя.

— Кум хочет с Исусиком поболтать,— сострил один из блатных.

— Кум уже не кум,— добавил другой,— он теперь хозяин. Батя. Повысили.

Забелин ничего не знал об этих изменениях и неожиданно для себя заволновался. В доступной немногим комнате для свиданий, к великой радости, его ждал отец Игорь, изрядно бледный, но улыбающийся. Расцеловались и после благословения уселись друг против друга. Поговорив о здоровье, погоде, родственниках и бытовых условиях, отец Игорь заговорил о важном.

— Я сумел получить из архива твое уголовное дело. Василий Васильевич помог. Он теперь начальник и многое может. Сто процентов, если бы ты в свое время написал апелляцию, дело бы отправили на доследование. За результат не поручусь, но то, что оно притянуто за уши, факт. Сейчас время не очень удачное, слишком много его утекло. Но шанс есть. В день убийства в том же подъезде было совершено еще одно преступление, квартирная кража на значительную сумму. Мне кажется, какому-то

домушнику просто свезло. Он забрался в квартиру отчима одного предпринимателя вашего города. И вместо нескольких тысяч нашел там несколько миллионов. Предпринимателя прессовала местная ОПГ. В 98-м году, после дефолта, он сделал вид, что все потерял, а сам прятал деньги в квартире приемного отца и от бандитов, и от налоговиков, и от компаньонов. Может и прокатило бы, если бы не блатной вор-домушник. Решив, что кража — дело рук ОПГ и что вслед за ней последует его устранение, коммерсант, ни о чем не заявляя в милицию, скрылся. Братва нашла его спустя пару лет, когда ты уже отбывал срок. Тогда он и обратился к силовикам, тогда-то и всплыла квартирная кража в том злосчастном подъезде, которую никому и в голову не пришло связать с убийством твоей жены. Ты мне так и не ответил, были вы с ней венчаны?

— Да.

— Молись за нее, каждый день молись. Как ее имя?

— Анастасия.

Отец Игорь перекрестился и продолжил:

— Трудно сказать как, но как-то несчастные любовники оказались на пути того рецидивиста, что совершил кражу. Думаю, не желая потерять баснословные для него деньги, он и порешил случайных свидетелей. И как назло, тебя кто-то видел в тот день в том районе. Дьявол изобретателен. И вот ты здесь шестнадцатый год.

Сергий молчал, свесив голову, не радуясь и не печалясь. «Что дальше?» — думал он.

— Я скопировал и сшил какие смог документы. Сейчас их смотрит Василий Васильевич, очень рассчитываю на его совет. Останавливаться нельзя, только бы здоровье не подкачало.

— Все это,— махнул рукой Забелин,— умозрительная версия. Не стоит вам заниматься этим, отче. Я буду ждать сколько потребуется. Осталось-то всего семь лет.

— Я лучше знаю, что мне стоит делать. А ты молись и жди. Если понадобишься, Василий Васильевич пришлет за тобой. Пора прощаться.

Отец Игорь благословил Забелина и хотел уже нажать кнопку вызова конвоира, как Сергий спросил его:

— Вы в армии во внутренних войсках служили?

Улыбнувшись, священник ответил:

— Ну да, служил. В Москве. В пожарной части рядом с метро Динамо.

* * *

Семидесятилетний, всегда благодушный и неподдельно светлый епископ Аркадий заговорил неожиданно сдержанно и местами даже сухо. Рассказ отца Вячеслава и его прошение назвал безумием. Одно то, что кто-то заметил, что ты после исповеди этого разбойника потерял равновесие, уже есть нарушение тайны исповеди. Никто не осудит епископа, если он лишит отца Вячеслава сана и выведет за штат.

— В юности много детективов читал?

— Совсем не читал.

— Сколько же ты носишь в себе эту историю?

— Уже одиннадцатый год мучаюсь.

— Вот и не оставляй мучения своего! Молись за далекого безвинного страдальца. Не ты его, а он твой спасательный круг. Не ищи боле справедливости для него, проси для него милости у Бога. Не сомневайся, не во вред ему сие испытание, и не зря. В храме своем, принимая покаяние, ни улыбкой, ни бровью своего личного отношения к сказанному не обнажай. Как седовласому, но семинаристу, напоминаю тебе: так же, как осуждение, и оправдание в руках Бога, не в наших.

Отчего заболело сердце у отца Вячеслава? Тротуарная плитка рисовала в его гла-

зах замысловатые геометрические фигуры. Рано в этом году сошел снег. Он и не заметил, как дошел до своей автобусной остановки. Только здесь отец Вячеслав вернулся к реальности, вынул из кармана и включил телефон. Один пропущенный вызов: Геннадий Николаевич, 14:10. Они не виделись больше двух недель, две воскресные службы пропустила его семья. «Сейчас узнаем, почему?» — подумал отец Вячеслав. И действительно, телефон завибрировал, экран засветился, и в его центре была надпись: «Геннадий Николаевич».

— Доброго дня, отец Вячеслав! Как здоровье?

— Слава Богу, жаловаться грех.

— У вас вечером служба?

— Сегодня нет.

— Тогда ждите в гости, есть что рассказать.

— Сделайте милость, буду ждать с нетерпением.

* * *

После обнадеживающего разговора с отцом Игорем Сергей Забелин стал, как самому ему казалось, слишком часто думать о жизни на свободе. И даже мечтать о ней. Он слышал, что на воле за шестнадцать лет все сильно изменилось. Что у каждой семьи по две машины, что у каждого, даже у детей, мобильный телефон. И в каждом телефоне телевизор. И все пялятся в них, и молодые, и старые, и на улице, и в транспорте, и на работе, везде. Все в наушниках. Все разговаривают с невидимыми собеседниками, как будто сами с собой. До того, как забрезжил свет освобождения, Забелин слышал такие рассказы, но не внимал им, не придавал значения. Теперь стал бояться: а найдется ли ему место на этих улицах? Ведь у него ни прав, ни телефона. И все равно его тянуло к мыслям о них. И как результат — обмелела тайная умственная молитва, испортился сон, минуты стали тянуться, как дни, а дни — как недели. Пальцы стали опять попадать под иглы швейной машинки, один раз на перекличке не отозвался.

Легко сказать — возьми себя в руки. Легко сказать — не думай об этом. Опасные мысли, как недуг, который приходит, откуда не знаем. Главное, согласиться в себе с тем, что это недуг, что это надо лечить. Забелин все осознал и, как лекарства, приносящего облегчение, стал ждать очередную службу.

Отец Донат старался, но уступал все же отцу Игорю в торжественности. Многие православные заключенные с упоением вспоминали его дикцию, его тембр. По их слову, строже была служба, пробирала и жгла, стыдила. А у отца Доната проникновеннее и душевнее. Но ведь не женская у нас зона! И покаяние у своих прихожан отец Донат принимал по-другому. Никого от аналоя не гнал, почти с каждым беседовал, давал советы. Разве с нами так можно? Распояшемся. Выслушав Сергия, отец Донат скороговоркой прочитал какую-то молитву, перекрестился и сказал:

— Не бойся думать о долгожданной свободе. Свобода — наше естественное состояние. Только думай о ней как об объятиях матери, а не как о свидании с любовницей.

Вообще, отец Донат сначала хотел сравнить свободу с объятиями законной супруги. Но, вспомнив, как все уголовники чтут образ матери, вовремя перестроил свою фразу. По отношению к Забелину это было, конечно же, милосердно.

* * *

В шесть вечера автомобиль Геннадия Николаевича припарковался у дома отца Вячеслава. После приветствия обнялись, уселись за стол. Матушка приготовила чай, варенье, баранки и оставила их один на один. Батюшка сразу поинтересовался, где домашние Геннадия Николаевича прячутся, две воскресных службы прогуляли.

— Не болеют?

— Упаси Бог! Еще не хватало. Поэтому и не приезжали к вам в воскресенья, что боялись заболеть. Новый грипп гуляет в городе. Не слышали? То ли свиной, то ли говяжий. Полгорода слегло. Очень заразный.

— Про птичий слышал...

— Птичий в позапрошлом году был, в этом новый — свиной. Моя супруга паникерша и трусиха в таких делах, сама из дома ни на шаг и детей никуда, ни ногой. Вот и все объяснение.

— Может и правильно насчет школы и рынка, но не насчет храма.

— Я слышал, у ладана бактерицидные свойства сильные. Вы уж его сейчас не экономьте. В следующее воскресенье всех привезу.

— Договорились.

Геннадий Николаевич громко вздохнул, как будто сказал: «...а теперь самое интересное».

— Я вам кое-что обещал.

Отец Вячеслав сразу понял, о чем пойдет речь.

— Скончался?

— Представьте себе! Семи лет не потребовалось. Подложили к нему в санаторий совершенно случайно такую же свинью, как он сам,— товарищ полковник жадно сделал большой глоток душистого крепкого чая,— которой он задолжал еще со второй своей ходки. То есть подельника его, которого он в свое время сдал с потрохами на двенадцать лет. А сам отделался тогда четырьмя. Всю жизнь Голокость этой встречи боялся. В их среде с этим строго. Поэтому и гастролировал по всему СССР и потом по всей России. Но от судьбы не ушел. Настигла его заточка единомышленника.

Геннадий Николаевич от своего рассказа явно получал большое удовольствие.

— Вы свободны, отец Вячеслав,— закончил он победно и совершенно серьезно.

Священник поднял глаза. В дальней комнате старшая внучка пыталась наиграть на пианино старинный романс. Бабушка помогала ей. Отцу Вячеславу в такой обстановке было трудно сосредоточиться, но он решил не откладывать. С первых же слов Геннадий Николаевич помрачнел. Потом в его лице появилось что-то ироничное. Потом опять помрачнел.

— Что же вы натворили, отец Вячеслав...

Холодок прошел по спине священника от этих слов.

— Вы хоть в каком году это произошло — знаете точно? Имя оклеветанного стечением обстоятельств? Какой срок ему дали? В каком городе хоть было убийство? Кому вы собирались помочь? И как? Ни письменных показаний, ни свидетелей вашей беседы. Ничего. Кто вам, кроме меня, поверит? Может, вы выдумали все.

— Я мог бы все подтвердить под присягой.

— Много кто чего мог бы подтвердить под присягой. Суд не богадельня. Вовремя надо было сообщить, пока эта Гнидокость жива была. Все бы из него вытрясли. Теперь поздно.

— Я ехала домой,— доносился голос матушки Софьи и немного фальшивые звуки пианино.

Скоро негодование Геннадия Николаевича исчерпалось. Он успокоился, и разговор вернулся в спокойное русло. Отец Вячеслав не мог поверить, что ничего нельзя сделать. Постарался еще раз, более детально пересказать давно отзвучавшую исповедь уголовника.

— Не за что уцепиться. Совсем не за что.

— Поднять старые дела не получится?

— По всей стране? Я вас умоляю.

— Может, интернет?

Чем дальше они вели разговор, тем отчетливее Геннадий Николаевич понимал, что перспектив нет. Что душевное томление, съедавшее отца Вячеслава столько лет,

не исцелить. И напрасно он надеялся исправить судьбу далекого, безвинного лоха. Кстати, может, тот уж давно отсидел, сколько лет-то прошло.

— Встретимся в воскресенье,— говорил Геннадий Николаевич при расставании,— я еще подумаю. Но вряд ли что-то можно сделать. Не мне давать вам советы, но вам надо смириться. Знаете, как у нас говорят: наказания без вины не бывает.

— У нас тоже так говорят.

— Вот! Может чем-то еще этот страдалец Бога прогневил. А мы с вами что могли для него сделали.

Никогда раньше полковник не просил благословения у отца Вячеслава, а сегодня, сложив перед ним ладони, сильно его удивил.

Священник радостно улыбнулся.

И уже на пороге он спросил:

— Геннадий Николаевич, вы сказали совершенно случайно?

— Абсолютно! — ответил тот, даже не уточнив, про что был вопрос.

* * *

Василий Васильевич очень долго не вызывал к себе Забелина. Сомневался. Но не в том, что Забелин невиновен, а в том, как его собственные действия будут выглядеть со стороны. С доводами отца Игоря спорить не хотелось, хотелось им довериться. Но ведь все они чистая лирика, железных аргументов нет. И пусть ярославские коллеги частично признали, что упрятали Забелина за решетку без весомых доказательств. Но в том же письме они намекнули, что и освобождать его без весомых доказательств не стоит. Что сделано, то сделано. Опять же свидетельница Иванова, кондуктор трамвая, дала показания, как нервно в тот день Забелин отсчитывал мелочь, войдя в салон с остановки в квартале от места преступления.

— Нужен хороший адвокат,— говорил Василий Васильевич отцу Игорю, который второй раз уже выписался из больницы,— я об УДО ходатайствовать не буду, не в наших традициях. Да и сами вы говорили, что надо добиваться полного оправдания, что надо добиваться пересмотра дела, нового суда. И поговорите с Забелиным о свидетельнице Ивановой. Как на нее следствие вышло? Почему она его запомнила? Странно.

Найти хорошего адвоката оказалось делом непростым. Многие умышленно не понимали, чего от них хотят. Учитывая, что решительную часть срока Забелин отбыл примерно, без единого конфликта с администрацией, вытащить его из застенков не представляло труда. Но речь шла о восстановлении его доброго имени. О признании неправомерным решение суда. И, естественно, все, к кому обращались и Василий Васильевич, и отец Игорь, под благовидными предлогами увиливали. Отец Игорь уже просил в молитвах какого-нибудь, какого угодно, как вдруг с ним связался молодой человек с одиозной фамилией.

— Максим Новодворский,— представился он при встрече.

Василий Васильевич предположил, что этот юнец хочет попасть в хроники радио «Свобода». Общаться с ним отказался наотрез и предупредил отца Игоря:

— Замечу хоть намек в его действиях на дискредитацию строя, отправлю Забелина в Ямало-Ненецкий автономный округ! Мне мои погоны не жмут.

Между тем тридцатитрехлетний Максим Вениаминович признавался отцу Игорю, что его фамилия — его проклятие. Кроме нее не было других причин выживать его из прокуратуры. Жил, как все, платил ипотеку, как все, работал, как все. Но никто не хотел видеть его своим заместителем. Вот и свободное плавание. Отец Игорь поговорил с ним о религиозных предпочтениях, и опять все как у всех. Крещен в православии, венчанный, пару раз в год в храме бывает. Отец Игорь колебался, но решил благословить Максима Вениаминовича, чем тот был очень воодушевлен.

Ознакомившись со скудными материалами дела, имеющимися в его распоряжении, не приуныл, а заказал встречу с заключенным Забелиным. В ходе которой адвокат был очень удивлен тем, что виновник разбирательства вовсе и не настаивает на возвращении ему доброго имени. Загадочно прозвучала его фраза:

— Ничего доброго в моем имени нет.

В отведенной для их встречи камере было плохое освещение. Что-то адвокат записывал в ежедневник, что-то на диктофон в смартфоне. Забелин догадался, что это и есть тот самый телефон с телевизором и еще с магнитофоном.

— Чего же вы хотите от возобновления дела?

— Правильнее будет сказать, чего не хочу. Не хочу отца Игоря расстраивать. Святой человек, такое участие принял в моей судьбе. Я просто обязан выбраться отсюда.

— Сергей Витальевич,— немного помолчав, опять заговорил адвокат,— вы были знакомы со свидетельницей Ивановой?

— Нет, но, кажется, я догадываюсь, кто это был.

Адвокат не пытался скрыть своего интереса.

Забелин рассказал, что еще на суде пытался оспорить слова свидетельницы. Он был в том районе днем раньше и в трамвае рассыпал мелочь днем раньше. Но Иванова настаивала, и суд внял ей. Приезжал он в тот район по просьбе старой знакомой, с которой у него за пять лет до свадьбы была краткосрочная связь.

— Какое гадкое слово: «связь».

Звали знакомую Надя Иванова. Студентка университета, красавица с претензией на исключительность, интеллектуалка, рвалась в Москву, мечтала о богемном обществе. Уже на первом свидании были близкие отношения.

— Секс?

Забелин тяжело вздохнул, читай: «да».

На третьем свидании она сказала ему, что ни к кому не проникалась таким глубоким чувством, и это ее пугает. Четвертого свидания не было. Забелин уже в заключении вспомнил, как в перерыве между утехами Надя рассказывала ему о своем отце, несостоявшемся писателе. От него осталась одна толстая рукопись, и Надя обязана ее опубликовать, чего бы это ни стоило. А о маме упомянула вскользь: обычная домохозяйка, пенсионерка, работает еще кондуктором.

— Так зачем Надя позвала вас спустя восемь лет?

Забелин продолжил. Он не догадывался, о чем пойдет речь при встрече. В телефонном звонке на работу она просила помочь, но не уточняла, в чем. Возобновления связи он не хотел и боялся. Он же обвенчан. Надя тепло и радостно встретила Забелина, между слов сквозило раскаянье, в словах надежда. В Надиной комнате Сергея ошарашили два его достаточно больших фотопортрета. Он и она. Она и он.

— Зачем тебе это? — Сергей засомневался в ее здравомыслии.

— Это не мне. Дочь должна знать своего отца.

В браке у него третий год нет детей, а здесь растет его дочь. Забелин был в ступоре. Надя не просила вернуться, просто плакала. Она понимала, что падшие женщины не достойны таких, как он. Таких безупречных. Еще много чего комплиментарного говорила, а в итоге попросила дать дочери свою фамилию. Вот и вся ее просьба. Она упала на колени. Ребенок должен знать. Посмотри, как она на тебя похожа. И тому подобное.

— Вы ей отказали?

— Безмолвно я слушал ее минут десять. Вычислял. Все сходилось. О, как тяжело мне было оттолкнуть ее и уйти. В ушах еще долго стояли ее плач и мои шаги.

— Вы боялись, что она врет и это не ваш ребенок? Не хотели неизвестно кому платить алименты?

— Мне стыдно ее очернять, но поводов так думать было достаточно.

— Сколько после этого вы оставались на свободе?

— Двадцать три часа.

— Мне придется слетать в Ярославль, уточнить все на месте. Главное, как следствие на свидетельницу вышло?

— У меня было много времени подумать об этом. Ничего сложного, скорее всего. Оперативники искали свидетелей, показывали мои фото в близлежащих ларьках, палатках, в транспорте. Она же видела мои фотопортреты у дочери в комнате. Наверно и нафантазировала себе несчастную мелодраму, где я в роли похитителя девственности и счастья ее дочки.

— И вдруг представился такой случай отомстить,— продолжил Новодворский.— Логично. А почему вы на суде не предположили, что это мать Нади?

— И в голову не приходило! Мало ли на Руси Ивановых!

* * *

Незадолго до смерти отец Игорь принял монашеский постриг с именем Георгий. Вечером того же дня в его палате с ним разговаривали Василий Васильевич и Максим Вениаминович.

— Заклинаю вас, возлюбленные братья мои, оставьте препирательства и доведите начатое дело до конца.

Новодворского коробил такой пафос. Слышал он много о православных, но такого средневековья и представить себе не мог.

— Целуйте крест.

— Мы же неверующие! — взмолился Василий Васильевич.

— Это вам кажется. Сделайте шаг к правде, и пребудет на вас благодать.

Они переглянулись и сделали шаг.

Из больницы ехали вместе, в одной машине. Василий Васильевич перестал чураться Новодворского.

— Шаг сделан и что теперь? Есть у нас шанс выполнить обещание?

— Шанс есть, не знаю только, одобрил бы такое решение проблемы отец Георгий. Забелин же одобряет. Намаялся он у вас.

— Это комплимент?

Огни большого города трассировали очередями за стеклами автомобиля, как будто отстреливались от мыслей обоих пассажиров.

— Утро вечера мудренее. Давайте встретимся завтра, и я вам все расскажу.

— По мне зона плачет, не может долго без меня. Я должен к шести утра туда нагрянуть.

— Завидное чувство юмора у вас, Василий Васильевич! — Новодворский от души засмеялся.

— Выкладывай.

— Как-то вы пугали отца Георгия, что переведете Забелина в Ямало-Ненецкий автономный округ. Было? Ну, так переведите.

— Зачем?

— Там же нет традиции не отпускать по УДО. Конечно, Забелин поедет домой не с парадного входа, а, скорее, с черного выхода, но, знаете, он своим добрым именем не так уж и дорожит, будет рад и этой лазейке.

Василий Васильевич лихорадочно соображал, как спасти честь мундира. И сказал, наконец:

— Я сам про такой расклад думал, но ведь отец Игорь хотел полного оправдания.

— Отец Георгий идеалист. Нельзя оставлять волков в дураках. Надо и овцу спасти, и их оставить сытыми. И покончим с этим.

— Вы, часом, не тайный агент Ордена Иезуитов?

С того вечера Василий Васильевич и Максим Вениаминович стали друзьями, и их дружба уже не прерывалась никогда. Следующий раз они встретились через неделю, на скромных похоронах инока Георгия, у кирпичной стены городского кафедрального собора. Литию пел отец Донат. Новодворский тогда первый раз в жизни осознанно и искренне осенил себя крестным знамением. Прощаясь после поминок, Василий Васильевич сказал, что к этапированию Забелина все готово, с тамошним начальником, давнишним знакомцем, все обговорено. Забелин скоро поедет за полярный круг и максимум через год — домой. И, помявшись, добавил:

— С твоим гонораром, Максим, не знаю, что делать. Подождешь?

— Да ты что, товарищ подполковник? Отец Георгий, еще будучи отцом Игорем, все мне перечислил,— не задумываясь, соврал Новодворский.— Не парься.

— Да? — неподдельно изумился Василий Васильевич.— Что ж он мне ничего не сказал?

* * *

Однажды отец Вячеслав оцепенел от страшной догадки. Больше года потом он просыпался в поту почти каждую ночь. Истово молился за раба Геннадия, готов был своей бессмертной душой пожертвовать ради его спасения. Епископ Аркадий, выслушав еще одну исповедь, отставил его от службы в тюремном храме, но сан сохранил. И даже сделал его благочинным в окрестностях областного центра, надеясь новыми заботами отвлечь от окончательного сокрушения. Геннадий Николаевич заметил в отце Вячеславе какое-то изменение, но незначительное. Внуки близнецы росли, и к тому дню, когда Геннадий Николаевич стал генералом, в церковь с бабушкой уже не ездили. Новоиспеченный генерал любил их и гордился ими. И всею своей большою семьей. И в заботах о ней даже не вспоминал о том, что так терзало отца Вячеслава. Дружить они продолжали.

Неласково встретила малая родина Сергея Забелина. Росгвардейцы в медицинских масках остановили его на привокзальной площади и, разглядывая его справку об освобождении, долго решали, отправлять его в карантин или нет. Как прибывшего из другого региона, отправили. В неотапливаемом загородном профилактории он промерз и проголодал две недели. Вернувшись в город, долго не мог сообразить, что делать дальше. Ноги сами вели его куда-то по пустынным улицам какого-то постапокалиптического знакомого и незнакомого города.

Вечером он спросил у дебелой и грузной женщины с кожей цвета пшеничного теста:

— Тебе удалось опубликовать рукопись?

— Нет,— горько усмехнувшись, ответила она,— когда было совсем плохо, мама сдала ее в макулатуру...

Алексей Яшин
(г. Тула)

ПУТЕШЕСТВИЯ НА МАШИНЕ ВРЕМЕНИ ВО СНЕ И НАЯВУ

Признак уничтожения народностей, когда боги начинают становиться общими. Когда боги становятся общими, то умирают боги и вера в них вместе с самими народами. Чем сильнее народ, тем особливее его бог. Никогда не было еще народа без религии, то есть без понятия о зле и добре.

Ф. М. Достоевский «Бесы» (монолог Шатова)

♦Предисловия к книгам пишутся авторами либо от отчаяния, либо от творческого восторга: первое — когда у сочинителя в голове, точнее в правой ее половине, отвечающей за всевозможные художественные творчества, при начале рукописания присутствуют самые туманные соображения о содержании будущего — не всегда бессмертного — творения. Второе же наличествует у хитрованских литераторов, что пишут предисловия уже к сочиненной книге. А зачем пишут? — литературная вроде как традиция. Ну и аминь на том.

Еще о названии оговоримся. Если бы оно звучало «Жизнь есть сон», то следовало и в заголовке книги поставить его в кавычки. Опять же литературная традиция: если название уже ранее, у другого, понятно, писателя было использовано, то в «новоделе» оно закавычивается. А если встречаются исключения, как, например, одинаковые названия «Василий Теркин» у романа Петра Боборыкина и поэмы Александра Твардовского и «У последней черты» Михаила Арцыбашева и Валентина Пикуля, причем более поздние Твардовский и Пикуль *свои* названия в кавычки не брали, то это скорее от неполного знакомства Александра Трифоновича и Валентина Саввича с очень известными всей России писателями конца XIX — начала XX веков: автором многих популярных романов Петром Боборыкиным и эпатажным литскандалистом Михаилом Арцыбашевым. Причем первый из них был настолько знаменит, что название романа «Василий Теркин» стало почти что нарицательным, вот, очевидно, и всплыло в памяти Твардовского вне связи с Боборыкиным, к тому времени комиссией Луначарского — Крупской изъятого из «круга чтения» советских трудящихся... Тож и Пикуль на слуху ухватился за название, но, видимо, ему подсказали, поэтому он без самооправдания, начиная со второго издания романа о Григории Распутине, это самое название изменил.

...И чего это мы прицепились к спорным, повторяющимся наименованиям книг? — а к тому, что перу Педро де ла Кальдерона (1600—81), автора ста восьмидесяти (!) драм, принадлежит гениальное произведение — философско-символическая драма «Жизнь есть сон». Кстати, в некоторых изданиях на русском языке переводится и «Жизнь как сон» — потому мы и задумались щепетильно «насчет закавычивания», затем и начали предисловие тоже с чего-то, смахивающего на самооправдание.

Эта пьеса не только самое выдающееся творение Кальдерона, но и не поддающееся до сих пор однозначному толкованию, идейно-сюжетному, как принято именовать в литературоведении. На то и философская символика, что она не вписывается в «уставные» каноны науки о литературе. Так нам в Литературном институте объяснял эту пьесу Кальдерона наш преподаватель, известный специалист по зарубежной, европейской литературе XVI—XVIII веков профессор Артамонов. И если почти четыре века тому назад Кальдерон углядел в жизни сходство со сном — в калейдоскопичности видений в нем,— то что же нам остается, когда сама жизнь стала непрекращающимся сновидением? Однако — к сути.

♦В советское время, особенно в «золотые» его 60—70-е годы, инженерная работа в НИИ-КБ, а это был многомиллионный класс трудящихся, напоминала что-то среднее между клубом по интересам и местом исполнения своих служебных обязанностей: чертить на ватмане в конструкторском зале, дымить паяльником и смотреть на экран осциллографа в лаборатории, бегать по цехам к технологам и так далее. А в курилках, в укромных углах конструкторских залов и лабораторий хохот от анекдотов про Чапаева, чукчей и «руководителей партии и правительства». Здесь же обмен впечатлениями от прочитанных свежих номеров толстых литературных журналов. Словом, то было время, когда человек утром с охотой шел на работу, а вечером с удовольствием возвращался домой.

Юмор и необидная сатира не ограничивались анекдотами. Не удержусь от личного воспоминания. Трудовое утро. Мужики только собираются идти на перекур, а девушки-женщины, соседки по конструкторским кульманам и лабораторным столам, еще не до конца обменялись последними сплетнями о сослуживицах и начальниках. Атмосфера ублаготворенности неспешного начала трудодня. За двадцать минут до одиннадцатичасовой физкультзарядки в нашу лабораторию вошел, изображая на лице загадочное выражение, Сашка К. (он потом закончит сценарный факультет ВГИК'а — раньше чем я Литинститут, и также опередит меня с вступлением в Союз писателей СССР).

Молча кладет передо мною сегодняшний номер «Правды», тычет пальцем в передовицу: «Внимательно прочитай!» Читаю, не выказывая ни интереса, ни удивления по части успехов со строек коммунизма, запуска новых спутников и всеобщих успехов в труде. Сашка забирает газету и уходит восвояси, но после одиннадцатичасовой зарядки вновь является и вдругорядь кладет газету передовицей вверх, но уже испещренной подчеркиванием красным карандашом слов и целых предложений. «Читай подряд все выделенное»,— заговорщицки шепчет Сашка. Читаю и — о ужас! Геббельс, доктрина Даллеса, фултонская речь Черчилля, речи в сенате «Бешеного Барри» (Голдуотера то есть), гулаговские фантазии Солженицына, что в «слепых» ксерокопиях ходили в те годы по рукам молодых инженеров — это безобидный детский лепет по сравнению с сокращенной блудливой рукой умеренно, по-домашнему, безопасно диссидентствующего Сашки К., будущего сценариста студии военно-документальных фильмов, передовицей центрального печатного органа ЦК КПСС.

Опять-таки: к чему это мы вспомнили золотые советские годы и историю с «сокращенной» передовицей «Правды»? — А к тому, что «мысль изреченная есть ложь» — это из мировой мудрости. В понятийном изложении: мышление человека настолько образно богато и оперирует высшей аналоговой логикой, не укладывающейся в известные научно формализованные каноны, что отображение работы мысли в словах — мысленно, то есть про себя произносимых, изустных или письменных — есть всего лишь нулевое приближение к работе сознания, а уж тем более к творческому подсознательному мышлению... Нам представляется, что примером с передовицей из «Правды» мы наглядно проиллюстрировали таковое положение.

Иллюстрация иллюстрацией, но вывод малоутешительный для человека как субъекта мышления и объекта изложения своих мыслей. И это речь идет о *homo*

sapiens sapiens биологическом и творчески мыслящем, каковым он сложился где-то к середине XIX века — перед самым наступлением эпохи империализма. Но вот нынешний обитатель человейника, уже в достаточной степени расчеловеченный и умозамещенный, вирусом цифрофрении вплотную подведенный к рубежу, отделяющему человека биологического от биотехнического робота,— и вовсе утрачивает качество творческого мышления, а раз утрачивает, то и излагать-то нечего?! Свершилась в действенности масонская символика: змея, жалящая себя в хвост...

Действительность нынешняя уже превзошла предвидения глобализма в романе «1984» Джорджа Оруэлла с его девизом: «Правда есть ложь». Псевдочеловек нынешний, как субъект и объект одновременно, живет в мире *кажимости*, а такая жизнь есть сон — прежде всего сон разума, как у выдающегося художника в образах его картин... вернее, уже артефактов разума.

♦«Сон разума порождает чудовищ», а сон его остатков всеобъемлющую кажимость. Этот термин, совсем недавно введенный* в обиход нашим другом и научным коллегой, выдающимся современным ученым, президентом Ноосферной общественной академии наук Александром Ивановичем Субетто, бьет не в бровь, но в глаз существованию — жизнью человеческой ее назвать трудно — нынешнего расчеловеченного обитателя глобализованного, хотя бы пока и не до конца, мира.

Кажимость семантически включает в себя все разнообразие современных терминов лицемерия: политкорректность, толерантность (правильнее — толерастия в ядовито-уничижительном поименовании), общечеловеческие ценности (то есть доллары и евро...), особенные люди или люди с особенностями, бурно возродившийся старинный феминизм и суфражизм, ювенальная юстиция, многоликая лояльность, социальная и половая (то есть извращенческая) терпимость, гендерное равноправие, свобода выбора пола и многое другое. Известнейший древнеиудейский врач Маймонид высказал революционное, по отношению к законам иудаизма, положение: *не человек для субботы, но суббота для человека*, хотя бы он имел в виду только допустимость совершения медицинских действий в субботу — шабад. Для нынешней эпохи торжествующей кажимости уже полностью вступило в права сходное утверждение, только инвертированное: *не закон для человека, но человек для закона*. И его частные варианты, например: не знание для мышления, но «голая» информация для уравнивания в незнании, ибо, даже на пару-тройку минут задумавшись, любой самодостаточно мыслящий человек согласится, что в нынешнем мире главенствует не знание, но именно эта «голая», то есть не дающая никаких стимулов к размышлению, информация. Другой частный вариант — это собственно юридический закон (мы же говорим о законе в обобщенном его понимании, как о законе социальной, человеческой эволюции), но здесь и пояснения не нужны...

И римское право, которое сейчас лежит в основе социального мироустройства большинства стран, исключая англоязычные, в которых используется право прецедента, и некоторые азиатские государства с национально-религиозной традицией, понимается широко, юстиция здесь именно частный случай. Существенно здесь обозначить одну из базовых формул широко понимаемого римского права: закон не действует в момент совершения преступления. Кстати говоря, почему-то новые генерации юристов вроде как «впервые об этом слышат», то есть почему-то Великий глобализатор стремится изъять это основание римского права из обихода; но ведь он ничего не делает зазря, не обдумавши всесторонне. А почему? Ведь это положение, хотя бы и неакцентированно, что называется «не называя по имени», широко применяется в юстиции: действительно, какой-такой закон действует в момент совершения преступления: не убий? не укради? не... и прочее. На этом положении зиждется как дей-

* Субетто А. И. Диктатура кажимости на фоне рыночного экоцида основ жизни России и человечества на Земле: Научно-философский очерк / Под ред. В. Т. Пуляева.— СПб: Астерион, 2021.— 28 с.— Прим. авт.

ствие служителей закона в экстремальных ситуациях, так и право на самозащиту и так далее. Любой квалифицированный юрист с охотой прочтет вам — на ваш заинтересованный вопрос — двухчасовую лекцию...

То же самое, публично замалчиваемое, основание римского права действует во всех аспектах социальной эволюции человека, его социумной организации. Даже Великий инквизитор Ф. М. Достоевского из «Братьев Карамазовых», дальний предок Великого глобализатора, признавал действенность этого основания (перечтите главу пятую второй книги романа и убедитесь в этом). А вот набравшийся эволюционного социального опыта Великий глобализатор отрицает... И есть почему отрицать: опять же кажимость. Замалчивая базовую формулу римского права, Великий глобализатор тем самым создает видимость ее недействия, противоречия истине. А зачем? — Вот таковой представляется разгадка: само явление глобализации — действенности империализма на его высшей и завершающей стадии — есть расширенно понимаемое *преступление* империализма против человечества, хотя бы он сам себя жалит в хвост, по принципу Людовика XIV: *après moi le deluge* (после меня хоть потоп). А раз это есть преступление, то естественный эволюционный закон *не действует*. Но это надо всячески скрывать от социума. Хотя бы на сегодняшнем этапе глобализации, когда еще сохраняется качество самодостаточности мышления у определенного круга людей. А раз так, то только кажимость! Ничем не хуже той, что видит посетитель нынешнего ресторана, где — по названию — вроде как должны кормить, но ему приносят большую, едва не с тележное колесо, тарелку, в центре которой положена микроскопическая пайка чего-то малосъедобного с громким (в меню) американским названием из нескольких слов...

Грандиозный пример кажимости, что у каждого на виду и слуху (утюг в сеть включишь — и он о том же поет...) — это всемирная кампания оцифровывания, кажимость, когда происходит подмена: естественное по движению научно-технического прогресса — точнее, сейчас «перегрева»! — оцифровывание научных исследований и промышленности *подменяется* оцифровыванием, уже цифрофренией, быта и всей личной жизни человека, что потребно Великому глобализатору для расчеловечивания и превращения человека в биоробота — придатка мегамашины глобализации.

И так во всем; опять же вычеркните из разумной жизни своей — но для пользы познания! — пару часов времени и пройдитесь по телеканалам. Сами для себя с выводами определитесь... Вот русский человек, веселый по натуре, запоздал с расчеловечиванием, а потому порой, особенно приняв на грудь стакан «очищенной», беззлобно иронизирует над кампанией цифрофрении. Понятно, у нас историческая, с петровских времен, лень, перемеживаемая с административно-бюрократической штурмовщиной: «месячник бдительности», «пятилетка за три года», «всероссийский диктант по русскому языку» и пр. и пр. Оно и понятно. Все к нам идет из Европы: грандиозная европейская наука и культура и робкая русская — за первой три тысячелетия *ровного* становления и развития, включая античность; за второй лишь два, от силы три, века догоняющего пути... Предельно метко сказал Лев Давидович Троцкий, не только ленинский «иудушка», но и блестящий публицист («Литература и революция», 1922), что Россия есть страна, вечно догоняющая (насчет «перегнать» — это сложно сказать) просвещенную Европу. То есть Россия за последние три десятка лет, но особенно с «всплеском в лихие девяностые», должна была хотя бы внешне, в исторической кажимости, «пройти» путь Европы периода империализма, то есть вековой путь. Отсюда опять же штурмовщина, цифрофрения и — от вечной торопливости не отстать от Европы — кажимость в квадрате. Главное, смех у народа еще не потерян окончательно — значит весело! Одно настораживает: уже вторую пятилетку нет новых анекдотов. А согласно Фрейду, его работе «Остроумие в его отношении к бессознательному», отсутствие анекдотов, как высшей формы остроумия, есть, увы,

признак угнетения бессознательного — базиса человеческого мышления, именно *творческого* мышления.

...Еще раз отметим, что для глобализма нет выделенных «партий и правительств», классов и собственно самоидентифицированных социумов. Это как в Евангелии: несть римлянина, несть иудея... Ибо христианство тоже было *единством мира*. Только служило оно обратной глобализму цели: *очеловечиванию*.

♦Однако не будем углубляться в «технологию» (это слово любому творческому человеку сейчас почти что ненавистным стало...) и методологию действий Великого глобализатора по расчеловечиванию — интересующиеся могут обратиться к нашей книге по этой теме*. А мы вернемся к уже упомянутому: «мысль изреченная есть ложь». Федор Михайлович Достоевский очень даже схоже утверждает: «*...Потому что ведь многие из ощущений наших, в переводе на обыкновенный язык, покажутся совершенно неправдоподобными*» («Скверный анекдот»). И наши коллеги по литературному цеху хорошо знают главенствующую из мук творчества: как передать подсознательно сформировавшийся художественный образ — облечь его в форму романа, повести, поэмы, рассказа и так далее — в словесном выражении наиболее адекватно, с минимальной степенью «лжи», понимаемой обобщенно? Здесь на помощь приходит правильно выбранный жанр и, так сказать, литературная манера. Вряд ли писатель, поэт тем более, делает это осознанно: здесь срабатывает интуиция — чем больше творческий опыт и стаж, тем она действеннее. Вот эта самая творческая интуиция и подсказывает: если подсознательный художественный образ неконкретен, сформировался в некотором абрисном виде, то и словесное его выражение тем адекватнее, чем ближе оно будет к таковому абрису. Наука психолингвистика одобрит нас за такую мысль...

Вот отсюда и частота обращения писателей «всех времен и народов» к таким «абрисным жанрам» навроде путешествий во времени, освобождающим от конкретик описаний, композиционных, фабульных и пр. «литературных цепей». Так сказать, полная свобода плавания по воле литературных волн... Понятно, что термин «путешествие во времени» понимается в широком его толковании; просто идефикс «машины времени» как-то возобладал в писательском ремесле. Как, например, американизм «проблема» в современном американо-нижегородском наречии, используемом СМИ, заменивший до двух десятков чисто русских синонимов, возобладал сейчас и в разговорном языке...

Человек по природе ленив; «*досуг нужен человеку, право на леность*» — еще раз вспомним Троцкого (см. указанную выше его книгу). Но лень — мать изобретательства! И обращение писателя к «абрисным жанрам» суть не просто лень конкретизации, композиционной логики и пр., но именно свобода самовыражения. Такие жанры уже преизобиловали в античной литературе, еще больше — в средневековой. Новый импульс им дало европейское Возрождение и Новое время. Отсюда и изобилие всевозможных гофманиан и фаустиад. Русская литература, запоздавшая за европейской на тысячи лет (см. выше), тоже имела всплеск «абрисных жанров», пришедшийся на начало XX века. Назовем, что называется наугад, «Похождение Невзорова, или Ибикус» А. Н. Толстого, «Чудесную жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро» классика русского Серебряного века Михаила Кузмина. И на «Огненного ангела» Валерия Брюсова можно указать. И у нас есть опыт написания подобного**. Теперь вот «Жизнь как сон: Встречное путешествие во времени».

---

* Яшин А. А. Феноменология ноосферы: Глобализм, или высшая и завершающая стадия империализма: Монография «Живая материя и феноменология ноосферы». Т. 12 / Предисл. А. И. Субетто.— Тула: Изд-во Тульского госуниверситета, 2016.— 460 с. (В электронной форме см. на сайте www.pz.tula.ru).— Прим. авт.

** Яшин А. А. Историк и его История: Авантюрный роман в 3-х частях.— Тула: «Гриф и К», 2004.— 481 с. (В электронной форме см. на сайте www.pz.tula.ru).— За эту книгу автор был удостоен литературной премии им. Л. Н. Толстого.— Прим. авт.

...Опять-таки только гений Ф. М. Достоевского мог столь философски-образно дать определение сверхзадачи — сложности и трудности «перевода на обыкновенный язык» абрисной художественной мысли: «*Он сам создавал себе систему; она выживалась в нем годами, и в душе его уже мало-помалу восставал еще темный, неясный, но как-то дивно-отрадный образ идеи, воплощенный в новую, просветленную форму. И эта форма просилась из души его, терзая эту душу; он еще робко чувствовал оригинальность, истину и самобытность ее: творчество уже сказывалось силам его; оно формировалось и крепло. Но срок воплощения и создания был еще далек, может быть очень далек, может быть совсем невозможен*!» («Хозяйка»).

...Ни прибавить, ни отнять, тем более — ни усомниться. Предельно расхожее: писатель всю свою <творческую> жизнь пишет одну единственную книгу, но в первую очередь это может быть отнесено к Достоевскому.

Путешествие во времени, тем более усложненное — встречное, счастливо объединяет «лень для творчества» и абрисное воплощение «без лжи» творческой же работы подсознания. Примем это за аксиому, то есть нечто, не требующее доказательства. Тем более, что для литературного творчества любое доказательство вторично: оно для школьных уроков литературы и диссертаций по литературоведению. А если это путешествие по времени жизни, представленной сном, то лжи здесь вовсе не место: жизнь не может быть ложью — ложь лишь одна из многих ипостасей человеческого бытия. Гарантом здесь является любовь — антитеза лжи. Но вот что является содержанием сна? — «*Что такое юность? — Сон. Что такое любовь? — Содержание сна*».— Только ли за юность ответил на этот вопрос в своих «Размышлениях» создатель литературного экзистенциализма Сёрен Аби Кьеркегор — последователь Достоевского? А если любовь во всю жизнь?

♦В советском кинофильме «Это все о нем» с Евгением Леоновым в главной роли персонаж фильма говорит: «*В меня вложили столько информации, что я уже не могу самостоятельно мыслить*». Глубоко и провидчески сказано! Вспомнили же эту фразу к тому, что на настоящий момент времени в отечестве нашем (пока здесь Запад с его империализмом-глобализмом нам не указ), где литературный процесс еще теплится — пока не дотлевает,— имеем укрупненно три вида писателей и читателей с их глубокой обратной связью.

К первому условно отнесем таковых с еще советской закалкой, то есть воспитательно и образовательно сформировавшихся в Советском Союзе. Для них характерны: врожденное чувство неприятия частнособственничества, даже если в силу необходимости им и приходится таковой обладать; неутраченное доминирование коллективизма (даже иллюзорного...) над буржуазным индивидуализмом; достаточно высокий образовательный уровень, непременно и литературный; преобладание *лично* приобретенного знания над *сторонне* навязываемой информацией в форме оглупляющего и разорганизующего информационного шума; и главное качество: советский человек целенаправленно воспитывался и образовывался как *творческий конструктор* — в широком понимании последнего слова, а художественная литература в таком процессе воспитания и образования являлась «подстилающим ложем» — мотиватором творческих устремлений. Для примера вспомните романы Даниила Гранина, Вениамина Каверина, Ивана Ефремова, Александра Крона — на их героях воспитывались поколения таких творческих конструкторов во всех отраслях человеческой деятельности.

Ко второму «сословию» участников современного литературного процесса, то есть писателей и читателей, отнесем людей, становление которых пришлось на великий (но — позорный) перелом девяностых голов... сумбур — так кратко охарактеризуем их мышление. Но чтобы далее не повторяться, перейдем к третьей категории, а сумбур второй отнесем к «серединке-наполовинку» между первой и второй.

Итак, когорта третьих, то есть уже полностью детей новейшего времени... хотя

бы старшим генерациям этих «детей» уже за сорок лет. Относительное, хотя и несколько сдерживаемое генофенотипической традицией, возрождение частнособственнического атавизма, «успешное» умозамещение и цифрофрения — все это переродило бывшего (в отцах своих и дедах) творческого конструктора в *квалифицированного потребителя*. Для литературного процесса это *зеро*, в лучшем случае — детективное чтиво, не на бумажном, конечно, носителе, «написанное» по компьютерным программам...

Вот в такой, пока еще не растерявшей связи, триединой среде и происходит наше встречное путешествие во времени, а жизнь остается сном, где разум соседствует с умозамещением, И все под неусыпным оком Великого глобализатора с его гибридной кухней расчеловечивания.

♦Не станем, как то было сделано в «Историке и его Истории» (см. сноску выше), вводить в повествование традиционную для литературной фантастики техническую «машину времени» для путешествия в оном. Потому что мы здесь не фантазируем, а отображаем действующую реальность. Извиняемся за «усилительную» тавтологию. А «машина времени» суть сугубо фантазия, противоречащая законам природы. То есть не существует физико-математического описания действенности такой «машины».

Обычно здесь указывают на уравнение общей теории относительности, именуемое уравнением Эйнштейна-Гильберта. Здесь поясним. Считается — и канонизировано в научной литературе — что по просьбе Эйнштейна, не совсем владевшего математикой, выдающийся же математик Давид Гильберт, взяв за основу разработанную в XIX веке Риманом геометрию искривленных пространств, известное соотношение относительности, динамику системы трех тел Анри Пуанкаре, вывел основное уравнение общей теории относительности, то есть уравнение гравитационного поля. Значит, формирование этой теории есть коллективный (но разнесенный во времени) труд многих выдающихся ученых XIX—XX веков.

Заметим, что Гильберт сделал это уравнение симметричным, введя для этого чисто формально нулевую космологическую постоянную. Но это было правомерно: в двадцатых годах XX века советский ученый А. А. Фридман доказал, что эта постоянная отлична от нуля... Симметрия же уравнения означает его справедливость как для времени «в будущее», так и для времени «в прошлое». Но выдающийся немецкий математик Курт Гёдель строго логически доказал, что для такого уравнения (симметричного) человек может совершить экскурсию в прошлое и вернуться в настоящее, что есть нонсенс. Это ставит под сомнение окончательность вида уравнения Эйнштейна — Гильберта — Фридмана, ибо для эволюционных процессов справедлива «стрела времени» (термин Ильи Пригожина), но никак не временна́я симметрия. Таким образом, «машина времени» есть субъект исключительно фантазии. Пресловутый же полет человека со скоростью света с возвращением, то есть путешествие в свершившееся за время полета будущее, также является нонсенсом: с такой скоростью могут двигаться только частицы: фотоны и — пока еще гипотетические — гравитоны.

...Но человеку вовсе и без надобности «машина времени» для встречных путешествий во времени. Таковая «встроена» в каждого из нас и начинает «работать» с самого рождения человека. Признанный основоположник философии русского космизма Н. Ф. Федоров пишет в первом томе своего основного труда «Философия общего дела»: «*Мир дан не на поглядение, не миросозерцание — цель человека. Человек всегда считал возможным действие на мир, изменение его согласно своим желаниям. Мифическая стадия развития состоит не в знании только, мифизм есть действие при предположении, что мир состоит из совокупности сознающих существ*».

Определяющие слова философии Н. Ф. Федорова, неявно присутствующие и в цитированных строках, суть: *память отцов*, *всеобщее воскрешение* и *всеединство человеческого сознания*. Даже не будем корректировать для современной терминоло-

гии более чем столетней давности язык — и так все предельно ясно: для человека, как субъекта вселенского (а в ином «масштабе» его бы и не существовало!) разума, *прошлое* и *будущее* лишь условные названия — для выделения *настоящего*, имманентного жизни конкретного человека — тех знаний и опосредованных чувствований (образных и эмоциональных), которые этот конкретный человек воспринимает не своими органами чувств в течение своего жизненного цикла, как отображение реального физического мира, но *памятью отцов* — прошлое, а будущее — в контексте *всеединства человеческого сознания* и *всеобщего воскрешения*. Таковой контекст, переходя все же на современный нам русский <только без американизмов!> язык, предполагает, что будущее уже заложено алгоритмически в прошлом и настоящем, с каковым оно и составляет всеединство эволюции человека, то есть эволюции знания о сущности Мироздания. А конкретика? — читайте со вниманием Ветхий и Новый заветы, а еще конкретнее — книги Ф. М. Достоевского, который предельно ясно увидел в своем Великом инквизиторе грядущего Великого глобализатора...

Несколько дифференцируем вопрос об «экскурсиях» в прошлое и будущее. Путешествовать в прошлое — занятие совершенно обычное, будничное — навроде «прежде и вода была мокрее и сахар слаще». То есть обращение к прошлому суть всегда *сравнительное*, самоконтролирующее для человека. Такое путешествие не то что не страшит человека, но ностальгически ободряет его, дескать, были времена труднее, но не было подлее (это в «лихие девяностые» так говорили). Теплом и радостями большого семейного (всечеловеческого) дома веет на нас из прошлого... А вот в будущее зачем человеку устремляться? Писателям от фантастики понятно зачем — за «*скромными литературными опресноками*» (гонорарами),— как писал Н. С. Лесков. А всем остальным? — вроде и вовсе незачем, ибо будущее страшит, хотя бы оно и неизбежно, но ведь неизбежно-то не для конкретного человека, а для всего человечества.— Хитрован человек по природе, всегда отвертится... Другое дело, что и мы используем путешествие во времени из прошлого в настоящее — ведь по логике это тоже путешествие в будущее? — см. известный фильм Гайдая по повести Михаила Булгакова.

♦Встретиться во времени — это творческая сверхзадача писателя, поскольку на страницах его книги встречаются не одноклассники Петя и Федя после весенних каникул, но два сознания, неважно, двум ли персонажам принадлежащие, но скорее одному и тому же, но разнесенные (сознанием) по линейке нераздельного прошлого — настоящего — будущего. А встреча самоидентифицированных «сознаний» отвечает всем каноническим правилам построения литературного произведения: оригинальная или традиционная фабула, выверенная по этим канонам композиция, зачин — кульминация — развязка и так далее. То есть внутренний диалог таких разнесенных во времени «сознаний», с одной стороны, дает превосходный карт-бланш автору в самовыражении своей творческой цели; с другой же, не позволяет ему «воспарять», чего крайне не уважают читатели, стремящиеся в чтении «шагать в ногу» с сочинителем...

Словом, жизнь как сон и встречное путешествие во времени — движители настоящего новеллино: без натужных фантазий, прилипчивого оптимизма и утомляющего пессимизма. А там как бог на душу положит.

И еще раз о названии настоящего новеллино. Его можно понимать двояко, в двух различных смыслах, в зависимости от простановки логического ударения: «**Жизнь** как сон» или «Жизнь как **сон**». Первое сомнительно: получается, что человек не живет, а спит на печи, как Илья Муромец в первые тридцать лет своей жизни. Но вот «Жизнь как **сон**» — это почти по Кальдерону: человек живет, творит, радуется жизни, но она, жизнь, сродни живописному сновидению, в котором все есть сплошное путешествие во времени. Так и у нас.

ПОЛОНЕЗ ОГИНСКОГО

Да-с, мы теперь совершенно утешились, сами собою утешились, Пусть все вокруг нас и теперь еще не очень красиво; зато сами мы до того прекрасны, до того цивилизованы, до того европейцы, что даже народу стошнило на нас глядя. Теперь уже народ нас совсем за иностранцев считает, ни одного слова нашего, ни одной книги нашей, ни одной мысли нашей не понимает,— а ведь это, как хотите, прогресс.

Ф. М. Достоевский «Зимние заметки о летних впечатлениях»

♦«Гм-м, вот тебе и государство в государстве»,— покачал головой Николай Андреянович, посмотрев на сон грядущий теленовости и узнав, что Сбербанк, который с недавних пор начали по-американски называть сокращенно «сбером», до сих пор не открывает своего отделения в Крыму: чтобы под санкции западные не попасть... вместе с его главой, видным финансовым деятелем. «И не куда ты от этого глобализма не спрячешься,— размышлял уже в накрывающем его сне матерый доцент-ракетчик,— обычная логика и та здесь не работает. Казалось бы, если глобализм, то по определению он и должен стоять над всеми государствами мира, а получается? — Получается, что он рассыпан по всем этим царствам-государствам и бразды своего управления миром держит изнутри? О-хо-хо,— раззевался уже в полусне Николай Андреянович,— скучно все это и грустно...». И перед тем как переключить свою голову на ночное, подсознательное мышления, вспомнил давний советский кинофильм «Немухинские музыканты». Хотя в те славные времена и понятия о глобализации не имели, но вот немухинцы отказались же от всех, по их мнению, излишних достижений цивилизации, включая автомобили и поезда,— чтобы воздух у них всегда был чистым. Только и можно было до них в сугубо пешем порядке добраться... И — овладел-таки им сон, как обычно сумбурный, что есть сомнительная привилегия умственно тру́дящихся людей в солидном уже возрасте. И новая изюминка в том сне объявилась: как будто явился там Николай Андреянович не доцентом пенсионного возраста, но школьником-восьмиклассником Николкой Паровозом — по тогдашнему прозванию, явно с героя повести Всеволода Иванова «Бронепоезд 14-69», что входила в программу внеклассного чтения. Но собственно изюминка охватившего голову Николая Андреяновича сна в том состояла, что главный действующий персонаж его, Николка Паровоз, представился не в своем времени, учеником школы заполярного города — главной базы подводных лодок Северного флота, но волюнтаризмом (это как Никиту Сергеевича после отставки окрестили: волюнтарист и пробебелист) всемогущего сна перенесенным в нынешнее время глобализации и повсеместных гибридных войн. Словом — этакое встречное путешествие во времени.

Все Николке Паровозу непонятно в нынешней жизни, поэтому Николай Андреянович во сне своем раздвоился на неведающего современного бытия восьмиклассника из давней жизни и его нынешнего, доцента и умудренного опытом: не всезнайку, конечно, но много чего знающего. И потому во сне Николай Андреянович вынужден все время поучать свое давневременное *alter ego* (другое Я — по латыни) — школьника Николку Паровоза, объяснять, что к чему в современном, якобы русском языке, в нравах и обычаях сегодняшнего дня. Но — передаем стенографическую запись того чудного сна.

♦— Какое-такое *пироженное*? Да за такое пирожное с двумя эн Вера Сергеевна меня бы минут десять перед классом песочила, мол, в восьмом классе уже, а такую

дикость с великим и могучим сотворил! Пирожное — это от того же корня, что и пирог, а что такое пирожен-ное? Вот и получай заслужен-ную двойку! — Это, Николка, какой-то идиот в телеке испоганил слово, а все сразу и подхватили. Как в библии гадаринские свиньи: вожак в пропасть вниз головой — и все стадо за ним. Впрочем, и в твое... в смысле в мое детское время тоже такие гадаринские ляпы имелись: во всех фильмах говорили *командировочный*, а в газетах умильно писали, дескать, богатые *подворья* сейчас у наших колхозников! А того дурни актерские и газетные не возьмут в толк, что в командировку едет командированный, получив в кассе командировочные деньги. Подворье же — это городская усадьба, ставка так сказать, архиерея — епископа, архиепископа или митрополита. Вот в следующем классе будешь «Анну Каренину» по литературе проходить, так прочтешь, что такой-то сановник приехал из Петербурга в Москву, нанес визиты губернатору и предводителю, побывал и на подворье... то есть представился и московскому митрополиту. А у крестьян, колхозников тож — не подворье, что им не по чину, а двор!

<Уже во сне Николай Андреянович, приобняв за плечи своего *alter ego* Николку Паровоза, весело комментировал происходящее на экране стоящего перед ними телевизора.>

♦ — Понимаешь, Николка, ты с корабля на бал попал не то что в иную страну, но в совершенно незнаемый и не предполагаемый тобою мир — как сказочная Алиса в Зазеркалье. Читал? Правильно, это читать надо уже взрослым. Она для них и написана. Сейчас у нас полнейшее обезьянничество с Запада, в особенности с Америки, хотя бы она всегда и сейчас вроде полагается нашим главным врагом. Да еще наряду с обезьянничеством и полное искажение русского языка, сведение всего его исторического богатства к словарю Эллочки Людоедки — сейчас, в смысле в *твое* время, уже начали печатать книги про Остапа Бендера. Вернешься к себе назад — обязательно разыщи и прочитай! — и запомни содержание, ибо когда доживаешь до моих лет, то наяву увидишь повторение бендерианы, так сказать.

Видишь вот на экране чудака среднего чиновного достоинства, как он ме-экает и а-акает, мучается по-русски говорить, а иных слов уже и не знает. Так и сыпет: бизнес, контент, технологии цифровые, проблема и еще с пару десятков казенных словечек. Словом, *ду ю спик американиш — нижненьюгородиш*! Ага, дважды упомянул про генерацию и локацию, хотя от техники далек. Просто вчера по телеящику какой-то министр щегольнул этими сугубо специальными словечками, вот и все чинуши меньшего ранга под козырек взяли. Ну-у, это-то ненадолго; через пару дней уляжется. Перейдут на что-либо новое, впрочем, уже давнее: банкинг, карширинг, паркинг, коворкинг, компьютинг, инженеринг... все на «инг», по-американски... и прочие охрененинги. Хрен, Николка, не матерное слово, хрен — это овощ. Во-во, слушай, что дикторша хреначит: «...Как напоминание о встрече Сталина, Рузвельта и Черчилля в Тегеране — их *саммита*, как бы сейчас сказали». Иной же раз и вовсе чудное: скороговоркой сыплет американскими словами диктор, особенно дикторша, и вдруг споткнется, оговорится: «Как бы это сказать по-русски?» Бабы в силу своей природы очень четко улавливают тенденцию, особенно политическую, например, антисоветчину. Так молодая и бойкая корреспондентша нашего, тулуповского телевидения упорно область именует губернией, районы — округами, то есть калькой, переводом с американского *дистрикт*. А раз и вовсе Ленинградскую область скороговоркой поименовала Питерской — лишь бы имя Вождя не произносить... Словом, нынешняя фуагра из гусиной печенки. А сторожевики и эсминцы, что ты видишь на рейдах *твоего* Полярного и Североморска, сейчас переименованы по-американски в корветы и фрегаты. Так-то, брат! И хотя тебе рано еще знать про таковых, но сейчас и содержанка называется политично: как имеющая спонсора. Кстати, в России начала двадцатого века, особенно в казенном, умышленном, как его называл Достоевский, Петербурге, таковых именовали «барышнями с поддержкой». Но ведь тогда говорили по-русски!

Николай Андреянович, хотя и был в глубоком послеполуночном сне, не на шутку разошелся, сев на любимого — им и его другом профессором Игорем Васильевичем Скородумовым — конька: о расчеловечивании всего мирового населения в эпоху глобализации и превращении человечества в человейник. Николка Паровоз только таращил непонимающе глаза, выхватывая из горячительной речи-лекции доцента совершенно незнаемые им слова и словосочетания, близкие к матросскому околомату (когда командир рядом).

—...Опаскудевание по программе. Либерализм головного мозга. Дерьмократия на скотном дворе. Проституция волеизъявления. Цифрофрения как клинический диагноз. Цифраизация — проституция мышления. Мусорный бак с раздельным сбором: «Благие пожелания», «Наивные мысли» и «Отходы пластифицированного сознания». Физиология охранения недомыслия. Каменный гость глобализации. Незваный гость лучше чиновника. Продажная девка масс-медиа. Телевидение как пандемия глобализации. Ферментация подлости. Глупость как панацея от излишнего умствования. Онлайновый половой акт через оцифрованное сношение (извини, Николка, зарапортовался!) и траханье. Безъязычная логика отсутствующего ума. Умозамещение по накатанной. Глубинометр благих намерений. Экономия на мыслительном эквайринге. Ассоциация тыквоголовых приматов. Биология умственного оскудения. Перманентные стадии расчеловечевания: цифрофрения, умозамещение, отупение, умооскудение — и так деле до степени винтика мегамашины глобализации. Моральная омертвелость. Сухотка творческого разума. Ток-топовая пошаговость первоначального накопления. Свобода ущербная как поплевизм (при Николке лектор воздержался от более сильного определения...). Маразмоустремление в суконно-цинковое глобальное будущее. Устремленность в посконно-домотканную остервенелость. Чиновничье омундиривание. Поплевизм (Николай Андреянович извинился перед коллегой по сну за повторение) как содержание, символ и цель жизнеутверждения. Чиновник *ad absurdum* как упрощенный ремейк хомо сапиаенс. Марадонистый легионер областного футбольного клуба «Русский банан». Кликушествующий интернет для недолайкиных. Хомосапиенское человекоподобие. Недолайкины как «вумственная недотыкомка». Вселайкинская благодурь как движитель цифродебилизации. Глобализм есть олигархическая власть плюс цифрофрения всех масс. Тупиться, тупиться и еще раз тупиться! Девиз глобализаторов: «Пока в массах еще сохраняется память о человеке творческом, важнейшим из зрелищ для них являются сериалы на всех каналах телевидения и эстрада с певичками без голоса и трусов!». В цифрофреническом мире все происходит быстро... и еще быстрее забывается. Тягомотно-тошнотворные сериалы на всех каналах ТВ «бесплатно», что недавно перевели на китайскую цифрофрень...

♦ На самой вдохновенной ноте разошедшийся доцент вдруг поперхнулся во сне — организм, запамятовав, что его хозяин почивает, ненароком активизировал слюнную железу, а та, в полном подчинении командам головного мозга, выбросила в рот тройную дозу слюны ядовитости — подстать содержанию горячительного сна. Истинно гласит народная мудрость: не буди лихо, пока оно тихо. Отчаянно закашлявшись, Николай Андреянович резко проснулся и шепотом выругался на американо-нижегородском, дескать, кешбэк твою элгэбэтемедь! Поуспокоившись, повернулся на другой бок и стал терпеливо дожидаться возвращения занятного сна. А в бодрственном промежутке почему-то вспомнил объявление в самой читаемой в городе и области газете «Толока», случайно прошедшим днем попавшееся ему на глаза: «В крупную развивающуюся компанию требуются завотделом логистики и мерчендайзер». Под объявлением же мелким шрифтом, явно для недоразвитых, значилось пояснение: «Завскладом и грузчик». «Да-а,— протянул мысленно Николай Андреянович,— истинно век живи, век учись, все одно дураком помрешь...». Ему не терпелось вернуться в интересное сновидение, от души поговорить со своим пятнадцатилетним *alter ego*. Увы, сны вещь тонкая, даже Зигмунд Фрейд не до конца в них разобрался — это тебе не «представители

клиринговой компании» (мелким шрифтом: мусорщики и уборщицы), что по телефонному звонку и без предоплаты мигом примчатся,— по вызову не являются. Наоборот, любят подшутковать над наивным человеком. Так и с Николаем Андреяновичем случилось: где-то через четверть часа заснул-таки, но вместо Николки Паровоза встретил... самого себя в его лице — наивного в жизни и чистого душой восьмиклассника заполярной школы. Так сказать, обратный визит вежливости во встречном путешествии во времени. *Il faut se devoiràsa position* — положение обязывает, как порой любит щегольнуть иностранными присказками, в данном случае французской, друг его профессор Скородумов. А еще понятнее: алаверды, от нашего стола к вашему.

Но это еще не все, что возобновленный сон сотворил. Если в первой серии Николай Андреянович и Николка Паровоз сосуществовали раздельно: разговаривали, что называется, каждый от себя, от своего времени и уровня развития, то сейчас во сне присутствовал всего лишь один персонаж: Николка, но каждое его слово, каждый шаг и прочее незримо контролировались... Николаем Андреяновичем, вроде как растворенном в пространстве округ Николки. Опять же в какую-то секунду, в самом начале второй серии сна, Николай Андреянович с сожалением вспомнил, что не успел объяснить своему визави сущность нынешнего языкового перерождения народа. А меж тем Николка Паровоз раннемайским весенним днем... здесь требуется пояснение: события во сне, по законам психологии сознательного и бессознательного, происходили в то же время года, в один и тот же день (или ночь — правильнее?), в вечер которого Николай Андреянович погрузился в суматошный свой сон. Но сон, хотя сам и ирреален по определению, учел и сугубую реальность: если начало мая в городе-местожительстве сновидца почти что и лето, да что там почти? — настоящее лето, особенно в эпоху (кем-то корыстно придуманного) глобального потепления, то в Заполярье, на побережье арктического моря, где проживает Николка, хотя уже уверенно светило, даже немного грело солнце, ветерок-свежак приятно щекотал щеки и лоб, но окрестные городу сопки только верхушными пятнами освободились от снега, а в самом городе по ночам он не таял, но днем неуверенно испарялся, а ночью подмораживался, словом, не снег, не лед, а этакий грязноватый хрустяк.

Потому Николка Паровоз, пришедший из школы, пообедавший, в два часа пополудни сидел на крыльце своего финского домика на одну семью, что на гранитной пологой вершине сопки Старого города, на которой разбросано в неуставном беспорядке с десяток таких же домишек, в совокупности именуемых улицей героического матроса Сивко. Солнце, висевшее уже достаточно приметно над горизонтом, перешло свою высшую точку, успев-таки потеплить заполярный воздух и души обитателей этих гранитных скал. Потому Николка сидел на крыльце в распахнутом пальто, в задвинутой на затылок шапке и занимался сосредоточенным делом: шершебил осколком стекла, а затем полировал наждачной бумагой новое топорище. По военно-морскому закону кто сломал, тот и ремонт задает, а прежнее топорище переломилось именно в его руках, хотя бы и изначально было сучковатым, считай бракованным — на то и магазинный ширпотреб...

Проходивший мимо пятиклассник Вовка из соседнего дома заинтересовался работой старшего школьника. Николка взглянул рассеянно на пацана, усмехнулся снисходительно на уголок красного галстука, выбившегося из-под шарфа, беззлобно шуганул его, а вослед присвистнул и продекламировал шутейно:

Пионеры юные,
Головы чугунные,
Сами оловянные,
Черти окаянные!

♦Солнце уже заметно снизилось над горизонтом, когда Николка завершил свое столярное занятие. Любовно оглядел творение рук собственных, для проверки не-

сколько раз, плотно охватив топорище ладонью левой руки, по все длине его правой рукой продернул туда-сюда, затем разогнул ладонь, внимательно осмотрел: ни единого намека даже на крохотную занозу! Так сказать, отдел технического контроля на дому. Однако захолодало. Николка запахнул пальто, сдвинул шапку с затылка на макушку, чуток задумался — и решил: насаживать топор на топорище будет завтра. Все одно, что стальной клин, что вбивается в торец топорища для закрепления в обечайки топора, еще не сточен напильником до остроты с вбиваемого конца.

— Здорово, Колян! — поприветствовал его отмашкой руки Сенька — старший брат пионера Вовки, он же на год и класс старше Николки Паровоза, возвращавшийся из школьного спортзала, с волейбольной тренировки,— экое ловкое топорище соорудил! А знаешь,— подмигнул он Николке с залихватской удалью физкультурного хулигана,— хорошо бы украсить такое топорище надписью выжиганием, а? Как на штучных, по заказу, охотничьих ружьях на ложе всякие рисуночки серебром выкладывают — сканью называется. У дядьки моего петрозаводского такое имеется.

— И-и, что же выжечь на топорище можно? — спросил Николка, чтобы поддержать для вежливости разговор, но настороженно ожидая подвоха от хорошо известного ему по несдержанности языка соседа.

— А вот, например, из новенького, слышал сегодня в школе:

Мчится поезд на Москву
С тридцатью вагонами.
Любят девки разгружать
Ящики с гондонами.

Захохотав, Сенька вдругорядь сделал рукой отмашку и заторопился домой: опустошенный уроками и волейболом желудок отчаянно требовал обильной жрачки. Здесь и развеселившийся от услышанной частушки своих школьных лет Николай Андреянович поддакнул Сеньке-физкультурнику:

По порталу мы ходили,
Видели покойника.
У того покойника
Вип-член выше подоконника!

...И здесь оба они, вещественный, хотя бы и во сне, Николка и виртуальный Николай Андреянович, но оба в одном естестве, поморщились: первый от непристойности грубого физкультурника Сеньки, а другой от паскудства нынешнего американо-нижегородского наречия, уже настолько против воли и неприятия вжившегося, что даже в откровенные частушки вторгся...

Николка занес готовое топорище в холодные сени дома, положил на полку отгороженной дверью кладовки. Заглянул и в собственно дом проверить: заняты ли домашними заданиями младшие брательники. На всякий случай наглядно пригрозил кулаком: «Через час вернусь, проверю. Если что — по сусалам!». И заторопился. В голове с утра держал: начало месяца, вот-вот в продажу свежий номер журнала «Радио» должен поступить: с прошлого года Николка заделался ярым радиолюбителем. Из коробочки с личной заначкой отсчитал двугривенный и пятиалтынный, на ходу выпил полстакана компота, вышел на улицу и, огибая скользкие ледянистые места, спустился со *своей* сопки на главную улицу Старого города с деревянными тротуарами. Киоск «Союзпечать» стоял прямо на спуске с сопки и порадовал Николку новым номером журнала. Приметившая постоянного покупателя пожилая киоскерша, протягивая ему вкусно пахнущий типографской краской журнал, одобрительно заметила: «Сегодня с почты всего три «Радио» привезли, так я уж этот, последний, хотела с виду убрать — для тебя. Ан и сам явился!». Положив на блюдечко за окошком менеты, вежливо сказав «спасибо», Николка двинулся по мосткам тротуара Советской улицы в ее недалекий пово-

рот на губу Кислую, откуда гражданские пассажирские катера ходили по расписанию в Североморск и Мурманск, а также в противоположную сторону Кольского залива — к поселкам и военным «точкам» на выходе в Баренцево море.

На этом повороте, где сгруппировались городские почта, больница — отдельно ее инфекционная часть, библиотека и клуб стройбатовцев, в двухэтажном доме проживал его друг Витька Савченко, девятиклассник, сын стройбатовского же капитана — комроты. О встрече сегодняшней они с Витькой сговорились утром в школе: по их коллекционным увлечениям. В обмен на принесенный Николкой серебряный полтинник с отчеканенным царем Александром Вторым (их у Николки оказалось два одинаковых — летом, в отпускную поездку в калужскую деревню отца, за пустяки выменял у тамошних ребят) Витька отдал ему серебряный же четвертак, но уже с Николаем Вторым, и с десяток кредиток времен Гражданской войны: советских пяти- и десятитысячных — виртуальный Николай Андреянович заухмылялся, вспомнив «лихие девяностые», дескать, все в истории периодически повторяется... то ли еще будет с купюрами лет через десять? — деникинских того же достоинства восемнадцатого года выпуска и с лицемерной надписью: «Кредитные билеты разменяются государственным банком на золотую монету без ограничения суммы и обеспечиваются всем достоянием государства», а также сторублевку Донского правительства с изображением древнерусского витязя в кольчуге и островерхом шлеме.

Уловив некоторое сомнение в глазах гостя, понимая, что Николашки Кровавого четвертак против козырного александровского полтинника требует по совести большей доплаты, Витька доложил к прежним ассигнациям еще две, экономные, как то принято у немцев, по размеру: в сто тысяч марок времен инфляционной Веймарской республики и тоже с немецкими надписями (Николка учил в школе *deutsch*) оккупационный рубль, что германский банк печатал в Империалистическую для отвоеванных у России территорий Польши и Прибалтики. Николка согласно кивнул головой, а здесь и гостеприимная Витькина мать внесла на жостовском подносе два стакана с чаем — в подстаканниках из мельхиора — и тарелочку с печеньем и мармеладками. За чаем Николка с Витькой обсуждали последнюю новость: двое десятиклассников были на позавчерашних субботних школьных танцах уличены дежурной учительницей в несколько нетрезвом виде. «И это безобразие в городке полного сухого закона!» — возмущалась сегодня утром директорша, вызвав к себе для разбора нарушителей. А один из них, сын каперанга и замкомандира второй эскадры подлодок, якобы вместо раскаяния заявил, что всякие эти сухие законы и антиалкогольные кампании противоречат нормам социалистической морали, которые основаны на христианских заповедях. А в качестве подтверждения своих слов заявил, что первое свое чудо Иисус Христос совершил на брачном пиру в Кане Галилейской, превратив воду в вино.

Что ответила на это почти круглому отличнику и явному кандидату на золотую медаль директорша — слухи растеклись к концу первой школьной смены разные и противоречащие друг другу. Родителей вызвать? — так каперанг отец уже второй месяц командиром бригады подлодок Северного флота в Средиземном море «сторожит» авианосцы американского Шестого флота, а мать на пару недель уехала в Ленинград к захворавшей по весне тетке. Знаток же христианской, она и социалистическая, морали сейчас проживал с бабкой, отцовой матерью, вдовой адмирала. На такую особо не наедешь!

...Поблагодарив Витькину мать за чай и печенье с мармеладками, Николка взял обратный курс на свой дом. По части коллекционных бумажных денег он похорошему, без стяжательской подоплеки, завидовал Витьке Савченко. Знал и как эти кредитки, почти целиком заполнившие коробку из-под ботинок, оказались у приятеля. Сам Витька со смехом всем рассказывал, что дед его, теперь уже покойный, в Гражданскую войну, будучи невоеннообязанным по контузии в окопах Империалистической, проживая на хуторе в махновском Гуляй-поле, воспитывал свиней на про-

дажу и, как положено куркульскому хохлу, копил деньги всевозможных правительств и атаманов. И до самой своей смерти хранил их: деньги ведь все же! Теперь вот и Витьке наследством перекочевали...

♦ Домой Никола вернулся почти одновременно с отцом. Тот пришел с работы из Дома офицеров флота, где трудился старшим электриком. Мать же была на полусуточном дежурстве в котельной, в Новом городе, только к полуночи вернется. Поинтересовавшись у старшего насчет топорища, отец принялся за разогревание ужина — мать в такие дежурства готовила с раннего утра на весь день. Младшие делали вид, что усердно доканчивают домашние задания. Коль скоро они заняли стол в большой комнате, то Николка присел за обеденный на кухне и стал с увлечением листать свежекупленный журнал, вытряхнув из него выменянные у Витьки инфляционные и оккупационные деньги. Отец, поставив кастрюлю со щами и сковороду с жареной треской и картошкой на раскочегаренную плиту, уселся за противоположный торец стола, искоса следя за плитой. Чай он уже заварил и по флотской привычке пил перед едой. Закурил трубку — кухня мигом наполнилась медовым ароматом табака «Золотое руно». Повертел в пальцах четвертак, который он именовал полуполтинником, к чему-то сообщил: родился он за три дня до свержения царя Николашки, а крестил его староверческий поп Маркел уже при Временном правительстве. «Вот так-то бывает: не успеешь глаза раскрыть, как власть на дворе переменилась!» Посмеиваясь, бумажные деньги просмотрел на свет: «Хм-м, даже намека на водяные знаки нет. Оно и понятно, по пословице: за неимением простой пишем на гербовой... только наоборот».

Николай Андреянович на миг отъединился во сне от своего *alter ego*, тотчас в голове его вместо мирных и понятных дел Николкиного семейства задурила днем слышанная из телеящика назойливая и паскудная реклама: « Создано в Корее, работает в России» и «Придумано в Китае, делается в России» (это, как сообразил он, об отверточных заводиках по сборке китайских автомашин). Досадливо помотав во сне головой, доцент усилием сонной же воли вернулся на кухоньку дома на улице имени героического матроса Сивко.

Тем временем и Николка налил стакан чая, положил сахару и кружок лимона и вприкуску продолжил читать в «Радио» заинтересовавшую его статью о распространении ультракоротких волн. Отец попыхивал трубкой, посматривая в окошко на темнеющий день. Николка, уловив неосознанно такую позу отца, не отвлекаясь от чтения, мысленно ухмыльнулся: он прекрасно знал о чем задумался-замечтался отец, дескать, в такую ранневесеннюю погоду хорошо под ужин перцовку пить! О чем еще под вечер может думать, придя с работы, мужик в совершенно «сухой» местности: от Североморска и до берега Баренцева моря! А именно про перцовку Николка не раз изустно слышал от отца. Но более всего Андреян уважал «старку» ленинградского рóзлива. Не брезговал и московской фабрикации. Но — все это на Большой земле в отпускных поездках. Щи закипели, вибрируя паром крышку кастрюли. Не отстали от них и треска с картошкой. И младшие тут как тут. Уселись вчетвером. Ели молча; Андреян, прожив на Севере четверть века, половину из этих годов прослужив на флоте, включая Финскую кампанию и Отечественную войну от звонка до звонка, понятно дело, ни в черта ни в бога не верил, но староверческое детское воспитание, когда за единое слово за столом получал ложкой по лбу, плюс флотская дисциплина въелись в нем на всю жизнь...

Младшие братишки после ужина смотрели в большой комнате телевизор, Николка же остался на кухонным столом за чтением журнала: в этом номере статьи попались одна интереснее другой, главное — понятным языком написаны! За окном день полностью и безоговорочно сдал позиции вечерней темноте. Окрестные дома засветились окнами, а внизу, под сопкой, улица Советская обозначилась двумя ранжирными шеренгами уличных фонарей. Отец повторно заварил чай, заново набил трубку, за компанию с Николкой раскрыл накануне взятую в библиотеке Дома офицеров

книгу — том Вересаева с его медицинскими рассказами, еще дореволюционного издания. Как пояснил он Николке.

«Народ в Древней Руси требовал бюджетных музыкальных инструментов типа гуслей» — опять Николая Андреяновича на миг умчала из уютной кухни дома на улице Сивко вчерашнего дня утренняя передача местного радио (на кухне Николая Андреяновича сохранился с советских времени громкоговоритель городской радиотрансляции). «Бюджетненькая проститутка» — сгрубил тот досадливо и вернулся на кухню с двумя читателями, явственно во сне своем ощущая медовый запах «Золотого руна»... хотя бы высокоученый, в том числе в части биологии, профессор Скородумов и утверждал, что во сне запахи не воспроизводятся, поскольку обонятельная луковица, ответственная за обоняние и вкус, расположена в левом полушарии головного мозга, которое само во сне «отдыхает». И если это полушарие обеспечивает вовсе ненужное для сна логическое мышление, то правое, художественно мыслящее, и господствует в сновидениях. Как-то в этом смысле объяснял Игорь Васильевич, разговорившись после распитой с другом Николаем Андреяновичем бутылочки почти что неподдельного армянского коньяка...

Мгновенно перескочив во времени в прошлое на улицу имени матроса Сивко, Николай Андреянович и рассуждение Игоря Васильевича перенес в голову Николки Паровоза, вернее — заключительную часть: это где о неподдельном армянском коньяке. И Николка тут же поправил его: отец более всего уважает, опять же в отпуске на Большой земле, трехзвездочный грузинский. А ранее, до введения Никитой Кукурузником сухого закона во владениях Северного флота и до разрыва дружбы и всяческих отношений Советского Союза с Албанией, всем коньякам Андреян предпочитал албанский «Скандербег». И зачем Никита с Энвером Ходжей горшки побили?

Возвратившийся Николай Андреянович застал все ту же картину: за кухонным столом Николка Паровоз начерно досматривал журнал, Андреян вприхлебку с трубкой пил очередной стакан чая и читал «Записки врача», ребятня в другой комнате смотрела неинтересную для них передачу мурманского телевидения о соцсоревновании между двумя рыболовными флотами: Сельдяным и Траловым, то есть вылавливающем треску; они терпеливо ждали объявленного в программе фильма «Тайна двух океанов» студии «Грузия-фильм».

...Просыпаясь утром, на самой грани сна и наступающей яви, Николай Андреянович в преддверии очередного дня неуютной жизни физически ощутимо затосковал. А в ушах подстать явственно зазвучала мелодия полонеза Огинского — прощание с родиной, которую уже никакой машиной времени в нынешнее бытие не вернешь.

ГОРОД БЛАГОНРАВНЫХ ДЕЖА ВЮ

Клянусь тебе, Лев Толстой не сочинит, а между тем видят такие сны иной раз вовсе не сочинители, совсем заурядные люди, чиновники, фельетонисты, попы...

То-то вот реформы-то на неприготовленную-то почву, да еще списанные с чужих учреждений — один только вред!

Ф. М. Достоевский «Братья Карамазовы»

♦Проснулся Николай Андреянович, вопреки ученым разъяснениям профессора Скородумова, с явным ощущением во рту привкуса коньяка «Скандербег», которого, кстати говоря, он ни разу в жизни не пробовал. В самом раннем детстве, когда Ники-

та Хрущев еще не ввел полный сухой закон на Северном флоте и вусмерть не поругался с главным албанским начальником Энвером Ходжей, то есть когда полки винных отделом магазинов были плотно уставлены шкиперскими* коньячными бутылками, не пробовал по понятной причине. И вообще Андреян, обычно после третьей стопки, любил поучать своих детей историческими примерами: «...Вот, допустим, древние греки вообще не пили до тридцати пяти лет!» Итак, славны бубны за горами, не довелось Николаю Андреяновичу вкусить напитка имени великого воина Албании, что в одиннадцати сражениях побеждал неизменно турок. Но что толку-то? — не стало Скандербега, и Албания на пятьсот лет попала под османское владычество, опять же поменяв Христову веру на магометанство...

Как бы резонировал Игорь Васильевич, расскажи ему приятель о феномене ощущения привкуса напитка, которого он в жизни не пробовал, мол, ты, дорогой Николай Андреянович, этот привкус *мысленно синтезировал* из совокупности застоявшихся в твоей обонятельной луковице запахов далекого заполярного детства. Отрочества и начала юности тож.

Интересный двухсерийный сон способствовал просыпанию доцента-ракетчика почти что в благодушном настроении, которого даже не испортили голоса рекламщиков из кухонного динамика, что для звукового фона включила супруга, проснувшаяся раньше и занявшаяся приготовлением завтрака. «Экономьте на эквайринге!» — вопил тонким педерастическим голосом один. Другой же, подвахтенный, говоря по-флотски, имитируя бостонский или брайтонбичный акцент, убеждал, что подледный (а май на дворе!) дайвинг, а также кайзинг и джипинг — любимые зимние забавы россиян. Современного американо-нижегородского языка Николай Андреянович не понимал, по сообразил: рекламщик, памятуя чисто русскую половицу «готовь сани летом, а телегу зимой», рекомендует именно сейчас, на рубеже весны и лета, покупать со значительной скидкой амуничку под эти самые «инги»... лайкинг и козлайкинг заодно.

Николай Андреянович все еще держал на губах улыбку — отзвук ностальгического сна со взаимными путешествиями во времени, когда реклама закончилась и полился ежеутренний треп сладкой парочки, козла да ярочки. Удивительно, но их постоянные «еры», сменившие рекламные «инги», как-то особо не раздражали воинственного борца за чистоту русского языка. А те заливались... если не соловьями, то уж сороками точно: «...По дорожкам парка мчатся нескончаемой чередой роллеры, самокатеры, велосипедеры, а безопасность гуляющего ребенка...» Это интервьюируемая родительница, или «рекламщица под прикрытием», говорила о пользе и необходимости святящихся вещмешков-сидоров, то есть рюкзаков, на гуляющих детях.

Даже некую заинтересованность к пустопорожней болтовне почувствовал, а американизмы с «ингами» и «ерами» почему-то противоестественное удовольствие доставляли ушным раковинам... как профессиональный мат строителей, подумалось Николаю Андреяновичу. Но здесь наваждение сгинуло: доцент резко вскочил с постели, лоб покрылся бисеринками мелкого холодного пота: «Господи! Да что ж это я? Где же моя пресловутая самодостаточность мышления? Мои всегдашние изустные — в любой компании, среде окружения — едва ли не матерные эквивоки по части американизации великого и могучего? где они, едрить твою шумахер-ритейлер-кешбэкер фейком об тейбл!»

Ужас, подлинный ужас на минуту-другую заковал Николая Андреяновича в ледяную корку слипшихся мурашек по коже: от пяток ног до макушки (лысеющей, увы) головы. Неужели и он — и ты, Брут, продался комиссарам глобализма! — гордящийся своей логикой мысли, творческим началом и нонконформизмом к стадному

---

* Шкиперия (*Squipne*) — историческое самоназвание Албании (этнически албанцы есть потомки иллиро-фракийцев, искусные мореплаватели; считается, что само слово «шкипер» перешло из самоназвании Албании).

инстинкту современного человечества, гадаринского свиного стада, сдал свои позиции и примирился с ролью винтика в безликой мегамашине человейника? О, горе, горе тебе... то есть мне!

...И рассмеялся, опять же вспомнив рассуждения профессора Скородумова, что как средневековый черт, так и нынешний агент глобализма — СМИ, улавливают в свои сети невинные души, пользуясь моментами сна разума, то есть в процессе засыпания и пробуждения, понимаемых расширенно: в первые полчаса-час после сна и вечерним час-полтора уже утомляющего бодрствования через силу. Именно поэтому в это утреннее и поздневечернее время, когда человек ослабляет самоконтроль, телерадио и хитроумно построенные, навязчивые разделы интернета и забираются в голову и душу расслабленного человека, стремясь закрепить там психолингвистические коды. Так по-ученому пояснял Игорь Васильевич. «Ты, Николай свет Андреяныч, как-нибудь выбери время рано утром и в тот же день от половины десятого до одиннадцати вечером и внимательно послушай-посмотри телеящик. Причем для беспристрастия и наблюдения как бы «со стороны» подкрепись стопкой-другой водочки, а лучше коньячка. Опять же с утра и под поздний вечер»,— увлекся научным экспериментом профессор.

Что Николай Андреянович и исполнил, выбрав для опыта свободный от университетских занятий день. Действительно, с утра, особенно радио, поскольку в телевизор в это время только неработающие, давно уже зомбированные пенсионеры немигающими глазами смотрят, особенно агрессивно, громкими голосами дикторов, безэмоционально и кратко — ведь кодирование идет по научно выверенным методикам! — вбивают в головы обывателям сухую информацию. При этом беспрестанно запугивают добрый наш народ штрафами миллионными, эпидемиями, импортными цунами и пр. Как пояснил Игорь Васильевич, такая кодовая подача поневоле откладывается в оперативной памяти. А вот поздним вечером уже телевизор в свои преимущественные права одурманивания вступает. Здесь времени побольше, поэтому на смену утренней сухости и краткости приходит некоторая размеренность, добротная порция эмоций и кинематографической образности. То есть, если утром СМИ «давят» на левое, логическое полушарие головного мозга, то к вечеру переключаются на эмоционально-образное правое. Все по науке психологии и ее многочисленным специализациям по части психозомбирования, формирования и закрепления психопатологии. И здесь, в отличие от утреннего «прицела» на оперативную память, удар нацелен уже на подсознание, откуда вывести посеянное практически невозможно.

Вот смотрит в половине одиннадцатого вечера Николай Андреянович на экран, а коли это не праздное времяпрепровождение, а научный лабораторный опыт, то и принял для беспристрастности и «взгляда со стороны» (как условный наблюдатель в теории относительности) пару стопок грузинского «Старого Кахети», щелкает кнопками на пульте, скачет по каналам, а там как сговорились! — и ведь действительно сговорились. Картина всюду одна и та же: в съемочном павильоне сооружен некий барьер из никелированных труб, вдоль которого по кругу расставлены от пяти до восьми мужиков предпенсионного или уже запенсионного возрастов. Все они по очереди, но зачастую и все одновременно, как на одесском привозе, говорят громкими, но округло-бархатистыми голосами. По-артистически то есть, образно. Поскольку же стоять столбом, ухватившись за турникетную никелированную трубу (такие же, только вертикальные, в ночных клубах для стриптизерш установлены), диковато смотрится, поэтому мужики, заложив руки в брючные карманы, раскачиваются торсами и седалищами. Кого же они Николаю Андреяновичу напоминают? — А-а, человека в последнем изнеможении перед мочеиспусканием, которое отправить что-то мешает. Пожалел наш доцент актеров-политиков. Ведь может и в самом деле, люди-то пожилые, им по малой нужде приспичило, передача долгая, под полтора-два часа, а выйти нельзя! Гонорары, воленс-неволенс, надо честно отрабатывать...

Вот говорят, говорят они без передышки «оптом и в розницу», черт те о чем балабонят. Народ перед телеящиками — исключая Николая Андреяновича, принявшего на грудь пару стопок и «смотряшего со стороны — уставший от трудодня, носом клюет, но слова округло-баритонные, порой прерываемые малороссийским тенором актера, играющего приглашенного представителя самостийной и незалежной, потому в вышиванке и с оселедцем на голове-тыковке, вливаются в уши и, минуя уже дремлющее активное сознание, оседают зомбирующими слоганами в подсознании...

Эксперимент Николая Андреяновича удался на славу. И полубутылочку «Старого Кахети» допил, чтобы сбросить наваждение научно организованного зомбирования.

Опасливо перекрестившись — чур, чур меня, сатана! — Николай Андреянович очередным, стотысячным китайским предупреждением и торопливым осенением себя староверческим двуперстным крестным знамением дал зарок более в телеящик не смотреть, а из кухонного репродуктора слушать только прогноз погоды... впрочем, совершенно не беря его на веру. Прямо с постели он решительно направился на кухню с намерением выдернуть, как тот врач Маргулис из песни Высоцкого о Бермудском треугольнике в дурдоме, штепсель громкоговорителя из радиорозетки, но на пару минут отложил приговор дебилизатору: местный диктор нормальным голосом (в провинции педерастов пока не уважают) сообщил радостную весть: во-первых, госдума единогласно проголосовала за возобновление практики вытрезвителей — из уважения к органу законодательной власти диктор даже не подпустил принятую в СМИ обязательную едкую филиппику в адрес советской власти; во-вторых, с внутренней гордостью патриота он напомнил, что первый в Российской империи трезвяк был открыт именно в их славном городе! В голове Николая Андреяновича мигом включилась машина времени: ведь жизнь есть перепутанный сон?!

♦Как любитель чтения по отечественной истории, Николай Андреянович знал о курьезе Смутного времени, когда короновавшийся на царство Лжедмитрий почти на месяц сделал их город столицей: здесь спокойно, смутьянов нет. Одно его не устроило: местный кремль намного меньше московского — не по чину царскому! Опять же супруга Маринка Мнишек брезгливо морщится: обещал царскую жизнь, а завез в дыру! И поставивший его на престол польский король Сигизмунд, покачивая головой, все пшекал: «Нехорошко, пане Димитриус, мелкопшестко мисто!» — А кому следует отписывают царю Московскому о неудовольстве короля. Допекли-таки супружница с королем: вернулся Лжедмитрий в Москву — на свою скорую погибель. И в этот месяц царства в нашем городе самозванца прибыл туда же на личной машине времени Николай Андреянович.

...Вышел в теплый майский день царь и великий князь Дмитрий Иоаннович из непривычно малого, в сравнении с московским, кремля прогуляться и по делу: посмотреть на прорезывающую невеликий город реку. Не просто полюбопытствовать, но уж очень допекли ближние бояре из числа переехавших с ним за двести верст от Белокаменной: борони бог, но как взбунтуются казаки на Дону да вместе с крымчаками пойдут на Москву, так опосля Муравского шляху, если через засеки пройдут, вот эта самая река и есть единственная заграда от супостата. Так что, государь наш надёжа, соблаговоли сам посмотреть и дать повеление северный, прикремлевский берег бревенчатым накатом и насыпанным земляным валом возвысить над водой. А на супротивном низком берегу имеющиеся избенки разметать. Все деревья порубить и ям-ловушек понакопать изобильно.

Вот шествует Дмитрий Иоаннович с боярской свитой и стрелецким охранением, подошел почти к самому берегу, что уже не защищен кремлевскими стенами, дума государственная на лице изображена... как вдруг из боковой, обочь справа, залитой глянцевой глиняной весенней грязью Разбрыкаловский улочки с нестройным пением матерных частушек наперерез царскому выходу трое запьянцовских мещан выползли. Но — пьяные-то в стельку, да царя разглядели, хотели земно поклониться, на не-

твердых ногах лапотных не удержались и все трое плашмя ухнули в захлюпавшую грязь, до ушей мордами в нее уйдя. Но Дмитрий Иоаннович добр с утра был: Маринка сообщила (соврала стерва! жемчугового ожерелья в подарок захотела) о понесении наследника. «Кто такие и почему с утра пьянющие?» — к воеводе городскому отнесся. «Так в энтом приходе седни престольный праздник. Я вот их сейчас в холодную, а впридачу батогами!».— «Нет в тебе, воевода, европейского воспитания,— добродушествует царь,— с кем не бывает? Заботиться о народе следует, ведь спьяну захлебнуться в грязище такой, не дай бог, запросто могут. Вот тебе мой приказ: заведи в городе службу вспомоществования упившимся. Пусть стражники городовые, увидя пьяных, сволакивают их для протрезвления в особую на то камору. Вот, к примеру, в тот домишко, что на углу с Разбрыкаловской стоит. А хозяевам избы, чтобы обидно не стало, платить от казны по копейке с денгой* за каждого постояльца. С него же, по протрезвлении, в казну взыскивать по пятаку с мещан и по гривне с мастеровых. А коли подгулявший по службе или иному занятию находится под чьим-то началом, то отписывать такому начальнику из воеводской канцелярии грамотку: пусть-де поучит плетьми или изустно благонравию и поведению таковых упившихся сверх заведенного порядка».

Закачали бородами ближние бояре: ох, мудр же царь, дай ему бог Мафусаилова веку в царствовании. А воевода мигнул стражникам — те и потащили заглянцевавшихся от жирной грязи бедолаг в указанную царем-надёжей избу. Именно так, или вроде того как, в нашем городе образовался не то что в России, но и в целиковом мире, первый вытрезвитель. Николай же Андреянович, по тогдашнему простому времени именовавшийся Миколой сыном Андреяшкиным, услышав из уст сомнительного по родословной царя про плети и «телегу» по месту работы, не решился попасть в число первых трех постояльцев, а потому всю исторически колоритную сцену наблюдал со стороны, от стены стоявшей, обочь слева дороги к реке, лавки с лабазом купца Андреяшкина, его тятьки в Смутные времена.

Утром следующего дня отец послал Миколку к кожевеннику Игнату Самохвалке — понадобилось по хозяйству с полдюжины саженной длины ремней вершковой** ширины из бычьей кожи. Дом с хозяйственным двором Самохвалки располагался за дальним концом Разбрыкаловки. Возвращаясь по ней же с увязанным пуком ремней, держась от непролазной уличной грязи домовых заборов с проложенными вдоль них мостками из горбыльных досок, Миколка столкнулся с давешними «царевыми постояльцами». Трезвые и оттого злые, те мимоходно осмотрели парня с грузом и продолжили ранее затеянную свару насчет опохмеленья. «Свинья грязи найдет»,— вспомнил Миколка укоризненную пословицу своего отца, тот сам не пренебрегал зеленой*** злодейкой по праздничным дням, но подрастающих своих детей угрозой высечь заблаговременно отвращал от пьянства. Первый в мире вытрезвитель не пережил своего основателя, четвертованного и по сожжению выстреленного из пушки над Москвой-рекой.

♦Николай Андреянович подкрутил (тотчас вспомнил малоприятный голос из телерекламы: «Под-под-под, подкрути уровень стирки!») мысленно верньер настройки своей машины времени и скакнул аж на триста лет в будущее — от Смутного времени. И попал на заседание городской думы; все в том же, в нашем городе. В мундирчике коллежского асессора представлял он на том заседании свою вторую мужскую гимназию — в повестке дня значился запрос на ремонт протекшей гимназической крыши. Само же краснокирпичное здание учебного заведения располагалось близко

* Денга — медная монета достоинством в четверть копейки.— Прим. авт.

** Обычно считается, что вершок равен 4,445 см. Но это относится к XIX веку; в Смутное время он был чуть поменее, где-то порядка 4,4 см.— Прим. авт.

*** В те времена водку очищали от сивушных масел медным купоросом — от этого и зеленый цвет ее.— Прим. авт.

к речному берегу, прямо напротив начала Разбрыкаловской улицы. Однако выяснилось, что запрос гимназии перенесен на следующее заседание ввиду срочности рассмотрения проведения мероприятий к близкой годовщине 300-летия царствования Дома Романовых. Разочарованный напрасно потраченным временем, учитель чистописания в первых классах и член партии кадетов, основанной Павлом Николаевичем Милюковым (потому хитрован директор и послал его, что в думе кадеты держали шишку), собрался было покинуть присутствие, но здесь заинтересовался выступлением непременного члена и гласного думы из почетных граждан, купца первой гильдии Маслобойникова. Вновь вернулся на ранее занятое им место позади рядов кресел для думцев и внимательно выслушал.

— Господа! Мое предложение частное, скорее по линии благонравия жителей, но имеющее отношение к грядущим празднествам по случаю достославной трехсотлетней годовщины нашего царского рода. Город наш сугубо мастеровой — из казенных и хозяйских заводов и фабрик. Это не купцы, даже не мещане, выйдя за ворота после отбытия рабочих уроков, ответственности на себе не чувствуют — и тотчас по дешевым трактирам и всяким кабацким распивочным. И до ночи гульба до мордобоя, до препровождения квартальными в участок порой. Хорошо сейчас май месяц, упадут пьяные и не замерзнут до протрезвления. А зимой как? — Хоть и пьянь, но души-то православные, опять же работники, особенно на казенных заводах: польза царю и отечеству. Не оставлять же их замерзать до смерти? Вот давеча читал нумер «Биржевых ведомостей»: пишут о призрении всяких убогих, бездомных и опьяневших в благоустроенных государствах. Особливо хроникер относится к Швеции и Дании с Норвегией. Также похвально отзывается о постановке отрезвительного устройства в *нашей* Финляндии, где...

— Чухонцы нам не указ! — перебил благодушествовавшего купца грубиян Кувалдин, лавочник-бакалейщик, проведенный в последние выборы по спискам «Союза русского народа»,— еще на Карлу Марксу сошлись! Хотите заботой о пьяницах повторить пятый год, а?

Председательствующий, по партийности октябрист, крупный коннозаводчик, но из старого дворянского рода, с немецким университетским образованием, Коновницын, в своем кругу не преминавший упомянуть о своем предке, генерале — герое Отечественной войны 1812-го года, поморщился от реплики черносотенца-лабазника, призвал колокольчиком к порядку:

— Слушаем вас, уважаемый Прокопий Игнатович, продолжите ваши интереснейшие реляции.

— Гм-м, словом, господа, не грех порой и с заграницы положительные примеры брать. Чистота в городе и отсутствие чрезмерно пьяных на его улицах, опять же гуманистическая забота о, гм-м, не страждущих порой о своем здоровье,— полагаю, что эту заботу в части подготовления к великому царскому празднику сможет взять на себя градоначальство с подчиненными ему полицейскими чинами. Опять же, исключая Финляндию,— здесь Маслобойников покосился на грубияна Кувалдина, но тот смолчал по причине укоризненного взгляда на него полицеймейстера, также приглашенного на думское присутствие,— *наш* город станет первым в Российской империи, в котором радением думы и энергическими распоряжениями градоправящей власти будет создан упомянутый выше дом призрения упившихся с их последующим вытрезвлением. Порядок и благонравие должен показать наш город всей остальной России. Благодарствую, господа, за сочувственное выслушивание.

...На следующем заседании городской думы, на котором учитель чистописания в чине коллежского асессора Николай Андреянович доложил-таки о неисправностях здания второй мужской классической гимназии, приняли и утвердительное решение об открытии вытрезвительного приюта. Все сомнения думцев развеяли положительное отношение губернской духовной консистории, поддержанное инославными го-

родскими общинами: магометанско-татарской, еврейской и староверческой, коим Манифестом 17-го октября были дарованы определенные совещательные права в части благонравия и общественного порядка. Главное, сам губернатор граф Доливо-Добровольский положительно отнесся к передовой идее городской думы и порекомендовал Коновницыну склонить его конституционное учреждение к нужному решению.

Даже природный скептик Николай Андреянович, вышедший в образованные люди с чиновным званием по линии народного просвещения из староверов, ни в чем не верящих из деяний власти, умилился, читая через пару месяцев отчет хроникера городской газеты «Правое слово», издаваемой губернским отделением кадетской партии, о работе «первого за трехсотлетие династии Романовых приюта для опьяневших» (Лжедмитрий, как известно, царствовал в Смутное время, переходное от Рюриков к Романовым, поэтому новатором не мог считаться...). По случайному стечению обстоятельств, игре истории, для приюта городские власти купили у торгового мещанина Стрекопытова его дом в начала Разбрыкаловской улицы, построенный на фундаменте той избы, в которой самозваный царь Дмитрий Иоаннович основал исторически первый в мире отрезвитель. В репортаже хроникера с псевдонимом Грамматиков-Задунайскй живописалась обширная, чисто подметенная, светлая горница со спальными местами для страждущих опохмеления, вечерние визиты фельдшера из Ванниковской лечебницы для неотложной помощи, коль скоро такая постояльцам потребуется, восхитительно благодушный и абсолютно трезвый дежурный при приюте городовой, а также санитар. Так и повеяло на учителя чистописания атмосферой санатория на минеральных водах: если не Баден-Бадена и Карлсбада, то уж Пятигорска-то точно!

...Скоро сказка сказывается, но открывшаяся истина горько разочаровывает. Так и с гражданским майором, то есть коллежским асессором, Николаем Андреяновичем, увы, случилось. Родной брат его Сергей, не отрекшийся от своего староверческого корня и прихода, потому и стоящего образования не получивший, только поучился в техническом училище, а ныне состоит в казенном заводе мастеровым-лекальщиком. Кстати, его жалованье с выработки было поболее оклада содержания брательника в майорском звании. Несмотря на сословную и образованную разночинность, братья и их семьи поддерживали добрые родственные отношения и взаимную приязнь.

Словом, брат Серега, чуть помлаже Николая Андреяновича, в день выдачи жалованья, да еще с наградными премиальными — ведь был Серега не простым лекальщиком, но в опытной инструментальной мастерской! — с радости и довольства хватил солидную лишку в трактире Филимонова и был на улице, уже на своей, подхвачен городовыми и подсажен в пролетку, собиравшую вечером подгулявших людишек для своза в опохмелительное учреждение. Когда не случалось вусмерть лежащих под забором, то в ажитации — не возвращаться же пустыми! обвинит начальство в ненадлежащем исполнении — хватали и самостоятельно передвигающихся, как Серега. Так брат учителя чистописания угодил в новопоставленный трезвяк, как уже окрестил богоугодное заведение неблагодарный мастеровой народ и не склонные к трезвости мещане и надомники*.

В скорую за этим событием пасху, разговляясь у чиновного брата, Серега с возмущением рассказывал о пребывании в опохмелительном приюте:

— ...Еще в сенях трезвяка урядник с городовым лещей мне надавали, дескать, не ерепенься, не домой к ужину пришел, а в казенное учреждение; ночь прохрапишь, а поутру выпустим.

— Ну и что там? Правда, как в газетах городских пишут, почти больничный покой

* Специфика города, сохранившаяся до самых восьмидесятых советских годов: рабочие, трудившиеся по мелкой сборке на дому, куда им привозили на телегах, затем на автомашинах, наборы исходных деталей и сборочные приспособления — инструмент.— Прим. авт.

для временных, э-э-э, занедуживших, с пристойной обслугой, фельдшерским вспоможением и почти как нумера на несколько персон в небольшой уездной гостинице?

— ...— матерно выразился слесарь-лекальщик, благо остались они на некоторое время сам-двое в комнате: дети, радуясь теплой майской погоде, игрались во дворе дома, а золовки под видом кухонных забот перемывали кости своим мужьям-братьям.

— А все же как? Понятно дело, что хроникеры навроде Грамматикова-Задунайского с три короба все приукрасят верноподданнически перед городской властью, но велики ли эти короба?

— Короче,— слесарный брат, заглушая малоприятные воспоминания, хватанул внеурочную стопку,— оплеух для стращаловки в сенях надавали, все карманы вывернули в темноте и впихнули в трезвительную помещению, где вдоль стен на рваных и заблеванных тюфяках, соломой набитых, свезенные пьяные работяги и мещанская шваль храпят и во сне кто завывает, а иной в бога-душу-мать высказывается. Ворочался, ворочался, пока заснул. Рано спозаранку утром всех растолкали, переписали, у кого, как у меня, рабочая книжка или иной документ имелись, и вытолкали на улицу взашей. Про деньги с наградными премиальными спросил, так городовой пудовый кулачище под самый нос подсунул: «Па-а-гавари у меня! Сам вчера все пропил и растерял! А будешь хамничать, так живо в участок отволоку за оскорбление власти. Пшел вон, пьянь подзаборная!» Заскочил домой, с супружницей объяснился-поцапался, чуток опохмелился — и на завод; уже гудками заливается.

— Да-а, брат ты мой невоздержанный, лишился ни за что, ни про что месячного жалованья. Да еще с наградными премиальными. То-то тебе от жены-то досталось!

— Да жена дело преходящее; поорала пару дней, да отошла: раз «красные шапки» обчистили, то на нет и суда нет. Другое хуже: через несколько дней после трезвяка на заводе дернули меня к начальнику нашей инструментальной мастерской. Он, как казенный инженер в форменном сюртуке с ученым значком, матерно не изъяснялся, но оттого не лучше, когда тебя вежливыми словами кроют. Со стыда можно сгореть. Словом, прислали от полицейской части, в ведении которой трезвиловка, отношение насчет меня: мол, вы уж там у себя, на казенном императорском заводе, провоспитуйте своего рабочего и... много чего вычитал язвительным голосом начальник, да еще показал мне на листке этом надпись красным карандашом, что проставил после ознакомления, матушки мои! сам командир завода, артиллерийский генерал-майор: «*N.N.*! Разберитесь со своим подчиненным и накажите лишением воспоследующих наградных премиальных».

...Вторая в истории страны (а первая-то — в мире!) попытка заведения в городе вытрезвительного учреждения, в целях гуманности и заботы о здоровье населения, просуществовала чуть более двух лет: началась Империалистическая, царь издал указ о введении сухого закона по всей империи на период войны. А раз так, рассудили власти нашего, передового в части отрезвления, города, то, рассуждая строго по закону, и отрезвлять-то некого. Все по букве закона; исторический вытрезвитель закрыли в самый разгар боев на Северо-Западном фронте, где тевтоны разбили 2-ю армию генерала Самсонова. Как известно, беда не приходит одна...

♦Заранее строго запретив себе вспоминать о рекламном «подкрути уровень стирки», Николай Андреянович немного тронул верньер* настройки личной машины времени по часовой стрелке — в сторону недалекого будущего. И... угодил в золотые семидесятые советские годы, совпавшие с ранней его инженерной молодостью. Тогда попадание в вытрезвитель, особенно для тружеников, тем более инженеров оборонных предприятий, то есть имевших «форму допуска к секретным и совсекретным

* Все же поясним уже дважды упоминаемый верньер — это используемый в радио- и измерительной аппаратуре редуктор — замедлитель настройки, например, на нужную частоту, конструктивно исполненный в одном узле — концентрической ручке настройки.— Прим. авт.

работам и документам», приравнивалось к семейной катастрофе, крушению карьерных перспектив, иногда влекло за собой пресловутый «запрет на профессию»...

Понятно дело, что здесь имелся в виду не собственно штраф в несколько десятков рублей (но ведь советских, полновесных!), а «телега», то есть сообщение из милицейского участка по месту работы провинившегося во всеми громокипящими последствиями: выговор со служебной линии, обязательное «обсуждение в коллективе» (это-то наименее обидное: в день «обсуждение», после работы, шли избранным «коллективом» в гастроном — обмыть обиду и поддержать товарища в горестную для него минуту...), откладывание на неопределенное время получения очередного инженерного звания и соответствующей ему должности, в материальном плане — лишение на сто про́центов тринадцатой зарплаты, то есть дополнительного в году месячного оклада, и, само собой разумеется, текущей месячной и квартальной премии. Выливалось это в весьма круглую сумму. Но подлинным ударом поддых являлось перенесение «в зад» очереди на получение квартиры; известно, что в советское время массовое жилье не покупалось, но предоставлялось в порядке очереди работающим их предприятиями. Словом, катастрофа семейная, плюс служебная, плюс трижды-четырежды (по числу взысканий и неполучений) денежно-финансовая.

Понятно дело, в прессе, на радио-телевидении вытрезвительных дел молчаливо особо не касались. Эстрадные смехачи-куплетисты все в анекдотические шутки превращали. Угрюмые писатели «шестидесятники» и «деревенщики» также особо сути дела избегали, ограничиваясь назидательно-воспитательным; этакие «Дети понедельника» и «А по утру они проснулись...» Что-то навроде этаких названий и содержаний... Не дозволялось изустно и печатно раскрывать трудовому (а нетрудового тогда не имелось) народу секреты полишинеля*. Две главные, совпавшие во времени, причины создали «феномен советского вытрезвителя»; обе они относились к собственно милиции. Во-первых, к золотым семидесятым годам преступность в советском обществе практически исчезла, ибо ликвидировалась ее социальная база. Во-вторых, к этому времени резко сменился состав милиции: на смену рассудительному поколению, где тон задавали рядовые участники войны, составлявшие сержантско-старшинский корпус милиции, пришла молодежь: отслужили в армии, затем полугодовая милицейская школа и — красная фуражка, молодой хамоватый задор и неограниченная власть! Так сформировалась армия щёлоковских башибузуков — сержантов, охальников-подлетов, в итоге подведших своего министра к выстрелу в висок из табельного «макарова». А раз преступников серьезных нет, то чем же еще, тем более для отчетности, заняться миллионам «красных шапок»? — Конечно, «хватать и тащить» (по словам классика) в трезвяки любого встречного-поперечного, даже случайно пошатнувшегося.

...Молодые инженеры, Николай (еще без Андреяновича) в их числе, после работы решили «освежиться очищенной» — тогдашняя терминология. Опять же из литературной классики. Вечер летний, пятница — конец трудовой недели — грех после трудодня не принять умеренно. Но где? — В стекляшке-забегаловке духота, да и мало их в рабочем микрорайоне. Затарились в гастрономе, а дальше где для неторопливой беседы пристроиться? — В какой переулок не свернут, всюду группками «красные шапки» рыщут в поисках добычи; вытрезвительные воронки снуют туда-сюда... Вроде как пристроились с торца пятиэтажки, напротив глухой забор, народу сюда незачем ходить. По одной, по второй — под плавленые сырки... и вот она, милиция-заступница аж с двух сторон. Словом, «поутру они проснулись» в вытрезвителе, понятно дело, выстроенном все на том же месте, что и его предшественники, получили

* Сейчас народ усилиями глобализаторов все более склоняется к малограмотности (в ее широком смысле), поэтому напомним: полишинель. итал. *pulcinello* — от *pulcino*, то есть цыпленок, которого актер театра *commedia dell ‘arte* как будто напоминает наружностью.— Прим. авт.

на руки квитанции для оплаты постоя, хмуро разбрелись по домам. Жить не хочется. Ладно, со временем успокоилось — не без драм дома и на работе.

В конце декабря в главном корпусе Конструкторского бюро вывесили листы-простыни со списками лишенных тринадцатой зарплаты: полностью или частично, в зависимости от состава административного или трудового правонарушения. Надо заметить, что в организации их только-только улеглось возбуждение, связанное с... изобличением в их коллективе шпиона! Не успел он ничего особого нашпионить, просто на выставке в Москве его агенты на чем-то подловили, что-то он лишнее сказал, словом — тягчайшее на оборонном предприятии преступление. Его, конечно, не судили, чтобы имя фирмы не полоскали, а просто запихнули в дурдом. Ведь отчетность!

И вот смотрит Николай в листки-простыни, грустно отмечает свою фамилию: лишить на 100 %. Затем случайно натыкается на того самого шпиона: лишить на 50 %! Долго народ потом хохотал: дескать, если в трезвяк попадешь, то сразу ментам рекомендуйся бельгийским шпионом. А если татарин, то лучше турецким...

♦В конкретное будущее Николай Андреянович отправил себя подкручиванием верньера, понятно дело, не на год-другой, пока дело с новым возрождением вытрезвителей раскрутится («Русский долго запрягает лошадь в телегу, зато потом быстро скачет»,— сказал Отто фон Бисмарк, создатель Второй германской империи), а чуть поболее: лет на пятьдесят вперед... и ужаснулся полной безысходности.

Некто, к которому виртуально присоединился Николай Андреянович, человек из недалекого прошлого, решил выпить, что в едином глобальном социуме, с одной стороны, не запрещается, с другой же — жестко преследуется. Это называется толерантностью и кажимостью, когда не закон для человека, а человек для закона. Готовился долго и основательно, полгода криптовалюту для неизбежных расходов копил — конечно, в глубочайшей тайне от виртуальной своей супруги... одного с ним пола. В день «икс» купил бутылку виски, название марки которого переводилось с единого мирового языка как «Вредная привычка». С этого момента, как он прекрасно понимал, находится под круглосуточным наблюдением, даже в душе и туалете. Поэтому, ничтоже сумняшеся, выдул из горлá прямо у прилавка магазина, закусил батончиком бессмертного «сникерса», а по выходу сдался на руки уже подбегающего ему навстречу младшему менеджеру службы услуг правопорядка. А поутру проснулся в роскошном номере отеля «Все для блага». На рецепшене расписался, конечно, в электронной форме, за обслугу, за номер и за «штраф толерантности». Перечислил на нужный счет всю накопленную криптовалюту. Господи, до чего же скучно в этом светлом будущем! Николай Андреянович крутанул верньер и вернулся домой к окончанию последних известий их кухонного репродуктора. С аппетитом приналег на яишенку, посыпанную укропчиком.

Уже не стоит и говорить, что отель-вытрезвитель был построен все на том же месте близ берега реки на углу стародавней Разбрыкаловской, а ныне — то есть в будущем — 6-го Толерастовского авеню...

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Шеуджен Инвер
(г. Краснодар)

Российский и адыгский поэт и деятель культуры, родился в Краснодаре. Окончил Кубанский государственный технологический университет. Писать стихи стал довольно поздно — в 45 лет, но уже через три года вышел в свет его первый сборник стихов «Звезда упала на ладонь». В 2017 г. ГТРК «Россия — Адыгея» был снят авторский фильм «След пера» о начале творческого пути автора. Лауреат международных конкурсов и премий. Стихи автора представлены во многих российских и зарубежных литературных изданиях и переведены на многие языки мира...

ВЫЙДУ В ПОЛЕ, ВРЕМЯ ЗАКАТНОЕ...

Выйду в поле, время закатное.
Ветер кудри рассыплет линялые.
Воля вольная, жизнь перекатная,
Я вернулся на родину малую...
Степь пылает полынью взъерошенной,
Небо тучи закрыли суровые.
Я по миру бродил, гость непрошенный,
В уголки забредая бедовые.
Рвутся с повода кони ретивые,
Эх, пустить бы их вскачь, позабавиться.
На пригорке поодаль, стыдливая,
Как невеста, береза — красавица.
Даже дышится здесь мне особенно,
Все тропинки до боли исхожены.
Дом отцовский, кустами смородина,
И погосты родные ухожены,
Но не мною, простите, не хаживал,
Поклониться бы в пояс, покаяться,
Постоять пред могилою каждого,
И поплакать, душа коли мается...
Выйду в поле, время закатное,

Ветер кудри рассыплет мне, балуя.
В алом зареве степь необъятная,
Я вернулся на родину малую...

Я С МИРОМ ГОВОРЮ СТИХАМИ

Я с миром говорю стихами,
Струится лунных строчек вязь,
Мне сердце выжечь, как углями,
Отныне больше не таясь.
Я душу настежь открываю,
Свой начиная диалог.
Смеюсь, грущу и вопрошаю,
Рифмуя стихотворный слог.
Закат... Луна... Во взоре счастье
Галактик звездных миражи.
Любимой тонкое запястье,
И страсть, ожившая в тиши.
Бросаю образы, как краски,
На белый лист, в огне душа.
Срывая полуправды маски,
И пылкостью, в пылу греша.
Мой крест — дарованная лира,
И ноша эта нелегка.
Я брошу под ноги полмира,
Чтобы рожденная строка
Рассвет встречала, мой читатель,
Ты друг, и критик заодно.
Даруя, предсказал создатель,
Кем ныне стать мне суждено.
Я с миром говорю стихами,
О том, о чем молчать не мог.
Порой бессонными ночами,
Шлифуя сердцем каждый слог.

КАК В МОЛОДОСТИ ГОРЯЧИ ОБЬЯТЬЯ...

Как в молодости, горячи объятья,
А мне казалось счастье позади.
Меняет осень, обнажаясь, платья,
Какое краше, разбери поди.
Терраса, чай, вишневое варенье,
По саду бродит яблок павших дух.
Озябших рук твоих прикосновенье,
А вечер блюз наигрывает вслух...
Завернутое в непогоду небо,
Как лодка утлая, течет, не залатать.
Твой взгляд уносит в сказочную небыль,
И снова мне в душе лишь двадцать пять.
Листая память в книге многолетней,
Я о тебе так часто вспоминал.
Седины становились все заметней,

А мир в окне предательски мельчал...
Но манят еще пылкие объятья,
Забыть тебя — превыше моих сил.
Меняет осень, обнажаясь, платья
Я о любви ее опять просил...

КОГДА НЕБО ПРОЛЬЕТСЯ ДОЖДЕМ

Когда небо прольется дождем,
В полумраке, размытым пятном.
Не во время дневной суеты,
Когда город во власти толпы
Мне по нраву бродить одному,
Погружаясь в дождливую тьму.
И в раздумьях застыть под столбом,
Под бледнеющим желтым огнем.
И узрев озаренья черты,
И ликуя, что выбран им ты.
Строчки первые вслух в темноту
Бросить нежно, лелея мечту.
Барабанит по крышам вода,
А мне слышится голос дождя.
Одинокие бродят зонты,
И под каждым мне грезишься ты.
А душа в этот миг так хрупка,
Откликаясь ей, вторит строка.
Собираясь дождливым стихом
Под забытым фонарным столбом.
И брожу я под летним дождем,
В полумгле, неприкрытый зонтом.
Не люблю я дневной суеты,
Когда город ворует мечты...

КАК ПОЭТАМИ ВОСПЕТО...

Как поэтами воспето,
Время осени златое,
После ярких красок лета
Вдруг спокойствие благое.
Если ты устал от шума,
И в смятении, до дрожи,
Душу рвут на части думы
На проклятия похожи...
О любви ты грезишь, если
Засыпаешь, с первым светом,
Или о плетеном кресле,
Наложив на будни вето.
Посмотри в окно, как осень
Над деревьями колдует.
И вплетая в кроны проседь,
Взор предательски чарует.
И задумчиво — багряно

Небо в сумраке осело
На закат, в лохмотьях рваных,
И вдали как заалело!
Как поэтами воспета
Осень, есть ли что-то краше?
После ярких красок лета
Благость мудрая на страже...

ПОД СЕНЬЮ ВОСХОДЯЩИХ ЛУН

Под сенью восходящих лун
Я в ночь вступаю, как на плаху.
А было время, был я юн
И окунался в жизнь без страха.
Сегодня зрелый муж, но чей,
В пустынном доме эхо вторит.
Судьба моя как сонм клетей,
А мне бы на просторы моря,
Туда, где горизонт криклив
От чаек, над волной парящих.
Где вдохновения прилив
Наполнит душу настоящим.
Туда, где бронзовый закат
Над гладью стелется, как прежде.
И маяки во тьме горят,
Даря блуждающим надежду.
И там, в час меркнущей зари,
Вдохнув как воздух упоенье,
Я обрету покой внутри,
Уняв душевное смятенье...
Разлился в тишине ноктюрн,
Ночь за окном как призрак плахи.
А было время, был я юн
И окунался в жизнь без страха...

ПОЛУРАЗДЕТА ОСЕНЬ

Полураздета осень, дождь по крыше,
Проплешинами лужи, неба ширь
Легла на плечи, запах снега слышен,
Октябрь рядом, в чай кладу имбирь...
Качает лодки одиноко осень
На глади опустевшего пруда.
Принарядила кромки зрелых сосен,
Какие, мол, девчонки, вам года...
Чернильным стало небо на закате,
Я вспомнил лето, встречу у реки,
Ты танцевала в васильковом платье,
В костре сгорая, пели угольки.
В небесной дали звезды проплывали,
Ночь озаряя — глаз не оторвать!
А мы своей судьбы еще не знали,

О многом я хотел тебе сказать...
О счастье, о любви слов не хватало,
Несказанное разрывало грудь.
А ты в ответ чуть слышно прошептала:
«Я не твоя, с другой счастливым будь».
Опала осень, говор птиц не слышен,
Нахмурившись, застыла неба ширь.
Дождь барабанит битый час по крыше,
Я по привычке в чай кладу имбирь...

СВЕТА В ГОРОДЕ БОЛЬШЕ НЕТ

Света в городе больше нет,
Спят погасшие улочки малые.
И забывшись, без стука штиблет,
Мостовые затихли бывалые.
Я любуюсь растущей луной,
Средь сияющих звезд, как царица!
Даль окутал, привычно, покой,
А вот мне этой ночью не спится...
Грезы прошлого в сонном окне
Мы на фото с тобою беспечны.
В той единственной нашей весне,
Что казалась такой бесконечной.
Мысли роем, шагами версты
Я листаю те дни суетливо.
Помню, как повстречалась мне ты,
Так юна, и беспечно — красива!
Я стихи напишу о тебе,
Ты прочтешь их, улыбку скрывая
Благодарен навеки судьбе,
Что иного я счастья не знаю..
Даль бледнеет, и нежит рассвет,
В окна выпорхнут первые строки
Грезы, словно остатки комет
Канут в утро, ступив за пороги...

КАК ВЕЛИЧАВ ПОД ЛИКОМ ЛУН

Как величав под ликом лун
Кавказ, былых веков соратник.
Назло столетьям так же юн
Земли адыгской скальный ратник...
Вершины в мраморном снегу
Окутаны туманом млечным.
А в памяти — как я бегу
Встречать рассвет юнцом беспечным...
В долинах находя покой,
Под сенью яблонь белокожих,
Цветущих майскою порой
И на черкешенок похожих.
Веками здесь царит уклад,

Что жизнь ценна лишь только в чести...
Гость на пороге, словно брат,
И слаще хлеб, что ели вместе...
А небо, словно звездный рай,
В огнях сияющих жемчужин.
Люблю тебя, адыгский край,
Что эхом ранним был разбужен...
Мне слов не хватит описать
Все эти вольные пейзажи.
Я начинаю здесь мечтать
О том, о чем не грезил даже.
Как величав под ликом лун
Кавказ, лихих веков соратник.
В снегах, искрящихся как лунь,
Земли адыгской вечный ратник!

Марина Бэйлс
(г. Финикс, штат Аризона, США)

ОДИНОЧЕСТВО И СУЕТА

Родилась в городе Пятигорске. Окончила Московскую ветеринарную академию им. Скрябина и Пердью Университет, штат Индиана, США. Живет в США и преподает в Университете Гранд-Каньона. В 2023 г. вышла ее книга «Вихрь мыслей и чувств» (издательство РИА-КМВ, Пятигорск). Также ее стихи были напечатаны в 2023 г. в журнале «Родная Кубань» (Краснодар), в журнале «Вторник», в 2024 г. — в журнале «Причал».

ВЕСЕННЯЯ МУЗЫКА

Голуби на проводах, как ноты,
Словно это и есть нотный стан весны.
Могут ворковать, но обормоты —
Они важны, и как статуи немы.
Музыка звучит, но в сердце улиц,
Тех, что как артерии городов.
Музыка оседает сотней лужиц
И каплями, висящими с проводов.
Музыка весны — в ней барабанность,
Звонкость молодости и хаос любви.
Не найдете в ней хладность и банальность
С безразличием тающей зимы.

ДОРОЖНАЯ ПРОГУЛКА

Столбы у дороги стройны и высоки.
Солнце светит. Оно — в центре, глыбой.
Лучи его — невидимые узелки,
Что соединяют землю с небом.
А дорога мчится в заоблачную даль,
К небесам поднимается круто.
Туда, где Олимп, и спряталась этуаль*.
Тикают дорожные минуты.
Вечер спускается, как занавесь в окне.
Солнце — красным яблоком по небу.
И задрожат березки в страхе и тоске.
Скоро будет власть ночного бреда.

* Этуаль — étoile (фр.) звездочка.

ГОРОДСКАЯ ЗАРИСОВКА

Звезды-шары запотели,
А луна — диск туманный.
Ветра мотив обманный
Бродит грустно, без цели.
Души наши отсырели.
Сердца закрылись плотно.
Жизнь чавкает болотно,
А мысли улетели.
Летят они куда-то.
Забыться бы, да поздно.
Город схватил нас грозно.
Его суета — вот плата.

ЗА ОКНОМ

Я приду в кафе, займу столик, что у окна.
И солнце весело помашет мне лучами.
А за окном бурление толп и кутерьма,
Как будто в жизни нет и не было печали.
А пестрота одежды — как радуги волна.
В толпе мелькают интересные персоны.
Их одежда то слишком мала, то велика,
А волосы голубо-розово-бордовы.
А иногда девушка ундиной проплывет.
Она как бы парит, земли касаясь слабо.
Ее облик о любви прекрасной говорит,
Той, о которой пели и поют в балладах.
Куда же она идет? Взаимна ли любовь?
Мелькают мои мысли бабочками быстро.
Хочу, чтобы нашла она счастье и покой.
Смотрю в окно, а в воздухе — лишь счастья искра.

ПРОГНОЗ — ОДИНОЧЕСТВО

Прогноз — одиночество, ужасный прогноз.
Он тайно гнездится среди бурных слез.
Он сразу пришпилил бабочку-любовь.
Все, что осталось,— это остов и кровь.
И с ними остались злость и немота,
Но в небе сверкает надежды звезда.

Владимир Шугля
(г. Тюмень)

Наш постоянный автор.

ГОРИТ ЗЕМНАЯ КРАСОТА

Краснеет на снегу рябина —
Горит земная красота...
К ней рвется, тянется незримо
Душа, не снятая с креста.

Ее грехи не отлетели,
Ей незнакомы берега,
Хранятся в ней весны капели,
И в сердце — летние луга...

Она, подранок — божья птица,
Небесный, вечный перст Христа,
Ей суждено грешить, молиться
И снова каяться...
Всегда...

ОСЕННЯЯ МОЛИТВА...

Томительные дали,
В душе и сердце грусть,
Равнин немых печали —
Вокруг Святая Русь!

Люблю ее просторы
И ветра непокой,
И гроз с землею споры
Осеннею порой...

По мне нет лучше края!
К рябине прислонюсь...
Мне осень золотая
Шепнет, листвой играя:
«Я за тебя молюсь»...

ОЖИВАЕТ ОТЧИЙ ДОМ

Стучится ночь в купе вагона,
Берез стволы белеют за окном,
Дня светлого несут законы —
В душе вновь оживает отчий дом.

И близко ли несусь, далеко ль —
Его мираж я вижу за окном...
...И дали в синеве глубокой
Зарей разбросаны широко,
И тучи вслед за солнцем льют дождем...

СТАРИННЫЙ ПЕРЕУЛОК

Средь городского суесловья,
Сумятицы машин и гула,
Красою лет — забытой, вдовьей —
Притих старинный переулок.

Как будто замер, правя тризну
По старине, по русским селам —
Не оскверненный урбанизмом
Веков пронзительный осколок.

Казалось, встретился не я с ним,
А он искал со мною встречи,
Ждал терпеливо и безгласно,
Молитв пасхальных теплил свечи...

Я окунулся в окон ясность,
В узоров старых чудо-завязь,
В резную русскую прекрасность —
Модерну города на зависть.

И незаметно стало чисто
На сердце в благостной минуте...
Я видел Русь в молитвах истых,
В резных узорах русской сути...

НЕБЕСНЫМ ПОЛЕТОМ СТРИЖА...

Душа неотрывна от Минска...
Кореличи... В небе межа...
Скрепленная кровным единством,
Парит над Отчизной душа.

...Небесные светлые вежи!
Рассвет, как тропинка родства,
Влечет в зазеркалье замежья —
Туда, где небес синева...

Край отчий весь в душах плывущих,
В горючих слезах матерей,
В Сибирь отпускает идущих
За странной судьбиной своей.

Крест веры нательный — подковкой —
Жизнь сложит в тайге вековой,
И в срок — в сорок первом с винтовкой —
Мой Минск защитит под Москвой.

В слезах закалялись надежды...
Небесным полетом стрижа
Летала в сибирском замежье —
Кружила в Сибири душа...

ТРЕВОГА ЗА РОДИНУ

Спешу к полям моих дедов
В зеленый край родимый,
В край вещих материнских снов
Своей душой гонимый.

К сердечной милой стороне,
Где мамины иконы,
Где все напоминает мне
Отцовские законы.

Где места нет суду невежд
И нет забот о злате,
Где есть стремление надежд
К небесной звездной стати...

...О, дом отеческий родной,
О, край души любимый!
Безвестностью томимый
Звучит тревожно голос твой...

В ДУШЕ ЗЕМНАЯ ШИРЬ

Просторы бесконечны,
В душе земная ширь...
Руси путь вековечный
Ведет на свет — в Сибирь!
И пусть покой нарушен —
Нет помыслов других:
Искать, где мир недужен,
Где дел полно мужских,
Найти в молитвах Бога
Дыхание Земли,
Извечных дел тревогу
В синеющей дали...

Страна труда, свободы
И вольности звено
Сквозь раны и невзгоды,
Как старое вино...

ПОД СЕРДЦА СЕНЬЮ

Пусть новых дней рассвет
Тебя тревожит,
Но ярче всех светил
В тот день погожий
Мне свет небесных сил,
Что в сердце ожил,
Что душу покорил
И мир стреножил.

И кажется, как миг,
Одним мгновеньем
Вся жизнь... И миражом,
Во сне виденьем
И явью неземной, —
Как будто не со мной...

...И, в памяти держа,
Нескрытый темью,
Тот день хранит душа
Под сердца сенью.

Николай Еремин
(г. Красноярск)

НА СЕМИ ВЕТРАХ

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

ЮЛА ЮДОЛИ ЮРИЯ АРАБОВА*

Арабов жил в Российских Эмиратах —
Как сценарист —
То раб, то господин.

Поэт —
Среди ни в чем не виноватых —
За все про все виновен был один.

И на пределе вдохновенных сил
Стихов
Четыре книги сочинил,—

Лица необщим выраженьем
Дерзким,
Соперничая даже с Вознесенским...

И тут, и там
Им восхищались все!
Об этом Балтин написал в эссе.

Прощай, Арабов!
Жди друзей крылатых
В Сокуровских Арабских Эмиратах!

СОНЕТ О СЕМИ ВЕТРАХ

Как-то в Космосе густом
На семи ветрах

* Ю. Арабов совмещал два искусства, владея и тем, и тем виртуозно, выстраивая поэтический мир с тою же интеллектуальной причудливостью и мерой индивидуальности, с которой творил кино-миры... Он предлагал неожиданные миры, созданные созвучиями; и, совместив пласты творчества, растворился в нем, покинув вечное вращение юлы юдоли.

Я сравнил себя с крестом...
В сердце — звездный страх.

Посреди земных дорог
Вросший — вот беда! —
Там, где даже Бог не мог
Мне помочь тогда.

Но — пронизанный насквозь
Ветром — я шагнул...
И шагал, покуда шлось
Сквозь небесный гул...

Забывая страх
О семи ветрах...

* * *

Нас доллары сгубили и рубли —
Мы разошлись, как в море корабли...
У каждого теперь — отдельный курс
И свой непотопляемый ресурс...

Ты — на Нью-Йорк рулишь? Я — на Москву...
Как хорошо: мы оба — на плаву!

* * *

Голубка голубя голубит...
По-русски это значит: любит...
И воркованье голубей
Перевожу я для людей
Стихами, в рифму: Кровь-Любовь,
Чтоб вспоминали вновь и вновь...

* * *

Снова, смиряя злость,
Спорят душа и тело:
— Я бы вернулась в молодость,
Если бы ты захотело...

— Если бы? В том то и дело:
Хочется — до беспредела...

ИЗ НОВОЙ КНИГИ ЧЕТВЕРОСТИШИЙ

ДРУГ С ПОДРУГОЙ

Мне от них никуда не деться.
Друг с подругой — обычные лица:
На него нельзя опереться...
На нее нельзя положиться...

* * *

Ты не доллар, я не цент,
Не годимся под процент...
Ты копейка, а я грош,
Не захочешь — не возьмешь.

* * *

Ты спрашиваешь, где твой друг Портянкин?
В вечернем ресторане, где и все,
В похмелье пребывая после пьянки,
Встречают год Свиньи во всей красе...

* * *

В жизни грядущей ты станешь моей стрекозой —
Вечной, сверкающей солнечнокрылой красой...
Точно такой, как вчера, и сейчас, при луне, —
Трепетной, страстной, летящей ко мне, как во сне...

СТИХОТВОРНОЕ АЛАВЕРДЫ

— Да, город Красноярск огромен.
Но в нем поэт один — Еремин!

Максим Торбин
(г. Москва)

ВИЖУ ОБРАЗ ВДАЛЕКЕ

Максим Сергеевич Торбин родился в Москве. Окончил юридический факультет в Институте управления и права. Осознанно стихи стал писать с 2011 г. Печатался в сборниках и журналах «Истоки», «Огни над Биеей», «Edita», на портале »Золотое руно», в сборниках литературной премии «Поэт 2014 года» и «Лирика 2014 года».

* * *

вечер, легкий туман,
небо задернуто
золотисто — молочной тканью,
и не видно, что там.
может там скучающий скептик?
или хрустально — синее, голое, непристойное
ничто...
стальные серые глаза,
обведенные тенью
бессонной ночи
смотрят из зеркала
на меня.
на плоскости бумаги в двухмерной лире
эти строки рядом, но в другом мире...

* * *

Ты просыпаешься в темноте,
И корчишься в гробу дешевой гостиницы,
А руки тянутся к образу,
Черты которого со временем забылись,
И ты вспоминаешь приходящие сны:
Колдовские, острые, напряженные,
И словно разряд электрической зари,
Они озаряют тебя без устали.
Ведь раньше улыбка не слазила с лиц,
Твоего и того призрачного,
А теперь мысли разобраны на куски
И ютятся, как в больнице, в колбочках.

* * *

И я не удивлюсь, если сейчас, круглыми медленными дымами
поднимутся вверх купола,
и пожилая луна улыбнется чернильно
как та!
и под черными шторками опущенных век
не видно больше синего — синего неба,
а видна черная — черная тишина,
и искры разгорающегося огня,
и чувствую ребрами сердце своего, тук!
железные прутья мешаются,
не хватает места, тесно ему,
и вот я перед стеклянными стою дверьми
где золотыми символами имя — Мы!

* * *

Стоически тоску свою вплетаю
Из сна блаженного, я это знаю,
И в жизни словно бега колесо
Пытаюсь ухватить свое нутро.
Что бесполезно в этой круговерти?
Не знаю, но похоже я про эти
Порывы наводнения все знаю.
Они берутся словно ниоткуда,
В ночи вплетаются из круга,
Где я опять тоску свою вплетаю
Из сна блаженного, я это знаю.

* * *

Ты вонзилась в меня иглой поцелуя
Раскидала в душе лепестки алых роз
Мы с тобой по комнате вальсируя и минуя
Проносились мимо мебели мило воркуя
Напоминая восточное божество
Опрокинула навзничь
Кинулась кошкой безумной
В тишину вплетала — «Хочу»!
Заломила пальцы от боли
В ночи лунной
Напоминая горящую свечу

Сергей Филиппов
(г. Москва)

МЫ НЕ ВПИШЕМСЯ В ЭТИ СТАНДАРТЫ

Наш постоянный автор.

* * *

«Человек — печальная, прекрасная, мучительная попытка природы осознать самое себя».

В. Шукшин

Везде, не только в глухомани
Российской, что ни говори,
Наш человек бывает странен,
Причем, как внешне, так внутри.

И в странностях души не чая,
То разглагольствует сполна
С друзьями, где за чашкой чая,
А где за рюмкою вина.

То обсуждает с первым встречным,
Презрев порядок и уют,
Вопросы из разряда вечных,
Что вновь покоя не дают.

И пусть в них преуспел не шибко,
Знай, лезут, душу теребя
Ему, как тщетная попытка
Природы осознать себя.

* * *

«Свобода» сложное понятие.
Пора внушить себе, пора:
Игра в свободу, демократию
Весьма опасная игра.

Мне, например, давно уж ясно,
Как таковой, свободы нет.
Свободомыслие опасно.
Свобода слова просто бред.

И я, друзья мои, доволен
Тем, что свободен от идей
Ее достичь, и несвободен
От близких и родных людей.

Как все, я вырос в несвободе,
Ей присягал и ей служу.
Она уже в моей природе,
Я ей, как жизнью, дорожу.

Ее не бог какие всходы
Готов покорно пожинать.
И вам, рабам своей свободы,
Меня до гроба не понять.

* * *

Все неприглядней наша поступь,
Все тяжелей. И вот уж некто
Не прочь весь мир отдать на откуп
Искусственному интеллекту.

Приоритеты обозначив
И основные цели, чтобы
Все повседневные задачи
Не человек решал, а робот.

И там, где нужен был когда-то
Рабочий высшего разряда,
Сегодня есть манипулятор,
Которому платить не надо.

Сиди на печке, как Емеля
Сидел, и радуйся прогрессу.
И наблюдай себе на деле
Роботизацию процесса.

Плюс экономию впридачу.
Одно лишь с вами не забудем,
Что если робот напортачит,
То отвечать придется людям.

Ведь самый умный робот — пешка.
И попадают под раздачу,
Когда виновных ищут в спешке:
Конструктор, стрелочник, наладчик.

И сколь бы новый интеллект
Не создал шума на планете,
Вновь тот же средний человек
По-прежнему за все в ответе.

Руслан Любарский
(г. Брянск)

Родился в Брянске. Кандидат филологических наук, поэт. Стихи печатались в коллективных сборниках.

ВИСЕЛЬНИК

Близ аптеки, около канала
Человек висел на фонаре.

Г. Григорьев

На проспекте очень яркий свет.
И людей скопление футлярных.
На столбе повесился поэт.
На одном из множества фонарных.

И никто не думает о том,
Что, открыв в могилу тихо дверцу,
Этот парень лампочку на нем
Заменить задумал своим сердцем.

Может быть, погасший человек
Путь найдет во тьме своих блужданий.
Не как тот, закончивший свой бег
В гуще жизни, полной испытаний.

Зная лишь, что каждый третий — лжец,
Мир огромный видя наизнанку,
Мы привыкли свет людских сердец
Называть охотничьей приманкой.

Я стремлюсь душою в теплый дом,
Где свеченье вкупе со стихами.
Может быть, когда мы все умрем,
Станем, как поэты, фонарями.

* * *

Никому ты, несчастный, не дорог.
И оставлен, как будто во мгле.

Что же будешь теперь делать, город,
Оказавшись в дорожной петле?

Слушай, друг мой, наверно, не ново
Понимать, проходя каждый сквер:
Красный знак — словно писанный кровью,
А страна — это твой «Англетер».

Может, кто-то немыслимо ловкий,
Неизвестно когда, просто так
Нас куда-то поднимет веревкой,
Что Цветаевой дал Пастернак.

Вдалеке, среди бархатной ночи,
Рвется жизни обыденной нить.
Расширяет дороги рабочий,
Чтобы городу шею сдавить.

* * *

Эти звезды на небе... Они почему-то погасли.
Этим звездам на небе, наверно, уже не до нас.
Вижу я человека, который когда-то был счастлив,
И мне просто не ясно, что с ним происходит сейчас.

На Земле одинокой, никем и ничем не согретой,
Эти яркие точки кому-то, быть может, нужны.
Тот чудной человек... Он искал в жизни вечного света,
Но увидел, что звезды, как уголь, вдруг стали черны.

Человек проводил целый день у большого мольберта,
Рисовал по наивности мир без проблем и забот.
Он чудесное сеял в душе своей, раненой кем-то,
Только жаль, что без солнца оно никогда не взойдет.

Эти звезды на небе... А может, не звезды погасли?
А душа человечья в воронке суровых годин.
Вижу я человека, который когда-то был счастлив.
Каждый день его вижу я. В зеркале. Дома. Один.

* * *

Я не видел тебя никогда за всю жизнь, на мгновенье
Не могу убедиться, что ты еще все-таки есть:
Невозможное что-то, чудесное, словно спасенье
Человека из мира, где царствует лживость и месть.

Почему-то мне кажется, все, что хорошее, сгинет
В полутьме приходящих откуда-то нескольких лет.
Протыкаю я небо иглой своей вечной гордыни,
А с него льется карой сжигающий праведный свет.

Говорят, мир вокруг создаем каждый день мы не сами.
Мы не сами, увы, разрушаем друг к другу мосты.
Тот, кто прячется в нас — роет в душах холодные ямы,
Чтобы выдернуть с корнем красивые с виду цветы.

Кто играет мелодию на ненастроенных нервах,
Раздражающих слух обитающей всюду тиши?
Под звучание нот выбираются скользкие черви
На поверхность моей перекопанной кем-то души.

Где-то ходят вокруг одинокие, мрачные люди,
Сохранив для себя неприятных скопление фраз.
В этом мире огромном чудесного вовсе не будет,
Потому что оно очень сильно боится всех нас.

* * *

— Он мечтал стихами мир разрушить...
— Почему?
— Не знаю почему.
Он хотел кромсать чужие души,
Чтоб им больно было, как ему.

О вершинах грезил. Но лишь кочки
Покорил он. Это был провал...
Червь в нем жил, и после каждой строчки
Он огнистый свет его съедал.

— И ведь съел? Скажи ты мне!
— Возможно.
Только червь укрылся под землей.
Паренек пошел дорогой ложной
И нашел во тьме себе покой.

— Надо нам ласкать чужие души!
— Говорил тебе я не про то...
— Кто мечтал стихами мир разрушить?
—А никто... Теперь уже никто...

* * *

Он приходит домой, как обычно, босой,
Зажигает сигару своих одноразовых дней.
Он проходит на кухню не добрый, не злой,
Как обычно, простужен, с котомкой стихов и ничей.

Открывает бутылку с дешевым вином,
(Говорят, что в нем истина, те, кто не видел коньяк)
И проводит границу меж явью и сном,
В сотый раз понимая, что делает что-то не так.

Поднимает над серой Вселенной Грааль
Под торжественный лязг проржавевших от времени лат.

Рядом коброй индийской ползет магистраль,
Сохраняя в себе едких выхлопов гибельный яд.

Королевна спасителя в башне все ждет,
Он стремится туда, но не может к ней выбрать тропу.
Пригляделся — который бессмысленный год
Превращается башня в большого завода трубу.

Он приходит домой. Он хмельной? Не хмельной.
Затухает сигара его одноразовых дней.
Он на кухне сидит. Но не добрый, не злой.
И два мира пред ним. Каждый мир не его и ничей.

АРИНА

По полу чтоб не раскидывались крестом,
Руки связали ей грязным, сухим бинтом.

Много на теле отверстий от бомб — считай,
Красным зияет из ран триколора край.

В горле моем осколком — отчаянный вой.
Девочка кажется очень... очень живой.

Разум не может сигнал мне послать: «Смотри!
Мертвая девочка здесь. Ей годика три».

Николай Тимохин
(г. Семипалатинск, Казахстан)

Наш постоянный автор.

НЕ СТУЧИ В МОЮ ДВЕРЬ

В дверь мою больше ты не стучи,
Она снова открыта всегда,
Для тебя одного — вот ключи.
И ко мне приходи, хоть когда!

Даже пусть уже будет рассвет,
Все равно стану ждать я в постели.
А на кухне оставленный свет,
Упадет на кровать еле-еле.

Если сможешь — приди среди ночи,
За собой лишь прикрой тихо дверь.
Я не сплю и люблю тебя очень.
Хочешь верь в это, хочешь не верь!

Я прошу: «На, возьми, вот — ключи!
Для тебя дом открыт мой всегда.
Заходи сразу, в дверь не стучи.
Не расстанемся мы — никогда!»

* * *

Волосы твои — как ночь разлуки,
Длинные и пахнут расставаньем.
Утро без тебя — сплошные муки,
Новый день вновь станет ожиданьем,

Светлых чувств и наступленья ночи,
Той, что нас с тобой всегда сближала.
И которую мы ждем так очень,
И которой нам всегда так мало.

Стала ты далекой, как звезда,
Не потрогать мне тебя рукой,
Восхищался я тобой всегда,
Никогда не думал о другой.

Новый день как разочарованье,
Утро без тебя — сплошные муки.
Вновь живу одним воспоминаньем —
Волосы твои — как ночь разлуки...

ЯБЛОКО ЛЮБВИ

В XIX веке томаты использовались не как овощ для потребления в пищу, а как декоративное растение. Обычно эту огородную культуру высаживали в горшках и возле беседок. Таким образом растения украшали дом и приусадебный участок. В переводе помидор означает «яблоко любви», поэтому девушки нередко назначали свидание со своими возлюбленными в беседках, вокруг которых растут томаты.

«Прошла любовь — завяли помидоры»,
О прошлом так в народе говорят.
Остались позади все наши ссоры
И вместе с ними твой красивый взгляд.

Любовь ушла, и все должно забыться,
А прошлое вновь не дает покоя.
Пусть годы улетели вдаль, как птицы,
Но верю, встречу счастье я простое.

Оно должно прийти как наводненье,
И захватить собою все вокруг,
Чтоб совершилось в страсти погруженье,
А расставанье не настало б вдруг.

И помню до сих пор твой нежный взгляд.
Уже давно забыты наши споры,
Но ничего нельзя вернуть назад —
Любовь прошла. Причем тут помидоры?

* * *

Девушка под проливным дождем
Шла одна, а он все лил и лил.
Намочил асфальт большим ручьем,
Кажется, весь белый свет не мил.

Люди все бегут к себе домой,
Девушка лишь только не спешит.
И не страшен дождь ей проливной,
И ее совсем промокший вид.

Я подъехал на своей машине,
Посигналил, пригласил в салон.

А она в ответ: «В любом мужчине,
Разочаровалась я. Как сон

То, что было у меня недавно,
И любовь на вкус — как сладкий мед.
Все сгорело, и прошло... Подавно
С Вами новых встреч душа не ждет».

И ушла по лужам, по дорогам.
Дождь, не прекращаясь, лил и лил
Видно натерпелась очень много,
Раз теперь ей белый свет на мил.

Я НАПИСАЛ ТЕБЕ СТИХОТВОРЕНЬЕ

Тебе с ним интересней, чем со мной.
Однажды ты об этом мне сказала.
Он умный, образованный такой,
Каких на целом свете очень мало.

Все ночи вы проводите вдвоем.
Не можете расстаться до рассвета.
И думаешь ты только лишь о нем,
А мне же не напишешь и привета.

О чем все ночи можно говорить?
Представить не могу себе никак.
Меж нами рвется тоненькая нить.
На что же я надеюсь, как дурак?

Тебе с ним интересней, чем со мной.
И это вызывает сожаленье.
Пришел домой, я словно сам не свой,
И написал тебе стихотворенье.

Вот это написал стихотворенье,
Когда домой пришел я сам не свой.
Меня терзает все-таки сомненье,
Тебе с ним интересней, чем со мной?

Наталья Сидорова
(г. Подольск Московской области)

Наталья Витальевна Сидорова родилась в г. Лиепая, Латвийская ССР. Член РОО «Союз писателей Крыма». Дипломант международных литературных конкурсов.

В ДОРОГЕ

«Вновь были вывалены на тротуар наши потрепанные чемоданы; нас ждали еще более дальние дороги. Но не беда, дорога — это жизнь»

Джек Керуак. В дороге

А однажды меня не станет.
Обыватель я? Просто гость
в этом мире большом и странном,
быть в котором мне довелось.

Где рождение — праздник, чудо,
шанс на счастье, любовь, мечты.
Отсыпаются скудно людям
крохи гибнущей красоты.

Век затравленный и короткий,
никогда за ним не успеть...
Из тончайших материй соткан
танец — отблесков круговерть.

Эту музыку сфер и раньше,
что сегодня звучит, в веках
все крутил в небесах шарманщик,
пританцовывая слегка.

И покуда мелькают будни,
словно чей-то чудной каприз,
я всего лишь усталый путник
на дороге длиною в жизнь.

ТАМ, ГДЕ ГОРЫ ПАСУТ ОБЛАКА

Там, где горы пасут облака,
там, где родина рек и дождей,
я б хотела на тех берегах
ощутить, что для жизни нужней.

И поэтому, вскинув рюкзак
на плечо, я возьму высоту
той горы, что послала мне знак,
подарив на рассвете мечту.

Может быть, этот зов — лишь обман,
только все же поверю ему;
окунусь в самый мутный туман
и скалистый утес обниму.

Зацелую в ладонях ручей.
Пусть пьянит можжевеловый дух!
Не найти подходящих речей,
упоение выразить вслух!

А когда, будто ласковый кот
в мягких лапах играя звездой,
час вечерний тихонько придет
и окутает все темнотой,

я узнаю, где сказка живет:
в теплом ветре и треске костра.
Где еще светлячков хоровод
кружит танцы свои до утра!

Там, где горы пасут облака...

МОРЕ ВО МНЕ

Волны моря со мной, сила моря во мне,
и когда нелегко — море душу спасает.
Каждый раз, погружаясь на дно, в глубине
со стихией своей остаемся мы сами.

Остаемся без всяких прикрас и одежд,
без привычных ролей, напускного апломба.
Остаемся с мечтами и сотней надежд,
далеко от обиды, отчаянья, злобы.

Нет, не стоит искать синих важных китов,
счастье в наших ладонях пусть плещется рыбкой.
Пусть не так и велик наш с тобою улов,
но дороже всего мне родная улыбка.

Память детства живет. Очень часто во сне,
как когда-то, стою над обрывом с волнами.
Ветер моря со мной, сила моря во мне.
Да, когда нелегко, это море — мы сами.

ШТОРМ

Горячий дух противоречий
бунтует, молодость кипит,
вперед направленный бушприт
таранит море, ветер крепче.

Штормит. Корабль девятый вал
штурмует дерзостью, накатом,
в тот миг в одну все точку сжато,
существенен один аврал.

А так хотелось парусов,
натянутых под синим небом,
но только взять терпенья где бы,
в компасе мечется курсор.

Но будет бриз и будет штиль,
всему свой срок, наступит время,
когда утихнет буря, дремля,
как будто сданная в утиль.

В ЭТОМ МИРЕ ЗЕРКАЛЬНОСТИ И ТЕНЕЙ

В этом мире зеркальности и теней,
потеряться легко, только как найтись?
Сколько истины спрятано в том вине,
что так сладко горчит, с этикеткой «жизнь»?

И куда ни пойдешь, только два пути,
вариантов не много, увы, дано —
сможешь выбрать: светить, или не светить,
взмыть в небесную высь, или пасть на дно...

Можешь смело отправиться в час любой,
истоптать миллион тропок и дорог;
только где бы ты ни был, есть путь домой
и к тому, что мечтою назвать ты смог.

Если сердце твое не из хрусталя,
если «пламенем Данко» его зажег —
нужно верить, что крылья даны не зря.
Птица счастья с тобой, и с тобою Бог.

КУДА УХОДЯТ ПРОЖИТЫЕ ДНИ

Куда уходят прожитые дни?
В каких краях состав воспоминаний,
застряв на запасном пути, хранит
все то, что иногда тревожит снами?

Мечты, что звали в небо за собой,
и отразились в зеркале иллюзий,
туманом проплывают над рекой,
конвоем туч из облачных аллюзий.

В каких мирах стремления фонарь
ненужным никому забытым хламом
дрейфует? И никак не может хмарь
в нем потушить огонь, зажженный в храме.

В священном месте, где нашли приют
фантазии и море ожиданий,
где до сих пор любовь и страсть живут,
не сев на поезд разочарований.

Леонид Щербина
(г. Экибастуз, Казахстан)

СТАЛО В ДОМЕ К ВЕЧЕРУ ПОСТЫЛО

Щербина Леонид Иванович родился в г. Экибастузе Казахской ССР. Образование средне-специальное. Стихи пишет с 18 лет, с большими перерывами. В 2019 году впервые публиковался на сетевом портале «Точка Зрения».

* * *

Стало в доме к вечеру постыло.
Что же ты и платье не сняла?
Печь нагрелась, ну а ты остыла,
Будто этой ночью умерла.

Лунный свет спускается на руки.
Как тебя, родная, не понять,
Жить со мной — лишения и муки.
Я умею только целовать.

Расскажи мне все, о чем молчала.
Я себя исправлю, изменю.
А потом, давай начнем сначала.
Я тебя по-прежнему люблю.

* * *

В эту скучную, серую сырость
Мне приснилось, у синей реки
Мне улыбка твоя полюбилась
И касание нежной руки.

Мы вдыхали из шарика гелий
И смешно говорили: люблю.
Но любить мы с тобой не умели —
Слишком близко стояли к огню.

Тот огонь и сердца опаляет,
И сжигает людей как кусты.
Кто любил, тот, наверное, знает
Как горят за спиною мосты.

В эту серую, скучную сырость
Мне приснилось, в объятьях тоски
Ты спросила: «Как так получилось?
Ты мне снишься у синей реки».

Видно рок нас с рождения метит,
Не дает нам покоя ни дня.
И никто мне тебя не заменит.
И никто не заменит меня.

* * *

На землю льется лунный свет,
Как льется лимонад прохладный.
Она в застенчивости жадной
Играет чувственный сонет.

Чтобы любить на много лет,
Она, наверно, что-то знает,
Она, как этот лунный свет,
Легко скользит и затихает.

И в этот отсвет лунный крик
Сольется с крайним поцелуем.
О, как легко в подобный миг
Прощать и забывать другую!

* * *

В глубине, в толще зыблемой дали,
Загораются глазки икринок.
Там красивые рыбы играли,
Нерестились на корни кувшинок.

А быть может, укромные птицы
Гнезда вьют из сверкающих веток?
Крылья легкие словно ресницы
Беззаботных, улыбчивых деток.

Мы стоим без причины и даты,
Так как будто нам только пятнадцать,
И теперь мы с тобой виноваты,
Что умеем уже целоваться.

Но сорвутся громоздкие глыбы:
«Ты по-прежнему любишь нелепицы.
Там, на небе, ни птицы, ни рыбы,
А всего лишь Большая медведица».

* * *

И снова снег апрельский, мокрый,
Свернул пирушку воробьям.

Повис балкон мой грустный, хворый,
Как подмороженный бурьян.

Ну что же, друг ты мой подножный,
Скучаешь, будто бы впервой,
И этот град, и снег творожный
Засыпал пазуху с лихвой.

Ах, сколько зим и непогоды
Встречал один и провожал,
Совсем как я, за эти годы,
Людей с вокзала, на вокзал.

Еще денек — другой и густо
Хлебнешь из солнечной бадьи,
И на перила — плечи шустро
Слетятся в гости воробьи.

Ну а пока, мой друг, покурим
И по душам поговорим.
Я тоже по своей натуре
Не научился быть один.

* * *

Меня и в детстве не жалели...
...И вот, дорос до папирос;
От колыбели до постели,
И от груди до женских слез
Я полз и не жалел колени.
Теперь пора в обратный путь —
Приткнутся в мамины колени,
К груди прижаться и соснуть.

* * *

Стылая погода. И снежок, и слякоть.
Как же мне не думать? Как же мне не плакать?

Сорок лет без года. Ни семьи, ни рыбок.
Десять банок пива, столько же ошибок.

Вдоль дороги скользкой тополей обрубки.
Где же ты, родная, примеряешь юбки?

Поздно красоваться — выходи в гамашах.
Серый воздух стынет. На дорогах каша.

Только б не споткнуться и не простудиться.
Только бы до встречи нам с тобой не спиться.

* * *

Никогда не узнаешь о том,
Что когда-то, от робости хрупкий,
Я слова отложил на потом,
А потом отложил и поступки.

Ты в тот вечер была как слеза,
Как вода, как снежинка прекрасна!
Нет, не так — ты была как гроза!
Обаятельна и неподвластна.

Мне бы только пойти за тобой,
Мне бы к тонкой руке прикоснуться,
И сказать, что под этой луной
Побоялся с тобой разминуться.

И стихи сочинять про цветы,
И смотреть с нежной верностью хаски.
Говорить, как мне нравишься ты,
Эти пальчики, плечи и глазки.

Если все-таки нам суждено
Хоть однажды еще повидаться,
Я, наверное, знаю одно —
Буду снова и снова влюбляться.

Буду верно идти за тобой,
Буду тонко к душе прикасаться,
Буду петь про цветы и любовь,
Чтоб навеки с тобой не расстаться.

* * *

Встали мы, на наших рыб похожи,
Наше счастье нам не за морями,
И на зло завистливым прохожим,
За стеклом целуемся — гурами*.

Здесь кругом стеклянные витрины,
Только мы с тобой не манекены.
Пусть тебя не трогают мужчины.
Буду целовать тебя в две смены.

Мы сюда зачем пришли, за блузкой?
Продавец — гурами, но ворчащий,
Не сказал нарочно — выход узкий,
Чтобы люди целовались чаще.

---

* Гурами целующийся и Гурами ворчащий — рыбки, популярные среди аквариумистов.

* * *

Часто, по ночам, тоска крепленая
Ходит по нужде в оконца глаз.
В аромат поэзии влюбленная,
Носит за спиной противогаз.

И всю ночь с ворчащими гурами,
Как чабан с отарой на лугу,
Говорит красивыми стихами.
Жалко я запомнить не могу.

Говорит: в три сердца каракатице
Тесно по любимым тосковать.
И о том, что ей совсем не нравится
Застилать холодную кровать.

До зари скрипят на циферблате
Сапоги муштрованных секунд,
Чтоб ее, в смирительном халате,
Уложить под эрогенный кнут.

* * *

Копытом высекает звезды
И машет гривой рыжий конь.
Седок, хмельной и не серьезный,
Колышет длинным свистом сонь.

Запойный, радужный и чуткий,
Он правит месяц без узды,
И сыпет песенки и шутки,
И манит выйти из избы.

Но если выйдешь — очарует
И изомнет, как целину,
А следом бросит, как вторую
И не последнюю жену.

Евгений Трещев
(г. Щекино Тульской области)

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

О. В. Карловой

Мороза не было совсем,
Чуть-чуть под двадцать пять.
И вдруг в бездонной черноте
Стал небосвод сверкать.

Вот полосы на нем пошли
От края и до края.
Тянулись в линию огни
И шли, волной играя.

Картину чудной красоты
Природа создавала.
Цветами яркими она
Весь север расписала.

По небу всполохи бегут,
Виденье оживляя.
Как в сказке радуга зажглась,
Цвета перебирая.

Стихия ярилась в ночи,
Гимн солнцу воздавая.
На грани тундры и тайги
Нас волшебством пленяя.

А мы стояли на плацу,
Глаза не отводя.
А в памяти картина та
Осталась навсегда.

МОРОШКА

В тайге, случится если быть,
Под ноги посмотри.
Увидишь ты, среди травы
Краснеют огоньки.

То там, то здесь они блеснут
И просятся в лукошко.
Раздвинешь низкую траву —
Гляди, растет морошка.

В объятьях вечной мерзлоты
И севера дыхания
Она взошла на льду,
Росла, достигла созревания.

Со стебелька ее сорви
И потихоньку раскуси.
Запомни сока кислоту,
А с ним осеннюю тайгу.

Владимир Сапожников
(г. Тула)

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

ПЕРВАЯ НОЧЬ

Я помню — встретились в ночи,
Случайно набрели так поздно...
И слились вместе — хоть кричи!
— Так стало сказочно и звездно...

И словно растворилась мгла,
И свет луны пронизал души...
Казалось, ты перетекла
В меня — и заложило уши...

И губы таяли от чувств...
Мы унеслись во тьму Вселенной...
Ковчег то полон был, то пуст,
Путь долгий пролетел мгновенно...

К утру устали, опьянев
От колких запахов соломы...
Я взрослым стал или...созрел
От ночи той неугомонной...

* * *

Моя малая родина...
И пока что живой,
По ухабам по уличным
Проезжаю тобой...

Здесь, где солнышко ясное
Зажигало зарю,
Ранним утром ненастным
У реки постою.

Где-то плещутся рыбки
У осоки в вирах...
Гладь речная так зыбка,
Словно память и страх...

Мне привиделось детство
В переливах листвы...
Где мое малолетство?
Земляки! Где же вы?!

Никого не осталось...
Спит холмистый погост...
У могилы отцовской
Промолчу тихий тост...

Русь уходит куда-то,
Растворяясь в земле...
Без вины виноватый...
Но так тягостно мне!..

* * *

В голове свистопляска,
На душе — дребедень...
Жизнь — как грустная сказка,
Где мы — прошлого тень...

Не обнимешь любимую,
Не прочтешь ей стихи...
Что приснилось — то сгинуло,
И остались — лишь мы —

Поседевшие, лживые,
Потерявшие честь,
Перед хамами льстивые,
Да какие уж есть!

Где теперь бесшабашные,
Озорные юнцы!?
Те, что были отважные,
И за правду бойцы?!

Извертелись, изгадились,
Превратились в дерьмо...
А как девушкам нравились!..
Это было давно...

* * *

Кто я? Русский. Во мне нет другого.
Как комочек неброской земли,
Что меня родила вот такого,
И сказала — смотри, не солги!
Как солжешь землякам неречистым?!
Обмануть их — как плюнуть в родник.
Под их взглядом — открытым и чистым —
Сохнет в горле, немеет язык.
За неправду не станут ругаться.
Что им попусту тратить слова! —
Усмехнутся с понятьем, с прохладцей;
Мол, слыхали — молва не нова!
И пойдут не спеша на работу,
Закурив «Беломор» на ходу...
Им взрастить бы хлеба — вот забота,

А вранье — как окурок во рту!
Я у них научился такому,
Лишь своим доверяю глазам.
А лжецу — не промолвлю и слова,
Но руки никогда не подам!

* * *

Хлынуло бабье лето
Сполохом жухлой травы,
Очарованьем света,
Шелестом желтой листвы,
Этой твоей улыбкой
С пеплом костра в глазах,
Радостью и печалью
В ласковых тех словах,
Что прозвучали тихо,
С нежных скользнули губ...
Над золотой березкой
Грустно склонился дуб...

ВЕТЕР

Долго тянется ночь бесконечная эта,
Ветер в окна стучит, бесшабашный и злой.
Может, грезятся сны промелькнувшего лета,
Может быть, просто ветер не любит покой.
Просто ветер живет. Может, ветру не спится,
Не уляжется он на перине ночной.
А, быть может, луна — хороша, бледнолица,
Вдруг узнала о жизни его холостой.
Но она далеко, в небе темном плутает,
И ее не обнять даже ветру рукой...
По себе, может, ветер поминки справляет,
И поэтому нынче он пьяный такой.
И шатается он меж домами без толку,
Но не треснет стекло этих окон слепых,
Что-то шепчет себе все под нос без умолку
И ругает судьбу, что не поняла их.
Ночь всю будет бродить, и к утру лишь устанет,
Обессилев совсем, где-нибудь прикорнет...
Ну, а завтра он снова куражиться станет,
Хриплым голосом грустную песню споет...
Что-то ветер притих, зацепился за что-то,
Как упал на колени перед бледной луной,
Может, ветер погиб в сумасшедшем полете,
Не сумев совладать с безудержной тоской?
Горько плачет луна, звезды в небе застыли,
Словно слезы из глаз, что пролила она...
Этой ночью на улице ветер убили,
А поэтому мне вот сейчас не до сна.

Анна Стоцкая
(г. Волгоград)

КАК ВОЛШЕБСТВО ПРИДЕТ ВЕСНА...

Анна Владимировна Стоцкая родилась в городе Мариуполе. Окончила Мариупольский гуманитарный институт ДонГУ. Автор трех сборников стихов.

* * *

Я еще не нагляделась
На листвы оранжевый пожар,
Но не ждала́ зима, и обеднели
Деревья, сбросив золотые купола.

С мороза бледные муаровые розы
Я поставила в прихожей у окна,
И пахнет в доме грустью, чуть похожей
На грусть, которой осень так полна.

Я еще не нагляделась
На листвы оранжевый пожар,
Но золотою птицей осень улетела
В неведомые земли дальних стран.

Заснеженные белые поля
Легли вокруг не на одну версту.
И восковой свечи́ трепещущее пламя
Неверным светом озаряет темноту.

* * *

И нерушим покой берез светловолосых
И хат с заснеженною белой головой,
И яблонь в ледяном плену стоящих босых,
Окутанных святою зимней тишиной.

И чуть качнутся ветви ив плакучих,
Украшенных морозной бахромой,
И спящим царством черный лес дремучий
Мне кажется перед волшебным Рождеством.

И снег искрится драгоценным мехом,
Небрежно чьей-то брошенный рукой
На плечи голые тополей раздетых,
Продрогших бесконечно долгою зимой.

В сон погруженная земля под ясным светом
Звезды, взошедшей в темных небесах,—

Во всей Вселенной одинокая планета
С обыкновенными своими чудесами.

* * *

Мороз крепчает, и солнце, кажется, сверкает ярче,
Чем миллионы городских искусственных огней,
И, как они, так хла́дно и слепя́ще
И не согреет никого в студеный зимний день.

Завидной белизны ковры устлали землю
На версты долгие, насколько хватит глаз,
Но не теплы они и праздничной красой своею
Пленят, но не спасают в непогожий час.

Глубокие снега и инеем посеребренные березы,
И озера лесного хрустально-ледяная гладь,
И ив плакучих чистые брильянтовые слезы,
Как дивный сон, способны лишь на миг очаровать.

* * *

Передо мною бабье лето
И жар осенний листопада.
Она не слышно рядом где-то
И в спину дышит мне прохладно.

Зима. И зимние метели
Смеются леденящим смехом,
И все в объятьях их заледенеет
И схоронится под глубоким снегом.

Нет. Прошу тебя, отвороти
От дома моего дыхание зимы.
Я знаю, солнечные дни
Воскреснут среди рыжей кутерьмы:

В осенний полдень славно-тихий,
Где ветер ходит по дорожкам сада,
И ворошит опавшие листы сухие
И воспоминанья, облетевшие когда-то…

Передо мною бабье лето
И жар последний листопада.

* * *

И тонкие, и нежные узоры зимних листьев,
Резной морозной обрамленные каймой,
Украсили такой заброшенный ветвистый
Заиндевевший сад любимый мой.

Перины снежные тепло укрыли землю,
И будет спать она до будущей весны.
Бела дорога, что уходит в бездну
Безжалостной холодной зимней тьмы.

ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Виктор Кустов
(г. Ставрополь)

СРЕДА ОБИТАНИЯ

Виктор Николаевич Кустов. 09.06.1951 г. Смоленская обл. Окончил Иркутский политехнический институт, горный инженер. Работал в газетах. Член СП РФ с 2002 г. Участник Всесоюзного совещания молодых писателей СССР в 1984 г. Автор 12 книг прозы, 4 книг публицистики, 2 книг пьес. Лауреат премии им. А. Губина (Повествование «Провинциалы» в пяти книгах). Победитель международного конкурса «Литературный Олимп» в номинации «Драматургия» (пьеса «Время шутов»). Главный редактор литературного журнала «Южная звезда».

ИЗМАТЫВАЮЩИЙ БЕГ

Общество, в котором выпало жить нам, отличается от тех, что были прежде. «Нельзя дважды войти в одну и ту же реку...» Этот закон приложим и к общественному развитию.

При кажущейся похожести ничто не повторяется в этом мире, хотя все подчиняется единым законам, и тем более личность. Сочетание же личностей во времени и пространстве никогда не бывает одинаковым. Даже на протяжении столь короткой и одновременно достаточной для понимания бытия человеческой жизни состояние общества (суммарная составляющая индивидуумов) меняется. Эти изменения бывают медленными или быстрыми. Незначительными или весьма существенными. И из тех, которые характеризуются известной формулой: «Не дай вам Бог жить во время перемен...» Но так или иначе, каждому поколению выпадает решать свою задачу, которая определена свыше.

Общество управляется государством.

Искони государство являлось инструментом подчинения большинства меньшинству*.

---

* Тамара Васильевна Науменко, преподаватель Московского государственного университета, в книге «Социология массовой коммуникации», изданной в 2005 году, отмечает: «Правовые (и шире — политические) нормы — суть не что иное, как социально навязанные и социально закрепленные оценки, зафиксированные победившим и, следовательно, господствующим в конкретном социальном организме субъектом». И «...главной особенностью власти является право на насилие, которое отторжено от всех индивидов и

Монархия ли, княжеский удел, деспотия, демократия или что-либо иное, апробированное в веках, все государственные построения всегда отвечали прежде всего этой задаче. И, пожалуй, только в обществе потребления и большинство, и меньшинство в какой-то мере уравнялись в правах, а точнее — в отсутствии оных, вынужденные служить единому непрерывному процессу: производство — потребление — производство...

Бессмысленность подобного «беличьего колеса» жизненного уклада очевидна, но этот изматывающий бег общество остановить не хочет. Точнее, не желает иного развития опять же владеющее властью (ресурсами) меньшинство, которое находит смысл жизни в увеличении так называемых благ... Там, где правят бал деньги, стратегическая целесообразность человеческих деяний отсутствует. Парадоксально, но в подобной ситуации даже пресловутый прагматизм бессилен.

Кажется, никому не надо доказывать, что нынешняя промышленность загрязняет окружающую среду. Что энергию можно получать не столько, опять же, при экологически небезвредном сжигании нефтепродуктов, сколько используя то, что гармонично существует в природе. Что произведенных средств массового уничтожения себе подобных на планете такое количество, которого вполне хватит на самоубийство всего человечества... Но нефтяные ли, автомобильные, оружейные или иного рода магнаты (или корпоративные сообщества) продолжают потреблять природные богатства, разрушать, отравлять, убивать, хотя сами живут в этом мире, дышат этим воздухом, и капитал не защитит их от общей природной катастрофы.

Мы наблюдаем совершенно непрагматичный подход к функционированию общества в целом при декларируемом прагматизме жизни индивидуума.

Это не что иное, как шизофреническое раздвоение общественного самосознания.

Общество без идеала, без цели и нравственно-эстетического стержня является изначально неустойчивым, нестабильным и недолгим во времени. Общество, в котором роль цели, стержня и идеала выполняет гонка за обладанием большим количеством тленных вещей, по сути не может быть созидательным. Ибо суть человеческого созидания — бессмертие и бесконечность, суть вещей — конечность и тлен. При декларируемой свободе реально сохранить индивидуальность в таком обществе очень непросто. Не поддаться агрессивному множеству искушений еще труднее.

МОГУЩЕСТВЕННАЯ ТРИАДА

Общество потребления — это наиболее емкое определение — в какой-то мере можно обозвать классовым. Правда не столько по отношению различных его слоев к средствам производства, хотя и это присутствует, сколько по отношению к потреблению.

Человек в течение всей жизни решает множество вариантов одной и той же задачи, проходя неисчислимое количество отрезков от желания через удовольствие к удовлетворению*.

групп общества и принадлежит только государству. Именно поэтому власть в строгом смысле слова есть прерогатива государства, которое обладает монополией на применение насилия, и эта монополия возведена в закон»

* Лестер Франк Уорд, один из создателей американской социологической науки, основоположник психологического направления в социологии в своем главном труде «Психические факторы цивилизации», изданном в 1893 году, определяет желание как всякую наклонность действовать согласно с интенсивными репрезентативными ощущениями всякого рода и связывает его со страданием, от которых человек бежит. («Желание, в сущности, есть вид страдания».) Неизбежные потребности тела он группирует под названием «нужд». Далее ставит по степени важности половое влечение. Одухотворенное и возвышенное благодаря разуму и культуре желание он определяет словом «любовь» и на этом классификацию заканчивает. Все явления, по его мнению, представляют только один великий факт всеобщей борьбы ради удовлетворения желания. Желание, по его мнению, это «...всепроникающий, весь мир оживляющий принцип, всемирная сила и пульс природы, главная пружина всех наших поступков и жизненная сила мира. Это — органическая сила». Любопытна и его формула пессимизма как отрицания существования удовольствия.

Желание (как понимаю его я) — это фокусирование духовной или психической энергии на реализации осознанного или неосознанного достижения удовольствия.

Удовольствие — энергетическая разрядка (реакция) в процессе реализации желания.

Удовлетворение — энергетическое и психологическое состояние гармонии с окружающим миром.

Довольно четко определяются два основных вида удовольствий (неизбежного мостика к удовлетворению). Это удовольствия тела и удовольствия духа.

В плотские удовольствия (материальные) входят: физическое удовольствие, порожденное непосредственно воздействием на тело (холод, тепло, напряжение, расслабление, боль); физиологическое (естественные отправления, пища, сон, секс); эмоциональное (любовь, ненависть, радость, горе); психическое (наркотики, слава, власть).

Практически в этих границах реализуются желания большей части человечества.

Далее следует интеллектуальное удовольствие. К нему я отношу бизнес (любое дело, требующее мысли), искусство (все его направления), философию и религию.

И, наконец, есть еще один вид удовольствия — непознанное удовольствие. Сюда можно отнести то, что сегодня приносит удовлетворение совсем малому количеству людей, например, всяческие паранормальные явления.

Естественно, самый полный набор желаний у тех, кто дошел до непознанных удовольствий. Чуть менее он у тех, кто зависит от интеллектуальной составляющей. И, как я уже отмечал, подавляющему большинству для существования в этом мире достаточно реализовываться в материальных удовольствиях на разных его ступенях, с разными «потребительскими корзинами».

Общество потребления, в котором мы в настоящее время живем, буквально пропитано жаждой реализации желаний. Так как большинству вполне достаточно материальных удовольствий, практически все вокруг сориентировано на производство прежде всего именно их. Деньги возведены в ранг эквивалента удовлетворения.

Получается парадоксальная ситуация: государство, которое является инструментом для сохранения власти меньшинства, вынуждено делать все, чтобы потакать желаниям большинства.

ПИРАМИДА ПОТРЕБЛЕНИЯ

Исходя из могущества триады: желание — удовольствие — удовлетворение, на общество можно взглянуть как на пирамиду.

В ее основании находится самый многочисленный слой индивидуумов, знающих всего три типа материальных удовольствий: физическое, физиологическое и эмоциональное. Желания этого слоя вполне удовлетворяют три материальных образа: наличие собственного жилья (защищающего от неблагоприятного воздействия на физическое тело), достаточного количества пищи и необходимых предметов и партнера для реализации сексуальных желаний.

Следующий слой, уже менее значительный, помимо вышеназванных желаний имеет еще одно, которое я называю «отстраненность». Наиболее известная иллюстрация этого желания — увлечение алкоголем или наркотиками. Или же самовыражение в творчестве без претензий на социальную значимость производимого. Тем самым представители этого слоя реализуют свои социально не осуществимые желания.

Еще выше и еще тоньше слой, в котором преобладающим является желание известности, славы.

Над ним находится слой, где превалирует желание власти. Людей, жаждущих властвовать, распоряжаться жизнями других все же меньше, чем тщеславных.

Над этими слоями размещаются совсем уже незначительные прослойки творцов. Это те, кто придумывает новое, открывает законы, познает неведомое и внедряет придуманное. Те, кто раздвигает горизонты бытия в бизнесе, науке, искусстве, философии и религии.

Такова пирамида желаний.

А желания индивидуумов суммируются и выстраивают пирамиду потребительского спроса.

Самый низший ее слой, где наличествуют всего три вида удовольствий — это слой «пассивных потребителей». Представители этого слоя менее всего подвержены влиянию средств массовых коммуникаций. С другой стороны, появление и развитие телевидения позволило воздействовать и на часть этого слоя. На сегодняшний день именно телевидение влияет на эту среду — это его самая массовая аудитория, и, естественно, именно под него подстраивает уровень телепередач, так чтобы тот был доступен и интересен именно этому слою.

Далее следует слой «собственно потребителей», являющийся сердцевиной общества потребления. Он не характеризуется достаточной активностью, но более устойчив в спектре своих желаний и стабилен в методах их удовлетворения.

Слой «активных потребителей», расположенный выше, хорош тем, что первым реагирует на всяческие новшества и падок на любые формы рекламы. Но зато здесь проявляется неустойчивость, переменчивость вкусов, подверженность влиянию манипуляций.

Самым верхним и малочисленным (перед творцами) является слой «потребителей-интеллектуалов», представители которого в свою очередь выполняют функцию своеобразных экспертов, и одновременно, потребителей изысканных предметов производства общества потребления, будь то высокая мода или новое авто, поп-артистические салоны или гомосексуальные отношения... Они, как правило, сами занимают активную позицию в обществе, зачастую являясь организаторами производства реалий потребления.

Уравновешенно-устойчивой такая пирамида может быть только при определенных пропорциях. Преобладание творцов ведет к перепроизводству того, что потребляется. Преобладание потребителей — к дефициту. К чему ведет преобладание «пассивного потребителя», можно увидеть в обойденных цивилизацией уголках.

ИНДУСТРИАЛЬНАЯ РЕЗЕРВАЦИЯ

Равенство между спросом и предложением (потенциалом творцов и потребностью потребителей) достигается двумя путями.

Первый заключается в урезании желаний, по одежке и ножки...

Второй — в направлении желаний в индустриальную резервацию, суть которого сводится также к урезанию, ограничению желаний, в рамках производимого, но в добровольно-принудительной форме.

Связь между творцом и потребителем в резервации — двусторонняя. Творец старается угодить потребителю, или же заставить его потреблять то, что произведено. Потребитель, в свою очередь, может навязать свои желания или потреблять предложенное.

Менее всего потребительская масса (массовое, преобладающее сознание) давит на религию, философию, фундаментальные науки. Давление на искусство носит неявный характер, творец все же вправе выбрать, если он действительно творец: творить конъюктуру ради заработка либо выразить себя, реализовать свой дар, не всегда принимаемый и понимаемый публикой.

Откровенное угодничество перед потребителем присуще бизнесу.

Бизнес — одновременно и буфер, и проводник между слоями. Он улавливает запросы и откликается на них, или формирует эти запросы под свои возможности. Именно бизнес расставляет ограждения индустриальной резервации, опять же, исходя, прежде всего, из возможностей производства. Когда мировая экономика пронизана гигантскими транснациональными структурами, перестроить которые практиче-

ски невозможно, а любые изменения затрагивают интересы множества людей, бизнес прилагает огромные усилия и вкладывает столь же огромные средства, чтобы не предугадывать желания, а направлять их в нужное ему русло.

Таким образом, вместо удовлетворения естественных, действительно присущих человеку желаний, его приучают реагировать на суррогат, обманки. Это похоже на то, как мы порой вместо настоящей кости даем нашему псу пластиковую. Слюна действительно в этом случае выделяется, но вот пес-то не ощущает ни вкуса, ни запаха и в конечном итоге удовлетворения не получает...*

Нас интенсивно и беспощадно принуждают покупать то, что нам и не нужно, но или престижно, или современно, или модно... Заставляют, не физически, конечно, а агрессивно убеждая через коммуникационные сети, манипулируя сознанием, вести себя так, как это принято, даже когда мы этого не только не желаем, но протестно не хотим, или когда этого не желаем, но в силу рамок приличия (резервации!) мы должны преодолевать себя, подавляя свои истинные желания...

В конечном итоге рано или поздно подобное существование приводит к ощущению безвкусия жизни. Мы разочаровываемся. Нас охватывает депрессия. Мужчины становятся импотентами (нельзя постоянно пускать слюну на пластиковую кость), женщины — феминистками. Таким образом, ставится под сомнение самое устойчивое и бесспорное желание, естественный инстинкт...

Разучившись отличать истинные желания, приводящие к удовлетворению, от ложных, ведущих исключительно к разочарованию и угнетению (и к страданию, здесь я соглашусь с Уордом), человек начинает поступать неадекватно.

Кто-то бунтует против общества и убивает себе подобных.

Кто-то прячется в мире иллюзий.

Кто-то уходит из жизни.

Чем мощнее идеологический прессинг такого общества в формировании ложных желаний, тем больше разочарований, преступлений и суицида.

ЕДИНСТВО И БОРЬБА

Но мы не должны забывать о единстве и борьбе противоположностей. О том, что общество, в котором мы сегодня живем, не однородно. Не все его индивидуумы не имеют иммунитета против вируса подражательства и поклонения. Не все поддаются внушению. Те же самые производители эрзаца и обманок первыми разочаровываются в своих созданиях, первыми начинают раскачивать сложившийся порядок. Накопленное до критического предела негативное отношение к существующему укладу, взаимоотношениям, системе начинает диктовать потребность изменения ориентиров развития.

И тогда общество интуитивно нащупывает точку опоры, способную если не перевернуть (это не всегда необходимо), то изменить ситуацию.

В такие периоды начинается интенсивный поиск именно в духовной, идеологической сфере. Иными словами, в рамках конкретного сообщества это можно определить как поиск национальной идеи. Но, к сожалению, вирус-монстр общества потребления, поразивший весь цивилизованный мир, слишком силен, и его сторонники, не жалея средств, прилагают титанические усилия, чтобы сохранить устраивающий их миропорядок. И в этой ситуации вполне объяснимо и закономерно обращение общественной мысли к традиционным религиям, как к устойчивым и многовековым постулатам.

---

* Истоки подобного подхода — в конце девятнадцатого — начале двадцатого века, когда возникла концепция так называемого научного управления, основоположником которой был Ф. Тейлор, опубликовавший в 1911 году книгу «Принципы научного управления», в которой работник рассматривался как элемент технико-экономической системы. Согласно этой концепции единственным движущим стимулом для человека являются его утилитарные потребности.

Но светское государство не может стать в одночасье религиозным.

Тем более государство со множеством конфессий, да к тому же с традициями воинствующего атеизма. Оно начинает искать иные точки опоры, будь то светское осмысление бессмертия человеческой души через научные достижения или тайные надежды на контакт с братьями по разуму...

Но человек предполагает, а Бог располагает...

Существуют объективные законы Вселенской жизни, которым подчиняется и существование общества, и жизнь отдельного человека, Божьи законы, которые нам до конца, видимо, не дано познать.

«Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам» (Евангелие от Матфея).

«И приступив, ученики сказали Ему: для чего притчами говоришь им? Он сказал им в ответ: для того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано, ибо кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет, потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют...» (Евангелие от Матфея).

И тем не менее приблизиться к Истине человеку позволительно.

Вполне возможно, что таким приближением может стать понятие цикличности.

ЦИКЛИЧНОСТЬ

В конце двадцатого века в мировой науке начало набирать силу движение сторонников циклического развития. Одним из его энтузиастов стал кандидат химических наук, доктор философских наук, академик Юрий Николаевич Соколов, который отчасти был и теоретиком этого учения.

Если коротко, суть учения о циклах состоит в том, что все процессы в природе, обществе, неорганической и органической жизни можно объяснять и прогнозировать исходя из законов цикличности. Иными словами, добро и зло, ночь и день, прилив и отлив, зима и лето и прочее многообразие подобных противоположностей, сменяя друг друга, и составляют многообразие жизни.

Циклично функционирование земной коры. Циклична смена погоды. Циклично наше настроение. Циклично физическое состояние (у женщин это очевидно). Циклично развитие общества, и оно в свою очередь зависит от цикличной активности Солнца.

Одним словом, этот закон универсален, и ему подчиняется все сущее.

Я попробовал подойти к истории человечества с этой точки зрения. И вот что получилось.

Самыми древними источниками понимания мироздания являются религиозные первоисточники, доказавшие свою жизненность, а значит, и истинность или приближение к истине. Появление этих источников, как и основателей новых религий, разделяет интервал примерно в шестьсот лет.

В двенадцатом веке до нашей эры жил Моисей. В шестом веке до нашей эры явился Будда. Иисус положил начало нашей эры. В шестом веке уже нашей эры родился и жил пророк Мухаммед. Двенадцатый век не дал откровенного пророка, но был отмечен крестовыми походами, то есть противостоянием религий. Девятнадцатый век ознаменовался бурным явлением атеизма...

Это касается в целом человечества.

Исходя из циклического развития общества, вычленив присущий ему временной интервал, можно взглянуть и на историю России.

К великому огорчению, историки времен минувших оставили не очень много подлинных документов канувшего в Лету, и, к сожалению, старались систематизировать происходившие события в угоду властям предержащим. Это вполне объяснимо:

именно олицетворенная власть и являлась заказчиком летописей. Но даже, казалось бы, совершенно вольное устное народное творчество не могло избежать цензуры слушателей, поэтому повествование о минувших временах либо приобретало сказовую основу, либо выбирало темы и отбирало факты, приятные для власти. Летописцы, как правило, исходили прежде всего из хронологии событий, касающихся правящего меньшинства. Оттого история многовековых государств, не исключая российского, представляется сплошной чередой длинных и коротких, освободительных и захватнических войн, а также подлостью дворцовых интриг, переворотов, и редко лишь отмечает истинные, действительно значимые изменения в общественной жизни.

А если подойти к истории с иной точки зрения? Например, охарактеризовать времена и нравы, исходя из моральных заповедей того же христианства?..

И если рассмотреть историю исходя из этих критериев, то близкими к Божьему промыслу годами можно считать времена, в которых общество жило без катаклизмов и потрясений, и пронизано было боголюбивыми и человеколюбивыми идеями и отношениями. Тогда история человечества будет выглядеть совершенно иначе, светлыми и главными годами в ней станут те, когда не полководцы, а созидатели Божьего промысла были вдохновителями и главными героями.

История России имеет циклический интервал примерно в семьдесят четыре года. В высшей точке положительного полуцикла общество наиболее близко к исполнению Божьего промысла (или к постижению истины), в низшей — наиболее удалено. Периоды перехода линии равновесия созидательных и разрушительных сил, как правило, являются самыми бурными, и характеризуются переворотами, революциями, переделами материальных благ, столкновением взглядов, изменениями общественных идей и государственного устройства. Это и есть время перемен, в которое древние китайские мудрецы не рекомендуют жить. Не рекомендуют, может быть, потому, что именно в такие периоды каждому человеку приходится принимать важные, судьбоносные решения. Именно в это время и выявляются фигуры лидеров, вождей. И именно в это время, когда две противоборствующие стороны, по-разному видящие будущее, застывают в равновесии, проявляется смута и поляризация общества.

В высшей точке положительного полуцикла общество наиболее близко к исполнению Божьих заповедей. К примеру, в России она была в 1880 году, тогда закончилось правление Александра 11, много сделавшего для усиления России, и будет в 2028 году. В низшей, естественно, наиболее удалено. Низшая точка была в СССР в 1954 году — смена лидера. Периоды перехода (пересечения линии равновесия сил), как правило, являются самыми бурными и характеризуются переворотами, революциями, переделами, изменениями общественного устройства. В это время выявляются фигуры лидеров, вождей. И они выпали на 1917 и 1991 годы.

Верхние и нижние точки цикла — это, естественно, не краткие мгновения во времени. Кульминация того или иного состояния, как и переходный период равенства сил, может растянуться на довольно длительный срок.

ВОЛНА ЖИЗНИ

...У каждого живущего также есть своя циклическая волна жизни. При совпадении векторов личного цикла и цикла общественного развития человек чувствует себя комфортно.

Он становится активным проводником общественных деяний и является частичкой движущей силы. В ином случае ощущает себя изгоем, бунтарем, инакомыслящим, если на это хватит силы и мужества. В противном случае просто выпадает из активной жизнедеятельности общества.

Но и тогда он — составляющая инертной массы, сопротивляющейся движению.

Любопытно ведет себя время или его ощущение человеком в разные периоды.

В период равенства сил оно словно готовится к отсчету грядущих внешних событий и на короткий срок замирает. Ощущается напряжение как перед грозой. Психологически и человек, и общество в целом воспринимают эту ситуацию как неизбежно переходящую в грозовую и томительно ожидают этой разрядки, мысленно торопя ее.

Затем оно стремительно ускоряет свой ход, но перед самой верхней или низшей (пиковой) точкой возникает психологическое ощущение медлительности, хотя именно в этот период человек проживает значительно больше внутренних событий, душевных движений. В пиковой точке оно опять несколько ускоряет свой ход, так как здесь происходит изменение векторов движения, набирает силу то, что было инертной массой, и когда человек начинает эти события осмысливать, для него ток времени вновь замедляется.

На мой взгляд, время — понятие субъективное и связано прежде всего с нашим внутренним миром. Чем больше мы живем заветами Духа, тем дольше проживаем.

Интересным и полезным для прогнозирования будущего является и то наблюдение, что вызревание идеи, противоположной доминирующей, начинается сразу же после того, как общество достигает той или иной пиковой точки. Но новая идея не приходит извне. Общество еще только начинает очередное переустройство, определив в период равенства сил, какая из идей станет движущей, а в его недрах хоть и очевидно уменьшается, но остается достаточное число противников только-только народившихся изменений. И это отрицание идет не от понимания новых идей и несогласия с ними, а по все тому же закону единства и борьбы противоположностей.

Часть общества, отрицающую принятое большинством направление движения, я называю инертной массой.

Инертная масса верхней пиковой точки в нижней пиковой точке становится новой движущей силой. Но одновременно бывшая некогда на другой стороне цикла движущая сила, превратившаяся на этой стороне в мизерную инертную массу, именно отсюда начинает снова набирать сторонников.

Таким образом, в тот период, когда движущая сила кажется самой неуязвимой, самой довлеющей, устойчивой, и она действительно считает себя таковой, а точнее, в этом убеждены ее представители в государственной машине, которые теперь составляют единомыслящую массу, без отвлекающих от дел оппонентов и инакомыслящих, именно в это время за пределами самоизолировавшейся части тех, кто властвует, управляет обществом, в мыслях, в идеях растет и выпестовывается, конструируется то, что придет им на смену.

Это похоже на вынашивание плода в материнском чреве.

В основе новых идей, как правило, не бывает ничего нового. В них лежит то, что уже было...

На противоположном пике... Только столь слабеньким, столь незаметным, что разглядеть это могло мизерное количество членов общества.

Похожие внешне друг на друга люди разнятся в великом множестве внутренних мелочей. Так и общества. Вот поэтому человечество обыгрывает (реализует) одни и те же идеи (той же тирании или демократии), только по-своему, в иных, соответствующих каждому веку одеждах и названиях.

Ничего не поделаешь, единство и борьба противоположностей. Света и тьмы. Добра и зла.

ЧУВСТВАМИ ИЛИ ГЛАЗАМИ

Недостаточно составить свое представление об обществе. Надо еще понять и себя, чтобы успешно в нем функционировать.

Наши чувства, так же, как и физическое тело, совершенствуются трудом, тренировками. И их при желании и настойчивости или просто постоянной нагрузкой (так

же, как бицепсы или трицепсы) можно «накачать». Либо несколько одновременно, либо одно.

В зависимости от образа жизни, профессиональной занятости мы «накачиваем» те или иные чувства. Трудно оспорить утверждение, что профессионализм — это всего-навсего результат регулярных занятий одним и тем же.

Это если говорить о человеке.

Но и поколению могут выпасть такие условия, при которых «накачивается» какое-либо одно или определенное количество чувств. Подобная «специализация» сужает спектр восприятия окружающего нас мира.

Дети, родившиеся в СССР сразу после Второй мировой войны, были одарены родителями тем, чем в свое время были обделены сами. Поколение родившихся в пятидесятые было, с одной стороны, воспитано с довольно высокой степенью свободы и самостоятельности (пережившие войну родители восстанавливали страну), с другой — избаловано прощением многих, порой далеко не детских шалостей. Сказывались нравственные и моральные допуски военного времени. Преимущественно выросшее на улице, недобравшее родительского внимания, и в какой-то мере опеки, это поколение в избытке имело независимость. Главными играми их детства помимо военных баталий, уличных драк были любовные увлечения. В детях этого поколения с согласия взрослых реализовывалось то, что не прожили их родители, потратившие либо юность, либо отрочество на противостояние военному лихолетью.

Симпатии и антипатии к противоположному полу начинали проявляться с начальных классов. И после долгих лет ненависти, противостояния, смертей и потерь «накачивалась мышца любви». Стимулировалась любовь к окружающему, «малой родине» (родному селу, городу, речке); к огромной, на радость и гордость, родной стране; к будущей или настоящей профессии; наконец, к декларируемым идеям свободы, равенства, братства во всем мире, а попутно любви к партии, правительству и всему социальному устройству общества. Но главное содержание существования, это и не нужно было особо поощрять, просто — не ограничивать, заключалось в любви к противоположному полу.

Поощряемое обществом, это, бесспорно, прекрасное чувство повлияло на поколения пятидесятых, шестидесятых годов, раздвинув временные рамки беззаботной поры жизни, и в какой-то мере придав им инфантильности. Эти поколения выросли гораздо более чувственными, восприимчивыми к духовной жизни и к нравственным критериям, чем родители. Они тосковали по рыцарским временам и отношениям, поэтому привнесли возвышенность в отношения между мужчиной и женщиной, придав этим отношениям романтический или драматический окрас.

Любовь, как ключевое слово этих поколений, способствовала появлению неоромантических героев в кинематографе, самом массовом виде искусства, а значит, наиболее приближенном к потребительской культуре, в литературе — духовной пище широкой образованной прослойки общества, в драматургии, музыке...

Развивалось то, что отвечало чувственному восприятию жизни. Взаимоотношения с природой, с себе подобными, с противоположным полом — вот что было достойно являться смыслом жизни, в противовес неискренней, и оттого постепенно отторгаемой, официально декларируемой вере в некое идеальное сообщество в близком, но все отдаляющемся, стремительно переходящем в разряд утопий, коммунистическом будущем.

Советское общество, созданное этими поколениями, в большинстве своем желало чувственной любви и изыскивало различные пути для удовлетворения этого желания.

Вот почему культура, созданная в Советском Союзе в шестидесятые — семидесятые годы, столь чувственна во всех ее проявлениях.

Поколения последующие, хотя и воспитывались чувственными людьми, с явной иронией относились к столь всеобъемлющей любви, к открытому отношению к ок-

ружающему миру по причине противостояния прессингу государственно-бюрократической машины, ограничившей свободу и независимость, непробиваемой идеологии безгрешности коммунистической партии и правительства и абсурдности будущего счастливого общества. В них уже проявилось скептическое отношение к жизни, обществу и, естественно, к своим родителям, к их ценностям. И эгоистические потребности, как пассивный протест против все растущей назидательности и несвободе.

Инакомыслящих, способных к публичным выступлениям или поступкам, было не столь много, но ходить в тайных скептиках (хорошо, если не циниках) было модно. Чувственное восприятие жизни все более уступало прагматичному. И это отразилось в искусстве. В художественных произведениях, прежде всего в литературе, появились герои, выражающие тайные и явные желания нового поколения. Романтики еще хотелось, но уже незначительному числу, да и романтикам было очевидно, что «принцы» и «золушки» — это из нереального прошлого. Идеи и идеалы родителей, изрядно подпорченные государственной пропагандой, пахли нафталином и казались безжизненными. Появление и развитие телевидения, стремительная поступь киноиндустрии, осознание моды в одежде, привлекательность материального благополучия, замена мечты о коммунизме мечтой об автомобиле и даче стали тем оружием, которое практически уничтожило чувственность. На смену ей наступательно шло визуальное восприятие жизни.

Поколение восьмидесятых, утратив глубину, да и острую потребность чувствования, но не потеряв способности воспринимать романтический вкус прошлого, зорче стало всматриваться в мир, общество, себя...

ОТЦЫ И ДЕТИ

Весьма ощутимые изменения, и отсюда, как следствие — углубление конфликта отцов и детей, ибо суть непонимания поколениями ценностей друг друга прежде всего состоит в способности освоения новой информации, новых реалий,— произошли и в резко возросшем объеме информации, требующей ежедневного потребления и усвоения. И количество, и качество этой информации существенно отличались от того, что выпало постичь старшим поколениям. Пластичный, мягкий переход был уже невозможен. Это был скачок, информационная революция, и на это первой отреагировала та часть молодежи, которая не смогла или не захотела расставаться с чувственным видением мира. Так, на Западе расцвело протестное движение хиппи, а в России комсомол успешно направил энтузиазм романтиков на покорение таежных просторов Сибири.

Массовая культура отреагировала явлением в поп-музыке ливерпульской четверки, которой удалось донести новым поколениям заряд сладостного чувственного восприятия окружающего мира... В России явились ностальгирующие и говорящие завуалированно барды и стал популярен бунтарски-вызывающий Высоцкий...

Это было время начала формирования нового восприятия мира, визуального. Глаза и прагматичный, изощренный ум, способный решать научные задачи и разгадывать головоломки, стали главными органами. Видеть, фиксировать, анализировать, прогнозировать — вот что становилось необходимым для комфортного вписывания в общество... Слово и понятие «любовь» утратили свою универсальную всеобъемлемость. Это понятие конкретизировалось, сфокусировалось и получило уточнение: любовь — желание наживы («красивой», беззаботной жизни), или любовь — половое влечение, или любовь — удовлетворение страстей и тому подобное...

Уже с трудом воспринимались бабушкины и дедушкины ценности и условности. Появилась апробированная, «раскрученная» не хуже, чем в свое время коммунистическая, американская импортированная идея — владеть большим количеством материальных ценностей. Осталось влечение к противоположному полу, но оно приобре-

ло циничную окраску целесообразной необходимости периодически разряжаться, успокаивать свои гормоны. Как следствие, в практику вошел вынужденно-необходимый «для здоровья» и не претендующий на какие-либо чувственные духовные отношения секс, либо, чтобы придать все-таки хоть непрочный, но традиционный вид физиологическому сожительству,— гражданский брак. Модным стало «славно» отдохнуть после напряженных будней где-нибудь в известном месте, где все можно превратить в яркую этикетку, лейбл, бренд... Неважно, понравилось или нет, главное — был там, где престижно...

Жить в такой среде достаточно сложно и... небезопасно.

Искусственно заниженная планка удовлетворения желаний не доставляет истинного удовольствия, и в конечном итоге не приводит к энергетической гармонии. Недостигаемое, отложенное удовлетворение способствует накапливанию негативного отношения к жизни. Чувственным людям, не способным адаптироваться к новым условиям, принизить, притупить свои чувства, соответствовать навязанному клише существования очень трудно. Как рыбе, попавшей на сушу. Старшие поколения, имевшие в свою юность иные ценности, скажем так, иной методологический подход к жизни, а сегодня очевидно, что ценности «чувственных» поколений были более многомерны, устойчивы, объемны по переживаниям и длительны в их пути от желания к удовлетворению, естественно, стараются эти ценности передать, показать их преимущества перед скоротечными, рекордно-выпендрежными, как правило, базирующимися не на накопленных культурных ценностях, а на зачастую отвергающих их (что вполне объяснимо: набирает силу идеология новой инертной массы) образца новой суррогат-культуры, весьма энергично проникающей из давно вошедшего в этот образ существования западно-американского мира...

Этому во многом способствует то, что у новых поколений преобладает именно визуальное восприятие.

Кроме того, в последние десятилетия в первую очередь именно на молодых обрушился несравнимо больший объем информации, ведущий, как к естественной защите общества от хаоса, к профессиональной специализации. Нынче уже редки индивидуумы энциклопедических познаний, никогда прежде у человека не было доступа к такому объему информации. Развитие мобильных средств связи, Интернета, их доступность, а также стремительное расширение сферы их воздействия практически размыли границы того естественного отбора интеллектуальной пищи, который до этого времени существовал в мире. Проанализированная и отобранная лучшими умами человечества, доселе она только в упорядоченном виде поступала к массовому потребителю, способствуя концентрации усилий в достижении цели. Нынче неотфильтрованная, зачастую противоречивая информация доступна каждому. Она заставляет неофита метаться из стороны в сторону, и наконец, просто-напросто отторгает, вызывая своеобразную аллергию на образованность.

Подобное отношение, знание и умение в ограниченных рамках, не способствует концентрации усилий общества. Теперь каждый человек может найти своего кумира, свой идеал, свою лжеистину. И это неизбежно ведет к раскачиванию существующих государств и к формированию одного земного сообщества, связанного уже Всемирной паутиной, в котором примитивное подтянется, а высокое опустится до усредненного понимания и вкуса.

В журнале «Час ноль», прописанном в далекой от столицы провинциальной Чите, читаем: «Нас либо держат за быдло, либо хотят, чтобы мы стали быдлом. Я что, затем учился 10 лет играть на двух музыкальных инструментах и затем годы, как фанатик, собирал информацию, чем театр Стрелера отличается от театра Паоло Грасси, чтобы слушать «фанеру» каких-нибудь откровенно дебильных «Руки вверх», которые не то что чистую приму от большой септимы не отличают,

но и свято уверены, что группетто — это разновидность секса ... или кормиться пошло- манерными гомосексуальными «спектаклями» а-ля Виктюк? Нужно быть умственно отсталым, чтобы всерьез воспринимать (и тратить на это время) их убогие и пошлые телешоу, их, с позволения сказать, художественные фильмы... Видеопрокат — на каждом углу. И сплошь — дерьмо: боевики да порно, порно да боевики. Пойдите-ка найдите в прокате «Алфавит» Годара. Или «Кулаки в кармане» Белоккьо. Или «Профессия репортер» Антониони (а ведь говорят, в советское время фильм у нас даже на большом экране шел!). Ну на худой конец «Пролетая над гнездом кукушки»! Хрен вам. Культурный выбор, который нам предложен — выбор разных сортов дерьма. Они нас хотят всех превратить в извращенцев. То есть в таких, как они...

А если кто тянет в бунт, есть готовые рецепты: две дурочки «Тату», по приказу своего продюсера изображающие лесбиянок и раздевающиеся на сцене (ах, какой бунт, просто пугачевщина!!!), группа «Ленинград» с матерными попевками... да Сорокин с его копрофагией и описанием мужеложства Сталина с Хрущевым (ой, какой смелый бунтарь: оба персонажа давно умерли, бояться их нечего!)»

Это сообщество будет несвободно и неуютно меньшинству, но вполне приемлемо большинству.

Прогресс это или регресс — судить сегодня рано и трудно. Очевидно, что многие истины будут забыты и спустя время вновь откроются. Высокие образцы искусства, вероятнее всего, станут интересны и понятны небольшому количеству населения Земли. Низкие страсти и интересы будут править бал.

И даже если этого очень не хочется, пока можно предположить именно такой сценарий развития человечества.

ТРОЯНСКИЙ КОНЬ РЕКЛАМЫ

Если из всех видов искусств самым массовым еще совсем недавно считалось кино, то из всех жанров в обществе потребления, несомненно, пальма первенства принадлежит рекламе. Не стоит недооценивать воздействие этого новоявленного жанра комбинированного творчества на человека и на общество в целом. Короткие по времени и безобидные на первый взгляд «произведения» массовой культуры общества потребления далеко не столь безопасны, как нам порой кажется. Они несут в себе колоссальный энергетический заряд, направленный прежде всего на насильственное ориентирование потребителя, на принуждение человека к прогнозируемому и требуемому действию*.

Реклама сегодня многообразна и изощренна. И в «лучших» своих образцах она всегда несет помимо прагматичной рекомендации идеологический подтекст.

Это лаконичное и на поверхностный взгляд сугубо унитарное творение в двадцатом веке в США и Западной Европе, а в двадцать первом и на постсоциалистическом пространстве бывшего СССР формирует не только вкусовую направленность, но и поведение человека, определяет мотивацию поступков и отношения друг к другу. И, как правило, большинство рекламных видеороликов, в первую очередь, я выделяю именно их, так как телевидение воздействует на самую массовую и разновозрастную аудиторию, не несут положительного духовного заряда и не придерживаются каких-либо религиозных заповедей и постулатов. Они выполняют иную, как правило, заказную функцию, манипулируя нашим сознанием.

---

* В книге «Экспериментальная психология в российской рекламе», вышедшей еще в 1995 году, ее авторы А.Н. Лебедев и А.К. Боковиков предупреждают, что «...реклама — в целом — это вовсе не информация, как может показаться сначала, это именно психологическое программирование людей, причем без всякого на то их желания...».

«Осознание, что человек стал объектом манипуляций, наступает не сразу,— отмечает Л. И. Рюмшина в книге «Манипулятивные приемы в рекламе», вышедшей в 2004 году.— Неестественность поведения является одним из основных показателей того, что человек стал «добычей» манипулятора. У него создается ощущение, что он делает что-то помимо своей воли, в угоду кому-то, чему-то, но не себе. Человек как бы перестает быть самим собой (он становится «вещью» в руках манипулятора). Даже если он делает хорошее дело, голосует за уважаемого человека, покупает нужный товар, у него не возникает чувства удовлетворения им. Ощущение неудовольствия сопровождает манипуляцию, но чаще оно является ее результатом. Человек чувствует себя обманутым. По истечении какого-то времени у него появляется внутренняя неудовлетворенность, часто недифференцированная.

Он не знает, почему, но чувствует, что что-то не так. Большое количество манипуляций «переполняет» подсознание, вызывая либо депрессию, либо неконтролируемые агрессивные реакции».

Если общество, государство ратуют за свою сохранность и устойчивость, даже если их совершенно не заботит нравственная сторона, прежде всего необходимо отдалить этот «двигатель торговли» от телеэкрана. Для продвижения товара, а не идеологической обработки и зомбирования населения, вполне достаточно иных, менее массовых носителей. Это печатные издания и прежде всего специализированные, щитовая реклама (к которой, кстати, тоже следует подходить с большой ответственностью), директ-реклама, наконец, Интернет.

Что же опасного для человека и общества несет в себе реклама, которую мы сегодня вынуждены насильно впитывать?

Самое главное качество, присущее всем ее разновидностям, оттенкам, уровням,— это полное, безоговорочное превалирование материальных ценностей над духовными.

Не менее опасна и пропагандируемая через рекламу идеология изолированного индивидуума, живущего по формуле «я = потребитель + товар = счастье». В этой формуле и, соответственно, в пропагандируемой и насаждаемой идеологии лишним и ненужным оказывается многое, в том числе и любимая женщина или любимый мужчина, ребенок или общество в целом...

А постоянное вдалбливание в головы подрастающего поколения, как верха мечтаний, образцов «красивой» жизни исподволь формирует стремление подростка иметь желаемое (реализовать навязанное желание) как можно быстрее, минуя процесс эквивалентного вклада или оплаты. Это на фоне психологического неудовлетворения собственной жизнью — положением в обществе, родителями, окружением и т.п.— способствует формированию антиправовых настроений и устремлений и стимулирует совершение правонарушений.

И прежде всего именно в подростковой среде, где отсутствие собственных критериев и потребность следовать чьему-либо примеру или на кого-нибудь походить чрезвычайно высоки.

Нет, не столь безобидна реклама, как может показаться на первый взгляд.

Естественно, без интенсивной, наглой, довлеющей, превращающей личность в послушного манкурта рекламы продвигать отвергаемое невозможно. И чем более становится вокруг нас отвергаемого, невостребованного, ненужного товара, который производится, тем больше вкладывается в это продвижение средств, тем агрессивнее ведет себя производитель товара и соответственно рекламы, тем менее и тот и другой честны и тем более изощренны в воздействии на потребителя.

ОПАСНЫЙ ПРЕССИНГ

Опыт и здоровый консерватизм взрослого населения являются противоядием, поэтому неслучайно основным стратегическим объектом для рекламы крупных компа-

ний, производящих не самый необходимый и зачастую небезопасный для человека и общества товар, являются подростки, дети. Они наиболее восприимчивы, более падки на новое, необычное. И в этом разрушающем влиянии именно на психически неустойчивую аудиторию главная опасность этого «жанра».

Можно выделить и наиболее уязвимый для воздействия массированного прессинга рекламы слой взрослого населения. Это прежде всего «собственно потребители» и «активные потребители». И это основное ядро общества, его тягловая сила. Снижение образовательного ценза или физического здоровья этих слоев, которое в свою очередь напрямую зависит от психического состояния, однозначно сказывается на состоянии общества в целом. Но в обществе массового потребления образованность, с одной стороны, необходима, ибо нужно постоянно производить усовершенствованный товар, с другой — хорошая эрудиция, умение анализировать и способность не поддаваться внушению уменьшают эффективность воздействия на потребителя, снижают покупательную способность. Поэтому компромиссом в таком обществе стало образование, построенное по принципу ограниченных знаний, преобладания закрепленных навыков, специализации, требующей прежде всего исполнительности от подавляющего большинства работников (они же — потребители). И контрмерой даже такому усеченному образованию стала психологическая обработка негативными новостями, фактами, напоминающими человеку, что вокруг все хрупко, неустойчиво, опасно и он может не успеть удовлетворить свои желания, насладиться прелестями материального мира, а посему надо не откладывать на потом удовлетворение этих желаний...

Итогом подобного манипулирования стала рабская жизнь в кредит. В свою очередь порождающая психическую неустойчивость.

Таким образом, реклама сегодня является не столько «двигателем торговли», сколько способом обработки, микширования, приглаживания и манипулирования основной частью общества. И это вполне устраивает любую правящую государственную машину, ибо еще в Древнем Китае знали, что, как гласит Дао дэ Цзин — «Книга пути и благодати»: *«Если не почитать мудрецов, то в народе не будет ссор. Если не ценить редких предметов, то не будет воров среди народа. Если не показывать того, что может вызвать зависть, то не будут волноваться сердца народа. Поэтому, управляя (страной), совершенномудрый делает сердца (подданных) пустыми, а желудки — полными.*

(Его управление) ослабляет их волю и укрепляет их кости.

Оно постоянно стремится к тому, чтобы у народа не было знаний и страстей, а имеющие знания не смели бы действовать...».

Но в конечном итоге деградация человека, а следовательно, и общества, делает государство слабым и оно становится добычей более просвещенного соседа или просто исчезает с карты мира. Тому в истории примеров множество.

Пытающееся самосохраниться общество само интуитивно начинает отторгать рекламу, улавливая в ней деспотизм, насилие и смертельную опасность. И чем дальше оно отстоит от сообщества папуасов, столь падкого на разноцветное и яркое, тем меньше времени требуется ему для понимания смертельной опасности для общества, в котором реклама является тотальным и необходимым орудием манипулирования.

Николай Макаров
(г. Тула)

ПАМЯТЬ ПОКОЛЕНИЙ

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

24 апреля 2024 года я с младшей сестрой Ольгой волей случая (случая ли?) оказались в школе № 18 Мичуринска, которую 21 июня 1941 года окончил наш отец — ***МАКАРОВ АЛЕКСЕЙ ДМИТРИЕВИЧ.***

В комнате Боевой славы среди множества фотографий во втором ряду, сверху крайней в правом ряду — фотография отца.

Сестра рыдала, у меня на глазах — слезы…

...Директору школы ТИМОШКИНОЙ ИРИНЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ мы подарили книгу про отца, которую издали в 2015 году в Туле ***«Пока я ходить умею…».***

На второй день по приезду в Тулу получаю по электронке письмо из Мичуринска.

Спасибо большое Вам, Богу и судьбе за встречу. Такое просто так не происходит. Начали читать книгу: сначала по диагонали. потом перечитали и... не могли остановиться. Педагоги в очередь встают самим почитать, поделиться с детьми на классных часах. Все живое, настоящее, чувство любви, ценности семьи очень чувствуются в каждом слове. Ощущение, что это наше, родное, школьное. Низкий поклон от всего коллектива школы.

С уважением, МБОУ СОШ № 18 имени Э. Д. Потапова.

ЛЮБОВЬ — ЭТО НА ВСЮ ЖИЗНЬ
(Отрывок из книги)

Читаешь иногда о том, что такие-то и такие-то молодые люди, поженившись по любви, пожив несколько месяцев, расходятся; или, о том, как в результате вмешательства родных и близких — он женится на другой, она выходит замуж за другого. Обидно становится за таких людей. Не было у них любви. А если и была, то не умеют они дорожить этим прекрасным, священным чувством, не хотят бороться за настоящую, чистую, верную любовь.

Алексей Макаров
(04.01.2024, Мичуринск — 02.03.1989, Тула)

Мне хочется рассказать о своей жене — человеке большого, благородного сердца. Не удивляйтесь. Может, кто и подумает: каждый, мол, муж хвалит свою жену. Нет, вы послушайте, что я расскажу, и, надеюсь, вы согласитесь со мной.

Прежде — о себе. Я окончил десять классов, когда началась война с фашистскими захватчиками. Как и многие юноши, я ушел добровольцем на фронт, был разведчиком, бывал в тылу у немцев с заданиями командования фронта. 18 февраля 1942 года был тяжело ранен, лишился обех ног. В это время мне было 18 лет! Признаюсь, тяжело было, очень тяжело. Что буду делать? Кому я нужен? Жить на иждивении матери? Получать инвалидскую пенсию? Это в 18-то лет! Лежа в госпитале, читал и перечитывал «Как закалялась сталь». Ну, да — речь не обо мне.

...Домой приехал с костылями, с кожаными ногами, с морщинами на лбу, с седой прядью в волосах. Настроение ужасное. Помню, встретил девчат, с которыми учился в десятилетке, приглашают: «Заходи к нам, патефон послушаем, станцуем»... и осекаются, глядя на мои ноги. А у меня слезы на глазах.

Опять — не о том начал.

В 1943 году я поступил учиться в учительский институт на первый курс. Там-то и встретил в двадцать пятую годовщину комсомола, 29 октября, свою будущую жену, студентку второго курса Таню Петрову.

Забегу вперед: этот день — день годовщины комсомола и день нашей первой встречи мы ежегодно торжественно отмечаем.

Конечно, тогда я и не думал, что Таня станет моей женой, что она полюбит меня, калеку, как я, скрепя сердце, называл себя. Вообще, насчет любви к себе я был настроен пессимистически, не верил я в хорошую, чистую, искреннюю любовь; да, по правде сказать, и не знал я этой любви. Помните, были в это время и такие девушки, да и сейчас еще попадаются, для которых нужен был не человек, а звездочки на погонах. Это — не в укор офицерам, нет! Но известны были случаи, когда какая-нибудь 18—20-летняя девица выходила за 45—50-летнего папашу со звездочками, как и сейчас иногда бывает: выходят замуж за квартиру, за большой оклад. Очень здорово наши карикатуристы разделывают таких молодоженов.

Опять отвлекся.

Я считал, что меня никто полюбить не сможет, не отважится на такой подвиг.

Да, я считаю это подвигом!

Я видел, как мать, глядя на меня, утирала слезы, скрывая их от меня. Видел и слышал, как многие женщины горестно вздыхали, видя молоденького солдатика с костылями. Во многих у нас книгах очень хорошо написано, очень правильно о том, как жены с любовью встречают искалеченного мужа-героя. Спасибо! Большое спасибо таким женщинам. Но они знали своих мужей еще до войны, здоровыми, ловкими, красивыми. А моя Таня не знала меня таким, хотя и жили мы в одном городе, но на противоположных концах его, учились в разных школах, к тому же я на два года старше ее.

…В тот день — 29 октября — мы вместе с группой студентов были в театре на торжественном вечере: разговоры, смех, шутки. Какие бывают разговоры у молодежи, о чем? Обо всем, конечно: о дружбе, о любви. Я любовь высмеивать начал, хотя мало что смыслил в ней. Так и прошел этот вечер.

Потом вместе с товарищем, тоже инвалидом, стали участвовать в институтской художественной самодеятельности (пели), участвовала и Таня. Она сразу (еще в тот, первый вечер) обратила на себя мое внимание. Не похожа она на других: скромная, серьезная, если веселится, то веселится от души, рассуждения всегда умные, ни разу я не слышал от нее неправды, пошлости. Ко мне она относилась не так, как другие. Иногда эти «другие», желая пошутить надо мной и моим товарищем, спрашивали у нас: «Когда вы женитесь?». Мы обычно на такие вопросы отвечали: «Хоть сейчас пойдем в ЗАГС». Конечно, никто из этих «шутниц» в ЗАГС с нами идти не собирал-

ся. Таня таких вопросов никогда не задавала, но частенько спорила со мной, разбивая мой пессимизм, мое тяжелое настроение. Смеешься, бывало, с девчатами, а у самого на сердце кошки скребут: «Вам хорошо, а каково мне, девятнадцатилетнему инвалиду?».

Споры, совместные посещения кино, участие в художественной самодеятельности, бережное, нежное, чуткое отношение ко мне со стороны Тани все больше и больше влекло меня к ней. И я должен признаться самому себе, что полюбил, что я люблю эту чудесную девушку-блондинку. Глаза мои всегда искали ее, слух мой из массы голосов всегда выделял ее голос, сердце мое всегда замирало, когда она подходила ко мне, говорила со мной.

А — я? Я боялся сказать ей о своем чувстве, хотя видел, что и я ей становлюсь небезразличен. Несколько раз я ходил ее провожать, далеко мы жили друг от друга, хотя и тяжеловаты для меня были такие прогулки, но я любил ее. Да и время такое: война, город затемнен, не безопасно идти девушке одной, но она не боялась, ходила. Как-то у меня сломался протез, и я «отходился», пришлось сесть на первую завалинку, а она побежала ко мне домой за костылями и потом, проводив меня до дома, одна пошла через весь город.

Мать моя как-то смеялась: «Девчата научили тебя хорошо и помногу ходить». Отчасти, это — правда. Первое время, помню, вернувшись из госпиталя, я после двухсот метров садился отдыхать, а если и пройдешь за день километр, то неделю сидишь дома. Став студентом, ни одного дня не пропустил: ходил в любую погоду, в любое время, костыли бросил, стал ходить с одной тросточкой, танцевать научился.

В один, как говорят, прекрасный февральский вечер — вечер был действительно прекрасным — легкий морозец, медленно-медленно падающие снежинки и мы с Таней идем из кино. И я решился (будь, что будет) сказать ей о своей любви. Таня — человек правдивый, она сразу скажет, как воспримет мое признание. Боялся, что услышу в ответ: «Хватит и этой дружбы». Нет, ответ ее потряс меня.

— Это серьезно? Ведь любовь — это на всю жизнь, я только так могу любить.

Так состоялось наше взаимное объяснение в любви. Простояли у ее дома до утра. Как я был счастлив, это всякий, кто по-настоящему любил и любит, поймет. Я даже за этим счастьем забыл, что у моей подруги ноги не деревянные, как у меня, что она в туфлях, что на дворе февраль. Позже, вспоминая этот дивный вечер, она говорила, что ноги ее замерзли до предела, но сердце горело, и не хотелось уходить.

Встречались мы после того вечера каждый день. Как это — прожить целый день и не видеть друг друга?! Познакомились с матерями: она — с моей, я — с ее. С Таней решили: как закончу институт, так и поженимся. Таня окончила институт на год раньше меня, и ее, как отличницу, оставили работать в городе; к тому же в семье она была старшая; кроме нее было еще четверо. Отец умер, старший брат погиб на фронте, старшая сестра умерла совсем недавно.

…По окончании института, по распоряжению Наркомпроса, я, как инвалид первой группы, тоже был оставлен работать в городе. Каждый день мы только и говорили о том, что скоро нам придется произносить слово «надо». Это слово произносили тогда, когда уходить по домам действительно надо было. Надо… надо… надо… До десяти раз произносили, пока, наконец, не прощались до завтра.

Однажды, отнюдь совсем не в прекрасный сентябрьский вечер — хотя и в сентябре бывают прекрасные вечера — Таня мне говорит, что сегодня к ним мне лучше не заходить в дом. Почему? Банально просто: ее тетушки, бабушки, знакомые, родные и не родные, узнав, что Таня собралась выходить замуж за безногого калеку, начали атаковать Танину мать, будущую, но пока несостоявшуюся, тещу в бесперспективности такого брака. Нашли даже альтернативного богатого жениха — бухгалтера какого-то завода. И мать ее, моя будущая теща, заявила категорически, чтобы я больше к ним не ходил, что она не даст своего разрешения на нашу свадьбу, что

спустит всех своих и соседских собак, приблизься к их дому ближе чем на семнадцать с половиной метров.

Что было всем этим сватьям, бабкам Боборихам до любви, до нашей любви.

Хотя прав я был, что не имею никаких прав — во, каламбур! — на ее любовь. Моя любовь может принести ей только несчастье.

Таня, словно угадав мои мысли, мое смятение, успокаивала, лила бальзам на мою истерзанную душу:

— Ни за кого другого я замуж не пойду. Ты помнишь: любовь — это на всю жизнь, я только так могу любить.— И потом.— Подождем немного, меня они не переломят, но пока не ходи, не хочу обижать мать.

Так мы виделись каждый день целый год, третий год со дня нашей первой встречи.

Как-то после окончания учебного года она говорит:

— Знаешь, мне не хочется обижать мать, которая против тебя, и тебя я вижу каждый день, и люблю по-прежнему. Но давай все-таки проверим нашу любовь: поезжай куда-нибудь работать. Посмотрим, настоящая ли наша любовь. Если да — то я ни на что не посмотрю, брошу все и приеду к тебе.

Я так и поступил. Я верил, как и она, в нашу любовь. Я уехал работать в село 15 августа 1946 года.

Писали письма друг другу каждый день. 21 сентября я приехал в Мичуринск и Таня стала моей женой; через неделю приехала ко мне в село Ново-Тарбеево, где мы до сих пор и живем.

Трудным, тяжелым оказался для нас этот первый год нашей семейной жизни.

Вы помните осень 46-го и первую половину 47-го, когда из-за засухи с питанием было катастрофически плохо, тем более — в селе?

Это сейчас, когда наше сельское хозяйство, благодаря заботам партии и правительства, идут в гору, жизнь села немногим отличается от городской. А тогда было очень трудно. Но мы любили друг друга, мы работали много, очень много. Правда, здоровье мое покачнулось, сказывалось недоедание, приходилось иногда вновь прибегать к костылям.

Но Таня была со мной, она не давала мне впасть в уныние, хотя ей было не легче.

В зимние каникулы отпросились мы у директора школы и решили съездить в город, к родным.

Не забуду — 4 января 1947 года. До железнодорожной станции от Ново-Тарбеево — 12 километров. Зима, снег, мороз. Машины тогда у нас еще не ходили, лошади в школе не было. Решили идти до станции пешком. Дошли. Но ноги, мои ноги были разбиты до крови. Сели на вокзале, в ожидании поезда, но встать и идти садиться в вагон я не смог: кровь запеклась, присохла. Ощущение, будто в ноги воткнуты мириады иголок и, вдобавок, кто-то стучит по ним молотком. Шагнуть невозможно: искры со слезами из глаз. Кое-как сели в вагон, приехали в Мичуринск, зашли в зал ожидания вокзала и я повалился на деревянный диванчик. Идти категорически не могу. Что делать? Такси — какое такси? — тогда в городе не было.

Таня! Как же ей, наверное, тяжело было: и самой, и меня боялась обидеть. Я остался сидеть, а она пошла домой за санками. От дома до вокзала и от вокзала до, естественно, дома километра три. Сел я в санки (это — в 23 года-то!), и повезла она меня домой к своей матери. Сжал я зубы, напряг все нервы и вошел в дом «на своих ногах», ощущая не иголки, а раскаленные иглы в них.

Наутро я встать не мог: ноги опухли. Лежу день, лежу другой, легче становится. На третий слышу в соседней комнате мать плачет и причитает Тане: «Говорили тебе, не такой тебе муж нужен». Таня вбегает ко мне в комнату, обнимает, целует, шепчет: «Не слушай ее, не слушай, я люблю тебя, тебя одного. Можешь встать, идти? Пойдем домой».

Встал я, оделся, и пошли мы. Позвонили в сельсовет, выслали нам на станцию лошадь, и мы — дома.

Прошел учебный год. Легче стало и жить, с питанием дело наладилось, работой мы были довольны, и нами в школе были довольны. Окреп и я, костыли опять на чердаке покрылись пылью. Летом восстановил свою «плавучесть» — переплывал запросто Воронеж туда и обратно. И с тещей наладилось: часто она у нас гостила и мы у нее.

Через год поступил учиться заочно в Тамбовский пединститут.

Таня, иногда вспоминая мой давнишний пессимизм, смеется:

— Ты говорил, что тебя любить нельзя. О нашей счастливой жизни даже дни рождения наших детей говорят.

И то — правда: Николай — 11 декабря, Татьяна — 11 мая, Ольга — 11 апреля.

Для кого это рассказал?

Прежде всего для тех, кто не умеет любить по-настоящему, кто не борется за свою любовь, кто не бережет свою любовь.

Есть старое, старое выражение: «медовый месяц». При настоящей любви не только месяц бывает медовый, но и вся жизнь «медовая».

«Любовь — это на всю жизнь. Я только так могу любить!» — вот что должен помнить каждый, прежде чем сказать, что любишь кого-то.

Александр Саликов
(г. Тула)

«ВЕЛИК МОГУЧИМ РУССКИЙ ЯЗЫКА»
(памфлет)

Саликов Александр Константинович родился 06.04.1957. Больше ничем выдающимся себя не проявил. Как многие другие, учился, работал, служил, женился, снова работал. А вот что выделяло его как личность — стремление к самообразованию. Бессистемно и хаотично хватаясь за любые заинтересовавшие его знания, он пытался докопаться до сути. Так, изучая мировые религии и научный атеизм, выбрал атеизм, ибо он базировался не на слепой вере, а на научно обоснованных знаниях. Изучая юриспруденцию, напрочь отвергал лукавую и конъюнктурную правоприменительную практику. И все время помнил поговорку: «Не место красит человека, а человек — место», да еще, пожалуй, максиму Франсуа де Ларошфуко: «Там, где ты ни на что не способен, ты не должен ничего хотеть».

Слэдующий остановка — Дмитрия Ульяновска.
(Объявление а маршрутке)

Подходит ко мне мой хороший знакомый — Николай Алексеевич Макаров, и огорошивает меня просьбой написать что-нибудь на тему русского языка, но не более десяти страниц для какого-то сборника. Ну, как я мог отказать добрейшей души человеку, тем более, что тема меня затрагивала напрямую. Нет, я не филолог и до сих пор могу неправильно выделять запятыми причастные и деепричастные обороты в предложениях. Язык я воспринимаю на слух, так как занимался художественным чтением почти профессионально (даже диктором на студии одного из предприятий поработал).

Вы когда-нибудь задумывались над дикцией и произношением, рылись в биографиях поэтов, чтобы понять, например, сарказм Маяковского во фразе: «пригорок Пушкино горбил Акуловой горою...»? Поэту, все свое детство проведшего на Кавказе и видевшего настоящие горы, было смешно называть горою то, что, по его мнению, больше чем на «пригорок» и претендовать не могло. И эту фразу надо было не только понять, но и интонационно передать зрительному залу.

Я люблю русский язык не только потому, что он мне родной, но и за его богатство, образность и поэтичность. Когда в газетах перестали печатать две точки над буквой **е**, я был поражен обилием людей, которые вместо св**ё**кла читали свекл**а**.

— Позвольте,— возмущался я,— но ведь на букву е всегда ставится ударение.

А мне резонно возражали:

— Где ты видишь букву **е**?

Ссылки на словарь Ушакова никакого эффекта не имели. Никто не хотел знать, **как правильно**! До сих пор не понимаю — почему?

А кто ж сознается в том, что он добровольно выбрал путь, ведущий не к саморазвитию личности, а к ее упрощению вплоть до уровня скота. Жестко? Обидно? А по факту — верно! Так что — читайте…

Язык — средство общения между людьми. Написал и задумался; а машинные языки, а сленг, а диалекты, в конце концов. И это не считая архаизмов, иностранных слов и терминов. Но есть еще многозначные слова, значение которых можно определить только по контексту. Например:

Хороша у Марины коса,
И трава на лугу ей по косу.
Скоро лугом пройдется коса —
Приближается время к покосу.

Я. Козловский

Вот и получается, что стопроцентное понимание может быть достигнуто только среди сверстников одного уровня образования, интересов, профессии, кругозора (эрудиции), и, конечно, одной языковой группы.

Кстати, а на сколько языковых групп можно разделить современный «великий и могучий» русский язык? Не берусь ответить, ибо не знаю точно (и даже приблизительно). Ну ладно, отбросим профессиональный жаргон, которым засорен язык моряков, дальнобойщиков или компьютерщиков, но вне своей узкопрофессиональной среды они тоже не в состоянии не использовать присущие им языковые обороты, определения и термины.

Самое интересное, что к любой замкнутой на свои интересы группе применим второй закон термодинамики. Казалось бы — где физика, а где лингвистика, ан нет…, «всякая замкнутая на себя система **стремится к упрощению**». К упрощению языка в том числе. К примитивизму восприятия. И что это, как не показатель регресса общества. Куда идем, опять к обезьяне? Однако не это тревожит. По настоящему тревожит вопрос: кому это выгодно? Кому выгодна всеобщая дебилизация общества, не знающая, что есть глагол «класть» (а не ложить), что неграмотно говорить «в разы», «эпицентр новостей». Конечно, слово **эпицентр** более звучное, чем **центр**, но оно не является синонимом, а лишь только чем-то «вокруг, да около». На приведенной схеме это хорошо видно.

Отсюда вывод, что любой журналист, радостно рапортующий, что находится в самом эпицентре новостей, по сути далеко от центра событий, а редакции в свою очередь надо гнать в шею этого безграмотного борзописца. Чтоб редакцию не позорил. Грамотный человек **никогда** не напишет 300 %. Почему? Да потому, что процент — одна сотая часть числа! Это еще в школе проходят. Может быть «в триста **раз**», а процентов больше ста быть не может.

Вернемся к вопросу: кому выгодно засорять язык иноязычными словами, упрощать и коверкать? В приснопамятные 90-е попался мне в руки один молодежный журнал (названия не помню, а вот статья запала в душу). В журнале утверждалось, что реформа русского языка понадобилась В. И. Ленину для разобщения поколений. Старшему поколению было трудно привыкнуть к новой орфографии, как и младшему было трудно освоить старую. И понадобилось это для исключения влияния дореволюционной литературы на революционную молодежь.

Однако, если углубиться в историю, выясняется, что подобных реформ было несколько. Первая дошедшая до нас — переход с глаголицы на кириллицу (в связи с принятием христианства). Вторая — церковные и гражданские реформы Петра I (борьба с церковным расколом и принятие «гражданского устава» и «церковного устава»). И все это предпринималось для сплочения Руси, как духовного, так и великодержавного, патриотического... В отличие от последней, инициированной В. И. Ульяновым (Лениным) реформы.

Официально провозглашалась забота о языках малых народностей, а вылилось все это в учебник украинского языка (мовы) под редакцией М. С. Грушевского и рождения альтернативной истории про «великих укров». Не говоря уже о желании Казахстана перейти с кириллицы на латиницу. Как говорится: «дурью маются». Помню, какое недовольство вызывало у прибалтов слово «нацмен», хотя национальными меньшинствами они и были, пока входили в состав СССР. Сейчас они входят в блок НАТО, **и что изменилось**? Раньше помимо латвийского, литовского и эстонского языков необходимо было знать язык межнационального общения — русский. Сейчас — английский.

Но английский язык никогда не сравнится с русским ни по словарному запасу, ни по количеству языковых оборотов и определений (особенно описательных). И вот наш «великий и могучий» язык Пушкина, Гоголя и Тургенева коверкают и упрощают до своего уровня понимания. Один филолог сравнил обеднение родного языка с добровольным языковым гетто, куда сами же и загоняют себя, по выражению М. Задорного, «рабы клипового мышления».

Валентина Михайловна Леонтьева, диктор и ведущая целого ряда телепередач, вспоминала, как она брала интервью у премьер-министра В. Черномырдина. Виктор Степанович честно предупредил, что с русским он не в ладах и предложил пинать его под столом по ноге, как только он «выдаст» что-нибудь безграмотное. После интервью, припадая на покрасневшую и распухшую ногу, Виктор Степанович долго удивлялся уровню своей безграмотности.

Не тот дурак, который понимает,
Что у него в мозгах чего-то не хватает.
Он, если действовать придется,
От глупости остережется.
А вот дурак, который не согласен,
Что он дурак — весьма опасен.
Такого наворочает в конце концов,
Что не распутают и десять мудрецов.

М. Мосолов

К сожалению, не дураки формируют отношение к русской культуре и части ее — русскому языку. А кто? Бездари и русофобы? Отчасти и они тоже, **но** только отчасти. Основная задача не в упрощении языка, а в упрощении отношения к жизни вообще. В воспитании поколения эгоистичных потребителей, которых не интересуют правила, причем не только грамматические, а вообще все, идущие вразрез с пожеланиями их мелких и аморальных страстишек. А ведь это уже случалось когда-то. Были сен-

тенции и «совесть — это химера», и «фюрер мыслит за меня». На Украине это реализовано. У нас **пока** нет. Надолго ли? Кто знает…

Пока у власти твердый государственник, у России, как и у русского языка, есть перспективы на только сохранения, но и упрочения и развития. Причем, развития не путем заимствований, а путем опоры на собственные силы и ресурсы, на собственный интеллект, на людей, обладающих **прогностическим** мышлением, аналитическим складом ума и широкой эрудицией. Кстати, у Егора Гайдара был аналитический склад и широчайшая эрудиция, а вот прогностического мышления не было. Результат — гиперинфляция и дефолт, ваучеры и «шоковая терапия», приведшая к обнищанию богатейшей в прошлом страны.

Но русский язык Егор Тимурович знал. И знал отлично. В отличии от другого члена российского парламента, который на гайдаровскую реплику: «Отнюдь!» заявил о недопустимости употребления в парламенте иностранных слов. Что ж, для некоторых любое незнакомое слово — иностранное. Вот вам и уровень языковой культуры. Хочется спросить; как этот недоучка дорвался до власти? Народ выбрал…

Талантам надо помогать,
Бездарности пробьются сами.

Л. Озеров

Жил в XIX веке известный пушкиновед, замечательный знаток русского слова П. И. Бартенев. Его внучка вспоминает: «Весьма ревностно дедушка относился к русской речи». Оригинальности Бартенев, не без оснований, предпочитал самобытность, орфографии — правописание. Его нелюбовь к иностранным словам доходила порой «до чудачества». Однажды «к деду разлетелся брандмейстер и, желая блеснуть образованием, лихо начал: «Я явился…констатировать факт пожара по соседству с вашим владением и о мерах ликвидации оного». Дед рассвирепел: «Что, что? Какие мерзости вы пришли мне тут рассказывать?»

Не такое уж, в сущности, чудачество…

Разумеется, не все иностранные слова надо начисто отвергать и не везде их избегать — это было бы архиглупо. Как известно, нет слов плохих вообще, неприемлемых вообще: каждое слово хорошо на своем месте, впору и кстати.

Вспоминается старая, но не потерявшая своего значения и сегодня поговорка: «Точность — вежливость королей». Потому — что от точности формулировок законов, дипломатических документов зависел не только мир или война, не только внутренняя стабильность государства, но и почитание монарха его подданными.

Огромное значение русскому языку (или, как тогда говорили, российской словесности) придавали М. Ломоносов, В. Даль, Г. Державин, а из современников С. Маршак, Э. Гальперина, Д. Розенталь. Как виртуозно владели им В. Шефнер и М. Фрай...

Кто такие? А вы читайте, читайте…

— Что, и словари?

— Да, и словари.

Словари, кстати, в первую очередь (особенно «толковые»). Тогда может вы и поймете, что слово «шпаклевать» произошло от слова **пакля**. Паклей на флоте заделывали швы между досками обшивки парусных кораблей. Откуда взялось безграмотное слово-уродец «шпатлевка», вероятно производя ее от **шпателя**,— инструмента, которым шпаклюют. Но это же безграмотно! А в ответ слышишь: какая разница?

Разница в безответственности и, пожалуй, в эгоизме. Очень часто слышишь: «а у нас в деревне (вариант: в бригаде, на ферме, в институте) все так говорят. Но сейчасто вы в другом месте, где ваш жаргон неуместен и нелеп. Попробуйте сказать мяснику — «сделайте абдоминальный разрез туши» — и он вас не поймет. Зато он отлично

знает, что такое огузок или оковалок — термины не знакомые хирургу, зато известные на мясокомбинате. И не только ударение, но даже одна буква напрочь меняет значение слов: «компот — компост» — почувствовали разницу?

Есть чисто тульское слово «жамки», обозначающее круглые пряники без начинки, выпеченные, как правило, вне Тулы. Тулякам слово понятно, а иногородним приходится пояснять, что «жамки» — от слов «жамать», то есть с трудом жевать плотную, а часто и зачерствевшую сдобу. Тульские же пряники не нужно «жамать», так как благодаря медовой начинке и глазури они долго не черствели. Это факт, а не реклама. Для коренного туляка назвать жамку пряником — все равно что булку обозвать буханкой. Квасной патриотизм? Возможно… А может всего лишь местный говор и только… Для подачи местного колорита пойдет, а вот в официальных текстах — недопустимо. Никто кроме пермяков не обязан знать, что пироги с гречневой кашей называются шаньги. Точно также никто, кроме татар, не обязан знать, что такое баурсаки, однако растолковать по-русски что из себя представляют баурсаки должен. Русский — язык межнационального общения в пределах России, и определения, которые являются общеупотребительными, вошедшими в толковые словари, все знать обязаны. Не зря же в школе учили.

Когда-то все детские книги печатались не только с двумя точками над буквой **е**, но и с обозначением правильного ударения. Это исподволь приучало к правильному произношению. Как жаль, что сейчас подобная практика куда-то делась. Почему??? А как было бы полезно. Почитайте:

— Стара́йся, Ва́ська, стара́йся! — говори́л ма́льчику купе́ц, щу́ря ма́ленькие хи́трые гла́зки. — Бу́дешь хозя́ина уважа́ть — за прила́вок поста́влю. Прика́зчиком сде́лаю. В лю́ди вы́веду. Я всё могу́!

Не раз Ва́ся слы́шал, как купе́ц учи́л прика́зчиков:

— Торго́вля — нау́ка немудрёная. Секре́т в ней оди́н — обма́нывай покупа́теля. А не обма́нешь — не прода́шь!

Но Васи́лий рос че́стным ю́ношей и не мог обма́нывать люде́й. Всё бы́ло ненави́стно ему́ в магази́не: и жа́дный скря́га-хозя́ин и плутова́тые холо́пы-прика́зчики. Васи́лий реши́л уйти́ от купца́.

Расстава́ясь с хозя́ином, ю́ноша сказа́л, сжима́я кулаки́:

— Зря хва́стался, что ты всё мо́жешь. Не мог вот ты из меня́ жу́лика сде́лать! Не вы́шло!

Посмотрите на приведенный ниже алфавит и вы увидите, как много мы потеряли. По буковке, по звуку, а в итоге из пятидесяти четырех сейчас мы имеем всего 32 буквы, да и то пользоваться ими не умеем, а учиться не хотим.

Божественное Послание «Сотворение Духовного Богатства»

1 А Азъ	2 Б Боуки	3 В Веди	4 Г Глаголь	5 Д Добро	6 Є Єсть	7 Є Єсмь	8 Ж Живете	9 Ѕ Зело
10 З Кси	11 И Иже	12 І Ижеи	13 Ї Иниїть	14 Ц Ци	15 К Како	16 Л Людие	17 М Мыслете	18 Н Наш
19 О Онъ	20 П Покой	21 Р Рцы	22 С Слово	23 Т Твердо	24 Ѵ Ѵкъ	25 Ꙋ Оукъ	26 Ф Ферт	27 Х Херъ
28 Ѿ Отъ	29 Ѵ Ижица	30 Ꙋ Чревль	31 Ш Ша	32 Щ Шта	33 Ю Юнь	34 Ꙑ Єры	35 Ь Єрь	36 Ѡ Ом
37 Ѳ Фита	38 Ꙗ Арь	39 Ѥ Эдо	40 Ѩ Ота	41 Ѧ Єнъ	42 Ѫ Одь	43 Ѭ Йота	44 Ѥ Этъ	45 Ѣ Ятъ
46 Ѱ Пси	47 Ꙁ Земля	48 Ꙇ Ита	49 Ѯ Ижа	50 Ꙉ Герь	51 Ꙋ Дерь	52 Ꙁ Земля	53 Ꙇ Инда	54 Ъ Єръ

Валерий Румянцев
(г. Сочи)

НАД ПРОПАСТЬЮ ПОСТМОДЕРНИЗМА

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Есть очень содержательная и архиважная именно сегодня книга «Актуальные проблемы современной русской литературы», автор — Наталья Лихина. В этом литературоведческом труде достаточно глубоко исследуется негативное влияние постмодернизма на современную русскую литературу.

Жаль только, что эта работа посильна для чтения в основном ученым мужам и дамам гуманитарного профиля, так как текст избыточно «перенаселен» терминами, смысл которых не вполне ясен широкому кругу читателей. А как раз этому кругу крайне необходимо уяснить содержание упомянутой выше книги. И тогда станет ясно, что читать писателей-постмодернистов все равно что ступать на тонкий лед, рискуя провалиться в пучину абсурда и безвкусицы.

Наталья Лихина пишет: «Традиционно искусство было призвано расширять представления о мире и человеке, позитивно воздействовать на человеческую природу, способствовать изменению мира и личности в лучшую сторону, облагораживать душу, развивать эстетическое чувство. Искусство нового времени утрачивает эти способности познания и изменения жизни, оно становится особым игровым способом существования художника». И далее: «... в генеральной линии русской литературы всегда присутствовали психологизм и социальная актуальность... Отказ от реалистической традиции можно оценивать как полное разрушение литературы, тупик, конец, что и констатируют своей творческой практикой многие постмодернисты».

Читая наших писателей-постмодернистов (например, рассказ Владимира Сорокина «Настя»), невольно задаешь себе множество вопросов. Что это? Эстетическая и этическая контрреволюция? Искусство для искусства? Бунт ради бунта? Игра ради игры?..

Самыми видными писателями-постмодернистами у нас являются Виктор Пелевин и Владимир Сорокин. Современные литераторы оценивают их творчество по-разному.

Юрий Поляков: «Язык у них слабоват, особенно у Пелевина. Был период, когда пытались сказать, что это теперь такая современная русская литература. Вот это не правда, она не такая. Это ее маргинальный край, интересный, безусловно. Мы, консерваторы, смотрим на вещи гораздо шире, чем они».

Павел Басинский: «Интересна не проза Пелевина, а культурная воля, которую она собой выражает. Эта воля состоит в смешении всего и вся, в какой-то детской (чтобы не сказать: идиотической) любознательности ко всему, что не напрягает душу, память и совесть... пусть издается и переиздается и пребудет вечно зеленым литературным митрофанушкой, любимцем тинэйджеров, интернетчиков и глубокомысленных критиков с испорченным вкусом».

Алексей Филиппов: «Сорокин зло издевается над всем, что связано с советской эпохой: и над литературным стилем, и над сформированным этим временем чело-

веком. У привязанных к советскому прошлому людей это вызывает ярость и отторжение».

Сергей Кузнецов: «Пелевин отвратительный стилист, характеры у него картонные, идеи вторичные и к Настоящей Литературе все это не имеет никакого отношения».

Дмитрий Быков: «Пелевин обречен быть классиком».

Роман Арбитман: «Сам великий и ужасный фекально-генитально-ледяной фантаст Сорокин на самом деле, разумеется, не произвел ничего, кроме двух десятков цитат и одного театрального либретто».

Виктор Топоров: «Каждая новая книга Пелевина — это событие. Как, впрочем, и каждая новая книга Сорокина. Эти двое парадоксальным образом воспроизводят на свой постмодернистский лад классическую оппозицию Толстой-Достоевский, хотя кто из них «Толстой», а кто «Достоевский» так сразу и не скажешь».

Лев Данилкин: «Стараниями Сорокина литература... существовать перестала. Литература может существовать отныне только как насмешка над собой либо как труд графомана».

Вячеслав Курицин: «Бесспорно одно: Пелевин возвратил русской литературе главное ее достоинство — читателя».

Недавно один из моих постоянных читателей упрекнул меня в том, что в своих статьях я нередко привожу образцы общественного мнения по тому или иному литературному вопросу, «выуживая» информацию в Интернете; мол, там «можно надергать все, что хочешь». Но где еще, скажите, можно собрать массу читательских отзывов кроме Интернета? Нигде. Поэтому вновь обратимся к испытанному методу и посмотрим, как читатели отзываются о творчестве Сорокина и Пелевина.

«Ни Пелевин, ни Сорокин не оставляют нынешней России ни малейшего шанса. Оба предвидят скорый конец, даже, можно сказать, надеются на скорый конец. Все ныне происходящее для них омерзительно, и никакого выхода они не видят».

«Сорокин — гений; кроме странных и забавных формальных игр с плотью русской литературы, в любом, в самом умозрительном его сочетании есть реальная плоть и пугающая нутряная глубина».

«Сегодня в России Пелевин, без сомнения, один из самых влиятельных и популярных современных писателей».

«Пелевинский талант фантастики и гротеска, и его блестящая изобретательность ставит его на одно из первых мест в русской литературе».

«Есть такой анекдот. Идет мужик по лесу. Навстречу ему старушка. Мужик говорит:

— Бабушка, что же ты делаешь в такой глуши?

Бабка отвечает:

— Я, сынок, Баба-Яга. Хожу вот по лесу, собираю мухоморы. Потом их с г...ном смешиваю и на спирту настаиваю. Получается целебная настойка, я ее людям продаю, тем и живу. Хочешь, я тебе секрет целебной настойки расскажу?

— Нет, спасибо, бабушка, — говорит мужик, — как деньги на г...не с мухоморами делать, я и сам знаю.

— Ну, тогда прощай, сынок. Всего доброго.

— И тебе, бабуля, до свидания.

Баба-Яга развернулась и пошла в свою сторону, а Пелевин в свою».

«А я слышал такой анекдот. Тем, кто отравился и боится просто сунуть два пальца в рот! Издательство «Педгиз» выпустило для вас карманные издания книг Сорокина. Блюйте на здоровье!»

Некоторые писатели, руководствующиеся реалистической методикой в поисках новых форм и смыслов, начинают увлекаться «манерой» постмодернизма. Примечательна в этом отношении проза ростовского писателя Сергея Сущего.

У него есть великолепные реалистические рассказы. Например, в рассказе «А

помнишь?» изобразительные средства достойны наивысшей похвалы. Автор мастерски «составляет» диалог, из которого, собственно, и состоит почти весь рассказ. Изложена жизненная нестандартная ситуация, которая оставила существенный след в жизни героев повествования.

В рассказе использована столь любимая О. Генри шарнирная композиция, когда без последнего абзаца рассказ имеет один смысл, а последний переворачивает всю ситуацию на сто восемьдесят градусов. Это само по себе уже нелегкая задача так придумать текст, и потому встречается у авторов довольно редко. Собственно, О. Генри — единственный из классиков, у которого таких рассказов-«перевертышей» много.

Или другой замечательный рассказ Сергея Сущего — «Рождественская сказка». Тема сострадания прозвучала в этом повествовании как колокол, не оставляя, думаю, ни одного читателя равнодушным. А эта тема очень нужна именно сегодня, когда нравы ожесточились до предела, когда СМИ каждый день преподносят все новые и новые факты, от которых содрогается душа. Диалоги написаны мастерски, в полной мере раскрывают личности героев повествования. Художественный язык тоже впечатляет. Многие фразы хочется перечитать, например, эту: «...снежком. Он опускался так медленно, что если не присматриваться, казалось — просто висит в воздухе». Написано изящно и правдиво. Если говорить языком литературоведов, этот рассказ выполнил и познавательную, и воспитательную, и нравственно-этическую, и эстетическую функцию.

Но вот мы видим, что Сергей Сущий решил «завоевать» часть территории под названием постмодернизм. И что мы в результате наблюдаем? Читаем его рассказ «Хозяин улицы». Повествование сумбурное, сюжет «размыт». Тема после первого прочтения не совсем ясна; после повторного ознакомления с текстом понимаешь, что она раскрыта как-то приблизительно. Да и вообще, не такой должен быть «герой нашего времени».

Или другой его рассказ под названием «Последний». Начинается он с того, что рыбак свернул снасть (не ясно, какую) и пошел домой. И тут — вдруг! — как черт из табакерки выскакивает (а точнее, выкатывается) старик в инвалидной коляске. Осилив первую страницу, дальше знакомиться с текстом нет желания. Но взялся за гуж... Собрав волю в кулак, дочитываешь и... сожалеешь о зря потраченном времени. В итоге читатель не видит живого образа, не узнает ничего нового ни о своей стране, ни о людях, ни о межличностных отношениях, ни о... Одним словом, постмодернизм.

Сергей Сущий не только прозаик, но и поэт, и литературный критик. Причем, как поэт он имеет свой индивидуальный лирический «код». Его поэтический мир интересен своим устройством. Его стихи, нередко наполненные философскими мотивами, одновременно соседствуют с иронией и сарказмом; постоянно чувствуется близкое творческое родство автора с нашими поэтами-классиками. В поэзии у Сергея Сущего сработало чувство самосохранения — и он не клюнул на постмодернистскую «приманку».

В одном из его стихотворений есть такие строки:

Все движимо любовью и войной —
как любо, братцы, жить, на Дон и Терек
гулять ватагою, терять друзей и в бой
скакать навстречу собственной потере.

Очень не хотелось бы, чтобы Сергей Сущий «скакал навстречу собственной потере» как прозаик.

Фридрих Ницше однажды сказал: «Если долго всматриваться в пропасть, то пропасть начинает всматриваться в тебя». Писателям, заглядывающим в «пропасть» постмодернизма, не надо об этом забывать.

ПОЛКУ ЭНЦИКЛОПЕДИЙ ПРИБЫЛО!

Выход в свет энциклопедии* лауреатов-писателей премий Российской империи и СССР достаточно уникальное явление — я бы сказал: уникальное «в квадрате». Во-первых, навскидку не припомню энциклопедий лауреатов-литераторов, тем более по столь обширным «ареалам», какими являлись царская Россия и СССР; во-вторых, книга издана «в бумаге», причем в добротном полиграфическом исполнении; возможно и указанный тираж (500 экз. нынешних — это как сотня — другая тысяч советского времени) совпадает с действительностью... Особо подчеркнем этот второй момент. Сказанное к тому, что слушая, обычно краем уха, велеречивые рассуждения на телерадио актеров, «переодетых» ведущими и маститыми авторитетами по части всяких гуманитарных наук, о соотнесении печатной (на бумаге) и компьютерно-цифровой литературы, отметил, что таковые спецактеры все справочно-энциклопедические издания безоговорочно относят — уже сейчас, а тем более в светлом оцифрованном будущем, будь не к ночи оно помянуто — *исключительно как к интернетовской*.

И возразить-то нечего! Современный, то есть полностью привязанный к интеренету, человек на все ваши доводы об исторической эстетике чтения бумажных книг, о великолепии библиотечной комнаты с резными, под высокий потолок, шкафами красного дерева, полки которых плотно уставлены шедеврами энциклопедической мысли и высокого полиграфического исполнения: золочеными томами Британики и Ляруса, Брокгауза и Ефрона, *нашей* БСЭ и ее дочки — МСЭ, много чего другого... так ваш собеседник рассмеется вам в глаза: «Ха-ха-ха, папаша! Вся эта твоя дворцовая зала со шкафами, заполненными тысячей томов, уместится у меня в пиджачном кармане!» И вынет из оного хреновинку, вроде как накопителем по-русски именуемую, китайской или тайваньской фабрикации, что размером со старинчатый портсигар... Против лома нет приема. Другое дело, что нынешнему кешбэкистому парнише, офисному манагеру и так далее в переборе возрастов и профессий, все это сокровище энциклопедической мысли без надобности: как ностальгической козе с баяном. По правде говоря, и все остальные бумажные книги сейчас уравнены в статусе с тем же баяном.

Как ни крути-верти своими извилинами, как в логическом левом полушарии своего мозга, так и в правом художественно-творческом, но вывод один: издавать сейчас «бумажные» книги, тем более энциклопедического содержания, суть *эстетический эскапизм*, то есть личностное, непротивленческое (как в учении Льва Толстого) сопротивление неумолимо надвигающемуся расчеловечиванию, то есть трансформации традиционного человека творческого в его утилитарное оцифрованное подобие. А держать в руках свежеотпечатанную книгу и есть хотя и малое, сугубо специфическое, но все же содержание такого сопротивления.

Сказанное — о самом факте издания «премиальной» энциклопедии, а теперь переходим к ее содержанию.

...И к оформлению, конечно, что немаловажно для современного положения дел — повсеместного упадка культуры полиграфического исполнения. Увы. По себе знаю: две мои новые книги разные типографии отпечатали со 100 %-м браком. А поскольку никак не избавлюсь от советской привычки всем и всея доверять, то есть полностью вношу предоплату, то и взятки гладки. Как мы подростками распевали: «Получи, фашист, гранату — распишись за пулемет»... Причины же безвозвратного брака объясняют по-разному. Приказчица из частной типографии, стреляя глазами влево-вправо, ссылается на «нынешние некачественные расходники». Руководитель

* Труба А. С., Макаров Н. А. Лауреаты литературных премий Российской империи и Союза Советских Социалистических Республик.— Рязань: Изд-во ИП Коняхин А. В.— 2024.— 468 с., ил.

же печатни при госучреждении отвечает с римской прямотой: «А где я найду нормальных работников на мизерную бюджетную зарплату?» Господь с ними! Почеловечески сочувствую им. Как и себе — ведь в одной лодке плывем.

Но вот авторам «Лауреатов литературных премий» повезло с добротным издательско-типографским исполнением. Даже непроставленный номер в графе «*Заказ №...*» на странице выходных данных не снижает впечатления. ...Равно как и собственно название книги. Понятийно оно воспринимается вполне аутентично содержанию книги, хотя логико-семантически не соответствует ему. Словосочетание «Лауреаты литературных премий» подразумевает акцент на определении «литературных» к слову «премий». Однако из рассматриваемых в книге премий большинство таковых не являются (не являлись) *сугубо литературными*: из дореволюционных — это Демидовская, Уваровская, Ломоносовская, Макариевская премии, а чисто литературными были только Пушкинская, Грибоедовская и (одноразовая) Киреéвская премии; из советских же премий, ангажируемых в книге, и вовсе отсутствуют однозначно литературные премии — все они, как финансируемые государством (Ленинская и Государственная премии СССР), так и Сталинская премия*, присуждались за выдающиеся достижения в совершенно различных отраслях деятельности. То есть с позиции логико-семантической истинности — это энциклопедия о *писателях (еще правильнее — литераторах) — лауреатах премий Российской империи и СССР*.

Но — повторимся в части апологии названия энциклопедии: и проставленное авторами на титульном листе и обложке таковое не вызывает какого-либо внутреннего возражения, поскольку акценты расставлены в названии совершенно верно для восприятия: *лауреаты-литераторы → премии императорской России и СССР*.

Богу богово, а кесарю кесарево, но потеплело на душе с первых страниц книги, как только взгляд упал на названия царских времен премий: Макариевской и Демидовской — возобновленных в наше время. Ведь за спиной, на стене висит диплом Макариевской премии за 2022-й год, подписанный Патриархом Кириллом, президентом Российской академии наук Г. Я. Красниковым и главой Москвы С. С. Собяниным (финансирование премии), в ящике письменного стола — полуфунтованная лауреатская медаль, а на лацкане пиджака — лауреатский знак; оба с изображением митрополита Макария.

И хотя Демидовской премии не удостоен, но к недавнему юбилею был награжден Демидовским фондом Алтайского союза промышленников золотой медалью «Акинфий Демидов». То есть «сопричастен»...

Но, к сожалению, не нашел на стр. 4, 5, где дано краткое описание статута премий Российской империи, таковое для Макариевской. Восполним здесь это упущение.

Основатель премии — митрополит Московский и Коломенский Макарий (Булгаков) (1816—1882), выдающийся иерарх Русской Православной Церкви (РПЦ), историк, богослов, видный общественный деятель, автор 12-томной «Истории Русской Церкви» и 5-томного «Догматического богословия», действительный член Российской Императорской Академии наук, почетный член Императорского Археологического общества и Общества Российской словесности, положивший начало взаимополезного диалога РПЦ и научной общественности. Гонорары за издание своих трудов он расходовал на поощрение видных ученых и начинающих деятелей науки. Год основания премии — 1867, а начиная с 1882 года Макариевская премия становится одной из самых престижных и известных премий России, которая присуждалась не только богословам, но и ученым других специальностей за выдающиеся достижения в самых различных областях знаний и фундаментальных наук.

В 1995 году, после почти 80-летнего перерыва, по благословению Святейшего

---

* Денежное содержание Сталинских премий (на которое можно было жить! — или прогулять за неделю с народом на берегу Волги, как Мокроусов...) складывалось из личных гонораров Вождя за публикации его книг.

Патриарха Московского и всея Руси Алексия II был возрожден Фонд по Макариевским премиям. В настоящее время, чередуясь через год, Макариевские премии присуждаются по гуманитарным наукам и по естественным и точным наукам.

Учредителями современной Макариевской премии являются РПЦ, Российская академия наук и Правительство Москвы.

Правда, составители энциклопедии на стр. 88, 89 привели краткие сведения о Макариевской премии, но... в контексте статьи о митрополите Макарии как лауреате Демидовской премии, что заметно снижает акцент...

Среди премий Российской империи, лауреаты которых представлены в энциклопедии, Демидовская, Уваровская и Макариевская премии (как и Сталинская в СССР) имели единоличных учредителей: Демидовская в 1831 году учреждена представителем рода Демидовых, уральским горнозаводчиком Павлом Николаевичем Демидовым. А вот Уваровская премия учреждена в 1856 году Алексеем Сергеевичем Уваровым, считающимся основателем русской археологии, в память своего отца, Сергея Семеновича, удостоенного графского титула, министра народного просвещения, бессменного (1818—1855 гг.) президента Академии наук, автора знаменитой формулы: *православие, самодержавие и народность*.

Просматривая первую, «царскую» половину книги, встречая знакомые имена и знакомясь с ныне напрочь забытыми, нельзя не отметить, что составители энциклопедии, удачно «нашедшие друг друга по мичуринскому землячеству», достаточно осознанно выдерживали линию отбора тех лауреатов премий России XIX — начала XX вв. чьи труды и достижения имели не только прямое отношение к художественному литературному творчеству, но и к широко понимаемой русской и славянской словесности, включающей в себя все филологические дисциплины в их дифференциации (до семантики, семиотики и семасиологии), исторические исследования в литературном описании и так далее. Нельзя не отметить того факта, что российские премии того времени значительное внимание уделяли переводческой — на русский язык — деятельности. ...Сразу вспоминаются ранее читанные книги скандинавской литературы периода «скандинавского феномена» последней четверти XIX века — первой четверти XX века, связанного с именами Ибсена, Гамсуна, Бьёрнсона, Брандеса — и еще полтора десятка имен можно назвать... многие из них переведены на русский язык супругами Ганзен (Петр Готфридович и Анна Васильевна), достойное место которым нашлось (С. 36, 37) в энциклопедии, как удостоенных Почетного отзыва Пушкинской премии. А перевод Леонидом Бельским карело-финского эпоса «Калевала» (поощрительная Пушкинская премия)? Кстати, более поздний перевод «Калевалы» принадлежит видному советскому партийному деятелю Отто Вильгельмовичу Куусинену...

По нынешней терминологии это соответствует дипломанту <такой-то> премии, то есть вошедшему в число финалистов конкурса. Точно также нынешним степеням премии соответствуют тогдашние «полная премия», «половинная премия», «малая премия».

Составление словарей — еще один из приоритетов премий Российской империи. Хотя и принято считать, что «все лучшие словари русского языка принадлежат ... немцам» (тот же «Этимологический словарь русского языка» в 4-х тт. Фасмера), но Владимир Даль, Герман Куликовский, Константин Труш, Дмитрий Эристов, представленные в энциклопедии, не позволяют принять эти расхожие слова за истину.

Переходим к советскому времени.

При составлении *словника*, то есть списка названий (персонажей) энциклопедических статей (сам в 80-х годах принимал участие в подготовке двухтомной «Энциклопедии радиоэлектроники»), которые должны составить книгу, обычно используют целеуказание — назначение энциклопедии: «идеологическая» установка, круг предполагаемых пользователей, место энциклопедии в ряду родственных по теме имею-

щихся и пр., в том числе определенная специфика. В литературных энциклопедиях советского периода, в смысле о советских писателях, таковой спецификой, равно как и во всех отраслях и разделах советского социума, являлся принцип «каждый сестре по серьгам», когда речь шла о национальных литературах. И это было — и сейчас есть! — *правомерно*, учитывая, что многонациональное (сто язы́ков...) население Советского Союза во всех программных документах составляло единую народную общность — *советскую нацию*.

...Можно одобрить составителей «лауреатской» энциклопедии, что они взяли за основу прежний подход, составляя словник. Что мы здесь и делаем. Но опять же уместна и определенная политкорректность (при всем моем неприятии этого термина...) с учетом нынешних реалий. К примеру: открываю книгу где-то ближе к началу «советского периода», читаю биографическую справку среднеазиатского писателя, лауреата Сталинской премии, ведущего переводчика на родной язык русской классики, *пропагандиста русской литературы*... а вместо фото лауреата изображена современная почтовая марка с его портретом. Надписи же на марке *латиницей* вместо прежней для языка лауреата *кириллицы*!

И как бы не объясняли (а они и вовсе этой темы не касаются...) СМИ тех бывших «советских союзных», что заменили кириллицу латиницей, причину такого перехода, но это секрет полишинеля: *дистанцирование от России и ее культуры даже в части алфавита*. Именно политкорректным была бы замена марки обычным фото лауреата.

Но причина здесь не в «чутье» составителей, но в ином. А именно: давно ушли в прошлое времена, когда над словарями, энциклопедиями и иными справочно-литературными изданиями работали основательно, зачастую целыми коллективами, в равной степени совмещая творческий и рутинный, переборно-классификационный труд. Даже не о Дале и Фасмере, конечно, говорим, а о более «приземленной» справочной литературе. Сколько трудов и усилий потребовалось, например, на создание знаменитого четырехтомного «Словаря языка Пушкина»? — Сейчас же, используя простенькую (давно готовую) программу и «ноль» творческих усилий, этот словарь, учитывая что все произведения Александра Сергеевича «переведены на цифру», один оператор компьютера, ни о чем не задумываясь, через пару часов выдаст распечатку четырехтомника... За свои слова отвечаю, как имеющий ученое звание профессора по кафедре ЭВМ.

А для тех же литературных и иных энциклопедий «с персоналиями» и вовсе готовая обширная база есть — Википедия. Отсюда и марка с латиницей, и нечто другое, более существенное. А именно: беря материал из Википедии, даже в аннотированных отрывках, следует помнить, что статьи этой электронной энциклопедии формируются по определенным правилам, достаточно формализованным. Опять же из первых рук: все познаша на себе, когда свою персоналию и редактируемого мною литжурнала «Приокские зори» для Википедии готовил...

В силу такого, возможно и общеполезного, формализма и взятые за исходное из Википедии материалы сохраняют этакую «суховатую строгость».

А вот В. В. Огрызко, известный литератор и организатор всероссийского литературного процесса, приложил к своей книге* порядка 800 кратких, но содержательных биосправок почти о всех советских и нынешних российских писателях. Обратись составители «лауреатной энциклопедии» к этой книге, в свое время вызвавшей фурор на грани скандала, они могли бы значительно оживить биографические персоналии. К тому же повысить ее информационно-актуальную содержательность.

Например, читающим статью об Евтушенко, немаловажно было бы узнать, что за свою «эпатажность на грани фола» Евгений Александрович нередко расплачивался

* Огрызко В. В. Против течения. Статьи и заметки о современной литературе / Вступ. ст. Ивана Гобзева.— М.: Литературная Россия, 2010.— 544 с.

неприятностями. Так в 1957 году он был исключен из Литинститута за поддержку «заклеймленного властями» романа Дудинцева «Не хлебом единым». То есть далеко не все гладко шло по жизни у поэтического кумира 60—70-х годов... Это немаловажно для биографии.

А вот В. В. Огрызко пишет о (лауреате) Искандере: «*Искандер Фазиль Абдулович (1929), сын видного и р а н с к о г о п о л и т и к а (выд. нами.— А.Я.), в 1938 году депортированного из СССР (где он некоторое время жил. — А.Я.), который всегда позиционирует себя как абхаза...*» (С. 468).

Тоже немаловажная деталь в осмыслении творческого наследия столь видного писателя.

Подведем итог нашей... нет-нет, не рецензии, не конкретизированного определенной установкой отзыва, а скорее всего авторской рефлексии при ознакомлении с энциклопедией. Анатолий Сергеевич и мой давний друг и коллега по «Приокским зорям» Николай Алексеевич подготовили и издали книгу, которая во многом займет пустовавшую нишу в ряду современных российских энциклопедических изданий. Познавательное чтение для интересующихся русской и советской литературой за два века их последовательного и преемственного развития и совершенствования, а также справочный материал для литературоведов, публицистов и историков отечественной литературы — в таком качестве «лауреатская энциклопедия» востребована и актуальна. Завершим волшебными строками Максимилиана Волошина:

Я мысленно вхожу в ваш кабинет...
Здесь те, кто был, и те, кого уж нет,
Но чья для нас не умерла химера,
И бьется сердце, взятое в их плен...
. . . . . .
Весь тайный цвет Европы и Москвы —
Вокруг себя объединили вы —
Брандес и Банг, Танеев, Минцлов, Кони...

Алексей Третьяков
г. Тула

Олег Роменко
(г. Белгород)

ГОУ ХОУМ, ИЛЬЯ!

Родился в Белгороде в 1977 году. Поэзия и проза публиковались в журналах и альманахах Белгорода («Звонница» и «Светоч»), Москвы («Наш современник»), Симферополя («Белая скала»), Краснодара («Родная Кубань»), Нижнего Новгорода («Нижний Новгород» и «Земляки»), Кирова («Ротонда»), Красноярского края («Истоки» и «Литкультпривет»). Лауреат областных литературных конкурсов. Автор книги стихотворений «Волны времен» (2020).

Рассказ Романа Сенчина «Гоу датч» — это анекдот из разряда «Ах, хрен нам пионеров в церковный хор?! Тогда хрен вам монашек в финские бани!»

Два молодых деловых человека противоположного пола назначают свидание в ресторане. А потом, то ли от двух бокалов сухого вина у них разум помутился, то ли они были прирожденными идиотами, но вечер не сложился: «Ах, ты мне предлагаешь гоу датч-ч?! Ну тогда хорошо провести ноч-чь!» Все это смахивает на недоразумение, возникшее при оплате счета между эскортницей и пригласившим ее в ресторан базарным жлобом. Но автор настаивает, что это были именно деловые люди столицы. К этой теме я еще вернусь.

Роман Сенчин сразу ошарашивает любителей Тургенева и Куприна, Драйзера и Мопассана таким пассажем: *«Со слизнями было приятно время от времени посидеть в кофейне, поболтать, посплетничать. Можно иногда и сексом позаниматься, чтоб такой представитель поласкал там, где животное никогда не согласится — типа, «отлизывать западло, если что — на тюрьме зачмырят».*

Я вспомнил, как нас после присяги построил в казарме старшина роты с «парализатором» в руке и грозно сказал: «Будут залеты, я вам целки поотрываю!» Потом он свободную руку сжал в кулак и резко дернул вниз, словно веревку допотопного сливного бачка, наглядно давая понять, как будет происходить болезненная процедура. Прапорщик не стал выражаться, как привычные нам училка или воспитательша, типа — будете плохо себя вести, я вас накажу. Он выбрал такие слова, чтобы сразу впечатлить салаг и завоевать у них беспрекословный авторитет.

Примерно такой авторитет в глазах читателя нарабатывает и Роман Сенчин. Но тут же попадает впросак — *«отлизывать западло, если что — на тюрьме зачмырят».* Я попробовал смоделировать, как это будет происходить. Представим, что через какое-то время после секса с деловой женщиной «животное» оказывается «на тюрьме». Заходит в камеру: «Вечер в хату», а ему в ответ: «Слышь, чушок, нам твоя лярва шепнула, что ты на воле отлизывал у нее, так что дырявим кружку и под шконку».

И снова вернемся к «деловой» стороне человеческой жизни, которая будто неведома автору. Деловые люди, будь то мужчины или женщины — это диагноз. Они не ищут принцев или принцесс, потому что целиком и полностью погружены в свой

процесс. Когда-то они сами крутили колесико бизнеса, а потом оказались в этом колесе, как в кабале. Зачем героине, деловой женщине, рыцарь? *«Чтоб и любил, и заботился, и был, как скала...»* — поясняет автор.

Но зачем ей такой заботливый, как скала, если она уже давно о себе позаботилась? *«Деловая молодая женщина по имени Анна, в правильной одежде, с правильной сумочкой, на правильном автомобиле, при правильной работе. Квартира своя в относительном центре столицы, дача в Малаховке. Все упаковано».*

Чтобы любил? Помнится, одна наша бывшая знакомая, трескавшая перед сном макароны по-флотски в надежде поправиться, с суровым лицом сказала: «Секс и юмор понятия несовместимые». Так вот секс и деловые люди, конечно, понятия совместимые, а деловые люди и любовь — нет. Наверное, Роману Сенчину не приходилось долго контактировать с такими людьми. Приведу хорошо знакомый лично мне пример. И он далеко не единичный, а типичный для «деловых людей». Муж и жена, предприниматели-рекламщики, есть квартира-трешка из прошлой жизни, загородный дом миллионов за пятнадцать, машина за пять миллионов. Речь идет о провинциальных мелких коммерсантах. Каждый день, включая 1 января и 8 марта, они на работе с девяти утра до девяти вечера. Домой приезжают только поспать. У них двое детей, тоже из прошлой жизни. Мальчик и девочка, получающие второе высшее. После учебы они приезжают к родителям в офис, обедают, заваривая «борщик» в бомж-пакетах, от запаха которого мухи на лету замертво падают. Папа и мама с глазами кроликов за монитором, занимаются своим любимым бизнесом.

У людей, выросших в СССР, сложился ошибочный стереотип, что проклятые капиталисты только и делают, что путешествуют да развлекаются, ни в чем себе не отказывая, в то время как их проклятьем заклейменные сотрудники работают на износ. В действительности, особенно в наше время, деловые люди тратят на работу гораздо больше времени, чем люди, готовые довольствоваться малым и считающие сверхурочную работу в принципе неприемлемой для себя, поскольку у них есть четкое понимание, что сверхурочную жизнь им никто не предоставит.

Деловые люди много работают, потому что если ты не будешь вникать во все нюансы своего дела, то пустишь его по ветру. Всем памятны истории знаменитых русских купцов, когда сын проматывал состояние отца, потому что не хотел заниматься делом, и перепоручал все чужим людям.

Что касается персонажей Романа Сенчина, Ильи и Анны, то они, конечно, не собственники бизнеса, а наемные менеджеры, но и к ним применимы те же самые требования. Для того, чтобы тебя заметили и стали продвигать по карьерной лестнице, ты должен из кожи вон лезть и постоянно доказывать, что нужен фирме и готов в любое время суток заниматься ее проблемами. Словом, тут никакой личной жизни, если сделал выбор стать деловым человеком. А если будешь пытаться совмещать одно с другим, то получится чертовщина, потому что, если водка мешает работе — надо бросить работу.

И в этом отношении биографии героев Романа Сенчина как будто соответствуют типажу делового человека. При очень скупой и неоднозначной обрисовке персонажей, когда Анну можно принять за эскортницу, а Илью за блатного балбеса, все же будем следовать генеральной линии автора, и тут, в принципе, понятно, как у них сложилось в жизни. Анна делала карьеру, попутно рожая детей и разводясь с мужьями. Она всего добилась сама, у нее «все упаковано», а свое ненасытное либидо она удовлетворяла через мужчин, найденных ею на сайтах знакомств, где в большом количестве пасутся разного рода моральные уроды, маниакальные психи да извращенцы с ангельскими анкетами. Их она поделила на «слизней» и «животных».

Сколько раз был женат Илья и был ли женат вообще, мы не знаем, но в момент встречи двух одиночеств можем предположить, что он, по крайней мере, был не обременен штампом в паспорте, потому что, как подчеркнул сам автор, Анна искала

свободного рыцаря. Судя по всему, Илья, также как и Анна, делал карьеру, его заметили и отправили на стажировку в Англию, потому что фирме нужен был человек, курирующий вопросы сотрудничества с западными партнерами, а для этого важно знать их ментальность. Спустя несколько лет Илья возвращается на родину и занимает крупную должность в своей компании.

А теперь снова к авторским ляпам. Чего хочет героиня? Чтобы мужчина был рыцарь, но не хрен с горы, чтобы не лошок и не фуфлыжник. Но это все лирика. Не в этом сокрытый двигатель ее. *«Где нормальные мужики?*!» — восклицает Анна. Героине одного из романов Пикуля хотелось «страсти неземной с марафетом и чтобы кавалеры веником опахивали». Примерно этого жаждет и героиня Романа Сенчина. С «животными» и «слизнями» ей по-своему хорошо, но для максимального комфорта нужно, чтобы было «два в одном». Иными словами, «рыцарь» или «нормальный мужик» — это что-то среднее между «животным» и «слизнем». Например, в мире животных, взять тех же собак, у сук большим благоволением пользуется «кавалер» (он же «рыцарь»), который сначала «отлизывает», а уже потом обхватывает партнершу «стальными лапами».

И к чему здесь нагромождать: чтобы «как скала», чтобы «заботился», чтобы любил по-человечески, словом, весь этот отнюдь не скотский джентльменский набор? Ведь сам автор представляет деловую женщину как сексуально озабоченную маниакальную натуру: *«не мальчик, но и до старческого утомления еще далеко», «так нежно погладил вместо пожатия, что Анна почувствовала возбуждение», «отозвалась Анна, глядя на бугорки его мышц под тонкой голубоватой сорочкой».* А вот когда герой тупит с Достоевским, Анну нисколько не разочаровывает общество *«неглупого, видимо, Ильи».*

Когда-то на заре перестройки родилась крылатая фраза: «У нас в Союзе секса нет». Схожие мысли возникают, когда читаешь вот такое у Романа Сенчина: «Правда, нужно было торопиться достичь удовольствия — эти не ждали ее, не помогали, а, удовлетворившись, откидывались и, лежа на спине, громко дышали и фыркали». Хочется спросить: вот эти «животные», они же «мощные парни со стальными руками», они действительно занимались сексом с Анной или же они вместе с ней тащили на себе рояль из Москвы в Малаховку, отдуваясь и фыркая после тяжелых физических нагрузок? Вот если бы это были старики, взбодренные конским возбудителем, которых оседлала «пока еще стройная, хотя и крупноватая» деловая женщина Анна, то они могли бы после такого стресса отдуваться, фыркать и даже хвататься за сердце и просить вызвать скорую. Но речь ведь идет о «мощных парнях со стальными руками», к тому же еще и «скорострелами». Им ли отдуваться и фыркать? Такое ощущение, словно это писал не взрослый человек, а школьник, насмотревшийся постановочного порно и только фантазирующий о сексе, примеряя на себя роль полового партнера.

Еще одна логическая нестыковка: *«Она ждала, что он схватит ее за руку, остановит, прикажет твердым спокойным голосом: «Все, проехали это недоразумение! Успокойся, и — ко мне. Я тебя не отпущу». И тогда бы она наверняка сдалась».* И это после того, как: *«Илья догадался, что что-то не так. Растерялся», «Илья, она чувствовала, униженно посеменил за ней», «Илья рядом неловко, трясущимися руками натягивал на себя пиджак».* И после всего этого она еще чего-то от него ждала?

Наверное, Анну, не только как деловую москвичку, но и как женщину, в памяти которой беспорядочные половые партнеры *«представляли собой красновато-серую, едко пахнущую массу»,* вряд ли шокировало бы поведение Ильи. Да и сам Илья не стал бы так унижаться перед первой встречной. Ведь деловых людей, особенно на крупных должностях, всегда отличает умение владеть собой в любой ситуации.

В жизни люди не ведут себя так, как герои Романа Сенчина. Такие «типажи» характерны для российских сериалов, страшно далеких от реальности. Лев Толстой

говорил, что все можно выдумывать, нельзя только выдумывать человеческой психологии. Об этой заповеди великого писателя я вспомнил в большом книжном магазине, где обратил внимание на то, что редкие посетители почему-то вьются возле стеллажа с книгами по психологии. А все потому, что очень многие авторы, подобно Роману Сенчину именно тем и занимаются, что выдумывают человеческую психологию и этим отталкивают от литературы взыскательного читателя, ищущего правдивых книг о жизни.

Главный срыв автора здесь в неверном понимании самой природы творчества. Андре Жид полушутя, полусерьезно призывал бездумно тащить в свои произведения все что где-то увидишь, услышишь или прочтешь у других писателей. В этом есть свой резон, но главное, чего не хватает современным литераторам, кующим новую российскую прозу, так это настоящих впечатлений или, что еще хуже, восприятия. Тех самых впечатлений, являющихся краеугольным камнем любого творчества, о которых говорили русские писатели — эмигранты, дескать, мы на чужбине не засохнем, нам есть о чем писать, мы накопили множество впечатлений на родине.

Современные авторы много времени проводят в интернете, где черпают «идеи» для своих произведений. А судя по шаблонным репликам их персонажей, еще и сериалов пересмотрели немало, потому и получается в их писаниях сплошь и рядом такая сериальная несуразица. В этом отношении они являются слепком со своего современника, человека «зарезанного цивилизацией». Человека с «ампутированной» душой, зачарованно смотрящего стеклянными глазами в экран смартфона-«телекрана». И тут уже не до секса и не до реальной жизни, а если «пальцы просятся к перу, перо к бумаге», то на выходе получается свидетельство собственного «восторга развоплощенья».

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ

Журнал выходит в электронном (см. стр. 2) и в бумажном виде. Последний издает на коммерческой основе Издательство Тульского госуниверситета. Поэтому для заказа нужного числа экз. следует обращаться по e-mail: elisafine@yandex.ru. Редакция этими вопросами не занимается.

Достаточное число авторов согласились и с нашей традиционной, отчасти новой, редакционной политикой, суть которой состоит в следующем. Как и ранее, мы публикуем на сайте нашего журнала четыре номера в год — в последние дни каждого квартала. «Приокские зори» оставляют для себя статус всероссийского, а де-факто и международного издания. Поэтому для публикации единственным критерием отбора было и остается: талант автора, истинный — не «квасной»! — патриотизм и народолюбие, воспитанный в нас советской властью искренний интернационализм. На том и стоим.

По просьбе авторов, желающих самим отпечатать экз. журнала с их публикацией, редакция высылает им файл издательского оригинал-макета нужного номера с обложкой в цвете. Поскольку теперь даже в небольших городах хорошо развита сеть мини-типографий с печатью на «электронке» от одного экз., то здесь авторы с какими-либо трудностями не столкнутся. Это принятая ныне во всем мире практика печатания «по заказу». Мы здесь Америку не открываем...

Редакция журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., ***является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»***. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России. Не забудьте занести экземпляр в редакцию журнала или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:

Шафран Яков Наумович родился в посёлке Брагине Гомельской области Белоруссии. В четырнадцать лет переехал на родину матери в Тулу. В 1973 г. окончил машфак Тульского политехнического института (ныне ТулГУ), а в 1997 г. - Высший психологический колледж при Институте психологии Российской Академии наук.

Пишет с юных лет. Изданы сборники стихов и прозы «Любимая, прости» и «Спасение рядом». Яков Шафран печатается в литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори", в альманахах «Тула», «На крыльях Пегаса», «День тульской поэзии» и «НЛО», в московских поэтических сборниках «Поют любовь вам ангелы-поэты» и «Планета «Душа»; участник проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов и прадедов» с публикацией произведений в книге «Мы помним..."

Яков Шафран является сопредседателем литературного объединения «Ковчег» при Обществе православных писателей Тульской области, членом литературного объединения «Пегас» при Тульском отделении Союза писателей России. В настоящее время работает над романами, повестью, циклом рассказов и поэтическим сборником, совмещая творчество с работой в Медицинском институте Тульского государственного университета. Является техническим редактором журнала "Приокские зори".

Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» не имеет никакого государственного или частномеценатского финансирования, поэтому не обладает возможностью материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные, преимущества:

— это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;

— поскольку журнал выходит под эгидой Союза писателей России и Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также имеют отношение к ним;

— как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв, *если автор об этом позаботится*;

— наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в двух номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 2 экз.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие издания:

1. *Бийский Вестник*. Литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал (г. Бийск Алтайского края).— 2024.— №№ 1, 2. (Опубликованы материалы Елизаветы Барановой и Якова Шафрана).
2. *Северо-Муйские огни:* Авторский литературный журнал.— 2024.— №№ 1, 2. (Опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).
3. *Московский Парнас*: Вестник Академии российской литературы.— 2023.— № 4.; 2024.— № 1. (Опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).
4. *На крыльях Пегаса*: Альманах. Вып. 22.— Тула: PRINT71, 2024.— 299 с. (Опубликованы произведения многих авторов «Приокских зорь»).
5. *Дым Отечества.* В поисках утраченного: Литературно-краеведческий альманах. Вып. 10.— Тула: ТППО, 2024.— 357 с. (Опубликованы произведения многих авторов «Приокских зорь»).
6. *Александр Бабенко.* Настенная графика (Субъективные измышления 1997—2023).— Тула, ТППО, 2024.— 72 с.
7. *А Бабенко и Н. Ральников.* Вдвойне!: сб. стихотворений.— Тула: «Тульский полиграфист», 2024.— 68 с.
8. *Бесперстых А. П.* Словарь языка поэзии Игоря Григорьева. Вып. 1. Поэма «Обитель».— СПб: «Политехника-сервис», 2019.— 392 с.
9. *Скоблев Е. М.* Филателистические истории.— М.: Белый ветер, 2023.—142 с.
10. *Лермонтов*: мысли, афоризмы, цитаты / Сост.А. П. Бесперстых.— Ростов н/Д: Феникс, 2012.— 269 с. (Серия «Вечные истины»).
11. *Труба А. С., Макаров Н. А.* Лауреаты литературных премий Российской империи и Союза Советских Социалистических Республик.— Рязань: Изд-во ИП Коняхин А. В., 2024.— 468 с., ил.
12. *Тульские афганцы* о времени и о себе / Сост. Н. А. Макаров.— Тула: Аквариус, 2023.— 280 с.

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Бесперстых А. П.* Словарь языка Алексея Яшина.— СПб: «Центр современной литературы и книги на Васильевском», 2024.— 245 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
2. *Алексей Яшин.* Пир в Валгалле: Семейная хроника 21-го столетия.— СПб: «Центр современной литературы и книги на Васильевском», 2024.— 401 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова».

Ежегодно лауреатами становятся два автора наиболее значимых произведений по разделам:

— проза;

— поэзия.

Звания лауреата — по номинациям — удостаиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть руководители журнала, то есть главный редактор и его заместители, руководители организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место и страна проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений читателей журнала. Читатели «Приокских зорь» приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-й стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания. Также имена лауреатов объявляются в литературных газетах. Лауреатам вручаются дипломы, лауреатские медали и удостоверения к ним, а также подарочное нумерованное издание «Левши» Н. С. Лескова. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявлен конкурс на 2024-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

НОВОСТИ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

* * *

29 марта 2024 года в посольстве Демократической Федеративной Республики Непал состоялся памятный творческий вечер, посвященный памяти выдающегося общественного деятеля, писателя, журналиста и переводчика, члена Союза писателей России и Ассоциации исследователей Гималаев и Тибета, почетного члена Общества детской литературы Непала, члена Союза писателей России Кришны Пракаш Шрестха (07.11.1938—29.03.2021гг.).

В мероприятии приняли участие видные общественные деятели, представители культуры, науки и политики Непала и России. Академию российской литературы представляли Татьяна Че (Чеглова), Нелли Копейкина, Ольга Карагодина и Евгений Скоблов.

Награждение Чрезвычайного и Полномочного Посла Непала в России господина Милана Раджа Туладхара Почётной грамотой Академии РЛ

В ходе вечера участники альманаха были награждены Почетными грамотами и благодарственными письмами от Правления Академии российской литературы.

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЗДРАВЛЯЕТ!

Правление и коллектив Академии сердечно поздравляет поэта, прозаика, драматурга, журналиста — Владимира Николаевича Федорова с Днем рождения!

Владимир Николаевич Федоров — российский поэт, прозаик, драматург, журналист. Член Союза писателей СССР с 1988 года, автор более 25 книг различных жанров, изданных, помимо русского, на болгарском, немецком, армянском, украинском, азербайджанском языках, а также пьес, показанных на сценах Сибири и Дальнего Востока, Москвы и Санкт-Петербурга.

Владимир Николаевич Федоров родился в 1951 году в Якутии. Инженер-геолог по образованию, работал в полевых партиях. Затем стал журналистом, возглавлял литературно-художественный журнал «Полярная звезда», работал главным редактором газеты «Якутия» главным редактором «Общеписательской Литературной газеты» Международного сообщества писательских союзов.

Лауреат Большой литературной премии Союза писателей России, международных премий «Триумф» и «Литературный Олимп», всероссийских премий Николая Гумилева, Николая Лескова, «Золотое перо Руси», Государственной премии Якутии и других писательских наград. Член Высшего творческого совета СП России. Живет в Москве.

От всей души желаем Владимиру Николаевичу Федорову доброго здоровья, новых больших творческих достижений, успехов, всемерного благополучия и благодарных читателей!

* * *

Нашу коллегу Ольгу Карагодину с медалью М. Ю. Лермонтова от Российского союза писателей и дипломом «Номинанта литературной премии «Писатель года 2024» в номинации «Юмор».

Правление Академии российской литературы

ЛИТЕРАТУРА И НЕМНОГО ИСТОРИИ

11 апреля 1803 года родился Козьма Петрович Прутков, поэт, драматург, философ, директор Пробирной палатки — гениальная мистификация русской сатиры. Рассказываем!

Козьма Прутков — коллективный псевдоним четырех писателей. В 50—60-е годы XIX века под ним публиковали свои произведения Алексей, Александр и Владимир Жемчужниковы и их двоюродный брат Алексей Толстой.

* * *

ДЕНЬ КОСМОНАВТИКИ

«Облетев Землю в корабле-спутнике, я увидел, как прекрасна наша планета. Люди, будем хранить и приумножать эту красоту, а не разрушать ее!»

Юрий Гагарин.

* * *

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ СООБЩАЕТ

Дорогие друзья, уважаемые коллеги!

Редакция «Московского Парнаса» сообщает, что вышел очередной № 1/2024 г. альманаха.

Поздравляем авторов и издателей «Московского Парнаса», желаем доброго здоровья и творческих успехов!

* * *

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Завершился Второй сезон (2023—24 гг.) Всероссийской Арктической литературной премии им. В. С. Маслова, учрежденной Администрацией Мурманской области и Союзом писателей России. В число победителей (второе место в номинации современной прозы) вошел литературный шеф-редактор (главный редактор) журнала «Приокские зори» Алексей Яшин. Для поощрения победителей Атомфлот (Мурманск) выделил бесплатную путевку (коммерческая цена 2,5 млн. руб.) для участия в путешествии на Северный полюс на атомном ледоколе «50 лет Победы» в июле этого года.

НОВОСТИ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

5 марта — судьбоносный день для целого ряда известных литераторов, каждый из которых оставил весомый след в своем жанре и в своей эпохе…

В 1703 году в Астрахани в семье священника родился **Василий Тредиаковский** — русский поэт и прозаик. Он является одним из основоположников современного силлабо-тонического стихосложения в России. Одним из лучших стихотворений поэта считаются «Стихи похвальные России», которые были положены на музыку:

«Виват, Россия! Виват, драгая!
Виват, надежда! Виват, благая!..»

Василий Кириллович Тредиаковский умер 17 августа 1768 года в Петербурге.

В этот день в 1895 году не стало одного из лучших русских прозаиков — **Николая Лескова**. Он появился на свет 16 февраля 1831 года в небольшом селе Горохово Орловской губернии. Его отец, выходец из духовенства, служил в палате по уголовным делам. Начальное образование Лескову дали богатые родственники, а в 1841 году он стал учиться в гимназии. Первые печатные рассказы писателя стали выхо-

дить в газетах и журналах с 1859 года. Лучшими его произведениями, принесшими известность, стали повести «Леди Макбет Мценского уезда» (1865) и «Левша» (1881). Умер Николай Семенович Лесков 5 марта 1895 года в Санкт-Петербурге и был похоронен на Волковом кладбище.

В этот роковой день не стало и одного из величайших поэтов 20-го столетия — **Анны Ахматовой**. Главная, хотя и не единственная тема ее стихов — любовь.

В 1914 году, после выхода в свет сборника «Четки», закрепилось мнение об истинном поэтическом таланте Ахматовой. Затем появились «Белая стая», «Подорожник» и наконец — известный сборник «MCMXXI», который отражал все нотки чувств и скорби Анны Андреевны, связанные с расстрелом ее супруга, поэта Николая Гумилева. Ахматова стала свидетелем смены эпох — пережила две мировые войны, революцию и блокаду Ленинграда.

«Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки».

Анна Андреевна Ахматова умерла 5 марта 1966 года в санатории в Домодедове, была похоронена в Комарово под Ленинградом.

В 1919 году во Владимирской губернии родился **Алексей Фатьянов**, ставший советским поэтом, автором многих известных песен. В этом году мы отмечаем 105 лет со дня рождения поэта, чьи песни во все времена остаются любимыми...

В 1922 году в Киеве в семье инженера и учительницы родился будущий советский поэт и журналист, военный корреспондент **Семен Гудзенко**. В 1939 году он поступил в Московский институт философии, литературы и истории, но до конца не доучился — началась Великая Отечественная война. В июле 1941 года Семен Гудзенко добровольцем ушел на фронт. Получил тяжелое ранение. На фронте стал писать стихи. Первую книгу, «Однополчане», он выпустил в 1944 году. В ней поэт выступает от лица всех рядовых участников войны, на долю которых выпали тяжелые испытания. Хрестоматийным стало стихотворение поэта «Мое поколение», которое было положено на музыку композитором Зубковым и прозвучало в фильме «Цыган» в исполнении Михая Волонтира.

«Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого б не жалели.
Мы пред нашим комбатом, как пред Господом Богом, чисты.
На живых порыжели от крови и глины шинели,
На могилах у мертвых расцвели голубые цветы…»

После войны Гудзенко работал корреспондентом в различных изданиях. Продолжая писать, он опубликовал сборники стихов: «После марша», «Закарпатские стихи», «Поездка в Туву», поэму «Дальний гарнизон». 12 февраля 1953 года от последствий полученных ранений Семен Петрович Гудзенко скончался в Москве. Похоронен на Ваганьковском кладбище.

* * *

Одоевский писал: «Перо пишет плохо, если в чернильницу не прибавить хотя бы несколько капель собственной крови». Можно уверенно сказать, что все герои этого дня, любимые многими из нас, создавали свои произведения, пропустив их через кровь души и судьбы.

Ведущая рубрики — Елизавета Хапланова

* * *

6 марта 2024 день рождения нашего великого сказочника **Петра Павловича Ершова.**

* * *

Сегодня, 9 марта — 90 лет со дня рождения **Юрия Алексеевича Гагарина**. Рожденного летать, безусловно. Но при этом сподвигнутого к великому шагу всей страной. Каждым инженером, конструктором, рабочим, учителем, солдатом и маршалом. Поэтом, художником и актером, добавлю. Всей логикой нашей истории, будто огромной сильной и доброй ладонью, подтолкнули: дерзай.

Это не он один улыбнулся Вселенной, целая страна улыбнулась.

Как я люблю фразу, однажды Гагариным процитированную: «Из ресторанов в космос не летают». Для высоких целей нужны правильные стартовые площадки.

Елена Ямпольская

* * *

11 марта — ДЕНЬ ПАМЯТИ двух выдающихся деятелей русской литературы: писателя и мыслителя эпохи романтизма, основоположника русского музыкознания **Владимира Одоевского** и писателя, общественного деятеля **Бориса Васильева**.

Ведущая рубрики — Елизавета Хапланова

* * *

Книга о литературных лауреатах

Вышла из печати книга «Лауреаты литературных премий Российской империи и Союза Советских Социалистических Республик», авторами которой являются член Правления Союза писателей России Анатолий Труба и член Союза писателей России Николай Макаров.

Описаны достижения лауреатов литературных премий Российской империи — Демидовской, Уваровской, Ломоносовской, Пушкинской, Грибоедовской и самой малочисленной Киреевской (вручалась единожды); Советского Союза — Героев Советского Союза, Героев Социалистического труда, Сталинской премии, Ленинской премии, Государственной премии СССР.

«Лауреаты литературных премий Российской империи и Союза Советских Социалистических Республик» — это систематизированный биографический список писателей, отмеченных высшими литературными премиями Российской империи и СССР. Издание содержит данные о жизни, а также сведения об истории награждения, литературной и общественной деятельности лауреата. Являясь универсальным научно-справочным трудом, книга раскрывает литературные процессы, происходившие в Российской империи и Советском Союзе.

Издание иллюстрировано фотографиями из архивов награжденных и предназначена для широкого круга читателей. ***См. развернутый отзыв на книгу Алексея Третьякова в настоящем номере журнала (стр. 290—294).***

* * *

15 марта 2024 года исполняется 100 лет со дня рождения писателя-фронтовика Юрия Васильевича Бондарева.

Родился он в г. Орске Оренбургской области, через несколько лет семья переехала в Москву.

В 1941 году 17-летний Бондарев со школьной скамьи ушел на фронт. Это поколение оказалось наиболее уязвимым в Великую Отечественную — они проходили краткий «курс молодого бойца», и, не имея опыта и профессии, попадали в пехоту, где чаще своих старших товарищей погибали. Из ста молодых ребят 1924 года рождения домой возвращались только трое. К их числу принадлежит и Бондарев, заслуживший две боевые награды — медали «За отвагу». Согласно наградным листам, в августе 1943 года в Сумской области, будучи командиром орудия, он уничтожил три огневых точки, одну автомашину, одну противотанковую пушку и 20 солдат и офицеров противника, в марте 1944 года в Каменец-Подольске сумел отразить танковую контратаку. Воевал под Сталинградом, дважды получал тяжелые ранения и после госпиталя возвращался на фронт. Будущему писателю в это время было всего 19—20 лет…

В 1946 году Юрий стал студентом Литературного института имени А. М. Горького, занимался на семинаре К. Г. Паустовского. В журналах начали появляться первые его рассказы, а вскоре после окончания вуза он был принят в Союз писателей СССР. В 1956 году увидела свет первая повесть писателя — «Юность командиров», рассказывающая о буднях курсантов артиллерийского училища. Широкую известность автору принесли повести «Батальоны просят огня» и «Последние залпы», которые стали образцами жанра лирической фронтовой повести. Личный опыт, впечатления войны нашли отражение в его произведениях, написанные характерным для целого поколения авторов языком «окопной правды». Художественное открытие Бондарева состояло в том, что он впервые показал внутренний мир человека на фронте, сложность выбора и принятия решений, истории одного взвода или одной роты, частные судьбы отдельных солдат и офицеров, изображенные с чеховской психологической и бытовой детализацией. Позднее новаторство писателя было описано так: «Автор не перекладывает всей вины за гибель батальонов на одни плечи. Для него существенно не то, что Иверзев не спас обреченные батальоны: спасти их было, очевидно, невозможно. Но для Бондарева важно, как повел себя Иверзев, какие человеческие черты проявились в характере в этот драматический момент». Писатель вглядывается в мельчайшие движения души в самых сложных, критических ситуациях, к которым, безусловно, относится происходящее на войне, и тем самым помогает нам заглянуть в собственную душу и ответить на вопрос: «Кто мы сами?»

Большой успех имел роман «Горячий снег», в котором Бондарев вплотную подошел к созданию эпического полотна, хотя действие произведения ограничено одними сутками и одним событием — боями на подступах к Сталинграду. Позднее писатель напишет: «После войны я начал писать о войне. Все, что мною написано о ней,— это искупление долга перед теми, кто остался там… Я постарался осмыслить их судьбы».

Значительное место в творческой биографии писателя занимают и работы в кино — им созданы киносценарии по многим собственным произведениям, в том числе сценарий киноэпопеи «Освобождение».

С конца 60-х Бондарев занимал руководящие посты в Союзе писателей, в 1990—1994 гг.— председатель СП России. Был депутатом Верховного Совета РСФСР, делегатом нескольких съездов КПСС. Награжден Ленинской премией и дважды — Государственной премией СССР. Герой Социалистического Труда. Писатель всегда шел против течения — и когда открыл лирическую прозу о войне, и когда в 1973 году подписал открытое письмо против А. Д. Сахарова, и когда в 1988 году выступил против перестройки, сравнив ее «с самолетом, который подняли в воздух, не зная, есть ли в пункте назначения посадочная площадка»… Он резко высказывался в адрес тех, кто очернял советское прошлое, отстаивая свои политические и жизненные убеждения на всех уровнях. В 1994 году Бондарев не принял орден «Дружбы народов», который хотел ему вручить Борис Ельцин по случаю его 70-летия. Юрий Васильевич ответил президенту: «Сегодня это уже не поможет доброму согласию и дружбе народов нашей великой страны»…

Юрий Васильевич Бондарев умер 29 марта 2020 года в Москве в возрасте 96 лет. Похоронен на Троекуровском кладбище.

«Вся жизнь — бесконечный выбор. Каждый день — от выбора утром каши и галстука до выбора целого вечера — с какой женщиной встретиться, куда пойти, каким образом убить проклятое время. Все совершается после выбора: любовь, война, убийство. В последние годы я часто думаю, что управляет нашим выбором при жизни? Но кто знает, есть ли выбор после смерти? Ад? Рай? Сон? Что там будет за краем?» // Ю. Бондарев.

Ведущая рубрики — Елизавета Хапланова

* * *

450-летие со дня выхода первой «Азбуки»

14 марта отмечается 450-летие со дня выхода первой «Азбуки» (печатной книги для обучения письму и чтению) Ивана Федорова (1574). Первый русский учебник, знаменитая «Азбука» Ивана Федорова была создана во Львове в 1574 году.

* * *

ВОПРЕКИ ВСЕМУ...

Как известно, в 2004 году литературу сначала вывели из «орбиты» Министерства культуры, «пристегнув» к печати, а затем вообще передали в Минцифру. Судя по деятелям культурки, первыми побежавшими из страны с началом СВО, эксперимент принес определенные плоды.

Союз писателей России тем не менее не перестает считать себя причастным именно к культуре России, к ее духовной безопасности. Вне сомнения, когда-то завершится и этот эксперимент. А писатели, прекрасно понимая свое предназначение, продолжают оставаться друзьями и соратниками всех работников культуры, совместно отвечая на вызовы времени.

* * *

Александр Васильевич Суворов
«Мы воюем не из-за ненависти к врагу, а из-за любви к Отечеству».

* * *

1 апреля 1809 года в селе Сорочинцы Полтавской губернии родился **Николай Васильевич Гоголь** — прозаик, драматург, литературный критик, один из самых известных русских писателей в мире.

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Сердечно поздравляем с днем рождения члена СПР, заместителя председателя Правления Академии российской литературы, специального корреспондента международного литературного альманаха «Московский Парнас», фото- и видео-оператора информационной группы Академии, российского литератора, автора многих книг, руководителя проектов коллективных изданий Академии Ольгу Карагодину!

Желаем Ольге Геннадьевне здоровья, новых творческих успехов и благополучия!

Редакция «Приокских зорь»

НОВОСТИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ НАШИХ ПОСТОЯННЫХ АВТОРОВ

Накануне 225-летия со дня рождения А. С. Пушкина (06.06.2024) в Туле вышло в свет 7-е издание книги члена СПР, Российского Союза ветеранов Афганистана Николая Макарова «Пушкин и медики: хроника болезней и встреч с медиками» (Тула: Изд-во ТулГУ, 2024.— 150 с. ISBN 978-5-7679-5342-4)

МАКАРОВ Николай Алексеевич – гвардии майор медицинской службы (Воздушно-десантные войска), член Российского Союза ветеранов Афганистана, Союза писателей России, редколлегии журнала «Приокские зори», лауреат литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова (2010), литературной премии Правительства Тульской области имени Л. Н. Толстого (2015), премии имени С. И. Мосина (2016).

НИКОЛАЙ МАКАРОВ

ПУШКИН И МЕДИКИ

ХРОНИКА БОЛЕЗНЕЙ И ВСТРЕЧ С МЕДИКАМИ

* * *

14 февраля 2024 года в Тульском государственном музее оружия состоялась презентация книги члена Российского Союза ветеранов Афганистана, члена СПР Николая Макарова «Тульские афганцы о времени и о себе» (Тула, 2023), посвященной 35-летию вывода советских войск из Афганистана.

Участники презентации: редактор-составитель и автор книги Н. Макаров, ветераны ТРО РСВА «Братство», студенты техникума железнодорожного транспорта им. Б. Ф. Сафонова, сотрудники музея.

В зале организована выставка книг, посвященная войне в Афганистане и творчеству Н. Макарова, установлены флаги РВИО.

Почетные гости музея: ветеран Великой Отечественной войны Юрий Николаевич Никольский и депутат Тульской областной Думы Алексей Иванович Альховик.

Артист и режиссер ТЮЗа Даниил Талолин прочитал стихотворение Валерия Ковалева «Истоки».

Юрий Никольский (98 лет) рассказал о своем участии в боях Великой Отечественной войны, провел параллели о той давнишней войне с нынешними событиями на Украине.

Елена Кусая, ведущая торжественного вечера, обратила внимание на выставку книг, организованную Библиотечно-информационным центром «Оружие. Память. Патриотизм», посвященных подвигу советских солдат и офицеров в Афганистане, среди которых представлены издания Николая Макарова, лауреата литературных

премий им. Н. С. Лескова и им. Л. Н. Толстого, двух премий им. С. И. Мосина, автора многих изданий о туляках, оставивших яркий след в истории нашего Отечества», посвященные тулякам-афганцам, выпущенные в 2014, 2019 и 2023 гг. Николай Макаров рассказал о создании книги «Тульские афганцы о времени и о себе» и о своем творчестве.

Алексей Альховик, председатель Правления ТРО «Российский Союз ветеранов Афганистана», участник дерзкой операции советских десантников по захвату Кабульского аэродрома в декабре 1979 года, также провел параллель между Великой Отечественной войной, войной в Афганистане и событиями на Украине, особенно подчеркнув в своем выступлении, что необходимо и сегодняшнему молодому поколению готовиться, если придется встать на защиту Родины.

Порадовали собравшихся своим творчеством афганцы Виктор Борисов (стихи) и Юрий Жидков (песни).

Вдова Валерия Ковалева Светлана рассказала о своем муже, умершем в 2021 году и похороненным в Туле на аллее Героев.

Ученик 4 «Б» класса ЦО № 8 им. Героя Советского Союза Л. П. Тихмянова Михаил Лепехин (внучатый племянник Н. Макарова) прочитал стихотворение «На Афганской земле нет покоя» афганца Валерия Бодретдинова.

Перед общим фотографированием участники и гости торжественной презентации получили в дар книгу «Тульские афганцы о времени и о себе» с автографом автора.

Фото Михаила Алехина

СКОРБИМ

К трагическому событию 22 марта 2024 г. в Концертном центре подмосковного города Красногорска.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ СТИХОТВОРНЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле. Текстовый файл должен быть оформлен следующим образом:

1) поля файла обычные;

2) фотографию автора размером 4×5 см поместить справа;

3) имя и фамилию автора (шрифт, размер 14,— полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);

4) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже (левее фотографии, выравнивание по левому краю, регистром — все прописные). Шрифт общего названия: размер 16 — полужирный.

5) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую литературную биографию автора (не более 10 строк, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — одинарный;

6) текст стихотворений выравнивать по левому краю с отступом 3...4 см (в зависимости от длины строк), шрифт — обычный. Заголовки (названия) стихотворений размещать по центру стихотворения, шрифт — полужирный;

7) стихотворения не присылать «на выбор», общий объем представленного материала — не более 5—7 стихотворений (шрифт Times New Roman, размер 14, междустрочный интервал — единичный). Для поэм объем материала может быть увеличен.

Требования к фотографии:

1. Фотография должна быть портретной.

2. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.

3. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ ПРОЗАИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле с фотографией. Текстовый файл должен быть оформлен следующим образом:

1) фотографию автора — поместить справа (размер фотографии — 4×5 см);

2) имя и фамилию автора (шрифт: размер 14, полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);

3) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его ещениже, левее фотографии, выравнивание по левому краю(шрифт: размер 16, полужирный, регистр — все прописные);

4) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую литературную биографию автора (не более 10 строк, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — 1,5;

5) общий объем одного представленного материала — не более 10—12 стандартных страниц формата А4 (шрифт: размер 14, Times New Roman, междустрочный интервал — 1,5). Если фактический объем превосходит 10—12 стр., то следует его сократить до необходимого объема с сохранением сущности или самой идеи повествования. При этом делается ссылка: «печатается с сокращениями». В противном случае авторскую правку придется выполнять редакции.

Требования к фотографии:

1. Фотография должна быть портретной.

2. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.

3. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.

По электронной почте материалы высылать: прозу, включая публицистику и пр., по адресу: astashkin_55@mail.ru — зав. отделом прозы Евгению Ивановичу Асташкину; поэзию — по адресу: timohin63@yandex.kz — зав. отделом поэзии Николаю Николаевичу Тимохину. Заказ экз. журнала — по адресу: elisafine@yandex.ru

С уважением,
редакция журнала «Приокские зори»

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

Всероссийский
литературно-художественный
и публицистический журнал

Редакторы: А. А. Яшин, Я. Н. Шафран, Е. И. Асташкин
Корректоры: А. А. Яшин, В. Г. Демидов
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

16+

В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал предназначен для читателей старше 16 лет.

Журнал выходит в заказном тираже
с правом авторов на печатание ими бумажных экземпляров
ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Дата выхода в свет 30.06.2024
Формат 70×108/16. Печ. л. 21,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж по заказам, не более 999 экз.
Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Тульского государственного университета.
Адрес издательства: 300012, г. Тула, проспект Ленина, 92,
тел. (4872)35-36-20

К 225-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО РУССКОГО ПОЭТА
АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА ПУШКИНА
(1799 — 1837)

Глазунов И. С. «Пушкин. Накануне»

Соколов П. П. «Дуэль А. С. Пушкина с Дантесом»

ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:

Орден Гаврилы Романовича Державина — знак литературно-общественной премии «Живи и жить давай другим...» (Г. Р. Державин «На рождение царицы Гремиславы» Л. А. Нарышкину)

Медаль «300 лет Михаилу Васильевичу Ломоносову» — в честь 300-летия со дня рождения великого русского ученого-энциклопедиста и основоположника современной русской поэзии

Медаль к 190-летию со дня рождения великого русского поэта Николая Алексеевича Некрасова — знак лауреата Некрасовской литературной премии